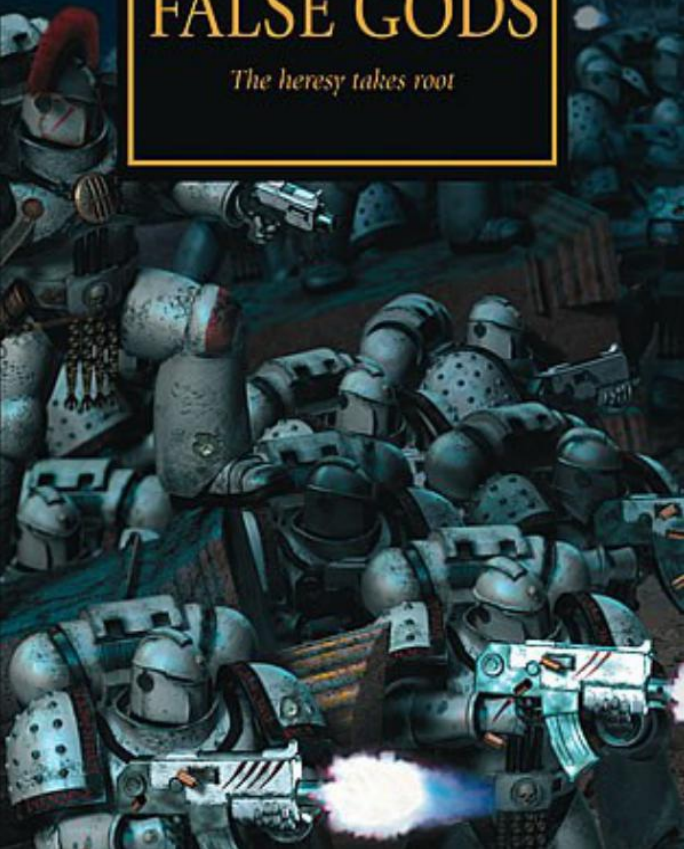

THE HORUS HERESY

Graham McNeill

FALSE GODS

The heresy takes root

Annotation

Большой Крестовый Поход
продолжает свое победоносное шествие по
Галактике, экспедиционные корабли
бороздят космические просторы,
Империум потихоньку обрастает
бюрократатами и налоговыми
инспекторами. А Воитель Хорус, пребывая
в зените своего могущества, терзается
стыдными сомнениями: за каким дьяволом
его присутствие снова потребовалось на
планете Давин, завоеванной шестьдесят
лет назад!

Предательство... Это слово впервые
прозвучало на Давине и жестоко ранило
Хоруса. Но куда более жестоко его ранил
отравленный клинок – анафел.

Хоруса действительно послали за
дьяволом. Причем не одним. На хрупком
пороге между жизнью и смертью
состоялась его решающая битва с
ложными богами Хаоса.

Это был день, когда Хорус пал.

- Грэм Макнилл
 - Действующие лица
 -
 - Часть первая
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - Часть вторая
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - Часть третья
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17
 - Часть четвертая
 - 18
 - 19

- [20](#)

- [21](#)

Грэм Макнилл

Лживые боги

Действующие лица

притары

Анзрон -- примарх Легиона
Пожирателей Миров
Магнус -- примарх Легиона Тысячи
Сынов
Фулгрит -- примарх Легиона Детей
Императора

ЛЕГИОН СЫНОВ ХОРУСА

Воитель Хорус -- примарх Легиона
Сынов Хоруса
Эзекиль Абагдон -- Первый капитан
Сынов Хоруса
Тарик Торгагдон -- капитан Второй
роты Сынов Хоруса
Иактон Круз (Вполуха) -- капитан

Третьей роты Сынов Хоруса

Гастур Сеярус -- капитан Четвертой
роты (покойный)

Хорус Акситанг (Маленький Хорус) --
капитан Пятой роты Сынов Хоруса

Сергар Таргост -- капитан Седьмой
роты Сынов Хоруса, мастер ложи

Гарвелъ Локен -- капитан Десятой
роты Сынов Хоруса

Люк Сегирэ -- капитан Тринадцатой
роты Сынов Хоруса

Тибальд Марр (Другой) -- капитан
Восемнадцатой роты Сынов Хоруса

Верулам Мой (Уной) -- капитан
Девятнадцатой роты Сынов Хоруса

Каллус Экагдон -- капитан
Катунланских Налетчиков

Фальк Кибре (Головорез) -- капитан
Юстаэринских терминаторов

Неро Вунус -- сержант, тактическое
отделение Локасты

Малогарст (Кривой) -- советник
Воителя

ДРУГІЕ КОСМОДЕСАНТНИКИ

Эреб -- Первый капеллан Легиона
Несущих Слово
Кхарн -- капитан Восьмой штурмовой
роты Пожирателей Миров

ЛЕГИО МОРТУС

Принцепс Эсау Турнет -- командир
«Диес ире», тимана класса «Император»
Тимус Кассар -- модератор тимана
«Диес ире»
Уона Арүкен -- модератор тимана
«Диес ире»

ДАВУНИТЫ

Акшаб -- жрица ложу Этеи

Тси Ренх -- переговорщик гавинитов

Тсефа -- помощница Акшаб

ДЕЯТЕЛИ империи

Петронелла Вивар -- палатина
тажорна из Дома Карпинус, наследница
одного из самых богатых и благородных
семейств Терры

Маггарг -- телохранитель
Петронеллы

Гектор Варварус -- лорд-командир
имперской армии Шестьдесят третьей
экспедиции

Регул -- механикум

Я была там, когда Хорус
пал...

Часть первая
ПРЕДАТЕЛЬ

НАСЛЕДНИЦА ТЕРРЫ КОЛОССЫ ТЯТЕЖНАЯ ЛУНА

Циклон Магнус, Розал Дорн, Леман
Рүсс -- в этих именах звучит сама
история, эти имена создают историю.
Взгляд скользнул дальше по списку: Коракс,
Ночной Охотник, Ангрон... и так далее по
летописи героизма и завоеваний, покорения
миров во имя Императора, во имя
непрерывно растущего Империята
Человека.

При одном только мысленном
перечислении имен голова кружилась от
возбуждения.

Но самым великим было имя,
стоявшее в первой строке списка. Хорүс,
Воитель.

Она слышала, что солдаты звали его
Лүперкаль -- ласковое прозвище для
любимого командира. Это имя было
заслужено в сражениях: на Уланоре, на

Убийце, на Шестьдесят Три
Девятнадцать -- чьи обитатели в своем
невежестве называли свой мир Террой -- и в
тысячах других боев, сведения о которых
она даже не стала закладывать в ячейки
памяти, вживленные в мозг.

От мысли, что она находится
неизмеримо далеко от обширных семейных
поместий Каираса и вскоре ступит на
борт "Духа мщения", чтобы запечатлеть
живую историю, захватывало дух. Но она
забралась так далеко не только ради
констатации происходящих исторических
событий -- в душе она знала, что Хорус и
есть ее история.

Она провела рукой по глиняным
черным волосам, зачесанным наверх, как
того требовала мода на Терре (вряд ли в
этой дали кто-то оценит ее прическу),
пробежала пальцами по гладкой оливковой
коже. Черты лица были безукоризненны
благодаря жизни в богатстве и усилиям
вреятеля-косметиста, придавшего ее лицу
выражение величия и достоинства, а еще
чутьточку популярного теперь равнодушия,
выраженного в гордом изгибе губ.

Высокая и стройная, она сидела за секретером из кленового дерева, фатильной реликвией, которая, как утверждал отец, была подарена его прапрабабушке самим Императором после торжественного принятия присяги в Уралсс. Она постукивала по электронному блокнутому золотым мнемонером, и чувствительный наконечник изгибался, реагируя на ее возбуждение. По мере того как органические кристаллы стержня управляли мысленные сигналы лобных долей мозга, на слегка светящейся поверхности блокнота появлялись отдельные слова.

Крестовый Поход... Герой...
Спаситель... Разрушитель.

Она устехнулась и щелчком ухоженных пальцев стерла все написанное. Поверхность снова стала идеально гладкой, и она начала писать, выводя пером четкие наклонные буквы.

С великой радостью и подлинным

почтением я, Петронелла Бивар,
палатина мажориа Дома Карпинус, пишу
эти строки. Почти целый год я лечу с
Терры, подвергаясь всевозможным
мучениям и неудобствам...

Петронелла нахмурилась и быстро
стерла все написанное, рассердившись на
себя за подражание неестественно
восторженному стилю, который так
раздражал ее в трудах летописцев,
присылаемых с передовых позиций
Великого Похода.

Особенно злили тексты Зингерманна,
хотя в последнее время его донесения
стали редкими и краткими. Дион
Фрастер создал довольно сносную
симфонию -- достаточно хорошую, чтобы
день или два наслаждаться музыкой в
избранных танцевальных залах Терры, но
не более того. Пейзажи Келанта Роджета
казались бы совершенно живыми, если бы не
слишком размашистые мазки, которые она
считала непозволительно небрежными.

Несколько хороших стихов написал
Игнаций Каркази, но его восприятие всегда

казалось ей слишком недоброжелательным
для такой удивительной миссии (особенно
поэта "Кровопротитие из-за
недопонимания"), и она часто спрашивала
себя, почему Боутель позволил ей
написать эти строки. Иногда ей казалось,
что подтекст произведения ускользнул от
Хоруса, но затем она постылась над самой
мыслью, что что-то могло пройти мимо
внимания Боутеля.

Внезапно она откинулась на спинку
кресла и положила лнемперо на
подставку, изображающую Реку Забвения,
— неожиданное сомнение спутало мысли.
Она так критично относится ко всем
летописцам и все же жаждет помериться
с ними силами.

Сможет ли она создать нечто
большее? Сможет ли она встретиться с
величайшим героем современности
(которого называли богом, что в
настоящее время звучало до смешного
старомодно) и постичь то, что
летописцы, по ее мнению, по странной
случайности пропускали? Кто может
поручиться, что ее ничтожный талант

дает ей право судить об истинности
многочисленных легенд, выплавляемых
Воителем в горниле каждой битвы?

Но затем она вспомнила о своем
происхождении и горделиво расправила
плечи. Разве она не принадлежит к роду
Карпинус, самому влиятельному и
могущественному аристократическому
семейству Терры? Разве не
представители ее рода вели хронику
возвышения Императора и его государства
во времена Объединительных Войн,
наблюдая, как общность нескольких
планет постепенно превращалась в
Империум, распростершийся от края до
края Вселенной, восстановивший
утраченные связи между ветвями
человечества?

Словно ища подкрепления своей
уверенности, Петронелла открыла
темный плоский альбом с монограммой на
кожаной обложке и достала оттуда пачку
листов. Сверху лежал отпечаток с пикта -
светловолосый Астартес в начищенных
до блеска доспехах преклонял колени перед
группой своих собратьев, в руках одного из

которых виднелся глиняный свернутый пергамент. Петронелла знала, что на пикте запечатлен момент особой клятвы, обета, приносимого перед боем, отражающего готовность отдать борьбе все свои силы и умение. Переплетенные буквы "Э" и "К" в углу снимка свидетельствовали о том, что это работа Эуфратии Киулер. Хотя Петронелла неохотно это признавала, пикт был великолен.

Она улыбнулась и отложила снимок в сторону, чтобы освободить плотный шероховатый листок бутаги. Водяной знак в виде двуглавого орла символизировал союз тарсианских механикутов с Императором, а текст был написан сжатым угловатым почерком Сигиллайта; быстрые штрихи и незаконченные слова говорили о том, что человек писал второпях. Взлетающие вверх перекладины высоких букв выдавали крайнюю озабоченность, хотя сейчас, когда Император вернулся на Терру, причин для тревог как будто не было.

Всютый раз после отбытия из порта

Гинтус Петронелла прочитала письмо и не могла не улыбнуться при мысли о том, какая высокая честь была оказана ее семье.

Раздавшиеся вдалеке гудки вызвали нетерпеливую дрожь, а искаженный механический голос из обрамленных в золото динамиков на стенах рядом с ее комнатой возвестил, что судно встало на якорь на орбитальной стоянке.

Она прибыла на место.

Петронелла дернула за шнур, свисающий рядом с секретером, и всего через мгновение звякнул дверной колокольчик. Даже не оглядываясь, Петронелла знала, что только Маггард способен так быстро откликнуться на ее вызов. И хотя он ни разу не произнес ни слова в ее присутствии — а теперь и не произнесет благодаря хирургическому вмешательству, которому подвергались слуги ее семьи, — она всегда узнавала о присутствии своего телохранителя по беспокойной дрожи мнемонера, реагирующего на жесткий холод его мыслей.

Петронелла развернулась в своем

глубоком и мягком кресле.

— Открыто, — произнесла она.

Дверь плавно отворилась, и она позволила себе немого помедлить, прежде чем разрешить Маггарду появиться в комнате.

— Я позволяю тебе войти, — наконец сказала Петронелла, глядя на сурового двадцатилетнего мужчину, замершего на пороге расписанных фресками покоев, сияющих пурпуром и позолотой.

Маггард вошел в помещение. Каждое его движение было точно рассчитанным, а тело напряжено.

Не успела дверь за ним закрыться, как Маггард, отступив в сторону, быстрым взглядом окинул сводчатый резной потолок и прилегающие помещения в поисках малейшей угрозы. Одной рукой он сжимал гладкую рукоятку пистолета, а вторую не спускал с эфеса кирлианской рапиры с золоченым лезвием. На темной коже обнаженных рук можно было заметить светлые линии — тонкие шрамы после операций для усиления мускулатуры, точно такие же штрихи виднелись и

вокруг глаз, поскольку хирурги, служившие
ее роду, заменили их дорожными
биометрическими элементами, чтобы
Маггард мог лучше защищать наследницу
Дома Карпинус.

Одетый в латы из гибких золотых
полос и серебряную кольчугу, Маггард
живнул с самым серьезным видом,
молчаливо подтверждая отсутствие
какой бы то ни было угрозы, хотя
Петронелла и сама об этом знала еще до
его старательного осмотра. Однако в
случае каких-то непредвиденных
сложностей для Петронеллы жить
телохранителю оставалось бы недолго,
так что она могла понять его усердие.

— Где Бабетта? — спросила
Петронелла.

Она вернула письмо Сигиллайта
обратно в альбом и взяла с подставки
тнметоперо. Поставив золоченый кончик на
поверхность блокнота, Петронелла
очистила мозг, чтобы дать возможность
телохранителю выразить слова, на что
его горло уже не было способно. Прочитав
сообщение, она нахмурилась.

— Можно подумать, ей больше нечем заняться, как только спать, — сказала она. — Разбуди ее. Мне предстоит встреча с самым могущественным героем Великого Крестового Похода, и я не хочу выглядеть так, словно только что вернулась с дурацкой вечеринки на Терре. Позови ее, и пусть принесет бархатное платье, малиновое, с высоким воротником. Я жду ее через пять минут.

Маггард кивнул и поспешно выскочил за дверь, но не раньше, чем она ощутила его волнение через кончик пера, дернувшегося в руке. На светящейся поверхности блокнота остался обрывок произвольной мысли.

"...ая стерва..."

На одном из древних наречий Терры его имя означало "День гнева", и Цона Арүкен понимал, что машина заслуженно получила это имя. Похожий на древнее божество из давно забытых времён, "Диес-и-ре" высился перед ним, словно громадный монумент войне и разрушению, и гордо взирал на светящихся внизу рабочих, как

на своих преданных почитателей.

Титан класса "Император" представлял собой высшее достижение опыта и знаний механиков, кульминацию развивавшейся долгие тысячелетия военной технологии. Он не имел другого предназначения, кроме как разрушать, и был снабжен практически всеми орудиями убийства, известными человечеству. Бронированный колосс высотой сорок три метра стоял на крепких, подобных бастионам ногах, каждая из которых могла вместить целую роту солдат вместе со всеми вспомогательными подразделениями.

Уона посмотрел на глинное черное золотое знамя с вышитым черепом — эмблемой Легио Мортис, свисавшее между ног титана, словно набедренная повязка какого-то грозного дикаря. К гордому знамени в память о славных победах были прикреплены бесчисленные развевающиеся ленты, и к концу Великого Похода их станет намного больше.

С потолка ангара к бронированному торсу титана тянулись толстые

зафривориванные кабели; энергия укрощенной
звезды перекачивалась по ним в мощный
плазменный реактор.

На адатантиевом корпусе после
битвы с мегарахнидами еще оставались
вмятины и царапины, и техноагенты
поспешно исправляли все повреждения.

Колосс представлял собой
величественное и потрясающее зрелище,
но даже оно не могло заглушить головную
боль и урчание в животе Уоны после
излишнего количества выпитого накануне
атамасака.

Огромные подъетники, скользящие по
кран-балкам, доставляли в оружейные
отсеки титана ящики со снарядами и
связки глинных тупоносых ракет. Каждый
из пулеметов был размером с танк,
многоствольные турельные орудия,
дальнобойные гаубицы и чудовищная
плазменная пушка могли стереть с лица
земли целый город. Уона Арүкен шел к
титану, глядя, как команда
артиллеристов готовит оружие, и
испытывая знакомые гордость и волнение.
Боевой титан излучал грубую мужскую

силу, и при этой мысли Цона не мог удержаться от улыбки.

Ему пришлось поспешно отпрыгнуть, чтобы не попасть под колеса транспорта, нагруженного болтерными снарядами "Вулкан", который на большой скорости лавировал среди наземного персонала и подсобных рабочих. Машина с визгом остановилась, и тотчас появилась голова водителя.

— Смотри, куда прешь, идиот! — злобно прокричал он Цоне. — Если ты из команды титана, это еще не значит, что можно слоняться вокруг да около...

Внезапно водитель увидел золотые звездочки и эмблему с крылатым черепом на плече форменной куртки Цоны, говорящие о том, что перед ним модератор "Диес ире", и ругань застряла у него в горле.

— Виноват, — улыбнулся Цона. — Я тебя не заметил, немного рассеян с похмелья. Но, черт подери, ничему ты не учишься на такой скорости?! Ты меня чуть не убил!

— Вы неожиданно появились перед

машиной, сэр, -- выгавил водитель, глядя куда-то поверх плеча Цона.

-- Разве? Ну... в следующий раз будь повнимательнее, -- посоветовал Цона, поворачиваясь, чтобы уйти.

-- Разуй глаза, -- тихо прошипел водитель, снова заводя мотор.

-- Осторожность тебе не помешает! -- крикнул ему вслеп Цона, представляя себе все те красочные эпитеты, которыми водитель в разговоре со своими приятелями из наземной бригады награждает "этих чертовых парней с титана".

Цона продолжил путь. Ангар глиной гва с лишним километра показался ему довольно тесным, а запахи машинного масла, стазки и пота ни на йоту не облегчали похмелья.

Весь парк титанов Легио Мортис находился в боевой готовности: быстрые, средней мощности "Рейверы", поворотливые "Нсы войны", могучие "Повелители битв", а также более новые титаны класса "Ночная тьма", но ни один из них не мог сравниться с устрашающим

великолепием титана класса
"Император". "Dies ире" превосходил их все
по размерам, мощности и величю, и Цона
знал, что во всей Галактике не найдется
сил, способных остановить эту
потрясающую военную машину.

У подножия широченной ступни
титана Цона поправил воротник и
одернул форменную облегающую куртку.
Он даже пригладил длинные, до плеч,
черные волосы, пытаясь хотя бы отчасти
избавиться от следов бурно проведенной
ночи. Он уже заметил худощавую фигуру
Титуса Кассара, своего товарища, тоже
модератора, который работал на
контрольном терминале. Цона не имел ни
малейшего желания выслушивать от него
очередную лекцию о девяност девяти
добродетелях Императора. По его мнению,
аккуратный внешний вид был одной из
самых важных.

-- Доброе утро, Титус, -- произнес он
самым жизнерадостным тоном.

Кассар от неожиданности вздрогнул и
поспешно спрятал потрепанную брошюру
под кипу сводок о готовности различных

систем.

-- Ты опоздал, -- быстро оправившись, заметил он. -- Рабочий день начался час назад, а пунктуальность -- отличительное качество добропорядочного человека.

-- Ой, Тимүс, не начинай все сначала, -- протянул Цона и, изловчившись, вытащил из стопки бумаг брошюру, так торопливо убрannую Кассаром.

Тот попытался ее отобрать, но Джонах оказался проворнее и помахал книжечкой.

-- Если принцес Турнет застанет тебя за подобным чтивом, ты превратишься в оружейного сервитора даже раньше, чем узнаешь, кто тебя ударил.

-- Джонах, отдай, пожалуйста.

-- Я не в настроении выслушивать еще одну проповедь из книжонки Божественного Откровения.

-- Ладно, я ее уберу, только отдай, хорошо?

Цона протянул бумажную брошюру Кассару, и тот быстро спрятал ее в карман форменной куртки. Цона потер

буски костяшками пальцев.

— Ну ладно, а что за суматоха? Неужели наша подружка еще не готова к непредвиденным испытаниям?

— Уона, я тебя прошу, перестань говорить о машине как о женщине. Это похоже на языческое очеловечивание, — взмолился Кассар. — Титан — это военная машина, и ничего больше; сталь, адамантий и плазма, которую контролируют существа из плоти и крови.

— Как ты можешь такое говорить?! — воскликнул Арүкен, неспешно шагая к покрытой стальными пластинами ноге и поднимаясь по ступенькам, ведущим к овальному люку. Он похлопал ладонью по толстому слою металла. — Это определенно она, Титус. Посмотри на ее стройные ножки, на плавный изгиб бедер, и разве она не несет нас внутри подобно матери, защищающей нерожденное дитя?

— Из настешек прорастают семена нечестивости, — без тени иронии заявил Кассар. — Я не хочу этого слышать.

— Да ну, Титус, — продолжал Арүкен.

оседлав любимого конька. -- Разве ты сам так не считаешь, когда сидишь внутри? Разве ты не слышишь стука сердца в шуме ее реактора, не ощущаешь ярости в реве ступенек?

Кассар раздраженно отвернулся от контрольной панели.

-- Нет, ничего подобного. И я не желаю больше слушать твои глупости. Мы и так опаздываем с предпусковыми проверками. Если не подготовится вовремя, принцесса Турнет сдерет с нас шкуру и приколотит к корпусу.

-- А где сейчас принцесса? -- неожиданно серьезно спросил Уона.

-- На Военном Совете, -- ответил Кассар.

Арүкен кивнул, спустился со ступенек, подошел вплотную к Кассару и отпустил последнюю колкость:

-- Если тебе не выпало шанса насладиться женщиной, это еще не значит, что я не прав.

Кассар метнул на него уничтожающий взгляд.

-- Хватит. Военный Совет скоро

закончится, и я не хочу, чтобы говорили, будто Легио Мортис не готов выполнить приказ Императора.

-- Ты хотел сказать, приказ Хоруса, -- поправил его Цона.

-- Друг мой, мы уже не раз об этом говорили, -- сказал Кассар. -- Власть Хоруса исходит от Императора. Не стоит об этом забывать.

-- Наверно, это происходит потому, что прошло много мрачных и кровавых дней с тех пор, как ты сражался бок о бок с Императором, как ты считаешь? Но разве Хорус не участвует с нами в каждом сражении?

-- Так оно и есть, и потому я готов следовать за ним до самой последней звезды, -- согласился Кассар. -- Но даже Воитель должен держать ответ перед Богом-Императором.

При этих словах несколько рабочих подняли головы.

-- Бог-Император? -- прошептал Цона, наклоняясь к самому уху товарища. -- Слушай, Титус, перестань молоть чепуху о божественности Императора. Когда-

нибүдь ты скажешь это не тому человеку,
и твой череп разлетится на куски. Кроме
того, сам Император говорит, что он не
Бог.

-- Только истинные божества
отрицают свою божественность, --
процитировал Кассар недавно спрятанную
брошюру.

Уона притирительно поднял руки.

-- Ладно, Тимүс, как знаешь, только не
говори, что я тебя не предупреждал.

-- Правым не пристало опасаться
нечестивцев, и...

-- Узбавь меня от очередной лекции по
этике, -- вздохнул Уона.

Он отвернулся и посмотрел на
марширующий по ангару отряд имперской
армии. За плечами солдат на брезентовых
ремнях висели лазерные ружья.

-- Известно что-нибудь о наших
противниках на той скале? -- спросил Уона,
меняя тему разговора. -- Надеюсь, это
будут зеленокожие. Мы еще не оплатили
им за гибель "Вулкас Тора" на Улланоре.
Как ты считаешь, это они?

Кассар пожал плечами:

— Я не знаю, Уона. Какая разница? Мы сражаемся с теми, с кем приказано сражаться.

— Я просто хотел бы знать.

— Узнаешь, когда вернется принцесса Түрнет, — сказал Кассар. — У, кстати говоря, не мог бы ты должным образом приготовить командную палубу к его возвращению?

Уона кивнул. Он знал, что его товарищ-посредник прав, и хватит тратить время напрасно.

Старший принцесс Эсау Түрнет вполне заслуженно пользовался репутацией беспощадного и внушающего страх командира, и "Днем гнева" он управлял железной рукой. Командам других капитанов позволялись некоторые вольности, но для своего экипажа Түрист не допускал никаких поблажек.

— Ты прав, Тимус. Я виноват.

— Не будь виноватым, — сказал Кассар, показывая на лестницу, ведущую в негра капитана. — Лучше будь готовым.

Уона быстро отсалютовал Кассару и потчался вверх, перепрыгивая через

несколько ступенек. Пару раз ему пришлось проталкиваться сквозь толпу поднимающихся на борт солдат. Люди ворчали, но, увидев форму и сообразив, что скоро от него будет всецело зависеть их жизнь, солдаты быстро прятали раздражение.

Перед тем как войти в титана, Цона остановился на секунду, чтобы еще раз полюбоваться гигантом. Заграв подборонок, он окинул взглядом колосса, затем сделал глубокий вдох и шагнул вперед, на которой красовались изображения орла и молнии.

В строгой прохладе нижних отсеков титана, залитых красноватым светом, Цона передвигался с уверенностью, приобретенной за годы изучения каждого болта и гайки, соединяющих "Dies ире" в одно целое. В титане не было ни единого уголка, неизвестного Цоне; все проходы, все закоулки, все секреты, тающиеся в недрах "подружки", были ему известны. Ни Титус, ни даже принцес Түрнет не знали "Dies ире" лучше, чем его знал модератор Цона.

В конце узкого коридора он

приблизился к массивной железной двери, охраняемой гвумя солдатами в начищенных латах и серебряных кольчугах. Каждый из них носил на лице маску в виде черепа -- эмблемы Легиона -- и был вооружен короткой гудинкой-шокером и особым шок-пистолетом в поясной кобуре. Часовые, завидев его, насторожились, но вскоре узнали и немного расслабились.

Уона коротко кивнул, приветствуя солдат.

-- Модератор, идү с нижнего уровня на средний.

Ближайший солдат кивнул и показал на темную гладкую панель у самой двери, а второй вытащил из кобуры пистолет. Конец его дула немного расширялся, и были видны два серебристых стальных шипа, между которыми угрожающе посверкивали искры голубого огня. При активации оружие выпускало глинные дуги мощного разряда, и они прошивали тело человека подобно молнии, но не давали рикошетов, слишком опасных в тесном внутреннем пространстве титана.

Уона прижал ладонь к сенсорной

панели и подождал, пока желтый луч не пробежит по всей ее поверхности. Вскоре над дверью загорелся зеленый сигнал, и один из солдат повернул колесо механизма, отпиравшего дверь.

— Спасибо, — поблагодарил Цона часовых и оказался перед одной из винтовых лестниц в ногах титана.

Узкие решетчатые металлические ступеньки вели вверх меж пульсирующих силовых кабелей, окруженных мерцающими энергетическим полем, но Цона, слишком озабоченный урчанием в своем желудке, не обращал на них внимания и продолжал свой путь. Сделав несколько витков на следующий уровень, он остановился, чтобы перевести дух и вытереть пот со лба.

Чем выше он поднимался, тем прохладнее становился воздух благодаря мощным рециркуляторам, охлаждавшим плазменный реактор. На среднем уровне оготые в накидки с капюшонами механикулы склонились над мерцающими контрольными табло, на которых отражался уровень загрузки плазмы в реактор. Члены экипажа, встречая Цону в

тесных переходах, приветствовали его салютом. В команде "Диес ире" трудились отличные ребята, по-другому и быть не могло, ведь иначе принцес Турнет не взяла бы их на борт. Все претенденты проходили строжайший отбор, при котором учитывались не только профессиональные, но и личные качества.

Наконец Уона добрался до отсека посредников в самом сердце титана и вставил свой идентификатор в щель у двери.

— Модератор Уона Арүкен, — произнес он.

Механический замок негромко щелкнул, и дверь, тихонько зазвенев, скользнула в сторону. За ней открылся ярко освещенный зал с металлическими стенами и полулюжиной отверстий, расположенных даже на потолке.

Уона прошел в самый центр зала и остановился.

— Капитанский мостик, модератор Уона Арүкен, — отчетливо произнес он.

Пол под ним затерцал и покрылся рябью, затем под ногами образовался

совершенно круглый диск зеркально-гладкого металла и приподнял Цону. Диск вместе с модератором продолжал подниматься в воздух, пока не прошел сквозь отверстие в потолке и не оказался в транспортной шахте, ведущей к голове титана. Стены шахты засияли своим собственным внутренним светом, и Цона едва успел подавить зевоту, как серебристый диск остановился на командной палубе.

В просторном помещении капитанского мостика с обеих сторон проходили неширокие углубления, где размещались техноагенты и сервиторы, следившие за самыми основными функциями гигантской машины.

-- Как сегодня идут дела? -- спросил Цона, ни к кому не обращаясь. -- Готовы еще раз совершить полет на небеса?

Как обычно, ему никто не ответил, и Цона, с улыбкой покачав головой, прошел в переднюю часть мостика, чувствуя, как его похмелье отступает при одной мысли о скором слиянии с системой машины. На возвышении, перед зеленоватым мерцающим

обзорным экраном стояло три мягких кресла; от подлокотников и изголовий каждого из них тянулись связки множества проводов.

Цона протиснулся мимо центрального кресла, предназначенного для принцессы Турнета, и опустился на правое, удобно устроившись в углублении, продавленном в скрипящей коже за долгие годы.

-- Агенты, -- обратился он к служащим, -- подсоедините меня.

Механикуты в красных накидках подошли к нему с обеих сторон и медленно, в точности повторяя движения друг друга, надели на его руки перчатки из тонкого сетчатого материала. Внутренняя поверхность перчаток настолько тесно прилежала к его коже, что воспринимала малейшие сигналы нервных окончаний. Еще один агент опустил на голову Цоны серебристую решетку энцефалографических сенсоров, и прикосновение холодного металла к коже показалось удивительно приятным.

-- Сиди спокойно, модератор, --

произнес агент ровным и безжизненным голосом. — Ленточные кристаллы готовы к погружению в мозг.

Цона услышал, как с легким шипением вышли из подголовника захваты, а боковым зрением заметил выступающие из них тонкие ниточки металла. Серебристые тоненькие змейки скользнули по щекам к глазам, и он мысленно подготовился к короткому импульсу боли. И вот он уже видел их прямо перед собой: неизмеримо тонкие, не толще человеческого волоса, серебряные проводки, способные, однако, передать огромное количество информации.

Зажимы плотно обхватили его голову, а серебряные проводки опустились, прошли сквозь уголки глаз и дальше по оптическим нервам, где внедрились непосредственно в кору головного мозга. От ледящего болезненного укола при проникновении датчиков в мозг Цона невольно застонал, но тотчас расслабился, ощущая, как тело титана становится его собственным. Информация хлынула мощным потоком: ленточные кристаллы,

проникшие в мозг, посылали ее в те его части, которые не использовались в обычной жизни, и это позволило модератору ощущать каждую часть гигантской машины продолжением собственного тела.

Спустя доли микросекунд в спящих до сих пор глубинах подсознания уже шла проверка готовности к активным действиям, в глазные яблоки изнутри поступали телеметрические данные о готовности оружия, уровне топлива и множество других сведений, позволяющих человеку управлять таким прекрасным и могучим титаном.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил агент.

Цона растаял.

— Чувствовать себя королем превосходно, — ответил он.

Уже с появлением первых лучей света на темном небе Акшаб знала, что в ее мире вторглась сама история. Похожей на птичью лапу рукой она крепко сжала висящие на шее атлеты. Грядущего

рассвета человечество никогда не сможет забыть; он предвещает день, когда сами боги выйдут из мифов и легенд, чтобы из крови и огня выковать будущее.

Она ждала этот день с тех пор, как небесные воины возвестили о предназначенной ей священной миссии; тогда она была всего лишь маленьким ребенком на руках матери.

Огромный красный шар солнца поднялся на севере, и сухой горячий ветер принес резкий запах горьких цветов с могил давно умерших императоров, покоившихся в долине.

Высоко в горах стояла она и смотрела, как разгорается этот день, а когда искорки света прочертили яркие линии из облаков к земле, слезы восторга появились в черных миндалевидных глазах и стекли по морщинистым щекам.

Далеко внизу по зеленеющей саванне двигались большие стада рогатых животных, торопившихся добраться до водопоя, пока день не стал слишком жарким для переходов и быстрые хищники с острыми клыками не покинули свои

логова в скалах. Стаи ширококрылых птиц поднялись над самыми высокими вершинами гор, и по мере того, как день становился старше, их резкие хриплые крики становились все мелодичнее.

Бесчисленное множество живых существ продолжали свою обычную жизнь, не ведая, что грядущие события перевернут не только этот ничем неприметный мир, но и всю Галактику.

Лишь она одна в полной мере понимала значение этого дня.

Первая группа десантных капсул приземлилась у подножия центрального горного массива в 16:04 по всемирному времени. Реактивные струи завывающих двигателей при входе в нижние плотные слои атмосферы превратились в огненные столбы. За капсулами последовали штурмовикатера: словно стая грациозных хищных птиц опустилась на беззащитную жертву.

Почерневшие и обожженные при входе в атмосферу десантные капсулы, приземляясь, взметнули тучи пыли, их

широкие скаты с шипением раскрылись и опустились на землю.

Три сотни воинов в боевой броне быстро высадились из десантных капсул и рассыпались по местности. Соединившись с другими отрядами, они замкнули круг и образовали цепь вокруг не приметного клочка земли. Штурмкатера барражировали на небольшой высоте, рисуя замысловатые петли, словно предостерегая от приближения к этой точке.

По какому-то невидимому сигналу штурмкатера прекратили кружить над землей и взмыли в небо, где показался угловатый силуэт "Грозового ястреба". Его корпус тоже почернел, а за кормой тянулись бело-голубые инверсионные следы. Большие катера окружили маленькое судно, словно стая насекомых, оберегающая единственного цыпленка. Они проводили его до самой земли, где "Грозовой ястреб", подняв еще одно облако красноватой пыли, благополучно приземлился.

Штурмкатера снова вернулись к патрулированию, а из "Грозового ястреба"

со скрежетом выполз наклонный пандус, и сжатый воздух с шипением вырвался на свободу. По широкому трапу спустились десять воинов в увенчанных гребнями шлемах и сверкающих доспехах Сынов Хоруса. За их могучими плечами развевались разноцветные плащи.

Каждый из воинов прижимал к груди золоченый болтер и внимательно оглядывался по сторонам, словно ожидал нападения.

Следом за ними появился живой бог в сверкающих золотом и океанской зеленью доспехах, в плаще царственного пурпурного цвета, благородными складками ниспадающего с плеч. С нагрудника доспехов на мир взирало одинокое алое око, а на высоком челе бога лежал лавровый венок.

-- Давин, -- вздохнул Хорус. -- Я и не думал, что снова увижу это место.

ТЫ РАНЕН ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПОКА НЕ СТОРИТ ГАЛАКТИКА ВРЕМЯ СЛУШАТЬ

Против своего желания Мерсади Олитон следила за лезвием в полной уверенности, что этот удар наверняка оборвет жизнь Локена. Но, как и всегда, с невероятной для такого массивного тела скоростью Астартес уклонился от смертоносного выпада и поднял свой меч, успев заблокировать очередной удар. Тяжелая палица взметнулась над его головой, а он, словно предвидя ее движение, нагнулся, и оружие просвистело поверху.

Тренировочная камера наполнилась грохотом и лязгом, разнообразные орудия убийства кололи, рубили и наносили удары, тщетно стараясь прорвать оборону могучего воина Астартес. Локен сердито

ворчал, крепкое мускулистое тело
блестело от пота, и вот лезвие коснулось
его предплечья, и Мерсади поморщилась,
увидев на бицепсе тонкую струйку крови.

Насколько ей было известно, это был
первый случай, когда Локен получил рану в
тренировочной камере.

Веселый светловолосый гигант
Седирэ и приятель Локена Винус уже
давно покинули тренировочный зал,
оставив Мерсади наедине с капитаном
Десятой роты. Польщенная его
приглашением посмотреть на учебный бой,
сейчас она желала, чтобы Локен закончил
этот изматывающий ритуал и они
смогли бы поговорить об обстановке на
Давине и тех событиях, которые
предопределили грядущую войну в этом
мире. Сидя на холодной железной скамье
рядом с тренировочной камерой, она уже
послала через свои глаза в ячейки памяти
гораздо больше снимков, чем ей могло
пригодиться.

Более того, если говорить
откровенно, явная одержимость,
сквозившая в каждом движении

сражающегося Локена, вызывала некоторое смущение. Ей и прежде приходилось наблюдать за его тренировками, но тогда учебные бои были прелюдией к их обычным разговорам, а не главным предметом встречи. Сейчас происходило нечто иное. Как будто капитан Лунных Волков...

Нет, не Лунных Волков, напонила себе Мерсади. Теперь они назывались Сынами Хоруса.

Локен отразил еще один стремительный удар, а она, сверившись с внутренним хронометром, поняла, что вскоре должна уйти. Каркази не станет ее дожидаться, его непомерный аппетит сильнее вежливости, и Узнаций наверняка отправится на обед с интераторами. Вино там будет подаваться в изобилии, и, несмотря на недавно обретенное Узнацией профессиональное рвение, Мерсади не испытывала радости при мысли о неограниченных запасах алкоголя, поджидających Каркази.

Но вот полусферы тренировочной катеры с шипением разошлись, зазвенел

колокольчик, и все мысли о Каркази мгновенно испарились. Локен сошел с полоста, его отросшие волосы прилипли к черепу, веснушчатое лицо разгорелось.

— Ты ранен, — сказала она, протягивая ему полотенце, лежавшее на скамье.

— Пустяки, — ответил Локен, стирая уже свернувшуюся кровь.

Дыхание вырывалось из его груди короткими толчками, и она постаралась скрыть свое удивление. Слишком непривычно было видеть запыхавшегося Астартеса. Сколько же времени провел он в тренировочной камере до того, как она пришла?

По пути в свою персональную оружейную Локен вытер пот с лица и тупловища. Мерсади шла за ним следом и, как и всегда, не могла не восхищаться совершенством его генетически улучшенного тела. В древних племенах времен Олимпийского господства существовали легенды, в которых такие прекрасные образцы человеческой расы называли Агонисами, и это слово подходило Локену так же хорошо, как

искусно изготовленные доспехи «Марк IV». Почти не задумываясь, Мерсаги снова моргнула, чтобы запечатлеть в памяти его фигуру.

— Ты опять на меня уставилась, — не оборачиваясь, произнес Локен.

Она моментально вспыхнула:

— Извини, я не хотела...

Он рассмеялся:

— Я не всерьез. Не обращай внимания. Если уж мне суждено остаться в чьей-то памяти, пусть это будет на пике моей формы, а не тогда, когда я стану беззубым стариком, пускающим слюни в тарелку с кашей.

— Я не представляю себе состарившихся Астартес, — удивилась Мерсаги, быстро оправившись от смущения.

Локен пожал плечами, взял щетку с резной ручкой и лоскут ткани для полировки.

— Я и сам не знаю, способны ли мы на это. Никто из космодесантников не прожил достаточно долго, чтобы проверить.

Ее внутреннее чутье тотчас подсказало, что затронутый вопрос можно использовать для целой главы летописи, если только Локен немного разговорится. Меланхолия бессмертных, психология нестареющего существа, затянутаго в вороворотом изменчивого времени...

Мерсади поняла, что немного увлеклась.

— Скажи, а тебя не огорчает, что ты не меняешься с возрастом? Может, в душе тебе этого хочется?

— Почему я должен хотеть состариться? — удивился Локен, открывая банку с порошком для чистки и окуная в него щетку. Новый цвет доспехов — бледно-зеленый, с металлическим блеском — был все еще непривычен Мерсади. — А ты стремишься к старости?

— Нет, — призналась она и произвольно провела рукой по гладкой черной коже своего безволосого черепа, углубленного с помощью операции ради увеличения объема памяти. — Нет, совсем не стремлюсь. Честно говоря, она пугает меня. А ты не боишься старости?

— Нет. Я уже тебе говорил, во мне не заложено подобных чувств. Сейчас я силен и ловок. Зачем мне желать, чтобы что-то изменилось?

— Не знаю. Я думала, что, состарившись, ты, может, сможешь удалиться на покой. Ну, когда завершится Великий Поход.

— Завершится?

— Да, когда войны закончатся и царство Императора будет восстановлено.

Локен долго не отвечал, продолжая полировать доспехи. Она уже собиралась повторить вопрос, как вдруг он заговорил:

— Мерсади, мне кажется, он никогда не завершится. С тех пор как я вступил в Морниваль, мне пришлось разговаривать со многими людьми, которые считают, что мы никогда не закончим Великое Объединение. А если и закончим, то оно не долго продлится.

Она рассмеялась:

— Похоже, ты слишком много времени проводишь в обществе Игнация. Неужели его поэзия снова обратилась к слезливой сентиментальности?

-- Нет, -- покачал головой Локен.

-- Тогда в чем же дело? Что заставляет тебя так думать? Те книги, которые ты берешь у Зингерманна?

-- Нет, -- повторил Локен.

При упоминании об уважаемом верховном итераторе светло-серые глаза Локена потемнели, и она поняла, что не стоит развивать эту тему. Мерсади решила подождать другого раза, когда Локен будет более расположен говорить о столь транных материях.

Она решила перевести беседу в более привычное русло, но в этот момент на них упала огромная тень. Обернувшись, Мерсади увидела возвышающуюся над ней фигуру капитана Абэггона.

Как обычно, его глинные волосы были подняты в хвост на макушке и застегнуты серебряной муфточкой, а нижняя часть затылка гладко выбрита. Первый капитан Сынов Хоруса был одет в тренировочный костюм, а в его руке блестел устрашающий меч с зазубренным лезвием.

Абэггон окинул Мерсади неодобрительным взглядом.

— Первый капитан Аббадон, —
заговорила она, склоняя голову, но он не дал
ей продолжить.

— Ты ранен? — заметил Аббадон и
могучей рукой схватил Локена за
предплечье. Его зычный голос
соответствовал массивной фигуре. —
Тренировочная машина пустила кровь
Астартес?

Локен скосил глаза на выпуклые
мышцы, где лезвие прошло поперек
татуировки в виде черного двуглавого
орла.

— Да, Эзекиль, схватка затянулась, и
я начал уставать. Это пустяки.

Аббадон сердито фыркнул:

— Локен, ты слишком размяк.
Возможно, тебе стоит проводить больше
времени в компании солдат, а не
беспокойных поэтов и чрезмерно
любопытных писак, тогда ты не будешь
так быстро уставать.

— Возможно, — согласился Локен, и
Мерсади ощутила возникшую теждугу двуглавого
Астартес напряженность.

Аббадон коротко кивнул Локену.

бросил в сторону Мерсаги еще один
неприязненный взгляд и, повернувшись,
направился к тренировочной катере. Его
меч хрипловато загудел в предвкушении
нового сражения.

Мерсаги перехватила взгляд Локена,
проследившего за Абагдоном, и заметила в
его глазах то, чего никогда не ожидала
увидеть: беспокойство.

-- Что это было? -- спросила она. -- Это
имеет какое-то отношение к
происходящему на Давине?

-- Я не могу сказать, -- пожмая
плечами, ответил Локен.

Давин. Унылые развалины,
разбросанные по пустыням,
свидетельствуют о существовавшей когда-то
цивилизации, но анархия Долгой Ночи
уничтожила общество, процветавшее
здесь много веков назад. Теперь Давин был
совершенно нецивилизованным миром,
который овевают горячие сухие ветры и
палит беспощадное красное солнце. С тех
пор как Локен в последний раз ступал по
Давину, прошло шесть десятилетий, и

тогда этот мир был известен как Шестьдесят Три Восемь, поскольку стал восьмым миром, приведенным к Согласию силами Шестьдесят третьей экспедиции.

Согласие, по мнению Локена, не пошло ему на пользу.

Пустынная поверхность местами запеклась глинистой коркой, сквозь которую пробивалась скудная растительность, а местами заросла высокими деревьями, источающими сильный аромат. Население сосредоточилось в примитивных городах вдоль плодородных речных долин, но было и множество кочующих племен, бродивших по обширным, кишачим змеями пустыням.

Локен хорошо помнил все сражения, которые произошли, прежде чем Давин был приведен к Согласию. Это были короткие яростные схватки с армиями местных вождей, не прекращавших в то же время воевать друг с другом. Междоусобица почти полностью истощила их силы. Несмотря на численное меньшинство и отсталые технологии, местные жители проявляли чудеса храбрости и, до того как

сдаться, выполнили все, чего требовала их честь.

Их смелость и сильное желание перенять новые порядки произвели большое впечатление на Лунных Волков, и их командир — тогда еще не Воитель — заявил, что его воины могут многому научиться у отважных противников.

Вследствие тысячелетней изоляции от остального человечества коренные жители Давина были мало похожи на поселенцев, пришедших после костогесантников, но они с таким энтузиазмом приняли имперский уклад жизни, что Хорус позволил диким племенам остаться на планете.

В те времена летописцы и интераторы еще не стали неотъемлемой частью Великого Крестового Похода, но ученые и другие гражданские лица, всегда следовавшие за военными кораблями экспедиций, отправились на поверхность и пропагандировали среди населения светлые истины Империи. Их встретили с распростертыми объятиями, что в основном было заслугой капелланов

Семнадцатого Легиона Несущих Слово.

То была хорошая война; победа была одержана стремительно и без потерь (по крайней мере, для Лунных Волков). Побежденный народ быстро и успешно был приведен к Согласию, что позволило командующему оставить Кора Фазрона из Легиона Несущих Слово продолжать работу по просвещению Давина.

Да, это была хорошая война, и Локен был уверен в этом.

Струйка пота стекла с затылка под госпехи; их зеленоватый металлический блеск все еще казался ему странным, хотя Локен собственноручно их перекрасил несколько месяцев назад. Он мог поручить эту работу подмастерьям Легиона, но Локен всегда считал, что должен сам ухаживать за своей броней, а потому старательно перекрашивал каждый сегмент госпехов собственными руками. Он скучал по девственно-белому блеску прежних госпехов, но Воитель объявил, что наряду с новым именем Сынов Хоруса они получают и новый цвет.

Локен хорошо помнил рукоплескания и

одобрительные крики, когда прозвучало
заявление Воителя. Сжатые кулаки без
устали взлетали вверх, а глотки охрипли
от ликующих возгласов. Локен радовался
вместе со своими друзьями, но, услышав
новое имя своего любимого Легиона,
ощутил странную неловкость.

Вечный насмешник Торгаддон не
оставил без внимания легкую тень на его
лице.

— Что случилось? — спросил он. — Или
ты хотел, чтобы это были Сыны Локена?

— Нет, — улыбнулся Локен. — Просто...

— Просто — что? Неужели ты этого не
заслуживаешь? Или наш командир не
достоин такой чести?

— Что ты, Тарик! — громко
воскликнул Локен, чтобы быть
услышанным в ликующем реве Легиона. —
Командир, как никто другой, достоин
этого, но не считаешь ли ты, что имя
несколько отдает стремлением к
величию?

— Стремлением к величию? —
расстелялся Торгаддон. — Наверно, эти
летописцы, что ходят за тобой по пятам,

словно побитые собаки, научили тебя новым словам. Ну же, порадуйся вместе со всеми и не будь таким спесивым!

Энтузиазм Тарика оказался таким заразительным, что Локен, незаметно для себя, стал громко кричать, пока не запершило в горле.

Он понял, что и сейчас чувствует боль в горле. Локен сделал глубокий вдох, и глотку действительно обожгло, но на этот раз причиной был горячий и сухой ветер Давина, дующий с севера. В этот момент Локен хотел оказаться где угодно, только не здесь. Этому миру нельзя было отказать в красоте, но Давин не нравился ему, хотя Локен и не мог сказать, что именно его тревожило. Неприятное ощущение возникло в его душе еще во время перелета с Ксенобии на Давин, но он решительно отогнал беспокойные мысли и впереди своего командира шагнул на поверхность планеты.

Тому, кто, как Локен, вырос в кошмарных промышленных катакомбах Хтони, просторы Давина не могли не показаться опьяняюще красивыми. К западу

от места высадки возвышались горные
вершины, достигающие до самых звезд, а
далее к северу, как было известно Локену,
простирались долины, хранящие
удивительные захоронения древних
королей.

Да, они выиграли хорошую войну на
Давине.

Но почему Несущие Слово снова
позвали их сюда?

Несколькими часами раньше на
капитанском мостике Малогарст
активировал электронный блокнот,
который держал в изувеченной руке.
Несмотря на все усилия апотекариев
Легиона, кожа плохо приросла и осталась
ярко-розовой. Он еще раз прочитал
послание, содержащееся в блокноте, и
используемые просителем выражения
снова вызвали у него гнев.

Перспектива показывать это письмо
Воителю совсем не радовала его, и на
мгновение Малогарст задумался, нельзя
ли проигнорировать послание и сделать
вывод, что оно никогда не попало в его

руки. Но он не дослужился бы до высокого положения советника Воителя, если бы постелился ограждать своего патрона от неприятных известий. Малогарст вздохнул; слова любого льстивого чиновника в эти дни несут в себе частицу могущества Императора, и, как ни хотелось бы, послание невозможно оставить без внимания.

Воитель наверняка не согласится на это предложение, но Малогарст обязан показать ему блокнот. Преодолев момент слабости, он повернулся и захромал по стратегической палубе к личным покоям Хоруса. Он решил оставить послание на столе, где Воитель сам найдет его, когда придет время.

Дверь личных покоев плавно скользнула в сторону и открыла вход в уютное полутемное помещение.

Малогарст любил бывать в этих уединенных апартаментах, их прохладный воздух облегал зуд воспаленной кожи и боль в искривленном позвоночнике. Тишину покоев нарушало лишь хриплое дыхание, вырывавшееся из его собственной груди, —

исковерканный позвоночник выгнулся вперед
и давил на легкие.

Шаркающей походкой он обошел
большой гладкий овальный стол,
направляясь к креслу, где обычно сидел
Воитель.

«Давненько здесь не собирались члены
Морнивала», — подумал Малогарст.

— Добрый вечер, Мал, — раздался из
полутрака печальный и усталый голос.

Выронив блокнот, Малогарст
изумленно повернулся на голос, готовый
сделать выговор любому, кто постел
вторгнуться в личные покои Воителя.
Через мгновение он встопрелся в тень,
узнал знакомые черты командира,
освещенные слабым красноватым сиянием
латного воротника, и расслабился.

Воитель в полном боевом облачении
сидел в темной части комнаты, упершись
локтями в колени и опустив голову на
сцепленные ладони.

— Мой господин, — произнес
Малогарст. — Что-то случилось?

Хорус, глядя в мозаичный пол, потер
ладонями гладко выбритый череп. Его

благородное стуглое лицо с широко расставленными глазами оставалось в тени, и Малогарст терпеливо дожигался ответа Воителя.

— Я уже и сам не знаю, Мал, — сказал Хорус. При этих словах Малогарст ощутил, как по его изувеченному позвоночнику пробежала дрожь. Невозможно было даже вообразить, чтобы Воитель чего-то не знал.

— Ты мне доверяешь? — неожиданно спросил Хорус.

— Конечно, сэр, — незамедлительно ответил Малогарст.

— В таком случае, что ты собирался оставить на столе, не остеливаясь отдать лично в руки? — спросил Хорус, подходя к столу и поднимая электронный блокнот.

Малогарст стугился.

— Еще одна совершенно бесполезная для вас обуза, мой господин. Послание от летописца с Терры, по-видимому, обладающей связями в высшем обществе. За нее ходатайствует Сигиллайт.

— Петронелла Вивар из рода

Карпинус, — вслух прочитал Хорус. — Я знаком с этим семейством. Ее предки вели хроники возвышения моего отца еще до эпохи Объединения.

— Но то, что она требует, — заметил Малогарст, — просто смешно.

— Разве, Малогарст? Неужели я настолько незначительная фигура, что не заслуживаю личного летописца?

Малогарст был потрясен.

— Сэр, о чем вы говорите? Вы — Воитель, избранный Императором, возлюбленным всеми, его заместитель в этом предприятии. Летописцы этой флотилии запечатлевают каждый факт, свидетелями которого они являются, но без вас они ничего собой не представляют. Без вас все это не имеет смысла. Вы вознеслись выше всех людей.

— Выше всех, — с улыбкой повторил Хорус. — Мне это нравится. Больше всего я хотел возглавить Великий Крестовый Поход и выполнить работу, порученную мне отцом.

— Вы являетесь примером для всех нас, — не без гордости продолжал

Малогарст.

— Мне кажется, это большее, чего человек может достичь в своей жизни, — кивнул Хорус. — Стать примером, а после смерти послужить вдохновителем для историков. Возможно, она поможет мне справиться с этой задачей.

— После смерти? Сэр, вы — бог среди людей, бессмертный и возлюбленный всеми...

— Я знаю! — вскричал Хорус, и Малогарст невольно отшатнулся, увидев, как мгновенно вскипел неудержимый гнев. — Конечно, Император не стал бы создавать такого, как я, обладающего бесчисленными способностями, но ограниченного сроком одной жизни! Ты прав, Мал, и Эреб тоже прав. Мой отец создал меня для бессмертия, и Галактика должна знать свое имя. Я хочу, чтобы оно еще десять тысяч лет звучало по всей Вселенной!

Малогарст кивнул; яростная решимость Воителя передалась и ему, советник неловко опустился на одно колено.

— Мой господин, что я могу для вас

сделать?

— Передай Петронелле Вивар, что она может получить аудиенцию, но это должно произойти как можно скорее, — произнес Хорус совершенно спокойно, словно и не он только что клокотал яростью. — Если она хорошо проявит себя, я позволю ей стать моим личным летописцем до тех пор, пока она этого желает.

— Сэр, вы уверены в своем выборе?

— Уверен, мой друг, — улыбнулся Хорус. — А теперь поднимись с коленей, я знаю, что такая поза для тебя слишком болезненна.

Хорус помог Малогарсту выпрямиться и осторожно положил закованную в латную рукавицу лапоть на плечо своего советника:

— Мал, ты пойдешь за мной? — спросил Воитель. — Что бы ни случилось?

— Вы — мой господин и повелитель, — поклялся Малогарст. — Я буду следовать за вами, пока не сгорит вся Галактика и не исчезнут звезды.

— Это все, о чем я прошу, мой друг, — с улыбкой произнес Хорус. — А теперь

подготовься, надо послушать, что скажет
нам Эреб. Давин... Кто бы мог подумать,
что мы сюда вернемся...

Спустя два часа после высадки на
Давин.

В сообщении от Эреба из Легиона
Несущих Слово, которое заставило
Шестьдесят третью экспедицию прибыть
на эту планету, говорилось о старой
договоренности, о предмете спора, но
ничего не говорилось о причине или
участниках спора.

После побоища на Убийце и успешной
эвакуации из Экстрануса Локен ожидал
оказаться в такой же напряженной зоне
военных действий, но это место едва ли
можно было даже назвать зоной
конфликта. Здесь было абсолютно тихо,
жарко и... спокойно.

Он не знал, разочарован этим или
обрадован.

Почти сразу после приземления и
Хорус пришел к такому же выводу, стоило
ему понюхать воздух и окинуть взглядом
узнаваемые пейзажи.

— Здесь нет никакой войны, — сказал он тогда.

— Нет войны? — удивился Абагдон. — Как вы узнали?

— Ты и сам мог догадаться, Эзекиль, — ответил Хорус. — Война пахнет горелой плотью и раскаленным металлом, кровью и страхом. В этом мире нет этих запахов.

— Тогда зачем мы здесь? — спросил Аксиманд, поднимая руки, чтобы снять с головы увенчанный гребнем шлем.

— Наверно, только потому, что нас сюда вызвали, — потрачев, сказал Хорус, и Локену не понравился тон, каким было произнесено слово «вызвали».

Кто может осмелиться вызывать куда-то Воителя?

Ответ стал ясен, когда на горизонте показался столб пыли, а затем к ним по степи покатились восемь гусеничных транспортов.

Преследуемые истребительные катераты, прибывшие вместе с «Грозовым ястребом» Воителя, темные стальные машины подняли на вокс-антеннах опознавательные флажки с

эмблематами Легиона Астартес.

На фронтальной броне первого «Рино» гордо возвышался штандарт, увенчанный золотым орлом и увешанный полотнищами с зигзагами молний на лазурном фоне.

-- Эреб, -- сердито бросил Локен.

-- Придержи язык, -- предупредил его Хорус, не отводя глаз от приближающихся «Рино». -- Оставь все разговоры мне.

Как ни странно, в юрте пахло яблоками, хотя ни на одном из резных деревянных подносов Узнатий Каркази не видел никаких фруктов, а только куски мяса, что на его эпикүрейский вкус выглядело несколько грубовато. Но он мог поклясться, что чүял запах яблок. Он огляделся по сторонам, решив, что так пахнет какой-нибудь местный напиток наподобие сидра. Хозяева юрты, с заросшими лицами и непроницаемыми черными глазами, уже предложили ему широкий кубок местной выпивки, которая пахла прокисшим молоком, но, поймав предостерегающий взгляд Эүфратии

Кишлер, он вежливо отказался.

Как и напиток, юрта не могла претендовать на изысканность, но обладала своеобразной примитивной красотой, взывавшей к романтической стороне его натуры. Однако Каркази был достаточно сообразителен, чтобы понять: примитивное жилье хорошо лишь тогда, когда не приходится в нем жить. В юрте собралось около сотни гостей — армейские офицеры; агенты, стратеги, несколько летописцев, писцы и военные консультанты.

Все пришли на объявленный главнокомандующим Военный Совет.

Блуждая взглядом по изрядно прокопченному помещению, Каркази обнаружил, что попал в поистине блестящую компанию: Гектор Варварус, полковник-командир армии, стоял рядом с горбатым Астартес, в котором легко было узнать советника Воителя, Малогарста.

Неулыбчивый человек в черной форме командира титана стоял по стойке «стирно», и Каркази рассмотрел двойной

погбородок принцеса Эсау Турнета,
капитана титана «Диес ире». Этот
титан класса «Император» возглавлял
армаду огромных боевых машин в
кампании против мегарахнидов на Убийце
и завоевал Легио Мортис львиную долю
славы.

Каркази видел колоссального титана
на архитектурной презентации,
организованной Питером Мотусом на
Шестьдесят Три Девятнадцать, и сейчас
невольно вздрогнул. Даже не двигаясь,
колосс произвел на него сильное
впечатление, а думать о том, что такая
неудержимая разрушительная сила может
быть приведена в действие, и вовсе не
хотелось.

Постоянно шипевшая конструкция из
серебряных стоек и вращающихся
шестеренок, соединявших куски плоти в
человекоподобную форму, видимо,
принадлежала механикуму Регул.

На мундирах присутствующих сияло
столько регалий, что Каркази испытал
даже легкое головокружение.

Он, да и все остальные едва

сдерживали зевоту, пока давинитский мастер ложи, Тси Рехх, монотонно произносил тщательно подготовленную речь на местном языке. Как ни интересно было посмотреть на странных, очень похожих на людей аборигенов, Каркази знал, что не поэтому капитан Локен настоял на присутствии поэта на Военном Совете, который предварила бесконечная церемония приветствия.

Приятного вида император по имени Целтен переводил выступление на имперский готик, и его прекрасно поставленный голос доносил слова до самых дальних уголков юрты.

«Что бы там ни говорили об императорах, — подумал Каркази, — они не пренебрегают задними рядами слушателей».

— Сколько еще это будет продолжаться? — спросила Эуфратия Киулер, нагнувшись к его уху. В своей повседневной армейской одежде, в грубых военных ботинках и облегающей футболке без рукавов Киулер выглядела настоящей армейской служащей. — Когда придет сам

Воитель?

— Не имею понятия, — ответил Каркази, запуская взгляд в вырез ее футболки.

Тонкая серебряная цепочка сбегала с ее шеи, но то, что на ней висело, скрывалось под тканью.

— Узнаций, мое лицо находится гораздо выше, — заметила Эфратия.

— Знаю, но я смертельно скучаю, моя дорогая Эфратия, а этот вид намного приятнее.

— Откажись от своей затеи, она никогда не осуществится.

— И это я знаю, — пожал плечами Каркази. — Но всегда приятно помечтать, а невозможность получить желаемое еще не повод, чтобы отказаться от попыток.

Эфратия улыбнулась. Узнаций сознавал, что немного влюблен в нее, хотя нападение ксеноса в Шепчущих Вершинах не прошло для Эфратии бесследно. И он был удивлен, увидев ее в многочисленной толпе. После того случая Киилер немного похудела, а свои светлые волосы стала закалывать в тугой пучок, но это не

делало ее менее женственной и красивой. Однажды Угнаций написал эпическую поэму для маркизы Ксорианны Делакуиз, признанной первой красавицы Терры (пошел на сомнительный компромисс, зато получил неплохой гонорар), так по сравнению с энергичной живостью словно заново родившейся Киилер красота аристократки казалась пустой и ненатуральной.

Что с того, что они играют в разных лигах? Он понимал, что не имеет никаких шансов при своей излишне дорогой фигуре и бегающих глазах на плоском, округлом лице. Но собственная невыразительная внешность никогда не удерживала Угнация от попыток соблазнить красивую женщину, так было даже интереснее.

Несколько побед он одержал при помощи откровенно льстивых «Восхвалений» и «Од», обеспечивших ему немало плотских утех. Другим, более впечатлительным особам противоположного пола было достаточно остроумных комплиментов и подшучивания.

Но Эуфратия, как понял Каркази, была слишком умна, чтобы поддаться на откровенную лесть, и тогда он убедил себя относиться к ней как к другу. Раньше мысль о дружеских отношениях с какой-то женщиной никогда не приходила ему в голову, да и теперь всякий раз вызывала устешку.

-- Если отнестись к твоему вопросу серьезно, -- заговорил Каркази, -- то я могу лишь надеяться на скорый приход Боутеля. Мой рот пересох, как талларнский сандал, и я чертовски хочу выпить.

-- Узна-аций... -- протянула Эуфратия.

-- Только не надо читать лекции о моральной устойчивости, -- вздохнул он. -- Я не имел в виду алкоголь, хотя с радостью выпил бы целую бутылку пойла, которое нам предлагали на Шестьдесят Три Девятнадцать.

-- А мне казалось, что тебе не нравится то вино, -- заметила Киилер. -- Ты говорил, что оно пахнет трагедией.

-- Да, конечно, но после нескольких месяцев вынужденного однообразия сам

удивляешься, какие нелепые желания
приходят в голову.

Эуфратия улыбнулась и подняла руку
к тому месту, где на груди под тканью
футболки заканчивалась серебряная
цепочка.

— Я помолюсь за тебя, Игнаций.

Выбор слов поразил Игнация, и он
хотел было спросить, что это значит, но
Эуфратия с выражением откровенного
восхищения уставилась на кого-то за его
спиной и подняла пиктер. Обернувшись,
Каркази увидел, что полотнище,
замещающее в юрте дверь, отлетело в
сторону и внутрь, нагнувшись, входит
огромный Астартес. Присмотревшись
внимательнее, он с изумлением понял, что
вошедший костодесантник одет не в
зеленоватые доспехи Сынов Хоруса, а в
гранитно-серую броню Несущих Слово. В
руках воина был посох, увенчанный книгой,
обернутой пергаментом с особой клятвой,
а поверх книги развевалась глиняная
пурпурная лента. Костодесантник нес свой
шлем на сгибе локтя и, казалось, был очень
удивлен присутствием летописцев.

Насколько мог видеть Каркази, лицо костодекантика было серьезным и честным, а его наголо обритый череп украшали сложные письмена. На одном из его наплечников был приколот толстый пергамент с особой клятвой, украшенный множеством ярких цветных букв, а на другом виднелась эмблема в виде раскрытой книги и бьющего с ее страниц языка пламени. Изнаций прекрасно знал, что это символ просвещения через слово, но все же эмблема внушала ему инстинктивное отвращение.

Его поэтической душе подобное изображение напоминало об эпохе Гибели Наук, ужасном времени в истории древней Терры, когда безумные демагоги из страха перед вредными идеями жгли книги, разрушали библиотеки и печатные дворы. По мнению Каркази, символ больше подходил язычникам и варварам, а не Астартем, которые поклялись нести народам знания, прогресс и просвещение.

Он устелхнулся своим забавным еретическим мыслям и на мгновение задумался, нельзя ли изложить их в

стихах так, чтобы этого не обнаружил капитан Локен. Но едва тяжёлая идея оформилась, Узнаций тотчас ее прогнал. Ему было известно, что его покровитель имеет привычку показывать работы поэта литератору-отшельнику Кириллу Зингерманну. А того, несмотря на явное затмение рассудка, никак нельзя было обвинить в отсутствии проницательности. Зингерманн быстро обнаружил бы любые рискованные ссылки и сравнения.

В таком случае, невзирая на покровительство Астартес, Каркази быстро оказался бы на ближайшем грузовом корабле, идущем на Терру.

— И кто же это такой? — спросил он у Кишлер, переключая свое внимание на вошедшего гиганта.

Тем временем Тси Рехх прекратил бормотание и поклонился вновь прибывшему гостю. Воин в знак приветствия приподнял свой посох.

— Ты серьезно? — прошептала Кишлер.

— Я серьезен, как никогда, моя дорогая.

Так кто это?

-- Это, -- торжественно произнесла
Эуфратия, снова щелкая затвором
направленного на Астартес пиктера,--
Эреб, Первый капеллан Несущих Слово.

Внезапно Угнаций Каркази с
поразительной ясностью понял, почему
капитан Локен настаивал на его
присутствии.

Впервые ступив на поверхность
Давина, Каркази мгновенно вспомнил о
негостеприимной жаре Шестьдесят Три
Девятнадцать. Стараясь как можно
быстрее уйти подальше от ревущих
двигателей челнока, он, спотыкаясь,
побежал, едва не запутавшись в глинных
полах своего изысканного одеяния.

Поджигавший его капитан Локен
выглядел великолепно в блестящих
доспехах зеленого цвета и, похоже, ничуть
не страдал ни от жары, ни от вьющихся
вокруг пыльных вихрей.

-- Благодарю за скорый ответ на мою
просьбу, Угнаций.

-- Не за что, сэр! -- прокричал Угнаций,
стараясь перекричать рев двигателей

взлетающего челнока.— Я польщен и, если
говорить начистоту, ничуть не удивлен!

— Удивляться нечему. Я ведь уже
говорил, что мне нужен человек, хорошо
знающий, что такое правда.

— Да, сэр, вы действительно об этом
говорили,— просиял Каркази.— И я оказался
здесь именно потому?

— Можно сказать и так,— согласился
Локен.— Ты заядлый оратор, Изнаций, но
сегодня мне необходимо, чтобы ты
прислушался. Ты меня понимаешь?

— Думаю, да. И что вы хотите, чтобы
я слушал?

— Не что, а кого.

— Прекрасно. Так кого же я должен
слушать?

— Кое-кого, кому я не доверяю, — сказал
Локен.

ЛИСТ СТЕКЛА ЧЕЛОВЕК С ПРЕКРАСНЫМ ХАРАКТЕРОМ СКРЫТЫЕ СЛОВА

За день до высадки на Давин Локен отправился в третий зал Архива на поиски Кирилла Зингерманна, чтобы вернуть взятую у него книгу. Он бродил по переходам между пыльных стеллажей и кип пожелтевших пергаментов при тусклом свете круглых фонарей, едва не задевая за них головой, и его шаги гудели в торжественной тишине хранилища. То здесь, то там взгляд натывался на ссутулившиеся фигуры ученых в креслах с высокими спинками, но его бывшего наставника среди них не было.

Локен свернул в другой непомерно высокий проход между полок с манускриптами и переплетенными в кожу томами с названиями вроде «Церковные

житны всеастральной веры»,
«Размышления Грустного Героя» или
«Думы и воспоминания Долгой Ночи». Ни
один из заголовков не был знаком Локену, и
он уже отчаялся разыскать Зингерманна в
этом таинственном лабиринте, как вдруг
заметил знакомую фигуру, склонившуюся
над глиняным столом, заваленным
вынутыми из футляров свитками и
стопками книг.

Зингерманн стоял к нему спиной и
был так поглощен чтением, что не
услышал приближения Локена.

— Еще один образец плохой поэзии? —
издалека спросил Локен.

Зингерманн подпрыгнул и оглянулся
через плечо с тем же удивленным и
испуганным выражением лица, как и в тот
раз, когда Локен впервые отыскал его в
Архиве.

— Гарвель, — произнес Зингерманн, и в
его голосе Локену почудилась нотка
облегчения.

— А вы ожидали кого-то другого?

— Нет. Совсем нет. Я редко вижу кого-
бы то ни было в этой части хранилища.

Для большинства серьезных ученых здесь нет ничего ценного.

Локен обошел вокруг стола и окинул взглядом лежащие перед итератором бумаги -- перевязанные кожаными шнурками ветхие свитки, неразборчивый почерк, желтоватые гравюры, изображающие чудовищ и людей, объятых пламенем. Он бросил быстрый взгляд на Зиндерманна; ученый при виде такого любопытства беспокойно прикусил нижнюю губу.

-- Должен признаться, мне все больше нравятся древние тексты, -- пояснил Зиндерманн. -- Вроде «Хроник Урша», которые я давал тебе почитать. Такое сильное, хотя и жестокое произведение. Оно очень наивное, содержит массу преувеличений, но довольно захватывающее.

-- Я прочитал «Хроники Урша», Кирилл, -- сказал Локен, кладя книгу перед Зиндерманном.

-- И что?

-- Как вы и говорите, в них много жестокости и наивности, а порой и

откровенные полеты фантазии...

— Но?

— Но я не могу избавиться от мысли, что, давая мне этот томик, вы имели какое-то скрытое намерение.

— Скрытое намерение? Нет, Гарвель, уверяю тебя, в этом не было никаких уловок, — возразил Зингерманн, но Локен не поверил ему.

— В самом деле? Там есть необыкновенно правдивые отрывки.

— Да ну, Гарвель, не может быть, чтобы ты воспринял это всерьез, — насмешливо заметил Зингерманн.

— Осада монастыря, — напотнил ему Локен. — Последняя битва Анүлта Кейзера с конклавом Нордафрика.

— И что там такого интересного? — после некоторой затинки спросил Зингерманн.

— Я по вашим глазам вижу, что вы знаете, о чем я говорю.

— Нет, Гарвель, я не знаю. Я полностью тот отрывок, и, несмотря на захватывающий сюжет, я не могу представить себе, что ты воспринимаешь

эту прозу как исторический источник.

— Я согласен, — кивнул Локен, — все эти описания рвущихся, словно шелк, небеса и рассыпающихся гор — сплошная чепуха, но тут же говорится о человеке, который обратился в демона и поднял руку на своих товарищей.

— А, да... Теперь понимаю. Ты считаешь, что это имеет какое-то отношение к происшествию с Ксавьером Джубалом?

— А вы? — спросил Локен и приподнял за уголок один из пожелтевших от времени пергаментов, показывая Зиндертманну изображение демона с длинными клыками, поросшего шерстью, с загнутыми козлиными рогами на лбу и окровавленным топором в когтистых лапах. — Джубал превратился в демона и пытался меня убить! В точности то же самое произошло с Анултом Кейзером. Один из его офицеров, человек по имени Вилхелм Маргол, стал демоном и убил его. Вам это ничего не напоминает?

Зиндертманн откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Только теперь

Локен заметил, каким усталым выглядит итератор, как пожелтела кожа лица, став похожей на его любимые пергаменты, как обвисла одежда, словно сброшенная на голый скелет...

Локен осознал, что могущественный итератор находится на грани полного истощения.

-- Простите меня, Кирилл, -- произнес он, присаживаясь на соседний стул. -- Я шел сюда не затем, чтобы с вами спорить.

Зингерманн улыбнулся, и Локен вспомнил, как сильно он надеялся получить мудрый совет. Хотя итератор и не был его официальным учителем, но все равно оставался наставником и инструктором, и обнаружить, что Зингерманн не знает всех ответов, было шоком.

-- Все в порядке, Гарвель. Это хорошо, что у тебя появляются вопросы. Значит, ты учишься искать правду там, где с первого взгляда мы ее не замечаем. Я уверен, Воитель по достоинству ценит эту способность. Как поживает командующий?

-- Он устал, -- признал Локен. -- Крики

тех, кто требует его внимания, с каждым днем становятся все громче и настойчивее. Сообщения с каждой из флотилий Великого Похода буквально рвут его на части, а чиновники Совета Терры со своими оскорбительными инструкциями пытаются превратить его из Воителя в простого администратора. Он несет огромную ношу, Кирилл, однако не надейтесь так легко сменить тему разговора.

Зиндерманн растаял:

— Гарвель, ты становишься слишком быстрым для меня. Ну хорошо. Что ты хотел узнать?

— Люди из книги, которые применяли магические силы, были ли они колдунатами?

— Я не знаю, — признался Зиндерманн. — Но это вполне возможно. Те силы, которыми они воспользовались, никак нельзя считать естественными.

— Но как могли их предводители дать разрешение на применение этих сил? Неужели они не знали, насколько это опасно?

— Возможно, знали. Но подумай о

другом: ты и сами знаете очень мало, но нас ведут вперед мудрость Императора и научные достижения. А древние жители? Они ведь знали гораздо меньше нас.

— Но даже варварам должно быть известно, насколько опасны подобные вещи, — настаивал Локен.

— Варварам? — переспросил Зингерманн. — Это слишком уничижительное определение, друг мой. Не суди столь поспешно, мы не так уж сильно отличаемся от племен Старой Земли, как ты можешь подумать.

— Нет, вы, вероятно, шутите! — воскликнул Локен. — Мы так же не похожи на них, как звезда не похожа на планету.

— Ты уверен, Локен? Ты считаешь, что стена, отделяющая цивилизацию от варварства, прочна, словно сталь? Но это не так. Могу тебя заверить, что эта грань весьма тонкая и хрупкая, словно лист стекла. Достаточно толчка или сотрясения, и мы можем снова оказаться во власти языческих предрассудков, станем бояться темноты и поклоняться непонятым существам в глупых храмах.

-- Вы преувеличиваете.

-- Разве? -- запальчиво спросил Зиндертманн, наклоняясь вперед. -- Представь себе, что обновленный, приведенный к Согласию мир испытывает нехватку жизненно важных ресурсов, таких, как топливо, вода или пища. Сколько, по-твоему, времени потребуется, чтобы цивилизованное поведение заменилось варварскими методами? Как скоро человеческий эгоизм подтолкнет к овладению оставшимися источниками любой ценой, невзирая на вред, нанесенный остальным, или даже сговор с силами зла? Будут ли отдельные группы отгонять своих собратьев и даже уничтожать их, лишь бы завладеть ресурсами? Понятия порядочности и гражданской справедливости не больше чем тонкий налет на поверхности звериного облика человека, который при каждом удобном случае вырывается наружу.

-- Ваши слова не оставляют нам никакой надежды.

-- Нет, Гарвель, все совсем не так,-- сказал Зиндертманн, покачивая головой.

Человечество пока бессильно измениться, но я твердо верю, что благодаря великим трудам Императора наступит время, когда мы поднимемся к вершинам сознания и овладеет всеми окружающими нас силами. Прошедшее после возникновения цивилизации время -- всего лишь небольшой отрезок нашего существования, тем более по сравнению с грядущими веками. Воля Императора, братское общество, всеобщее равенство в правах и привилегиях и хорошее образование -- вот предпосылки высшего общественного строя, к которому ведут нас разум, науки и наш опыт. Это будет новое возрожденное общество свободы, равенства и братства древних народов человеческой расы, которому не страшны диктаторы вроде Калаганна или Нармана Дума.

Локен не удержался от улыбки.

-- А мне было показалось, что вы впали в отчаяние.

Зиндерманн тоже улыбнулся в ответ.

-- Нет, Гарвель, я далек от этого. Признаюсь, происшествие в Шепчущих Вершинах сильно потрясло меня, но чем

больше я читаю, тем отчетливее вижу, как далеко мы ушли и как близки к тому, о чем всегда мечтали. Каждый день я испытываю благодарность за то, что свет Императора ведет нас в золотое будущее. Страшно подумать, что может произойти, если этот источник иссякнет.

— Не беспокойтесь, — заверил его Локен, — такого никогда не случится.

Аксиманг взглянул на прибывших через прорезь в сетке.

— Приехал Эреб, — доложил он.

Хорус кивнул и встал лицом к четверым членам Морнивала.

— Все знают, что надо делать?

— Нет, — отозвался Торгагдон. — Мы так давно остаемся в стороне, что всё позабыли. Почему бы вам не напомнить?

От такого легкомысленного заявления Тарика глаза Хоруса потемнели.

— Хватит, Тарик, — сказал он. — Это не подходящее время для шуток, так что придержи язык.

Столь резкий отпор Воителя

шокировал Торгадгона, и он быстрым взглядом окинул лица своих товарищей. Локен не испытывал такого потрясения, поскольку за несколько недель после отбытия с планеты интересов не раз был свидетелем взрывов гнева главнокомандующего по отношению к подчиненным. С тех пор как на площади перед Залом Оружия на Ксенобии пролилась кровь, Воитель не знал ни минуты покоя. Горечь неудачи при попытке воссоединения с интересами до сих пор преследовала Хоруса.

После фиаско с интересами Воитель впал в состояние унылой меланхолии и все чаще уединялся в своих личных покоях, куда допускался только Эреб. После возвращения на имперскую флотилию члены торнивальского братства почти не видели своего командира, и все четверо остро переживали необъяснимое отчуждение.

Раньше Воитель прислушивался к их советам, теперь его слух был обращен только к Эребу.

Известие о том, что Эреб со своим

Легионом покинет экспедицию и отправится на Давин, все торнивальцы восприняли с чувством облегчения.

Но даже по дороге к системе Давина Воитель не знал отдыха. Со всех концов Галактики -- от братьев примархов, от командующих имперскими армиями и, что тяжелее всего, от армий чиновников, идущих по пятам завоевателей, -- поступали непрекращающиеся требования помощи.

Ежедневно группы экзекторов под управлением администратора Аэнид Рамбон осаждали Воителя требованиями оказать содействие в сборе имперской дани со всех приведенных к Согласию миров. Любой, у кого имелась хоть капля здравого смысла, понимал, что такие мероприятия преждевременны, и Хорус сделал все, что было в его силах, чтобы остановить Рамбон и ее экзекторов, но его усилия лишь ненадолго задержали их.

-- Если бы я мог, -- сказал Хорус как-то вечером, когда они с Локеном обсуждали новые способы получения податей с приведенных к Согласию миров, -- я бы убил

всех экзекторов Императора. Но я уверен, на следующий день, еще до завтрака, мы получили бы счета из преисподней.

Локен растеялся, но тотчас осознал, что Воитель говорит серьезно, и слез застрял у него в горле.

После прибытия на Давин навалились еще более срочные дела.

-- Не забудьте, -- сказал Хорус, -- все должно пройти точно так, как я говорил.

При появлении в дверях юрты избранного наместника Императора в помещении воцарилась благоговейная тишина, и все присутствующие опустились на одно колено. От взгляда на живого бога, появившегося в сверкающих доспехах цвета далекого океана и в царственно-пурпурном плаще, у Каркази закружилась голова. С нагрудника Хоруса сияло Око Терры, и Каркази не мог устоять перед величественной красотой Воителя.

Провести столько дней в экспедиции и только сейчас увидеть Воителя! Сколько времени потрачено впустую!

Каркази ощутил острое желание вырвать все исписанные страницы из любимого блокнота «Бондстан № 7» и сочинить эпический монолог о величии главнокомандующего.

За Воителем вошли четверо торнивальцев, а с ними высокая величавая женщина в пурпурном бархатном платье с высоким воротом и пышными рукавами. Ее длинные волосы были уложены в высокую замысловатую прическу. Каркази с негодованием узнал в ней Петронеллу Вивар, летописца с Терры, о которой уже был достаточно наслышан.

Хорус в приветственном жесте поднял руки.

— Друзья, — произнес он, — я уже не раз говорил, что никто в моем присутствии не должен преклонять колени. Такой чести достоин один лишь Император.

Медленно, словно не желая нарушать благоговейный восторг, люди стали подниматься, а Хорус пошел вперед, поджмая руки тем, кто стоял в первых рядах, и очаровывая их своим благодушеством и неожиданными шутками. Каркази видел

тех, к кому обращался Воитель, и оттого, что он не удостоился подобной чести, в груди поднялось острое чувство ревности.

Совершенно не задумываясь, он начал проталкиваться вперед сквозь толпу, не обращая внимания на недоброжелательные взгляды и нередкие удары локтями в бока. Внезапно ворот одежды стал ему тесен, и Каркази обернулся, намереваясь резко осадить всякого, кто осмелился так вольно обращаться с его роскошным одеянием. Позади он обнаружил Эуфратию Киулер и в первый момент решил, что это она старается оттащить его назад, но, увидев ее лицо, улыбнулся — Киулер следовала за ним по пятам и воспользовалась его массивной фигурой в качестве буксира.

Каркази добрался до группы из шести или семи человек, стоящих в первом ряду, как вдруг вспомнил, ради чего его пригласили на такое важное мероприятие. Он оторвал взгляд от Воителя и посмотрел на Эреба из Легиона Несущих Слово.

О Семнадцатом Легионе Каркази не знал почти ничего, за исключением того

факта, что его припарх, Лоргар, пользовался любовью и доверием своего брата Хоруса. Оба Легиона не раз сражались и проливали кровь во славу Империи в одних и тех же боях. Члены братства Торниваль шагнули вперед и один за другим обнимали Эреба, словно обретенного после долгой разлуки брата. Они стаялись и дружески хлопали друг друга по плечикам до слез, но в приветствии Локена Каркази уловил некоторую сдержанность.

— Сосредоточься, — признался, — прошептал он самому себе, обнаружив, что снова уставился на Воителя.

Он отвел взгляд от Хоруса как раз вовремя, чтобы заметить, как Эреб и Абaddon в очередной раз пожимают друг друга руки и между их ладонями что-то блеснуло. Все произошло очень быстро, и Каркази не был полностью уверен, но ему показалось, что один передал другому то ли монету, то ли какой-то медальон.

Затем торнивальцы и Вивар отошли немного назад и встали за спиной

Воителя, а Малогарст занял свое место
рядом с ним. Хорус снова поднял руки.

— Друзья мои, вам снова придется
потерпеть мое присутствие, поскольку мы
собрались обсудить дальнейшие планы
того, как нести свет истины в темные
миры.

Вежливый смех и аплодисменты
прокатились по юрте, а Воитель
продолжал свою речь:

— Мы снова вернулись на Давин,
место, где была одержана грандиозная
победа. Это восьмой мир, приведенный
нами к Согласию, и он поистине...

— Воитель, — раздался вдруг голос из
центра юрты.

Оклик прозвучал совершенно спокойно,
но люди единодушным вздохом отметили
неслыханное по дерзости нарушение
этикета.

Каркази заметил, как потемнело
лицо Воителя, и понял, что Хорус не
привык, чтобы его прерывали. Затем
Игнаций переключил внимание на
нарушителя.

Толпа слушателей отхлынула от

Эреб, словно в страхе, что его безрассудство может оказаться заразным.

-- Эреб, -- заговорил Малогарст, -- у тебя, по-видимому, есть что сказать.

-- Небольшая поправка, советник, -- пояснил Несущий Слово.

Каркази заметил и беспокойный взгляд, брошенный Малогарстом в сторону Воителя.

-- Поправка, ты говоришь? И что ты хочешь исправить?

-- Воитель сказал, что этот мир приведен к Согласию, -- ответил Эреб.

-- Давин принял условия Согласия, -- раздраженно проворчал Хорус.

Эреб печально покачал головой, но Каркази заметил на его лице мрачное предвзвешение, словно он был рад сделать следующее заявление.

-- Нет, -- сказал Эреб. -- Давин не принял Согласия.

При таком посягательстве на честь экспедиции Локен ощутил прилив ярости, а напряженные спины его товарищей по Морнивалю показали, что и грузья

испытывают те же чувства. Аксиманд
зашел так далеко, что схватился за
оружие, но Торгаддон покачал головой, и
Маленький Хорус отвел пальцы от
рукояти меча.

Даже за короткое время знакомства с
Эребом Локен успел убедиться, с какими
уважением и почтением относились
окружающие к уравновешенному и
рассудительному капеллану Несущих
Слово. Он часто давал мудрые советы и
обладал легким характером, а его вера в
Боинтеля казалась безграничной, но
незаметно возникшая близость между ним
и Хорусом вызвала у Локена недовольство,
которое нельзя было объяснить простой
ревностью. С тех пор как Боинтель начал
прислушиваться к советам Эреба, он стал
угрюмым, излишне раздражительным и
замкнутым. Даже Малогарст не раз
высказывал торнивальцам свою
обеспокоенность растущим влиянием
Несущего Слово на Боинтеля.

После разговора с Эребом на обзорной
палубе «Духа мщения» Локен понял, что
Первый капеллан не так прост, как могло

показаться с первого взгляда. В его душе
еще тогда были заронены семена
подозрения, и сегодняшние слова Эреб
оказались для них свежим весенним
дождем.

Локен с трудом мог представить
себе, чтобы Эреб, заслуживший такое
уважение после событий на Ксенобии, мог
вести себя так грубо и бесцеремонно.

— А ты не мог бы выразить свою
мысль более конкретно? — спросил
Малогарст, с трудом сдерживая свой гнев.

— Я могу все объяснить, — ответил
Эреб, — но, возможно, эту тему лучше
обсудить в узком кругу?

— Эреб, если у тебя есть что сказать,
говори сейчас. Это Военный Совет, и у нас
не может быть секретов, — заявил Хорус.

Какую бы роль ни отвел Хорус
торнивальцам, Локен понял, что теперь
все это не имеет смысла. По лицам своих
грузей он догадался, что они
придерживаются того же мнения.

— Мой господин, — начал Эреб, — я
должен извиниться...

— Оставай при себе свои извинения.

Эреб, -- прервал его Хорус. -- У тебя хватило смелости сделать такое заявление после того, как я приблизил тебя к себе и предоставил место в Военном Совете. И ты посмел отплатить мне бесчестьем и оскорблением? Я сразу говорю тебе, что не потерплю такого отношения. Ты меня понимаешь?

-- Да, мой господин, но в мои намерения не входило вас оскорбить. Если вы позволите мне продолжать, вы поймете, что в моих словах нет ничего обидного для вас.

В юрте ощутило возросшее напряжение, и Локен мысленно молил Хоруса прекратить этот фарс и удалиться в более уединенное место, но он понимал, что Воитель так разгневан, что предотвратить конфронтацию уже не удастся.

-- Продолжай, -- сквозь зубы бросил Хорус.

-- Как вам известно, мой господин, мы покинули Давин шесть десятилетий назад. Мир был приведен к Согласию, и казалось, что вскоре он станет

полноправной и просвещенной частью Империи. Как это ни печально, наши надежды не оправдались.

— Эреб, переходи к сути, — поторопил его Хорус, сжатая устрашающие кулаки.

— Да, конечно. По пути на Саргис, при встрече с Двести третьей экспедицией, уважаемый лорд Кор Фазрон попросил меня зайти на Давин и еще раз убедиться, что Слово Императора, возлюбленного всеми, должным образом распространяется в этом мире командующим Тембой и оставленными с ним войсками.

— А где сейчас Темба? — спросил Хорус. — Я оставил ему достаточно солдат, чтобы подавить последние очаги сопротивления. И уж конечно, если бы этот мир нарушил условия Соглашения, я бы об этом знал.

— Мой господин, Эуган Темба стал предателем, — заявил Эреб. — Он удалился на одну из лун Давина и больше не признает Императора своим господином и повелителем.

— Предатель?! — взревел Хорус. — Это невозможно! Эуган Темба обладал стойким

характером и несокрушимым боевым духом. Я сам выбрал его для этой почетной роли. Он не мог стать предателем!

— К сожалению, это правда, мой господин, — с искренней печалью в голосе возразил Эреб.

— И что же он, во имя Императора, делает на этом спутнике? — спросил Хорус.

— Народы, населяющие сам Давин, сдержали свое слово и с готовностью приняли условия Соглашения, чего нельзя сказать о племенах спутника, — объяснил Эреб. — Темба повел свою армию в славную, но, как оказалось, совершенно необдуманную экспедицию, чтобы образумить живущих там людей.

— Почему необдуманную? Это прямой долг любого из имперских командиров.

— Это был опрометчивый поступок, мой господин, поскольку племена со спутника не имеют того понятия чести, которое присуще нам, и, как мне кажется, когда Темба прибыл для переговоров, они применили... методы, которые извратили

понятия наших людей и обратили их против вас.

— Методы? Выражайся понятнее, Эреб! — воскликнул Хорус.

— Я не могу дать точное определение, мой господин, но в древних текстах это описывается как... э-э-э... колдовство.

При упоминании о колдовстве в крови Локена вскипела ярость, а по всей юрте прошелестели недоверчивые восклицания.

— Теперь Темба в нарушение всех клятв и верности Императору служит повелителю луны Давина. А вас он называет не иначе как прихвостнем нашего божества.

Локен никогда не встречался с Эуганом Тембой, но при таком оскорблении величия Воителя ненависть в его горле подкатила к гортани. Все собравшиеся, видя это, ощутили те же эмоции, и юрта наполнилась негодующими криками.

— Он за это заплатит! — вскричал Хорус. — Я сам оторву ему голову, а тело скормлю воронам. Клянусь в этом своей честью!

-- Мой господин, -- продолжал Эреб, -- мне жаль, что я принес такие дурные вести, но я уверен, решение этой проблемы стоит предоставить кому-то из доверенных лиц.

-- Эреб, ты хочешь, чтобы я позволил кому-то другому отомстить за нанесенное мне оскорбление? -- свирепо поинтересовался Хорус. -- За кого же ты меня принимаешь? Я сам подписывал акты о приведении этого мира к Согласию, и будь я проклят, если завоеванный мною мир отколетя от Империи! -- Хорус обернулся к четверке торнивальцев: -- Срочно подготовить штурмгруппу!

-- Будет сделано, мой господин, -- ответил Абагдон. -- Кто ее возглавит?

-- Я сам, -- заявил Хорус.

Военный Совет был отложен; все остальные дела и проблемы потеряли перед таким ужасным известием. А когда командиры Шестьдесят третьей вернулись к своим подчиненным и слух о предательстве Эугана Тембы распространился повсюду, всю экспедицию

мгновенно охватило лихорадочное возбуждение.

Отдавая срочные приказы о подготовке к экспедиции, Локен обнаружил Угнация Каркази в опустевшей после неудачного Военного Совета юрте. Летописец сидел над открытым блокнотом и что-то торопливо записывал, прерываясь лишь для того, чтобы заточить карандаш маленьким перочинным ножом.

— Угнаций, — окликнул его Локен.

Каркази поднял голову от работы, и Локен с удивлением прочитал на его лице выражение восторга.

— Ничего себе собрание, а? Военный Совет всегда проходит так драматично?

Локен покачал головой:

— Нет, обычно все обстоит иначе. А что ты пишешь?

— О, это будет небольшая поэма о подлости Тембы, — ответил Каркази. — Ничего особенного, нечто вроде внутреннего монолога. Мне кажется, учитывая общее настроение экспедиции, это будет весьма кстати.

– Да, наверно. Только я до сих пор не могу поверить, что кто-то может так охарактеризовать его поступок.

– У я тоже. Думаю, в этом-то и есть проблема.

– Что ты хочешь сказать?

– Я постараюсь объяснить, – сказал Каркази. Поднявшись со своего стула, он прошел в тот угол, где стояли подносы с нетронутой едой, и наполнил себе тарелку. – Мне запомнился один совет относительно поведения в присутствии Воителя. Кто-то сказал, что лучше всего смотреть на его ноги, а если встретишься с ним взглядом, то непременно забудешь все, что хотел сказать.

– Я тоже об этом слышал. Аксиманд как-то дал мне точь-в-точь такой совет.

– Что ж, совет очень хорош, но меня его появление застигло врасплох. Впервые увидев его величие, я почти забыл, зачем здесь нахожусь.

– Я не уверен, что понимаю тебя, – сказал Локен и потнул головой, когда Каркази предложил ему мяса со своей тарелки.

- Я вот к чему веду. Можно ли представить, что тот, кто встречался с Хорусом - могу я называть его Хорусом? Я слышал, вам не очень нравится, когда простые смертные так его называют. Так вот, мог ли человек, действительно видевший его, сказать такие вещи, какие приписываются этому Тембе?

Локен не без труда поспевал за быстрой речью Каркази, но неожиданно он понял, что гнев заслонил от него величие Воителя.

- Ты прав, Узнаций. Никто, видевший Воителя, не мог такого сказать.

- Тогда возникает вопрос: зачем Эребу понадобилось приписывать Тембе такие оскорбления?

- Я не знаю. И зачем ему это?

Каркази съел мясо со своей тарелки и запил его белесым напитком.

- И правда зачем? - переспросил Каркази, загораюсь воодушевлением. -- Скажите, вы ители «удовольствие» встречаться с Аэлитой Хергиз? Она тоже летописец из числа граматургов и пишет ужасающе детализированные пьесы. На

той взгляд, они просто нудные, но я не могу отрицать, что у нее имеется определенный актерский талант. Я полностью видел в ее исполнении леди Офелию в «Трагедии Аммета», и это было довольно хорошо, хотя...

— Узнаций, — остановил его Локен, — переходим к сути.

— Ах да, конечно. Суть в том, что даже такая талантливая актриса, как мисс Хергиз, не справилась бы с представлением, разыгранным сегодня Эребом.

— Представлением?

— Точно так. Все, что он делал с самого момента появления в юрте, было фарсом. Разве вы этого не заметили?

— Нет, я был слишком зол, — признался Локен. — Вот почему я и позвал тебя сюда. А теперь, Узнаций, объясни мне все по порядку, только не отступай от темы.

Каркази расцвел от удовольствия и продолжал:

— Хорошо. Сразу после заявления об отступлении Давина от Согласия Эреб предложил перенести обсуждение вопроса в

более узкий круг, но это провокационное предложение он сделал в помещении, полном народа. Кроме того, как вы слышали, он утверждал, что Телба восстал против Хоруса, а не против Императора. Это придало оскорблению личный характер.

— Но зачем ему понадобилось так провоцировать Воителя?

— Возможно, чтобы вывести его из равновесия, заставить проявить вспыльчивость. Похоже, он хорошо знал, какой будет реакция. Мне кажется, Эреб пытался привести Воителя в такое состояние, когда тот будет неспособен мыслить ясно.

— Осторожнее, Игнаций. Как ты преставляешься предполагать, что Воитель бывает неспособен ясно мыслить?

— Нет, нет, нет, — запротестовал Каркази. — Только приведя его в состояние крайнего возбуждения, Эреб мог манипулировать его поступками.

— Манипулировать? И с какой же целью?

Каркази пожал плечами:

-- Это мне неизвестно. Но я точно знаю: Эреб очень хочет, чтобы Хорус отправился на спутник Давина.

-- Но он пытался отговорить Воителя от личного участия в экспедиции. Он даже остелился советовать переложить это дело на плечи других.

Каркази нетерпеливо тряхнул головой.

-- Только для того, чтобы показать всем свое старание заставить Воителя изменить намерения. А на самом деле он прекрасно знал, что Хорус не сможет отступить от своего слова.

-- И не отступит, летописец! -- раздался звучный возглас от входа в юрту.

Каркази от неожиданности подпрыгнул, а Локен, обернувшись на голос, увидел Первого капитана Сынов Хоруса -- сверкающего и грозного в полном боевом облачении.

-- Эзекиль, -- произнес Локен, -- что ты тут делаешь?

-- Ущю тебя, -- ответил Абагдон. -- Тебе надо быть со своей ротой. Сам

Воитель возглавит штүрм-группу, а ты
тратишь время на болтовню с писакатами,
которые подвергают сомнению честное
слово благородного Астартес.

-- Первый капитан Абадгон, --
выдохнул Каркази, склоняя голову. -- Я не
хотел никого оскорбить. Я только делился
с капитаном Локеном своими
впечатлениями от того, что услышал.

-- Помолчи, червяк! -- огрызнулся
Абадгон. -- За оскорбление, нанесенное
Эребу, мне стоило бы убить тебя на
месте.

-- Изнаций делает то, о чем я его
спросил, -- вмешался Локен.

-- Ты защищаешь его, Гарвель? --
удивился Абадгон. -- Ты меня
разочаровываешь.

-- Эзекиль, во всем этом деле есть
какая-то загадка, -- сказал Локен. -- Эреб
явно что-то утаил от нас.

Абадгон покачал головой:

-- Ты согласишься этим дурацким
выдумкам и не согласишься Астартес?
Болтовня с этими бутафараками
окончательно затормозила тебе голову.

Локен. Командующий должен об этом услышать.

-- Я очень на это надеюсь, -- парировал Локен, злясь на Абаддона за его упёртость. -- И хотел бы стоять рядом, когда ты скажешь ему об этом.

Первый капитан резко развернулся и направился к выходу.

-- Первый капитан Абаддон, -- крикнул вслед ему Каркази. -- Можно, я задам вам один вопрос?

-- Нельзя, -- отрезал Абаддон, но Каркази это не остановило:

-- Что за монету передал вам Эреб при сегодняшней встрече?

СЕКРЕТЫ И ТАЙНЫ ХАОС РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛОВА АУДИЕНЦИЯ

После вопроса Каркази Абагдон застыл на месте. Локен, заметив признаки надвигающейся бури, поспешил занять позицию между летописцем и Первым капитаном.

– Угнаций, убирайся отсюда! – едва успел он крикнуть, как Абагдон, развернувшись, бросился на Каркази.

Абагдон заревел от ярости, но Локен перехватил его руки, а Каркази с испуганным криком выскочил из юрты. Абагдон, обладавший более массивной фигурой, без труда отбросил Локена назад. Локен полетел на пол, но достиг своей цели, переключив гнев Первого капитана на себя.

– Ты остелился поднять руку на своего собрата, Локен? – зарычал Абагдон.

– Я просто удержал тебя от большой ошибки, Эзекиль, – ответил Локен, поднимаясь после падения.

Он видел, в какой ярости его товарищ, и понимал, что надо держаться как можно осторожнее. Акиманд рассказывал ему о приступах иступленной ярости Абагдона во время вынужденной эвакуации главнокомандующего из Экстрануса, и с тех пор его нрав становился все более непредсказуемым.

– Ошибки? О чем ты толкуешь?

– Об убийстве Изнация, – сказал Локен. – Подумай сам, что могло произойти, если бы ты его убил. Воитель был бы обязан потребовать взамен твою голову. Представь, какими могли быть последствия, если бы Астартес хладнокровно убил одного из летописцев.

Абагдон яростно зашагал по юрте, но Локен понял, что слова проникли сквозь кровавый туман гнева, охватившего его товарища.

– Проклятье, Локен... – шепел

Абагдон. — Проклятье.

— А о чем говорил Игнаций, Эзекиль?
Между тобой и Эребом действительно
мелькнул медальон логи?

Абагдон взглянул в лицо Локена.

— Я не могу сказать.

— Значит, это был он.

— Я. Не могу. Сказать.

— Прекрати, Эзекиль. Терпеть не
могу секреты и тайны. Вот потому я и не
смог вернуться в воинскую ложу. Аксиманд
и Торгаддон оба приглашали меня, но я не
смог. Не теперь. Скажи, Эреб тоже член
логи? Он и раньше состоял в этом
обществе, или вы приняли его по пути
сюда?

— Ты слышал слова Сергара на нашей
встрече. Тебе известно, что я не могу
обсуждать происходящее в ложе за ее
пределами.

Локен шагнул вперед и оказался
лицом к лицу с Абагдоном.

— Эзекиль, ты все должен рассказать
мне немедленно. Я чувствую, что
происходит что-то непонятное, и, клянусь,
я почувствую, если ты мне солжешь.

— Ты думаешь, что можешь запугать меня, малыш? — рассмеялся Абагдон, но Локен заметил, что его веселье было напускным.

— Да, Эзекиль, я так думаю. А теперь рассказывай.

Взгляд Абагдона на мгновение метнулся к входу юрты.

— Прекрасно, — сказал он. — Я расскажу, но твои слова никто больше не должен слышать.

Локен кивнул, и Абагдон продолжил:

— Мы не принимали Эреба в члены ложи.

— Нет? — с откровенным недоверием переспросил Локен.

— Нет, — повторил Абагдон. — Это Эреб принимал нас.

Эреб, брат Астартес, Первый капеллан Несущих Слово...

Доверенный советник Воителя...

Лжец.

Сколько бы ни пытался он избавиться от этого слова при помощи боевой медитации, оно неизменно возвращалось.

чтобы причинить боль. В добавление ко
всему снова и снова звучали в голове
отрывки последнего разговора с
Эуфратией Киулер.

Тогда она почти слепила его
настойчивым взглядом и спросила: «Если
вы обнаружите гниль, признаки
разложения, постеете ли нарушить
корпоративную верность и выступить
против своих братьев?»

Предположение Киулер казалось
нелогичным, то, о чем она говорила,
просто не могло произойти. И вот теперь
он обдумывает возможность того, что
один из братьев Астартес — тот, кого
ценил и кому доверял Воитель, — лжет
своим друзьям по необъяснимой причине.

Локен попытался разыскать Кирилла
Зиндербанна и обсудить этот вопрос с
ним, но итератора нигде не было видно, и
Локен, отчаявшись его найти, вернулся к
отсек, где располагались тренировочные
катеры. Улыбчивый убийца Люк Седирэ
очистил свой разобранный болтер;
«близнецы» Мой и Марр разыгрывали
учебный бой на мечях; старый друг Локена,

Неро Вунус, сидел на скамье и полировал доспехи, уничтожая царапины, полученные на Убийце.

Седирэ и Вунус приветливо кивнули вошедшему Локену.

-- Гарви, -- окликнул его Вунус, -- ты что-то задумал?

-- Нет, а что?

-- Ты выглядишь немного странно, вот и все.

-- Я в порядке! -- огрызнулся Локен.

-- В порядке, в порядке, -- проворчал Вунус -- Я сделал что-то не так?

-- Прости, Неро, -- опомнился Локен. -- Я просто...

-- Знаю, Гарви. Вся рота в таком же состоянии. Всем не терпится поскорее добратся до места и вцепиться в глотку этого ублюдка, Тембы. Люк уже поспорил со мной, что первым добудет его голову.

Локен с равнодушным видом кивнул и задал беспокоящий его вопрос:

-- Кто-нибудь из вас видел Первого капитана Абаддона?

-- Нет, с тех пор как мы вернулись, -- ответил Седирэ, не поднимая головы. --

Зато тебя спрашивал один из летописцев — эта чернокожая девчонка искала тебя повсюду.

— Олимпон?

— Да, точно, она. Сказала, что вернется примерно через час.

— Спасибо, Люк, — поблагодарил его Локен и снова повернулся к Винусу: — Неро, мне очень жаль, что я на тебя огрызнулся.

— Не стоит беспокоиться, — расстелялся Винус. — Я уже большой мальчик, и у меня достаточно толстая шкура, чтобы пережить твое дурное настроение.

Локен улыбнулся своему другу, открыл оружейный бокс и стал снимать доспехи, а затем и толстые искусственно наращенные полимеры наружного каркаса тела, пока не остался совершенно обнаженным, если не считать простых солдатских штанов. Сняв со стойки меч, Локен шагнул к тренировочной катере и активировал меч, дожидаясь, пока серые стальные полусферы расходятся, а из-под потолка спускается сервитор, играющий роль противника.

-- Тренировочный бой уровня «Эпсилон девять»,-- произнес Астартес. --

Максимальная опасность.

Боевая машина с гудением ожила, из щелей выползли глинные лезвия, напотнившие Локену крылатых арахнидов с Убийцы. Корпус его механического противника вдобавок ошетинился острыми шипами и подвижными жужжащими лезвиями. Локен повертел головой и взмахнул руками, готовясь к предстоящей борьбе.

Чтобы обдумать все произошедшее, ему нужна ясная голова, а для этого нет лучшего средства, чем хорошая схватка. Вкатере негромко раздался отсчет оставшихся до боя секунд, Локен пригнулся в боевой позиции, а его мысли снова вернулись к Первому капеллану Несущих Слово.

Лжец...

Прошло пятнадцать дней с тех пор, как они покинули пределы владений интерексов, а до прибытия на Давин оставалась еще неделя. В тот день Локен

Впервые получил возможность поговорить с Эребом с глазу на глаз. Он дожидаясь Первого капеллана Несущих Слово на передней наблюдательной палубе «Духа мщения» и через толстое бронированное стекло наблюдал за вспышками света и бархатной тьмой.

— Капитан Локен?

Локен обернулся и увидел перед собой открытое серьезное лицо капеллана. Разноцветные всполохи огней, проникавших через окно наблюдательной палубы, отражались от его гладко выбритого и татуированного черепа, а на доспехах, словно на палитре художника, скользили красочные разводы.

— Первый капеллан, — с глубоким поклоном отозвался Локен.

— При рождении мне было дано имя Эреб, и я был бы очень рад, если бы ты меня так называл. Здесь не то место, где требуются формальности.

Локен кивнул, а Эреб подошел и остановился рядом, задержав взгляд на бесконечной игре света и тьмы за стеклом.

— Красиво, не правда ли? — заговорил Эреб.

— Я и сам так считал, — согласился Локен. — Но, говоря откровенно, уже не могу смотреть на эту картину без некоторого трепета.

— Трепета? И почему же? — спросил Эреб, положив руку на плечо Локена. — Варн — это просто средство быстрого перемещения наших кораблей. Разве Император, возлюбленный всеми, не предоставил нам пути и методы извлечения из этого пользы?

— Да, это верно, — кивнул Локен, глядя на вытатуированные на голове Эреба письмена, хотя и не знал наречия, к которому относились слова.

— Это высказывания Императора, как они изложены в «Книге Лоргара» и переведенные на язык колхис, — произнес Эреб, отвечая на нетой вопрос Локена. — Для меня это такое же оружие, как болтер или меч.

В ответ на непонимающий взгляд Локена Эреб продолжил пояснения:

— На поле боя я должен быть

могущественным и устрашающим, а слова Императора, написанные на моей плоти, помогают внушать страх стоящим передо мной ксеносам и неверующим.

-- Неверующим?

-- Возможно, я неправильно выбрал слово, -- небрежно пожал плечами Эреб. -- Наверно, лучше подойдет человеконенавистник, но, как мне кажется, ты пригласил меня сюда не ради изучения татуировок.

Локен стущенно улыбнулся.

-- Да, ты прав. Я хотел с тобой поговорить, поскольку всем известно, что в составе Легиона Несущих Слово много ученых. Вы отыскиали во Вселенной много миров, где, по слухам, были хорошо развиты науки и образование, и привели их к Согласию.

-- Это верно, -- медленно произнес Эреб. -- Хотя в процессе войн мы уничтожили немало наук, считая их неприемлемыми.

-- Но ты обладаешь большими знаниями в эзотерических науках, и мне хотелось бы услышать совет по одному

делу, которое я называл бы... личным.

-- Теперь ты меня заинтриговал, --
сказал Эреб. -- Что же у тебя на уме?

Локен молча показал на пульсирующие разноцветные лучи варпа по ту сторону стекла. Многоцветные облака и спиральные завитки черноты смешивались между собой, словно чернила и вода, и образовывали бесконечно изменчивые переливы света и тьмы. Вокруг корабля в этом таинственном мире не было ни одной отчетливой постоянной формы. Эта бездна в одно мгновение уничтожила бы корабль Воителя, если бы не защищающее его поле Геллера.

-- Варп позволяет нам перемещаться с одного конца Галактики на другой, но мы совершенно не понимаем, как это происходит, не так ли? -- спросил Локен. --
Что на самом деле скрывается в бездне?
Что нам известно о Хаосе?

-- О Хаосе? -- повторил Эреб, и Локен отметил на лице Несущего Слово тени некоторой нерешительности. -- Что ты подразумеваешь под этим понятием?

– Я и сам точно не знаю, – признался Локен. – Но на Ксенобии мне говорил о Хаосе Митрас Түлл.

– Митрас Түлл? Мне незнакомо это имя.

– Он был одним из приближенных Джеффа Науга, – пояснил Локен. – Мы как раз разговаривали с ним, когда все полетело кувыркот.

– Что он сказал, капитан Локен? Повтори точно.

Тон капеллана неприятно удивил Локена, и он сердито прищурил глаза, но, тем не менее, ответил:

– Түлл говорил о Хаосе как о какой-то очень удаленной от нас силе, о первобытной сущности варна. Он сказал, что это самый мощный источник разрушения, какой даже представить себе трудно, и он переживет нас всех и спляшет на наших костях.

– Он выразился очень красочно.

– Да, он так и сказал, но я уверен, что он говорил совершенно серьезно, – произнес Локен, продолжая взглядываться в глубины варна.

– Локен, можешь ли не поверить: варн – всего лишь бессмысленное сосредоточение энергии, которая постоянно перемещается и закручивается в вихри. Только это, и ничего больше. Или есть что-то еще, что заставляет тебя верить его словам?

Локен вспомнил об ужасном существе, которое завладело телом Ксавье Джубала в Храмовой пещере под горным хребтом на Шестьдесят Три Девятнадцать. Его трудно было назвать бессмысленным сгустком энергии. Локен отчетливо помнил отражение кровожадной и злобной мысли в глазах монстра, еще недавно бывшего Джубалом.

Эреб молчал, ожидая продолжения рассказа, но, как хорошо ни относились бы к Несущим Слово в Легионе Сынов Хоруса, Локен не был готов поделиться с посторонними ужасными воспоминаниями о Шепчущих Вершинах.

Вместо этого он торопливо заговорил о другом:

– Я читал книгу о битвах между племенами древней Терры, еще до пришествия Императора, и там было

сказано о применении сил, которые...

- Это были «Хроники Урша»? --
перевел его Эреб.

- Да. А как ты узнал?

- Я тоже читал эту книгу и знаю
отрывок, о котором идет речь.

- Тогда ты должен знать, что там
упоминались темные первобытные
божества и молебны, обращенные к ним.

На лице Эреба появилась
снисходительная улыбка.

- Да, но ведь все усилия
недобросовестных рассказчиков и
неисправимых демагогов направлены на
то, чтобы сделать свои произведения как
можно более захватывающими, не так ли?
К подобным произведениям относятся не
только «Хроники Урша». В
предшествующий Объединению период
было написано множество похожих книг, и
каждый автор исписывал страницу за
страницей, наполняя текст сатирой
жестокости и кровавыми ужасами ради того,
чтобы превзойти своих соперников, а в
результате получались произведения...
сомнительной ценности.

- У ты считаешь, что в них нет ничего полезного?

- Абсолютно ничего,- подтвердил Эреб.

- Түлл говорил, что Умлатериүм, как он называл варн, является источником всякой магии и колдовства.

- Магии и колдовства? - растеялся Эреб, прежде чем снова пристально взглянуть в лицо Локена. - Друг мой, он тебе солгал. Он был связан с ксеносами, а следовательно, являлся врагом Императора. Ты же знаешь, что нельзя доверять словам врага. В конце концов, разве интересы не выдвинули против нас ложное обвинение в краже одного из мечей кинибрахов из Зала Оружия? И настаивали на нем даже после того, как сам Воитель заверил их в том, что мы этого не делали?

Локен ничего не ответил, но братские чувства по отношению к боевым товарищам пришли в несоответствие с его собственными ощущениями.

Все, что говорил Эреб, подтверждало давно укоренившееся отрицание

существования магии, духов и демонов.

И все же Локен не мог игнорировать крик своего внутреннего голоса: Эреб лжет, и угроза Хаоса ужасающе реальна.

Митрас Түлл обернулся его врагом, а Эреб был братом Астартес, и Локен с изумлением сознавал, что скорее готов поверить воину из племени интерексов.

-- Такого Хаоса, о котором ты мне рассказал, не существует,-- заверил его Эреб.

Локен кивнул, соглашаясь, но тотчас вспомнил: никто, даже интерекс, не говорил ему о том, какое именно оружие было украдено в ту ночь.

-- Ты слышала? -- вопрошал Игнаций Каркази, наливая очередной стакан вина. -- Она получит свободный доступ к Воителю! Это нечестно! Мы тут из кожи вон лезем, чтобы создать нечто стоящее, надеемся привлечь внимание хоть сколько-нибудь важной персоны, а она, едва появившись, сразу получает аудиенцию у Воителя!

-- Я слышала, у нее имеются сильные

связи, -- подгакнула Венгун, изящная
молодая женщина с рыжими волосами и
фигурой, подобной песочным часам.

Местные сплетники называли
Венгун «фейерверком на простынях».

Каркази стал обхаживать ее сразу,
как только понял, что она с восторгом
внимает каждому его острому словцу. Он
уже успел забыть, чем именно она
занимается, хотя слутно помнил что-то
насчет «композиций гармонического
сочетания света и тени», однако толком
так и не понимал, о чем шла речь.

«Нет, теперь в летописцы может
записаться кто угодно», -- подумал
Каркази.

В Убежище, как и всегда, было
полным-полно народу -- поэтов,
драматургов, художников и композиторов,
наслаждавшихся привычной богемной
атмосферой, а свободные от вахты
армейские офицеры, рядовые матросы и
палубные рабочие приходили ради новых
историй из еще не опубликованных книг,
импровизированных представлений и
скабрёзных шуток.

Без своей постоянной публики Убежище представляло собой до неприличия неопрятный прокуренный бар, полный людей, которым нечем было заняться. Узроки в поисках фишек, затеявших деньги, ободрали все золотые пластинки с колонн, поддерживающих потолок (и Каркази, надо отметить, имел в своей комнате уже порядочный запас этих заменителей монет). Художники, в свою очередь, побелили значительные участки расписных стен раги своей мази — по большей части непристойной или издевательской.

Мужчины и женщины занимали все свободные столы, играли в карты, обнимались, а наиболее увлеченные летописцы делились своими грандиозными замыслами. Каркази и Венгун сидели вдвоем у стены в одной из открытых кабинок, а гул голосов заполнял все пространство Убежища.

— Связи, — задумчиво повторила Венгун.

— Это точно, — согласился Каркази и осушил свой стакан. — Я слышал, у нее

знакомства в Совете Терры и еще с Сизиллайтом.

— Как высоко она взлетела! И как она сумела все это получить? — спросила Венгун. — Такие связи, я хотела сказать.

— Не знаю, — покачал головой Каркази.

— Разве у тебя самого нет никаких знакомств? Ты мог бы многое разузнать, — заметила Венгун, снова наполняя его стакан. — Тебе-то как раз не о чем беспокоиться, тебе покровительствует один из Астартес. И про тебя тоже ходит немало сплетен!

— Вряд ли, — фыркнул Каркази и хлопнул ладонью по крышке стола. — Я просто должен показывать ему абсолютно все, что напишу. Он цензор, и больше никто.

Венгун пожала плечами:

— Может, так, а может, и нет, но ведь тебя одного пригласили на Военный Совет, не так ли? Могу поспорить, что немого цензуры не слишком большая цена за такие привилегии.

— Возможно, — коротко ответил Каркази.

Он не желал говорить о том, что произошло на Давине, и не хотел вспоминать свой ужас при виде расщепившего Первого капитана Аббадона, обещавшего оторвать ему голову.

Так или иначе, капитан Локен впоследствии отыскал его в интендантской палатке, где дрожащий и перепуганный Угнаций лечился дозами спиртного.

То, что произошло после, казалось довольно смешным. Локен вырвал страницу из его «Бондсмана № 7», написал несколько строк крупными печатными буквами, а затем протянул ленточку.

— Угнаций, это особая клятва, — сказал тогда Локен. — Ты знаешь, что она значит?

— Думаю, да, — ответил Каркази, читая написанные капитаном слова.

— Это клятва, которая относится только к одному действию, она очень определенная и точная, — стал объяснять Локен. — У Астартес принято давать

особую клятву перед боем, и каждый обещает овладеть определенным объектом или отстаивать какой-то идеал. В твоем случае, Узнаций, это будет обещание не разглашать то, что произошло сегодня вечером.

— Я обещаю, сэр.

— Узнаций, ты должен поклясться. Положи руку на книгу и клятву и прочти слова вслух.

Летописец так и сделал — положил угрожающую руку на вырванную страницу, ощущая плотную фактуру бумаги под вспотевшей ладонью.

— Я клянусь не рассказывать ни одной живой душе о том, что произошло между нами, — прочитал Узнаций.

Локен с самым серьезным видом кивнул.

— Не стоит относиться к этому легкомысленно, Узнаций. Ты дал клятву в присутствии Астартес и не должен нарушить ее ни в коем случае. Это было бы серьезной ошибкой.

Узнаций кивнул и направился к ближайшему транспорту, уходящему с

Давина.

Каркази потряхнул головой, прогоняя воспоминания, и спокойная теплота легкого опьянения мгновенно испарилась.

— Эй, — окликнула его Венгун. — Ты меня слушаешь? У тебя такой вид, словно ты улетел отсюда за миллион миль.

— Да, извини. Так о чем ты говорила?

— Я спрашивала, не мог бы ты при удобном случае затолкнуть за меня словечко капитану Локену? Может, ты расскажешь ему о моих композициях? Ты же знаешь, как они хороши.

О композициях?

Он смотрел в ее глаза и видел неудержимую алчность, скрывающуюся под маской интереса. Только сейчас он понял, какой эгоистичной карьеристкой была сидящая перед ним женщина. Внезапно у него возникло острое желание оказаться подальше от этого места.

— Ну как? Ты согласен?

От поисков уклончивого ответа его спасло появление рядом с их столиком женской фигуры. Каркази поднял голову.

— Да? Могу я чем-нибудь помочь?

Но, едва договорив фразу, он узнал Эфратию Киулер. С тех пор как они в последний раз виделись, с ней произошли разительные перемены. Вместо обычных грубых ботинок и армейских брюк она была одета как все женщины-летописцы, а длинные волосы были скромно подстрижены.

Несмотря на более женственный облик, Каркази ощутил разочарование: перемена в облике ему не понравилась. Как оказалось, прежний агрессивный стиль был ему больше по душе, чем странный, почти бесполый вид, который придавала ей эта одежда.

— Эфратия?

Она коротко кивнула:

— Я ищу капитана Локена. Ты не видел его сегодня?

— Локена? Нет, то есть да, но только на Давине. Ты к нам не присоединишься? — предложил он, игнорируя злобный взгляд Вендун.

Его надежды на избавление испарились, как только Эфратия качнула

головой.

— Нет, благодарю. Это место явно не для меня.

— И не для меня, но я все же здесь, — пошутил Каркази. — Ты уверена, что не соблазнишься стаканом вина или партией в карты?

— Уверена, но все равно спасибо. Увидимся позже, Игнаций, — ответила Эфратия и понимающе улыбнулась.

Каркази криво усмехнулся и провожал ее взглядом, пока Эфратия по пути к выходу из Убежища обходила еще несколько столов.

— Кто она такая? — спросила Венгун, и Игнация позабавил ее взгляд, полный профессиональной ревности.

— Это одна из моих хороших друзей, — ответил Игнаций, с удовольствием прислушиваясь, как звучат его собственные слова.

Венгун сдержанно кивнула.

— Послушай, ты хочешь отправиться со мной в постель или нет? — спросила она, и все намеки на личную заинтересованность его персоной потонули

в неприкрытых амбициях.

Каркази растеялся:

– Я мужчина. Конечно, хочу.

– У ты поговоришь обо мне с капитаном Локеном?

«Если ты так хороша, как о тебе говорят, можешь быть в этом уверена», – подумал он.

– Да, дорогая, обязательно поговорю, – произнес вслух Угнаций, и тут он заметил на скамье сложенный лист бумаги.

Может, он давно здесь лежит? Каркази не мог вспомнить. Пока Венгун пробиралась к выходу из кабинки, он взял листок и развернул. Наверху стояло нечто вроде символа – глинная заглавная буква «J» с сияющей в центре звездой. Этот знак ни о чем ему не говорил, и Каркази стал читать текст, полагая, что это писанина кого-то из летописцев.

Едва он разобрал несколько слов, сразу понял, что ошибся.

«Император Человечества есть Свет и Путь, и все его деяния направлены во благо человечества, составляющего его народ. Император есть Бог, и Бог есть

Император, так учит нас...»

— Что это? — спросила Венгун.

Каркази не обратил внимания на ее вопрос, скоткал листок и, выходя из кабинки, сунул себе в карман. Окинув взглядом Убежище, он заметил еще несколько похожих листков, лежащих на столах. Теперь он был убежден, что послания не было до прихода Эфратии, и тогда Каркази прошелся по бару и собрал все свернутые листки, сколько смог найти.

— Чем ты занимаешься? — недовольно воскликнула Венгун, наблюдая за ним со скрещенными на груди руками.

— Отстань, — бросил ей Каркази и заторопился к выходу. — Найди себе другой объект для соблазнения, а мне некогда.

Если бы он не был так занят, наверняка его позабавил бы ее изумленный вид.

Спустя всего несколько минут Каркази стоял перед дверью комнаты Эфратии, расположенной в глубине лабиринта сырых переходов и крутых лестниц, образующих пассажирский отсек

«Духа лишения». На притолоке виснелся нацарапанный символ, точно такой же, как в оставленном листке, и Каркази стал барабанить кулаком в дверь, пока она не открылась. В коридоре тотчас повеяло запахом горячей свечи.

Она улыбнулась, и Каркази понял, что Эуфратия его ждала.

— Божественное Откровение? — спросил он, показывая пачку собранных в убежище листков. — Нам надо поговорить.

— Да, Узнаций, мы обязательно поговорим, — сказала она, повернулась и шагнула внутрь, оставив его на пороге.

Каркази тоже прошел в комнату.

Личные покои Хоруса показались Петронелле удивительно скромными и безликими, здесь имелось лишь несколько предметов, которые можно было отнести к личным вещам. Она не ожидала обнаружить бьющую в глаза роскошь, но и не рассчитывала оказаться в армейской казарме. У одной из стен стоял сундук для вещей, на котором лежала груда пожелтевших пергаментов с текстами

особых клятв, а на полке над кроватью стояли изрядно потрепанные книги. Ложе, чересчур глинное и широкое для нее, казалось недостаточно просторным для столь значительной фигуры, как примарх.

Представив себе Хоруса спящим, Петронелла улыбнулась и задумалась, какие видения славы и величия могут сниться одному из могучих сыновей Императора. Мысль о спящем примархе сделала его более человечным, хотя раньше ей никогда не приходило в голову, что такие, как Хорус, могут нуждаться в отдыхе. Петронелле казалось, что никогда не стареющие не должны и уставать. Поразмыслив, она решила, что кровать служит декорацией, своеобразным напоянием о человеческой природе полубога.

В отличие от первой встречи с Хорусом сегодня Петронелла выбрала простое красно-зеленое платье, юбка которого была украшена серебряной сеткой с топазами, и ярко-алый лиф со скандально низким декольте. Электронный блокнот и перо с золотым наконечником лежали в

маленькой сумочке, висящей на плече на золотом шнуре, а пальцы Петронеллы покалывало от нетерпения. Своего телохранителя Маггарда она оставила за порогом личных покоев, хотя и знала, что невозможность предстать перед высочайшим из воинов огорчит его сверх всякой меры. Близость воинов Астартес, на которых он смотрел словно на богов, приводила охранника в величайший восторг. Петронелла не препятствовала его поклонению, но сегодня хотела, чтобы все внимание Воителя было обращено только к ней.

Нетерпеливо ожидая первой возможности получить интервью, она тихонько дотронулась пальцами до деревянной столешницы. Стол казался таким же огромным, как и кровать, и Петронелла с улыбкой представила себе, сколько великих замыслов рождалось за ним и сколько приказов о сражениях было подписано на нежного потертой и испещренной пятнами поверхности.

Интересно, а приказ о прошлой аудиенции тоже был написан здесь?

Она помнила, как получила предписание немедленно предстать перед Воителем, помнила свой трепет и ликование, переполнявшие сердце, пока растрепанная Бабетта помогала выбрать одно из дюжины платьев. В конце концов, она остановилась на элегантном и скромном кремовом платье с украшенным слоновой костью корсажем, приподнимающим грудь, и тончайшим ожерелье из красного золота с сапфирами и жемчугом, которое обвивало лоб, а затем сверкающим каскадом ниспадало на шею. Пренебрегая обычаям Терры пугрить лицо, Петронелла только затенила уголки глаз сурьмой и подвела губы переливчатым блеском.

Ее усилия явно не пропали даром; едва она предстала перед Воителем, как на его лице появилась широкая улыбка. Ее дыхание, и так стесненное туго затянутым корсажем, и вовсе остановилось при виде физического совершенства Хоруса и его обаяния. Коротко подстриженные волосы обрамляли открытое и красивое лицо, а сияющие

глаза смотрели так внимательно, словно в тот момент она была для него важнее всего остального мира. Петронелла даже ступилась, словно дебютантка на первом балу.

Воитель появился перед ней в сверкающих доспехах цвета зимнего неба, отделанных кованым золотом, с рельефно выступающими письменами на обоих наплечниках. На груди, словно кровь на чистом снегу, алел открытый глаз, и его немигающий взгляд пронизывал ее насквозь.

В тот раз Маггард в тщательно начищенных золотых латах и серебряной кольчуге стоял за ее спиной. Конечно, при нем не было никакого оружия, меч и пистолет остались у телохранителей Хоруса.

-- Мой господин,-- заговорила Петронелла, наклонила голову, приседая в изыщном реверансе, и протянула руку ладонью вниз в ожидании поцелуя.

-- Так это вы из Дома Карпинус? -- спросил Хорус.

Она быстро оправилась от ступения

и не стала обращать внимания на нарушение правил этикета -- Воитель откровенно проигнорировал протянутую руку, поцелуя руку и задал вопрос до того, как было сделано формальное представление.

-- Да, это я, мой господин.

-- Не называйте меня так, -- сказал Воитель.

-- О! Конечно... А как я должна к вам обращаться?

-- Для начала будет достаточно и Хоруса, -- ответил он, и, подняв голову, Петронелла увидела, что он продолжает улыбаться.

Стоящие позади Хоруса воины безуспешно пытались скрыть свое веселье, и она поняла, что Воитель подшучивает над ней. Несмотря на недовольство таким пренебрежением к правилам, она постаралась улыбнуться в ответ.

-- Спасибо, -- сказала она. -- Я так и сделаю.

-- Так, значит, вы хотите стать моим летописцем, это правда? -- спросил Хорус.

— Да, если вы позволите мне выполнять эту работу.

— Почему?

Из всех ожидаемых вопросов именно этого, крайне откровенного, она и не предвидела.

— Я чувствую, что это мое призвание, — той господин, — заговорила она. — Мое предназначение как одной из наследниц Дома Карпинус. Я должна запечатлеть великие деяния и замыслы, сохранить для потомков величие этой войны — героизм, опасность, жестокость и ярость битвы. Я хочу...

— Девочка, ты когда-нибудь видела настоящее сражение? — неожиданно спросил ее Хорус.

— Пожалуй, нет. Ничего подобного, — призналась она, и от обращения «девочка» на щеках вспыхнул сердитый румянец.

— Я так и думал, — сказал Хорус. — Только тот, кто никогда не стрелял, не слышал воплей и криков умирающих, громко требует крови, отпущения и истребления врагов. Вы этого хотите, мисс Вивар? Это ваше «предназначение»?

— Если такова война, то да, —
ответила она, не желая поддаваться его
грубостям. — Я хочу увидеть все. Увидеть
и запечатлеть величие Хоруса для
будущих поколений.

— Величие Хоруса, — повторил
Воитель, явно наслаждаясь звучанием
этих слов.

Прежде чем снова заговорить, он
буквально пронзил ее взглядом.

— Мисс Вивар, в составе нашей
флотилии много летописцев. Скажите,
почему я должен именно вам
предоставить эту честь?

И снова его прямота поразила
Петронеллу, она никак не могла подогнать
слов, а Воитель постеивался над ее
неловкостью. Раздражение ударило в
голову, и, не успев подумать, она
высказалась не менее откровенно:

— Потому что никто из этого сброда,
который вы собрали на своем корабле, не
справится с такой работой лучше, чем я.
Я сделаю вас бессмертным, но если вы
считаете, что меня можно запугать
дурными манерами и высоким положением,

можете катиться в преисподнюю... сэр.

Воцарилась мертвая тишина.

А потом Хорус громко расхохотался, и она поняла, что единственной вспышкой гнева уничтожила все шансы на эту работу, которой так добивалась.

– Вы мне нравитесь, Петронелла Вивар из Дома Карпинус, – неожиданно сказал Хорус. – И вы мне подходите.

От изумления у нее открылся рот и затерло сердце.

– Правда? – спросила она, опасаясь очередной шутки со стороны Воителя.

– Правда, – подтвердил Хорус.

– А я думала...

– Послушайте, милая, обычно я составляю свое мнение о людях в первые десять секунд знакомства и очень редко его меняю. Едва вы успели войти, я распознал натуру бойца. Девочка, в вас есть что-то от волка, и мне это нравится. Вот только...

– Что?

– В следующий раз не ведите себя так официально, – устехнулся он. – Мы находимся на военном корабле, а не в

гостинных Мерики. А теперь я должен извиниться и покинуть вас, мне пора отправляться на Давин и возглавить Военный Совет.

Вот так она была принята.

Ее до сих пор изумляло, что все прошло так легко, однако целый ворох парадных платьев оказался ненужным, и Петронелла была вынуждена носить невыносимо простые костюмы, более уместные для обитателей жалких лачуг окрестностей Гинтуса. Дамы высшего общества ее теперь не узнали бы.

Она продолжала с улыбкой предаваться воспоминаниям, а пальцы скользили по поверхности стола, пока не наткнулись на старинную книгу в потрескавшейся кожаной обложке с почти стертыми золотыми буквами. Она открыла книгу и рассеянно перевернула несколько страниц, пока не остановилась на сложной астрологической таблице с орбитами планет, соединенными линиями. Ниже было изображено какое-то мифическое существо — наполовину человек, наполовину конь.

— Это подарок моего отца, — раздался за ее спиной мощный голос.

Петронелла виновато отдернула руки от книги и обернулась.

Позади стоял Хорус, в полном боевом доспехе. Как и всегда, он казался воплощением пугающей мужественности, и мысль о том, что она без компаньонки находится в одной комнате с таким могучим представителем сильной половины человечества, к чувству вины добавила и некоторую пикантность.

— Простите, — прошептала Петронелла. — Это было невежливо с моей стороны.

— Не беспокойтесь, —махнул рукой Хорус. — Если бы здесь было нечто секретное, я бы не стал оставлять книгу на столе.

Несмотря на эти заверения, он все же взял книгу со стола и поставил на полку над кроватью. Петронелла мгновенно ощутила, насколько он напряжен, и, хотя внешне Воитель казался совершенно спокойным, сердце забилося чаще, едва она почувствовала сдерживаемую ярость. Гнев

кипел под кожей, словно огонь дремлющего
вулкана накануне извержения.

Не успела она что-нибудь ответить,
как Хорус заговорил снова:

— Боюсь, я не смогу поговорить и
поговорить с вами, мисс Вивар. На
спутнике Давина возникли проблемы,
требующие моего безотлагательного
вмешательства.

Петронелла попыталась скрыть
разочарование.

— Не важно, мы можем перенести
встречу на то время, когда вам будет
удобно.

Он растеялся резко и, как показалось
Петронелле, не слишком весело.

— Это время может наступить не
скоро, — сказал он.

— Я не из тех, кто легко сдается, —
заверила его Петронелла. — Я умею ждать.

Несколько мгновений Хорус взвешивал
ее слова, затем покачал головой.

— Нет, в этом нет необходимости, — с
улыбкой произнес он. — Вы ведь хотели
увидеть войну?

Она энергично кивнула, и Воитель

продолжил:

- Тогда можете пройти со мной на десантную палубу и посмотреть, как Астармес готовится к сражениям.

НАШИ ЛЮДИ ВОЖДЬ ШТУРМГРУППА

На капитанском мостике «Духа
мщения» кипела напряженная
деятельность: воинские подразделения и
боевые машины спешно возвращались с
Давина — планировалась экспедиция по
уничтожению лютых сил Эугана
Тембы.

Уничтожение. Все пользовались
именно этим словом. Не подавление, не
утиротворение — уничтожение.

И Легион был готов исполнить этот
приговор.

Стройные грозные корабли снялись с
орбиты Давина под бдительным оком
командующего флотилией Боаса
Колменуса. Перебросить такую армаду
даже на небольшое расстояние было
непростой задачей, но капитаны знали свое
дело, и уход с Давина был произведен с

хирургической точностью.

Орбиту покинула не вся экспедиция, но кораблей, следующих за «Духом мщения», было достаточно, чтобы увериться: штормгруппе Астартес никто не сможет противостоять.

К счастью, переход был очень коротким; в отраженном свете красного солнца спутник Давина выделялся грязноватым желто-коричневым пятном.

Боас Колненус решил, что место назначения выглядит как ужасная раздутая опухоль.

Грузовая палуба гудела от бегом бежавших заправщиков, палубных рабочих и механиков, проводивших последнюю предполетную проверку штормкатеров. Работающие двигатели выбрасывали прерывистые дуги огня, наполнявшие огромное шумное помещение бледным, размытым, неестественным сиянием. Люки уже были заграены, чехлы с оружием сняты, и топливные шланги отсоединены. Шесть грозных кораблей затерли на стартовых станциях, а краны еще

поднимали на борт артиллерийские снаряды, и оружейные сервиторы соединялись с бортовыми пушками.

Капитаны и воины, отобранные в штурмовую группу Воителя, вместе с палубными командами кружили у штурмкатеров, проверяя и перепроверяя свои машины. Вскоре их жизнь будет зависеть от этих судов, а среди десантников не было желающих расстаться с жизнью из-за мелкой технической неисправности. Кроме четверых торпильцев, сражаться во имя Императора отправлялись Люк Седирэ, Неро Винус и Верулам Мой, и за каждым из них шли специально отобранные группы из состава их рот.

Локен был готов. Тревожные мысли будоражили его разум, но при подготовке к грядущим сражениям он отодвинул их в сторону. Сомнения и неуверенность затуманивали мозг, но Астартес был способен с этим справиться.

-- Клянусь, я уже готов! -- воскликнул Торгаддон, явно предвкушая сражение.

Локен кивнул. Ему и сейчас что-то

казалось чуждою и неправильно, но он тоже стремился вступить в открытый бой, потеряться силами с противником. Хотя, если данные разведки верны, их ожидают не более десяти тысяч мятежных солдат армии, а для такого количества хватило бы и в четыре раза меньше воинов Астартес.

Но Воитель потребовал полного уничтожения отрядов Тембы, и воплощением его гнева должны были послужить пять рот костогесантников, отряд Византийских Янычар Гектора Варваруса и боевая группа титанов Легис Мортис. Принцес Эсай Турнет лично командовал «Диес ире».

— Я не видел такого многочисленного сбора с самого Улланора, — заметил Торгадгон. — Этих мятежников на луне теперь уже можно считать мертвецами.

Мятежники...

Кто мог подумать, что они услышат это слово?

Враги -- да, но мятежники -- никогда.

Тревожная мысль отравила предвкушение битвы. Локен вслед за

другом подошел к Аксиманду и Абаддону, проверавшим вооружение своего иштүрмкатера. Вскоре разгорелся спор по поводу выбора орудий.

— А я тебе говорю, что субзвукковые снаряды будут лучше! — настаивал Аксиманд.

— А если у них доспехи, как у тех проклятых интерексов? — возражал Абаддон.

— Тогда мы применим реактивные снаряды. Локен, скажи ему!

Абаддон, только что заметивший подошедших Локена и Торгаддона, коротко кивнул.

— Аксиманд прав, — сказал Локен. — Сверхзвукковые снаряды прошивают противника до того, как успеют разорваться и нанести значительные повреждения. Таких попаданий может быть три, даже четыре, а противник все еще будет стоять на ногах.

— Эзекиль настаивает на них только потому, что в нескольких последних сражениях мы воевали с бронированным противником, — заметил Аксиманд. — А я

пытаюсь втолковать ему, что на этот раз воевать придется против людей, которые экипированы не лучше, чем солдаты нашей армии.

-- И не будем забывать, -- съехидничал Торгаддон, -- что Эзекилю требуется все имеющееся в наличии оружие, чтобы совладать с противником.

-- Тарик, с тобой я могу справиться и так, -- трачно ответил Абаддон, но затем все же улыбнулся.

Волосы Первого капитана уже были собраны в хвост, чтобы было удобнее надеть шлем, и Локен видел, что он тоже предвкусывает грядущее кровопролитие.

-- Неужели никого из вас это не беспокоит? -- не в силах больше сдерживаться, спросил Локен.

-- Что? -- удивился Аксиманд.

-- Вот это, -- ответил Локен, обводя жестом пальбу, где полным ходом шли приготовления к войне. -- Неужели вы не понимаете, что нам предстоит сделать?

-- Конечно понимает, Гарвель, -- крикнул Абаддон. -- Мы собираемся перебить всех этих глупцов, которые

остелились оскорбить Воителя!

— Нет, — возразил Локен. — Все совсем не так, разве вы не видите? Мы собираемся воевать против людей, не против каких-нибудь ксеносов или давно утерянной ветви человечества, не желающей принять условия согласия. Это наши люди, мы идем убивать наших людей!

— Это изменники, — поправил его Аббагон, с нажимом произнеся последнее слово. — В этом-то все и дело. Ты понимаешь? Они отвернулись от Воителя и Императора, а потому обречены.

— Брось, Гарвель, — сказал Торгагон. — Ты беспокоишься по пустякам.

— Разве? А что мы будем делать, если это повторится?

Трое остальных членов Морниваля озадаченно переглянулись.

— Что — повторится? — наконец спросил Аксиманг.

— Что, если восстанет еще один мир, потом другой? Сейчас мы имеем дело с партией, а что произойдет, если взбунтуются Астартес? Неужели мы

будет сражаться и против них?

Трое морнивальцев растеялись, но затем Торгаддон все же ответил:

-- У тебя отличное чувство юмора, брат. Ты и сам знаешь, что такое невозможно. Это нелогично.

-- И такие мысли недостойны, -- с серьезным видом добавил Аксиманг. -- Это может рассматриваться как измена.

-- Что?

-- Я мог бы доложить Воителю о подстрекательстве.

-- Аксиманг, ты же знаешь, я никогда...

Торгаддон не выдержал первым.

-- Ох, Гарви, как легко тебя провести! -- сказал он, и все снова застелилось. -- Теперь даже Аксиманг может тебя поглотить. Ты прямолинеен с ног до головы!

Локен выдал устешку:

-- Вы правы, простите.

-- Не стоит извиняться, -- сказал Торгаддон. -- Лучше приготовься убивать.

Первый капитан протянул руку вперед:

— Убивать ради живых.

— В отпущение за погибших, — продолжил Аксиманд, накрывая своей ладонью руку Абаддона.

— Пусть провалятся в преисподнюю все живые и мертвые, — сказал Торгаддон, следуя их примеру. — Убивать ради Воителя!

Чувство общности с братьями по Морнивалю охватило Локена. Он кивнул и протянул руку, ощущая, как гордость и уверенность наполняют душу.

— Я буду убивать ради Воителя! — пообещал он.

От грандиозного размаха у нее захватывало дух. Ее собственный корабль был оснащен тремя посадочными палубами, но по сравнению с «Духом отпущения» он казался просто прогулочной яхтой, поскольку мог принимать лишь шкифы, мелкие транспорты и челноки.

Представшая ее глазам военная мощь подавляла.

Сотни Астартес находились на стартовой палубе, и все они уже

распределились вокруг штурмкаторов -- грозных, приземистых летательных аппаратов, вооруженных десятками ракет. По каждому из крыльев и крупнокалиберным орудием на турели в носовой части судна. Последние приготовления уже были закончены, двигатели пронзительно завывали, а могучие и массивные костогесантники в последний раз проверяли оружие.

-- Я и представить себе не могла подобного зрелища, -- сказала Петронелла, наблюдая, как в дальнем конце ступеней оглушительно загрохотала и отошла в сторону гигантская бронированная створка.

За грожащей завесой защитного поля на фоне звездной россыпи показалось грязноватое свечение спутника Давина. Спустя мгновение с пневматическим шипением из палубы поднялись законченные отражатели реактивных струй.

-- Этого? -- спросил Хорус. -- Это пустяки. Вот на Улланоре, вокруг планеты зеленокожих, собралось сразу

шесть сотен кораблей. В тот день на поле боя вышел весь мой Легион, девочка. Поверхности было не видно: больше двух миллионов солдат армии, сотня титанов под управлением механиков и все рабы, которых мы освободили из концлагерей зеленокожих.

— И всех направляла воля Императора, — добавила Петронелла.

— Да, — кивнул Хорус. — Всех вела воля Императора...

— А другие Легионы сражались на Улланоре?

— Жиллимана и Хана. Их Легионы держали под контролем внешние подступы и участвовали в диверсионных атаках, но эту победу завоевали мои воины, лучшие из лучших прошли сквозь грязь и кровь благодаря своему упорству и мастерству. Я сам вел штурм группы юстаэринцев в решающее сражение.

— Это трудно себе представить.

— Но, тем не менее, так оно и было. Из боя против предводителя зеленокожих вышли только Абaddon и я. Этот ублюдок оказался крепким орешком, но я одолел его.

и сбросил тело с самой высокой башни.

-- Это произошло до того, как Император присвоил вам титул Воителя? -- спросила Петронелла, торопливо работая пером, чтобы записать быструю речь Хоруса.

-- Да.

-- И вы вели в бой... как это называется? Штурмгрюнну?

-- Да, штурмгрюнну. Точно направленный удар, чтобы разорвать глотку врага и лишить его лидера.

-- И здесь вы тоже поведете передовой отряд?

-- Поведу.

-- Не кажется ли вам это немного необычным?

-- Что именно?

-- То, что высокопоставленный военачальник лично участвует в бою?

-- У меня по этому вопросу уже был спор... вернее, дискуссия с торнивальцами, -- сказал Хорус, не обращая внимания на ее вопрошающий взгляд по поводу незнакомого названия. -- Я Воитель, и я не заслуживал бы такого титула, если бы держался в

стороне от сражений. Если воины идут за мной и без колебаний подчиняются моим приказам, как это делают Астартес, они должны видеть, что я рядом и разделяю с ними все опасности. Как может воин мне доверять и идти в бой по моему приказу, если будет знать, что я только подписываю бумаги и не подвергаюсь опасности наравне со всеми?

– Я уверена, что придет время, когда обязанности, налагаемые высоким титулом, заставят вас покинуть поле боя. А если вы погибнете...

– Этого не случится.

– Но все же?

– Я не погибну, – сказал Хорус, и в каждом звуке этих слов прозвучала непоколебимая уверенность.

Его взгляд, яркий и решительный, встретился с глазами Петронеллы, и она ощутила, как вера в могущество Воителя растет и заполняет все ее существо.

– Я верю вам, – сказала она.

– А хочешь, я познакомлю тебя с торнивальцами?

– С кем?

-- Сейчас увидишь, -- улыбнулся Хорус.

-- Еще один клятый летописец! -- фыркнул Абаддон, качая головой при виде появившегося на пусковой палубе Хоруса, сопровождаемого женщиной в красно-зеленом платье. -- Мало того что они постоянно клубятся возле тебя, Локен, но Воитель? Это отвратительно.

-- Почему бы тебе не сказать ему об этом лично?

-- Не беспокойся, скажу, -- ответил Абаддон. Аксиманг и Торгаддон промолчали, они слишком хорошо знали, когда не следует перечить вспыльчивому Первому капитану. Но Локен не слишком часто общался с Абаддоном, и, кроме того, еще не утих его гнев после стычки на Давине, когда тот защищал Эреба.

-- Ты считаешь, что в деятельности летописцев нет ничего полезного?

-- Ба! Да нянчиться с ними -- только напрасно тратить время. Разве Леман Русс не посоветовал дать каждому из них оружие? Но мне, так это было бы в тысячу раз полезнее, чем их глупые поэмы и

картины.

— Дело не в поэмах и картинах, Эзекиль, а в том, чтобы сохранить дух нашего времени. Дело в истории, которую мы пишем.

— Мы здесь не для того, чтобы писать историю, — возразил Абаддон. — Мы ее создаем.

— Верно. А они ее расскажут.

— И какая нам от этого польза?

— Может, для нас и никакой, — ответил Локен.

— Так для кого же? — резко бросил Абаддон.

— Для тех поколений, что придут после нас, — сказал Локен. — Ведь Империя останется. Ты себе и представить не можешь ценность собираемой летописцами информации: целые библиотеки хроник, галереи картин и бесчисленные города поднимаются во славу Империи. Через многие тысячи лет люди будут вспоминать эти времена, узнавать о нас и восхищаться благородством наших деяний. Наступит эпоха просвещения, и люди пожалеют, что

не были с нами. Все наши завоевания останутся в веках, и человечество будет воспоминать Сынов Хоруса как борцов за объединение и прогресс. Подумай об этом, Эзекиль, прежде чем так легкомысленно обвинять летописцев.

Локен пристально уставился в лицо Аббадона, ожидая возражений.

Первый капитан не отвел глаз и расстелся:

— Что ж, может, и я заведу себе личного летописца. Кому не хочется, чтобы его имя помнили в будущем, а?

Торгаддон похлопал обоих грузей по плечам.

— Ну, кому же захочется тебя воспоминать, Эзекиль? Это меня будут помнить, героя Паучьего Царства, спасшего Детей Императора от неминучей гибели в лапах мегарахнидов. Эту историю не грех рассказать и дважды, правда, Локен?

Локен улыбкой приветствовал влиятельство Торгаддона.

— Да, Тарик, это грандиозная история.

-- Только хотелось бы, чтобы мы ее слушали не больше двух раз в день, -- вставил Акситанг. -- А то она станет такой же скучной, как та твоя шутка про медведя.

-- Не надо! -- взмолился Локен, заметив, что Торгадгон готов снова рассказать борогатый анекдот.

-- Это был большой медведь, самый большой, какого только можно себе представить, -- начал Торгадгон. -- У охотник...

Морнивальцы хором взвыли и набросились на него, пытаясь заставить затолчать. Завязалась шутливая потасовка.

-- А вот это члены Морнивала, -- раздался рядом повелительный голос, и веселье мгновенно прекратилось.

При первых же звуках голоса Воителя Локен отпустил зажатую под локтем голову Торгадгона и выпрямился. Морнивальцы ступенно вытянулись перед главнокомандующим. Рядом с Воителем стояла ступлая черноволосая женщина в роскошном платье. Как бы она ни была

высока по человеческим меркам, ее голова едва доставала до нижнего края нагрудной брони Хоруса. Явно не понимая, чему она стала свидетелем секунду назад, женщина в замешательстве смотрела на костодесантников.

-- Ваши роты уже готовы к бою? -- спросил Хорус.

-- Да, сэр! -- Громынуло в четыре голоса.

Хорус повернулся к женщине.

-- Перед вами Петронелла Вивар из Дома Карпинус. Она стала моим личным документалистом, и я, как мне теперь кажется, совершенно напрасно решил, что ей пора познакомиться с членами Морнивала.

Женщина сделала шаг вперед и присела в изысканном, но совершенно неуместном реверансе, а Хорус остался позади. Уловив проблеск веселья за маской напускной суровости, Локен решился заговорить первым:

-- Не хотите ли представить нас, сэр? Она вряд ли сможет составить достойную хронику ваших деяний, не зная

нас, не так ли?

-- Верно, Гарвель, -- улыбнулся Хорус. --
Мне не хотелось, чтобы в истории Хоруса
отсутствовало упоминание о вас. Ну что
ж, этот нахальный юнец -- Гарвель Локен,
недавно выдвинутый на вакантное место в
братстве Морниваль. Рядом с ним стоит
Тарик Торгадгон, который все пытается
обратить в шутку, хотя это и не всегда
ему удается. Следующий -- Аксиманг. Мы
называем его Маленький Хорус, поскольку
ему посчастливилось унаследовать
некоторые из моих наиболее
привлекательных черт внешности. И,
наконец, мы добрались до Эзекиля
Абадгона, капитана моей Первой роты.

-- Тот самый Абадгон с башни на
Улланоре? -- спросила Петронелла, и
Эзекиль просиял от этих слов.

-- Да, он самый, -- подтвердил Хорус. --
Хотя, глядя на него сейчас, такого не
скажешь.

-- Это и есть Морниваль?

-- Да, это все члены братства, и,
несмотря на то, что сейчас они
продемонстрировали неуместную

ребячливость, я не могу не дорожить ими. Их голос звучит в моих ушах голосом разума, когда рушится все вокруг. Они так же дороги мне, как и мои братья-притархи, а их советы я ценю превыше всех остальных. В братстве Торниваль все грани человеческого характера собраны в абсолютно точных пропорциях, и это помогает мне не скатиться в пропасть.

-- Так это ваши советники?

-- Этот термин слишком узок для обозначения того места, которое они занимают. Поймите это, Петронелла Вивар, и ваше время, проведенное со мной, не пройдет впустую. Без них титул Воителя мог стать пустым звуком.

Хорус шагнул вперед и вытащил из-за пояса какой-то предмет, с которого свисала глинная полоска пергамента.

-- Сыны мои, -- произнес Хорус, опускаясь на одно колено и протягивая торнивальцам свою печать, -- готовы ли вы принять мою особую клятву?

Пораженные необычной торжественностью его действий, все четверо затерли, не решаясь шелохнуться.

Остальные костодесантники, находившиеся на пусковой палубе, тоже увидели происходящее, и во всем огромном помещении воцарилось молчание. Даже механические шуты, казалось, стали тише, едва великий Воитель преклонил колени перед своими избранными сынами.

Наконец Локен, сняв с подрагивающей руки латную рукавицу, принял из руки Хоруса символ власти и пергамент. Торгаддон и Аксиманг, стоящие по обе стороны от Локена, при виде смиренного Воителя почти лишились дара речи. Но вскоре Аксиманг совладал со своими чувствами.

— Мы выслушаем вашу клятву, Воитель, — произнес он.

— И засвидетельствуем ее, — добавил Абаддон, обнажая свой меч и протягивая Хорусу.

Тогда Локен поднял пергамент и прочел слова, написанные его командиром:

— Принимаешь ли ты на себя эту роль, Хорус? Берешься ли отомстить тем, кто отвернулся от тебя и всего того, что ты помог создать? Клянешься ли ты,

что не оставишь в живых ни одного из тех, кто встал на пути человечества? Клянешься ли ты принести славу Шестнадцатому Легиону?

Хорус поднял голову, посмотрел в глаза Локена, затем снял рукавицу и обнаженной рукой сжал лезвие протянутого Абадгоном меча.

— На этом оружии я приношу клятву, — сказал Хорус и, проведя рукой по лезвию, разжал кулак.

Локен кивнул и протянул пергамент с печатью поднявшемуся Воителю. Хорус уронил несколько капель быстро сворачивающейся крови на пергамент, прикрепил свиток на свой нагрудник и широко улыбнулся.

— Благодарю вас, дети мои, — сказал он, по очереди обнимая торнивальцев.

Восхищение Воителем переполнило сердце Локена; в тот момент, когда они обнимались, бесследно исчезли все тревоги, тяготившие его еще несколько минут назад.

Как он мог сомневаться?

— А теперь, сыны мои, нам предстоит

свершить возмездие! -- воскликнул Хорус. --

Каков будет ваш ответ?

-- Лүперкаль! -- прокричал Локен, выбрасывая вверх сжатый кулак.

Его крику вторили стоящие рядом, и вскоре боевой клич распространился повсюду, пока вся пусковая палуба не грохотала от оглушительного рева Сынов Хоруса:

-- Лүперкаль! Лүперкаль! Лүперкаль!

Начался поочередный запуск истребителей, и судно Воителя понеслось по рельсам, словно выпущенный из клетки хищник. Запуск происходил с интервалом в семь секунд, и наконец, все истребители покинули стартовую палубу. Пока не собрались все корабли с этой и других палуб, пилоты держались неподалеку от «Духа мщения». До сих пор не было замечено никаких признаков ни «Славы Терры», флагмана Эугана Тембы, ни каких-то других судов, оставленных для поддержки армии, но нельзя было исключать и того, что поблизости курсируют отряды крейсеров или

истребителей.

Спустя некоторое время к звену Воителя присоединились еще двенадцать иштүрмкатеров Легиона Сынов Хоруса и еще два, принадлежавшие Несущим Слово. Закончив построение, корабли Астартес крутым виражом легли на курс, который должен был привести их на поверхность спутника Давина. Огромный, подобный горе силүэт флагманского корабля Воителя стал удаляться, и тогда из транспортных шахт роем светящихся насекомых стали вылетать армейские десантные капсулы — в каждой из них помещалась сотня вооруженных людей.

Но самыми большими были посалочные модули механикутов.

Огромные туши, величиной с городской квартал, они представляли собой тупоносые цилиндры, снабженные мощной защитой от перегрева и специальными тормозными двигателями. Противоинерционные поля предохраняли находящийся внутри груз от повреждений, и боеприпасы на внутренних пружинных стеллажах могли выдерживать

значительные удары.

Вслед за военными силами Десанта на поверхность направлялись отряды снабженцев, тюки со снаряжением, танкеры с водой и продовольствием, топливозаправщики и бесчисленное множество других судов, предназначенных для обеспечения масштабной операции.

На поверхность спутника направлялось так много кораблей, что никто, даже команда Боаса Колменуса на капитанском мостике, не мог уследить за всеми передвижениями, а потому золотистый скиф, выскользнувший из пассажирского отсека «Духа мщения», остался незамеченным.

Экспедиционные суда достигли нижней орбиты и попали под воздействие потоков атмосферных газов, образующих плавные спиральные вихри.

Как обычно, во главе сил вторжения шли Астартес.

Дорога к месту высадки оказалась не гладкой. Атмосферные возмущения образовали почти сплошную зону

штүрбүлентности, и штүрмкатера
Астартес закружились, словно сорванные
ураганом листья. Локен ощутил, как
сильно вибрирует корпус корабля, и
порадовался, что пристегнул ремни
надежно удерживающие его в кресле.
Болтер был прочно закреплен над головой,
так что больше ничего не оставалось, как
сидеть и ждать, пока штүрмкатер не
приземлится и не начнется атака.

Он замедлил дыхание, очистил мозг
от всех посторонних мыслей, и горячий
поток энергии стал распространяться по
рукам и ногам -- это механизмы доспехов
начали подготовку его организма к
предстоящей битве.

Вокруг Локена сидели воины из
отделений Локасты (которыми
командовал Неро Винус) и Брейкснүра. Они
воплощали высшие военные достижения
человеческой мысли. Все они были дороги
Локену, и он знал, что космогесантники
его не подведут. Сражения на Убийце и
Ксенобии подтвердили их блестящую
подготовку, и в тех нелегких схватках
получили боевое крещение несколько

новичков.

Его рота была надежной и испытанной в битвах.

-- Гарвель, -- окликнул его Винус по внутренней связи. -- Есть кое-что, что ты должен услышать.

-- Что именно? -- спросил Локен, уловив в голосе друга оттенок тревоги.

-- Включи седьмой канал, -- сказал Винус. -- Я заблокировал его для остальных, но тебе стоит послушать.

Локен повернул переключатель каналов, но не услышал ничего, кроме непрерывного треска статических разрядов. Щелчки и потрескивания сменялись свистом, но больше он ничего не уловил.

-- Я ничего не слышу.

-- Подожди. Сейчас услышишь, -- заверил его Винус.

Локен сконцентрировался и стал напряженно прислушиваться.

И вот он услышал.

Это был слабый, словно долетающий издалека голос -- булькающий и плаксивый.

«...нүти людей. Глүно... определять...

судьбу каждого. В смерти и возрождении человечество будет жить вечно...»

Чувство страха не было заложено в костодесантниках, но Локен тотчас вспомнил о приближении к Шепчущим Вершинам, когда все пространство вокруг них было насыщено угрожающим шепотом существа по имени Самус.

— Только не это, — пробормотал Локен, а неприятный слезливый голос снова возник в ушах.

«Таким образом я отказываюсь от путей Императора и его прислужника Воителя и иду согласно собственной свободной воле. Если он осмелится прийти ко мне, то погибнет. И в смерти мы будем жить вечно. Будь благословенна рука Нург-лет. Будь благословенна. Будь благословенна...»

Локен стукнул кулаком по кнопке, отпускающей ремни, и поднялся с сиденья, слегка покачнувшись от приступа странной тошноты. Организм костодесантника позволял спокойно переносить болтанку штурткатера, и Локен быстро прошел по ребристой

настилу к кабине пилотов. Он не мог допустить, чтобы люди вслепую угодили в ужас, похожий на тот, что объял их при высадке на Шестьдесят Три Девятнадцать.

За металлической створкой люка офицеры-летчики и опытные проводники пилоты пытались провести корабль сквозь клубы желтых штормовых туч. Из динамиков доносились обрывки фраз, произносимых тем же плаксивым голосом.

-- Откуда поступает сигнал? -- спросил Локен.

Ближайший из офицеров обернулся на его голос.

-- Это вокс, определенно вокс, но...

-- Но -- что?

-- Сигнал поступает из корабельного вокса, -- сказал офицер, указывая на волнообразную зеленую линию, светящуюся на соседнем экране. -- Судя по характеру кривой, это один из наших передатчиков. У довольно мощный, похоже, он предназначен для связи между кораблями или между флотилиями.

-- Это реальный вокс-сигнал? --

уточнил Локен, радуясь, что имеет дело не с призраком наподобие Самуса.

— Похоже, что так, вот только корабельный вокс-передатчик такого размера не должен находиться на поверхности планеты. Большие суда не спускаются к границе атмосферы. Если они еще собираются полетать.

— Вы сможете его подавить?

— Можно попробовать, но я уже говорил, сигнал очень мощный, он довольно быстро прорвется через любые помехи.

— А можете определить точное местонахождение источника?

Офицер уверенно кивнул:

— С этим проблем не будет. Сигнал такой силы можно проследить даже с орбиты.

— Почему вы этого не сделали?

— Но раньше его не было, — возразил офицер. — Он появился в тот момент, когда мы вошли в ионосферу.

Локен кивнул:

— Подавляйте сигнал, насколько это будет возможно. И выясните, где находится источник.

Он вернулся в свой отсек, но злобещее сходство этого сигнала и непонятного явления в Шепчущих Вершинах не давало покоя.

«Слишком похоже, чтобы быть случайным совпадением», — подумал Локен.

Он включил связь с остальными членами Морнивала и получил подтверждение, что сигнал был слышен на всех кораблях штурмгруппы.

— Пустяки, Локен, — услышал он голос Боутеля с передового корабля. — Пропанганда, только и всего.

— Со всем моим уважением, сэр, но пропангандой мы считали и голос в Шепчущих Вершинах.

— Так что ты предлагаешь, капитан Локен? Повернуть обратно на Давин? Оставить пятно на моей чести?

— Нет, сэр, — ответил Локен. — Просто мы должны быть очень осторожны.

— Осторожны? — рассмеялся Абаддон, и резкий акцент уроженца Хтони прорвался даже через вокс. — Мы — Астартес. Пусть лучше остерегутся все вокруг нас.

— Первый, капитан прав, — сказал Хорус. — Мы проследим сигнал и уничтожим источник.

— Сэр, возможно, именно этого и хотят наши враги.

— Значит, они скоро осознают свою ошибку, — бросил Хорус и отключил связь.

Спустя мгновение Локен услышал все эти приказы Бомтеля, а затем ощутил, как накренилась палуба корабля. Штурмкатера, словно стая хищных птиц, плавно изменили курс.

Локен сел на свое место и пристегнулся. Внезапно его сомнения переросли в уверенность: их ждет ловушка.

— Что происходит, Гарви? — спросил Винус.

— Мы собираемся уничтожить этот голос, — сказал Локен, повторяя приказ Бомтеля. — Это всего-навсего вокс-передатчик. Пропаганда.

— Надеюсь, что это действительно так.

«И я тоже», — подумал Локен.

Штурмкатер совершил посадку.

накренясь, шасси скользило по влажной почве. Ремни безопасности автоматически отстегнулись, и воины Локасты поднялись со своих мест. Пока они разбирали оружие, в кормовой части корабля открылся люк.

Локен вывел людей из штурмкатера во влажную и насыщенную ядовитыми парами атмосферу. Работающие двигатели штурмкатеров наполняли воздух грозным ревом и голубоватым сиянием. Локен шагнул с металлического трапа на болотистую почву спутника Давина. Ноги увязли в грязи до середины голени, а из потревоженной жижи поднялось отвратительное зловоние.

Астартес отделений Локаста и Брейкснур с привычной ловкостью выскочили из штурмкатера, чтобы соединиться с остальными отрядами Сынов Хоруса.

Шум двигателей постепенно затих, исчезло и голубое сияние. Поднимающиеся от раскаленных машин облака пара стали рассеиваться, и тогда Локен смог составить первое впечатление о спутнике

Давина.

Насколько хватало глаз, вокруг простирались болота, но и их заслоняли клубы желтого тумана, льнущие к земле, и сырая мгла, которая ограничивала видимость до нескольких сотен метров. Сыны Хоруса, готовые немедленно выступить, собрались вокруг величественной фигуры Воителя, и в этот момент в желтом небе появились огоньки армейских посадочных капсул.

— Неро, пошли несколько человек вперед, пусть посмотрят, что скрывается за крошечной тумана, — приказал Локен. — Я не хочу, чтобы оттуда кто-то появился без предупреждения.

Винус кивнул и отошел в сторону, чтобы разослать патрули, а Локен тем временем настроил свой вокс на частоту Верулама Мое. Капитан Девятнадцатой роты предложил взять с собой артиллеристов с тяжелыми орудиями, и Локен знал, что может положиться на их меткость и хладнокровие.

— Верулам? Проследи, чтобы твои «Разрушители» были готовы и имели

возможность в любой момент открыть стрельбу. В таком тумане бесполезно ждать предупреждения.

-- Согласен, капитан Локен,-- ответил Мой.-- Они уже разворачивают батареи.

-- Отличная работа, Верулат,-- сказал Локен и выключил связь, а затем более внимательно пристотрелся к окружающему пейзажу.

Сплошные болота и топи окрашивали окрестности в коричневатозеленый цвет военной формы, разбавленный черневшими на фоне неба редкими кривыми деревцами. Над озерцами черной воды жуужали густые рои насекомых.

Локен попробовал атмосферу без фильтров своего шлема и едва не задохнулся от резкого запаха экскрементов и падали. Система контроля быстро угадала вредные примеси, но даже этот единственный вдох показал, что атмосфера загрязнена остатками разлагающейся органики, как будто сама земля была мертва и смердела. Локен сделал несколько бесцельных шагов по топкой почве, и каждый шаг сопровождался

бульканьем и шипением вырывающихся наружу ядовитых газов.

После того как замерли двигатели штурмкатеров, стало ясно, насколько тихо на этом спутнике. Единственными звуками были хлюпающие шаги Астартес и жужжание насекомых.

В перемазанных болотной грязью и тиной гонимых к Локену подошел Торгаддон, и хотя его лицо было закрыто шлемом, понять, насколько Тарик недоволен высадкой в такой отвратительной местности, не составляло труда.

— Это место воняет хуже, чем все отхожие места Улланора, — сказал Торгаддон.

Локен не мог с ним не согласиться, даже после того, как система фильтров очистила подаваемый воздух, во рту еще оставался неприятный привкус от единственного прямого вдоха.

— Что же здесь произошло? — вслух удивился Локен. — В кратких описаниях ничего не говорится о болотах.

— А что там говорится?

-- Ты не читал инструкций?

Торгаддон пожал плечами:

-- Я решил, что осмотрюсь на месте.

Локен покачал головой:

-- Ты никогда не смог бы стать настоящим Ультратарином, Тарик.

-- Никогда к этому не стремился, -- ответил Торгаддон. -- Я предпочитаю строить планы по ходу дела, а ребята Жиллимана еще большие зануды, чем ты. Но оставим пока мое высокомерное отношение к инструкциям. Как же должно было выглядеть это место?

-- Предполагалось, что климатически спутник похож на Давин -- здесь должно быть сухо и жарко. А тот район, где мы приземлились, должен быть покрыт лесами.

-- Так что же произошло?

-- Что-то плохое, -- сказал Локен, взглядываясь в туманную даль болотистого ландшафта. -- Что-то очень плохое.

Часть вторая

ЗАРАЖЕННАЯ ЛУНА

ГНИЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

МЕРТВЕЦЫ

"СЛАВА ТЕРРЫ"

Астартес рассредоточились и двинулись в направлении источника вока- сигнала, продвигаясь настолько быстро, насколько позволяла болотистая местность. Хорус возглавлял войско, живой бог шагал по зловонным трясинам и топям спутника Давина, не обращая внимания на отравленную атмосферу. Он даже не надевал шлем, поскольку улучшенный геном без труда нейтрализовывал любые яды.

Четыре отделения Астартес таршировали плотными фалангами, и за каждым членом Морнивала шагали по две сотни костюмодесантников. Следом за ними рота за ротой шли солдаты имперской армии — все в красных форменных тундирах, с сияющими лезвиями и копьями с серебряными наконечниками.

После того как выяснилось, что обычные смертные не в состоянии противостоять токсинам в здешней атмосфере, каждый солдат был снабжен респиратором. Последствия выброски тяжелых орудий оказались ужасными, поскольку танки вязли в тонкой почве и транспортные капсулы быстро засасывало зловонное болото.

Тем не менее, огромные военные машины механикумов приземлились благополучно. Даже Астартес заметили шаг, чтобы посмотреть на спуск трех громадных кораблей. Вопреки всем законам гравитации, они медленно опускались с желтого неба. Почерневшие от копоти громады почти стояли на огненных столбах тормозных двигателей, предназначенных для предотвращения сильных ударов. Но даже при всех этих предосторожностях в момент контакта земля загудела от сотрясения, а в воздухе на десятки метров взметнулись фонтаны жидкой грязи и облака ядовитых испарений. В следующий миг отошли в сторону массивные створки люков,

крепления автоматически разошлись, и на поверхность спутника Давина ступили титаны Легио Мортис.

«Дес ире» сопровождали «Мертвая голова» и «Меч Ксестора», и глинные свитки священных клятв свисали с бронированной груди каждого из трех могучих колоссов. От их шагов на многие километры вокруг содрогались потревоженные болота, исполинские ноги погружались в топь на несколько метров, достигая скального основания планеты. От любого движения вверх взлетали тонны грязи и воды, и сам вид грозных богов войны должен был сокрушить любых врагов Воителя.

Локен наблюдал за движением титанов со смешанным чувством восторга и тревоги: восторга перед их колоссальной мощью и тревоги по поводу того, что Воитель счел нужным привлечь к проведению операции столь грозные разрушительные силы.

Воины медленно продвигались вперед по вязкой грязи и зловонным лужам, почти

ничего не видя дальше, чем на несколько десятков метров. Клубы густого тумана странным образом поглощали звуки, так что трудно было расслышать голоса идущих рядом солдат, но зато Локен отчетливо улавливал шлепанье по грязи воинов Люка Седирэ, идущих далеко справа. Однако их рассмотреть за облаками желтого тумана было невозможно, и по этой причине каждая рота поддерживала связь с соседями, чтобы никто не потерялся в непроницаемой мгле болот.

И все же Локен не был уверен, что это помогло. Странные стоны и свисты, словно последние вздохи мертвецов, вырывались из-под земли, а в тумане появлялись загадочные тени. Каждый раз он поднимал болтер и прицеливался, но туман расходился, и появлялась фигура в зеленых доспехах Сынов Хоруса или в серых — Несущих Слово. Эреб повел на спутника Давина своих воинов, и Воитель приветствовал его участие в походе.

Туман с поразительной скоростью сгущался в непроницаемую пелену, и вскоре

Локен мог рассмотреть только воинов своей роты. Они шли через темный лес безлистных почерневших деревьев с мокрой и блестящей корой. Локен задержался, чтобы внимательнее осмотреть одно из них, тронул ствол латной рукавицей и поторщился, увидев, что кора стала сейчас же сползать мокрыми лентами. В прогнившей древесине кишмя кишели бесчисленные черви и личинки.

— Вот это деревья... — пробормотал Локен.

— А что с ними? — спросил Винус.

— Я думал, они мертвы, но это не так.

— Разве?

— Они заражены. Гниют изнутри.

Винус пожал плечами и зашагал дальше, а Локен снова ощутил уверенность в том, что на спутнике произошло нечто ужасное. А при виде зараженной гнилью древесины появилась уверенность, что процесс еще не закончен. Он вытер рукавицу о наколенник и шагнул вслед за Винусом.

Необычный марш через туманную

трасину продолжался, и Астартес
благодаря встроеным сервомускулам
стали отрываться от солдат имперской
армии, которым преодолеть
заболоченное пространство было намного
труднее.

— Морниваль, — окликнул Локен своих
товарищей по внутренней связи. — Надо бы
замедлить шаг, а то между нами и
отрядами армии остается слишком
большой разрыв.

— Значит, им надо двигаться
быстрее, — отозвался Абаддон. — У нас нет
времени поджидать людишек. Источник
вокс-сигнала уже совсем близко.

— Людишек? — переспросил Акситанг. —
— Поосторожнее, Эзекиль, ты начинаешь
говорить почти как лорд Эйдолон.

— Эйдолон? Это тот глупец, который
в поисках славы, не дожидаясь поддержки,
по своей инициативе предпринял высадку? —
— уточнил Абаддон. — Вряд ли меня можно
сравнить с ним.

— Мои извинения, Эзекиль. Ты и в
самом деле далеко от него ушел, —
невозмутимо заметил Акситанг.

Локен с удовольствием прислушивался к дружеской перепалке торнивальцев, и их уверенные голоса вкупе с тишиной, царившей на спутнике Давина, немого развеяли его тревоги по поводу произошедших в природе изменений. Он вытащил увязшую в грязи ногу и сделал еще шаг вперед, но на этот раз под сапогом что-то хрустнуло. Опустив взгляд, он увидел под слоем воды какой-то округлый зеленовато-белый предмет.

Локену даже не потребовалось его переверачивать, чтобы понять, что это череп, едва прикрытый лохмотьями полусгнившей кожи. Вслед за черепом из глубины показались лопатки, и между ними под слоем позеленевшей плоти выдвинулся столб позвоночника.

Разлагающийся труп всплыл и перевернулся на спину, и Локен поторщился при виде недвижных глазниц, забитых илом и водорослями. Едва он отвел взгляд от гниющих останков, как заметил, что из трясины поднимаются еще несколько трупов, очевидно потревоженных тяжелой поступью титанов.

Локен отдал приказ своим воинам
остановиться и снова включил канал связи
с командирами рот, а из болота все
продолжали подниматься на поверхность
сотни гниющих тел. Серая безжизненная
плоть еще кое-где оставалась на костях, и
мертвые конечности шевелились от
каждого шага титанов.

— Это Локен, — произнес он. — Мы
обнаружили какие-то тела.

— Это люди Тембы? — спросил Хорус.

— Пока не могу сказать, сэр, —
ответил Локен. — Они почти полностью
сгнили, так что трудно определить
принадлежность. Сейчас постараюсь
разобраться.

Он забросил болтер за плечо и
наклонился, чтобы вытащить из воды
ближайший скелет. Оказалось, что
раздвигавшаяся, гниющая плоть служила
приютом целому гнезду отвратительных
червей и личинок. Конечно, кое-где
сохранились еще и обрывки мундира, и
Локен попытался стряхнуть с плеча
прилипшую грязь.

Под слоем грязи и слизи обнаружилась

нашивку, на которой виднелась цифра 63 на фоне оскаленной волчьей головы.

— Да, это Шестьдесят третья экспедиция, — доложил Локен. — Это солдаты Тембы, но я...

Ему не удалось закончить фразу — почти разложившееся тело внезапно поднялось из воды и соткнуло костлявые пальцы на его горле, а глазницы трупа вспыхнули зеленым пламенем.

— Локен? — окликнул его Хорус, едва связь оборвалась. — Локен?

— Что-то случилось? — спросил Торгадгон.

— Я еще не знаю, Тарик, — ответил Воитель.

Внезапно сразу со всех сторон послышались тяжелые удары болтерных выстрелов и шипение огнеметов.

— Вторая рота! — крикнул Торгадгон. — Приготовиться к бою!

— Кто стрелял?! — взревел Хорус.

— Не могу сказать, — ответил Торгадгон. — Этот туман сильно искажает акустику.

-- Выясни! -- приказал Воитель.

Торгаддон запросил донесения всех командиров рот. Но на канале связи раздавались беспорядочные выкрики о невероятных вещах, прерываемые грохотом тяжелых болтеров.

Слева слышалась стрельба, и Торгаддон развернулся, держа оружие наготове, но в стелющемся по земле тумане ничего не увидел, кроме частых вспышек пролетающих снарядов и голубых лучей плазменных ружей. Даже наружные сенсоры его доспехов были не в состоянии проникнуть в сгустившуюся пелену.

-- Сэр, я считаю...

Внезапно перед ним взорвалась поверхность трясины, и что-то огромное и раздувшееся выскочило из воды. Мертвая гниющая туша врезалась в него со всего размаху, и ее веса хватило, чтобы опрокинуть его навзничь в трясину.

Перед тем как погрузиться в воду, Торгаддон успел на мгновение увидеть разверстую пасть с сотнями острых клыков и огромный тускло-зеленый глаз под желтым костяным рогом.

— Я не знаю. Канал командной связи заполнен каким-то бредом, — произнес модератор Арүкен в ответ на запрос принцеса Түрнета.

Наружные системы наблюдения неожиданно выдали сведения об объекте, которого не было в том месте еще секунду назад, и принцес требовал объяснить, что происходит.

— Разберись немедленно! — приказал Түрнет. — Боитесь находится где-то там.

— Главные орудия включены в систему и готовы к стрельбе, — доложил еще один модератор, Тимүс Кассар.

— Проклятье, сначала надо определить цель, я не желаю палить в эту мешанину наобум! — взорвался Түрнет. — Если бы это была армия, можно было бы рискнуть, но только не с Астартес.

Капитанскую рубку «Диес ире» заливал красный свет, а три старших офицера сидели в своих командных креслах на приподнятом помосте перед зеленоватым мерцающим тактическим экраном. Многочисленные провода

соединяли их тела со всеми самыми важными узлами титана. И каждое движение машины они ощущали словно свое собственное.

Несмотря на колоссальную мощь боевой машины, Уона Арүкен внезапно почувствовал себя бессильным перед неизвестным врагом, грозящим поглотить Сынов Хорүса. В ожидании ясно различного вооруженного противника огромные машины могли пока служить только ориентиром для имперских сил, рассеянных по обширной территории. При всей своей непревзойденной огневой мощи титаны пока ничем не могли помочь своим товарищам.

-- Что-то поймали, -- доложил Кассар. -- Поступил сигнал обнаружения.

-- Что это такое? Проклятье, мне нужна более подробная информация! -- крикнул Түрнет.

-- Надземный контакт. Сигнал усиливается. Объект быстро движется в нашем направлении.

-- Штурмкатор?

-- Нет, сэр. Все штурмантеры находятся в зоне высадки, кроме того, этот объект не подает никаких опознавательных сигналов.

-- Значит, это противник, кивнул Түрнет, Арүкен, цель определена?

-- Работаю над этим, принцепс.

-- Расстояние шестьсот метров, объект продолжает приближаться,-- сказал Кассар.-- Защити нас, Бог-Император, он движется прямо на нас!

-- Арүкен! Он подошел слишком близко. Сбивай скорее!

-- Сэр, я работаю над этим.

-- Работай быстрее!

Из-за густого тумана сидеть перед передним бронированным иллюминатором было совершенно бесполезно; тем не менее, обзор чужого мира таил в себе неодолимое очарование, невзирая на то, что рассмотреть-то почти ничего и не удавалось. Неудивительно, что после жестокой тряски в верхних слоях атмосферы первое, что ощутила Петронелла, ожидавшая бесконечных

экзотических картин, было разочарование.

Похоже, самым ярким впечатлением останется жестокая качка в штормовых вихрях. В иллюминаторе не было видно ничего, кроме желтого неба и волн тумана, перекачивающихся по ничем не приметельным бескрайним болотам.

Воитель вежливо, но твердо отклонил ее просьбу сопровождать воинов штурмгруппы на поверхность спутника Давина, но Петронелла была уверена, что замеченный озорной блеск в его глазах можно было считать за молчаливое согласие. А потому она немедленно приказала Маггарду и всему летному экипажу собраться на пассажирской палубе и готовить к спуску на поверхность ее личный челнок.

Золотистый скиф Петронеллы затерялся в потоке бесчисленных капсул армии и вместе с ними благополучно достиг поверхности спутника. Маленький корабль довольно быстро отстал от армейских частей и был вынужден ориентироваться по следам реактивных двигателей, а вскоре и вовсе затерялся в

непроницаемой пелене, сквозь которую даже не было видно земли.

— Госпожа, мы обнаружили впереди какие-то объекты, — доложил первый офицер. — Я думаю, что это штурмгруппа.

— Наконец-то! — откликнулась Петронелла. — Подведите скиф как можно ближе, а потом приземляйтесь. Мне не терпится поскорее выбраться из этого проклятого тумана и увидеть что-то достойное описания.

— Да, госпожа.

Скиф накренился, изменяя курс в направлении отраженного сигнала, а Петронелла откинулась на спинку кресла и раздраженно подергала привязные ремни, грозившие помять складки ее платья. Отчаявшись спасти костюм, она снова посмотрела в переднее окно, но в это мгновение пилот внезапно завопил от ужаса.

Туман перед скифом неожиданно разорвался, и перед ними появился железный механический гигант, своими пропорциями напоминавший человека в боевых доспехах. От этого зрелища в крови

Петронеллы закинул ужас. Все окно заполнилось башнеподобными конечностями с острыми рядами зубьев, массивными орудиями и ухмыляющейся маской из темного металла.

— Проклятье! — завопил пилот и склонился над приборами, тщетно пытаясь выполнить маневр, но ослепительный свет уже ударил в стекло обзорного иллюминатора.

Орудия «Диес ире» произвели залп и сбросили ее скиф с желтого неба, а мир Петронеллы раскололся со звуком треснувшего стекла и наполнился непереносимой болью.

Локен согнулся от ужаса и отвращения, когда оживший труп своими скользкими пальцами попытался его задушить. Для такой хрупкой конструкции, как наполовину сгнивший скелет, мертвец обладал недюжинной силой, под его весом и натиском Локен упал на колени.

Усилие мысли подстегнуло внутренние системы, и боевые

стимуляторы обеспечили интенсивный приток энергии к конечностям. Локен перехватил руки нападавшего и сумел выдернуть их из рыхлого торса, вызвав при этом омерзительный поток гноя и темной крови. Зеленый огонь мгновенно потух в пустых глазницах, и ужасное существо рухнуло обратно в трясину.

Локен поднялся на ноги и попытался спокойно оценить ситуацию -- благодаря тренировкам Астартес его мозг был избавлен от любых признаков паники и растерянности. Повсюду из темной воды поднимались тела, которые он только что считал безжизненными, и бросались на его братьев.

Огонь болтеров вырывал куски разложившейся плоти, отрывал руки и ноги оживших трупов, но они продолжали идти и вливались в Астартес желтыми гнилыми клыками. Из болота вставали все новые и новые враги, и Локен сумел уничтожить троих, но лишь тогда, когда стрелял в головы или взрывал их грудные клетки реактивными зарядами.

-- Сыны Хоруса! -- крикнул Локен. --

Слыкайтесь вокруг меня!

Воины Десятой роты стали постепенно подтягиваться к своему капитану, стреляя на ходу в ужасных мертвецов, поднимавшихся из болот, словно существа из самых страшных ночных кошмаров. Сотни гниющих трупов с облезающей плотью окружили костогесантников, и у каждого из них на лбу мерцал тусклый глаз, а над ним поднимался бугристый рог.

Что же это? Жуткие ксеносы, которые обладают способностью оживлять мертвую плоть, или что-то более страшное? Вокруг монстров кружились целые тучи мух, и Локен видел, как они забиваются в респираторы солдат армии. Воины в отчаянии срывали их с лиц, и Локен с ужасом увидел, как тут же их тела начинают разлагаться на глазах, кожа становится серой и сползает клочьями, обнажая размягченную ткань.

Грохот болтера разогнал его мысли, и Локен снова вернулся к битве. Он не разрезаряжал опустевшие магазины, посылая очереди в копошащуюся массу

враждебных мертвецов.

— Стрелять только по головам! — крикнул Локен, уничтожая очередного монстра выстрелом в череп, от которого разлетелись в разные стороны почерневшие осколки костей и хлынула густая жижа.

Когда его приказ дошел до солдат, ход битвы стал изменяться, все больше и больше ходячих мертвецов падали в жидкую грязь и оставались лежать без движения. Позеленевшие трупы с раздутыми животами все чаще падали под огнем, хотя Локену казалось, что, упав, они мгновенно растворяются в вонючей болотной жиже.

На Локена надвинулась очередная группа вышедших из тумана монстров, и вдруг позади него раздался рев тяжелого орудия, сопровождаемый яркой вспышкой взрыва высоко в небе. Локен поднял голову и успел заметить золотистый скиф, быстро теряющий высоту, и тянущийся за ним шлейф дыма и огня. Но не успел он удивиться присутствию гражданского корабля в зоне военных действия, как

отвратительные мертвецы подошли вплотную.

Для болтерного огня они были слишком близко; Локен обнажил меч и нажатием кнопки активации разбудил дремлющее зазубренное лезвие. Безобразный труп в лохмотьях сгнившей плоти бросился вперед, и Локен, схватив меч обеими руками, обрушил удар на его череп.

Лезвие взревело, размалывая куски рыхлой серой ткани, а когда Локен рванул меч на себя, рассекая мертвеца от талии до паха, останки брызнули на его доспехи. Без промедления он затахнул на второго врага, и после того как меч разрубил череп нагвое, зеленый огонь погас и в его глазницах. Повсюду вокруг Сыны Хоруса сражались с ужасными существами, когда-то бывшими членами Шестидесятой третьей экспедиции.

Цепкие костлявые руки, высунувшиеся из болотной жижи, схватили его за плечи, и Локен почувствовал, что его тянут вниз. С криком ярости он повернул меч и стал рассекать конечности и

черена, но невероятная хватка мертвецов оказалась сильнее, и он стал медленно погружаться.

— Гарви! — закричал Винус и, раскидав несколькими ударами врагов со своего пути, бросился по болоту к своему капитану.

— Люк, помоги мне! — крикнул он, хватая протянутую руку Локена.

Локен рванулся, получив поддержку, но еще несколько пар костлявых рук вцепились в нагрудную броню и потащили под воду.

— Убирайтесь, ублюдки! — заорал на них Люк Седирэ и тоже потащил Локена за руку изо всех сил.

Локен, ощутив, что стал понемногу вылезать, принялся энергично лягаться, пока страшные существа не разжали хватку. Наконец, он встал на четвереньки, а затем смог подняться во весь рост. С неугасающей яростью он, Люк и Неро продолжили бой, хотя теперь битва утратила всякое подобие порядка. Это была просто работа мясников, требующая не мастерства или умения, а только

грубой физической силы и немного осторожности, чтобы не упасть. Локен мельком подумал о Люции из Легиона Детей Императора. Будучи искусным мечником, тот от всей души ненавидел такую грубую работу.

Локен снова сосредоточился на схватке и вместе с Неро Винусом и Люком Седирэ даже сумел очистить небольшую территорию, получив возможность осмотреться и реорганизовать воинов.

— Люк, Неро, спасибо за помощь. Теперь я ваш должник, — сказал он во время короткого затишья.

Сыны Хоруса перезарядили болтеры и очистили лезвия мечей от нагали. Редкие вспышки болтерного огня еще загорались на болотах, и прерывистые лазерные сполохи расцветчивали туман яркими полосами. С левой стороны, где упал скиф, Локен увидел столб яркого пламени; в сплошной пелене тумана этот костер мог служить маяком.

— Не стоит благодарности, Гарви, — ответил ему Люк, и Локен по голосу понял,

что тот ухмыляется под шлемом. -- Можешь поспорить, ты успеешь отплатить мне тем же задолго до того, как мы выберемся из этого дерьма.

-- Может, ты и прав, но, надеюсь, это не понадобится.

-- Гарви, какие у нас планы? -- спросил Винус.

Локен поднял руку, требуя тишины, и снова попытался связаться со своими братьями по Морнивалю и Воителем. Канал связи был заполнен треском помех, испуганными криками солдат армии и проклятым бультяющим голосом, который снова и снова продолжал твердить: «Будь благословенна рука Нург-лет...».

Но вот прорвался мощный повелительный голос, и Локен, услышав его, чуть не закричал от радости.

-- Всем Сынам Хоруса, говорит Воитель. Собирайтесь все в одно место. Придерживайтесь направления на пламя.

При этих словах Воителя тела и сердца Астартес получили свежий заряд энергии, и они в походном порядке направились к костру, в котором горел

гражданский скиф. Локен продолжал уничтожать врагов методично и холодно, каждым выстрелом поражая одного из хромающих мертвецов. В конце концов, он начал понимать, что натиск этой нелепой армии становится слабее.

Неизвестно, какой источник энергии заставлял двигаться этих выходцев из кошмаров, но, каким бы он ни был, он смог придать им лишь простейшие двигательные функции и неослабевающую враждебность.

Успехи Локена были покрыты многочисленными царапинами и трещинами, и он сознавал, что нападение терзательных трупов стоило жизни нескольким его боевым братьям.

Гарвель Локен поклялся себе, что Нурз-лем дорого заплатит за гибель каждого из них.

Она чуть не задохнулась, болезненные спазмы не пропускали воздух из респиратора, прижатого к лицу рукой Маггарда. Петронелла попыталась приподняться и сесть, несмотря на то,

что глаза жгло, словно огнем, а по щекам от боли катились слезы.

Она помнила только оглушительный рев, яркий свет, а потом резкий удар, от которого едва не треснули все кости, и пронзительный скрежет металла, когда погбитый скиф буквально развалился на куски. Глаза заволокло кровавой пеленой, и теперь боль охватила всю левую сторону тела. Вокруг продолжало бушевать пламя, и все расплывалось перед глазами из-за густого тумана и дыма.

— Что случилось? — сумела выговорить Петронелла не очень внятно из-за респиратора.

Маггард не отвечал, а затем она вспомнила, что он и не мог этого сделать. Тогда она повернула голову, чтобы яснее оценить окружающую обстановку. Изувеченные тела, в ливреях Дома Карпинус, разбросало по земле — пилот и весь экипаж ее скифа. Повсюду растекались бурые лужи крови, и даже через фильтры респиратора она ощущала запах горелого мяса.

Вокруг вздымались волны мутного

желтоватого тумана, и только в непосредственной близости от горящих обломков сырость рассеивалась благодаря жаркому пламени. Завидев в отдалении неясные движущиеся тени, Петронелла вздохнула с облегчением: скоро они будут спасены.

Маггард же, развернувшись, мгновенно выхватил меч и пистолет. Петронелла уже хотела приказать ему остановиться и не препятствовать их спасителям, но вот из пелены тумана появилась первая фигура, и вместо приказа раздался пронзительный визг — она увидела наполовину сгнившее существо с распоротым животом, из которого свисали жгуты внутренностей. И это было еще не самое худшее. Целая толпа оживших мертвецов с раздувшимися, разваливающимися на куски телами устремилась к ним через болото мимо обломков скифа, протягивая руки с длинными загнутыми когтями.

Зеленоватый огонь в их глазницах горел жаждой убийства, и тогда Петронеллу охватил ужас, какого ей еще

не приходилось испытывать за всю жизнь.

Между этими ожившими трупами и ею стоял только Маггарг, а он был всего лишь человеком. Она не раз наблюдала за его тренировками в гимнастическом зале, но никогда не видела, чтобы ее телохранитель обнажал оружие ради сражения.

Пистолет Маггарга рывнул, и каждый заряд сбивал одного из ужасных чужовищ, оставляя во лбу аккуратную дырочку от пули. Маггарг продолжал стрелять, пока магазин не опустел, а затем бросил его в кобуру и обнажил длинный кинжал с треугольным клинком.

Толпа мертвецов продолжала приближаться, и телохранитель бросился в бой.

Он в прыжке выбросил вперед ногу, и шея ближайшего противника хрустнула под ударом тяжелого сапога. Едва успев приземлиться, Маггарг развернулся, успев обезглавить мечом еще двух мертвецов, а горло третьего распорол кинжалом. Кирлианский клинок метался, словно серебряная змея, сверкающее лезвие колосо

и рубило чужовиц с непостижимой
быстротой. Кого бы ни коснулось это
оружие, противник мгновенно падал в
болотную грязь, словно сервитор, из
которого выдернули источник питания.

Маггарг не останавливался ни на
мгновение, он прыгал, уворачивался и
наклонялся, уходя от протянутых
костлявых рук. Его противники
действовали без всякого плана, похоже,
или двигала просто неугасимая ненависть
убийц, стремящихся уничтожить все
живое. Маггарг проявлял невиданные
чудеса ловкости, и при каждом
стертельном выпад под кожей вздувались
и перекатывались узлы искусственно
усиленных мышц.

Сколько бы врагов ни уничтожал
Маггарг, их количество не уменьшалось, и
под неослабным натиском он был вынужден
медленно пятиться назад. Толпа
убийц постепенно смыкала вокруг них
кольцо, и Петронелла видела, что
Маггарг не в состоянии или
противостоять. Из нескольких
незначительных ран по его телу текла

кровь, и телохранитель продолжал отступать. Лицо Маггарда заблестело от пота, а кожа, несмотря на респиратор, приобрела нездоровый оттенок.

Горькие слезы ужаса ручьями стекали по щекам Петронеллы, а чужовища все приближались, обнаженные желтые клыки были готовы впиться в ее плоть, ужасные когти стремились разорвать ее гладкую кожу и вырвать сердце. Это нелепо! Великий Крестовый Поход не может закончиться для нее неудачей и гибелью!

Маггард вонзил меч в живот гигантского мертвеца с позеленевшей кожей, над черепом которого роились мухи, а в это время оживший труп, трясая лохмотьями сползавшей плоти, проскочил мимо него и ринулся к Петронелле.

Она пронзительно завизжала.

Внезапно за спиной загрохотали болтеры, и чужовище разлетелось на куски. Оружейный огонь снова прогрохотал совсем рядом, и Петронелла, зажав ладонями уши, увидела, как нападавшие разлетались от взрывов болтов в их головах, куски тел падали в пламя скифа и загорались.

угушливым зеленым огнем.

Она упала на бок и закричала от боли и страха, а оглушительные залпы продолжали греть, расчищая дорогу огромным воинам в доспехах Сынов Хоруса.

Наг Петронеллой наклонился над ней, настоящий гигант и протянул ей закованную в латную перчатку руку.

На нем не было шлема, зато вокруг его распространялось грозное красное сияние, его массивная фигура вся была окутана языками пламени и черными клубами дыма. Несмотря на пелену слез, физическое совершенство и красота Воителя лишили Петронеллу дара речи. Кровь и темная слизь покрывали его доспехи, а плащ был измят и изорван, но все же Хорус предстал воплощением бога войны, и его лицо казалось устрашающей маской.

Он поднял ее на ноги так же легко, как нормальный человек мог поднять маленького ребенка, а воины продолжали истреблять оставшихся чудовищ. На месте крушения скифа появлялись все новые и новые Астартес, интенсивная

стрельба оттеснила оживших мертвецов, и вокруг Воителя образовался защитный кордон.

— Во имя Терры! — воскликнул Хорус. — Что вы здесь делаете, мисс Вивар? Я же приказал вам оставаться на борту «Духа мщения».

Она попыталась подобрать ответ, но его величие все еще сковывало мысли. Она спас ее. Воитель лично спас ее от смерти, и ей посчастливилось ощутить его прикосновение.

— Я должна была попасть сюда. Я должна была увидеть...

— Ваше любопытство могло вам дорого обойтись, — проворчал Хорус. — Если бы ваш телохранитель не оказался столь искусным бойцом, вы были бы уже мертвы.

Хорус взял руку Маггарда с мечом и испытующе осмотрел клинок.

— Как твое имя, воин? — спросил Воитель.

Конечно же, Маггард не смог ответить и взглядом попросил помощи у Петронеллы.

— Он не может говорить, мой

господин, — сказала Петронелла.

— Почему? Он не понимает имперского готика?

— Он вообще не может говорить, сэр. Медики Дома Карпинус лишили его голосовых связок.

— Зачем они это сделали?

— Он состоит на службе Дома Карпинус, и не дело телохранителя разговаривать в присутствии своей госпожи.

Хорус неодобрительно нахмурился, словно сказанное пришлось ему не по вкусу.

— Тогда вы скажите, как его зовут.

— Его имя — Маггард, сэр.

— А откуда у него такой меч? Почему даже малейшее прикосновение убивает этих ходячих мертвецов?

— Это кирлианское оружие, выкованное в древние времена Терры. Говорят, оно способно разрушать связь между душой и телом, но я никогда раньше не видела его в действии.

— Как бы то ни было, оно спасло вашу жизнь, мисс Вивар.

Петронелла кивнула, а Воитель

снова повернулся к Маггарду и воспроизвел перед ним знак аквилы.

— Маггард, ты храбро сражался. Ты можешь гордиться сегодняшним днем.

Маггард кивнул и упал на колени, а по щекам побежали слезы радости от похвалы самого Воителя.

Хорус нагнулся и положил руку на плечо телохранителя.

— Поднимись, Маггард. Ты показал себя настоящим воином, а ни один храбрый воин не должен стоять передо мной на коленях.

Маггард поднялся и, быстро перехватив меч, протянул его Воителю эфесом вперед. Желтое небо отразилось в его непросохших глазах, и Петронелла, увидев, как изменилась осанка ее телохранителя, невольно вздрогнула. Выражение гордости и уверенности напугало ее своей силой.

Значение жеста Маггарда было ясно и без слов. Этим движением он выражал то, чего не мог сказать.

Я готов выполнить любой ваш приказ.

Наконец все Астартес собрались у места крушения скифа и снова построились четырьмя фалангами, а нападения гниющих выходцев из болотной топи временно прекратились. Штурмгруппа понесла некоторые потери, но и сейчас она представляла собой грозную боевую силу и без труда могла уничтожить все остатки незначительных отрядов Тембы.

Сегирэ предложил своих воинов для обеспечения безопасности периметра, и Локен охотно дал согласие, зная, что Люк до сих пор стрелится в бой, а еще больше надеется отличиться в глазах Воителя. Винус снова организовал несколько разведывательных групп, а Верулам Мой со своими «Разрушителями» развернул огневые позиции.

Радости Локена не было предела, когда он удостоверился, что все торнивальцы после нелегких сражений остались живы и здоровы, хотя Торгаддон и Аксиманд в бою лишились своих шлемов. В доспехах Аксиманда зияла глиняная трещина, и на фоне зеленой брони ярко

выделялась алая полоса крови на бедре.

— Ты в порядке? — спросил Торгаддон.

Его броня была покрыта вмятинами и пятнами, словно кто-то облил доспехи едкой кислотой.

— Вроде бы, — ответил Локен. — А ты?

— Тоже, хотя был на волоске, — признался Торгаддон. — Мерзавцы пытались меня под воду и пытались задушить. Они сорвали с меня шлем, и я хлебнул не меньше ведра вонючей болотной тины. Пришлось поработать боевым ножом. Отвратительно.

Организм Торгаддона не страдает от проглоченной жидкости, сколько бы ни было там ядов и вредных веществ, но сам факт, что такого могучего костодесантника едва не одолели, говорил о недюжинной силе загадочных врагов. Абаддон и Аксиманг поделились похожими историями о критических моментах боя, и Локену нестерпимо захотелось, чтобы это противостояние поскорее закончилось. Чем дальше, тем больше эта операция напугивала его безуспешную высадку Эйдолона на поверхность Убийцы.

После воссоединения выяснилось, что Византийские Янычары понесли серьезные потери и перешли в оборону. Теперь даже электробичи их дисциплинарных надзирателей не могли заставить солдат двинуться вперед. Омерзительные мертвецы словно растворились в тумане, но никто не мог определенно сказать, куда именно они направились.

Титаны Легио Мортис возвышались над рядами Астартес; один только вид колоссального "Диес ире" вселял в воинов уверенность.

Определять направление следующего перехода было предоставлено Эребу. Он со своими изрядно уставшими воинами тоже вышел в освещенный круг у разбитого скифа Петронеллы. Доспехи Первого капеллана пестрели пятнами и царапинами, а многочисленные печати и свитки с письменами были сорваны в сражении.

-- Воитель, я уверен, что мы отыскали источник сигнала, -- доложил Эреб. -- Это... сооружение находится немого впереди.

— Где именно и как далеко? —
решиительно спросил Воитель.

— Приблизительно в километре на
запад от этого места.

Хорус поднял свой меч.

— Сыны Хоруса! — закричал он. — Мы
понесли тяжелые потери, и несколько
наших братьев погибли. Настало время
отомстить за них!

Его голос разнесся далеко по
болотистой равнине, и воины громкими
криками выразили свое согласие. Вслед за
Воителем они зашагали вперед, а Эреб из
Легиона Несущих Слово снова скрылся в
тумане.

Энергия Воителя передалась всем
Астартес, и они устремились вперед по
унылым трясинам, готовые воплотить
ярость командующего в битве с врагом,
наславшим на них ужасных мертвецов.
Маггарг и Петронелла отправились в
путь вместе со всеми, поскольку никто из
Астартес не хотел возвращаться, чтобы
проводить их до расположения имперской
армии. Апотекарии Легиона подлечили их
раны и помогли преодолеть сложную

местность.

Туман стал постепенно редеть, и со временем Локен в разрывах между желтыми клочьями стал различать фигуры идущих поодаль товарищей. Чем дальше они продвигались, тем тверже становилась под ногами почва, тем прозрачнее становилась нависшая над землей пелена.

И наконец, словно перейдя из одной комнаты в другую, они вышли из полосы тумана.

Волны сырости клубились и колыхались позади, словно театральный занавес, готовый разойтись и открыть какое-то удивительное зрелище.

Перед ними колоссальной металлической скалой возвышался источник вокс-передатчик.

Это был флагманский корабль Тембы «Слава Терры».

ПРИКРЫТЬ ТЫЛ КРУШЕНИЕ ИЗМЕННИК

Покрытое ржавчиной и лишенное жизни почти шесть десятилетий, исковерканное судно лежало на образовавшейся после взрыва голой катенистой проплешине, а его когда-то величавый корпус был искорежен до неузнаваемости. Высокие готические мачты, словно башни побежденного города, торчали гнилыми клыками, их опоры и растяжки лианами ниспадали на землю. Киль корабля тоже был сломан, как будто он при посадке сначала ударился днищем, а многие верхние надстройки рухнули, обнажив внутренние помещения.

Пятна лишайников расползлись по корпусу, и башня капитанского мостика одиноко поднималась к небу; в погнутых снастях и высокой вокс-антенне негромко завывал ветер.

Локену это зрелище показалось невыносимо печальным. То, что величественный корабль нашел свой конец в таком месте, казалось ему несправедливым.

Вокруг корабля земля была усеяна мусором, листьями ржавого железа и остатками личных вещей экипажа.

-- Проклятье... -- выдохнул Аббагон.

-- Как? -- только и смог сказать Аксиманг.

-- Все верно, это «Слава Терры», -- произнес Эреб. -- Я узнаю оснащение командной рубки. Это флагманский корабль Тембы.

-- Значит, Темба наверняка погиб, -- разочарованно заметил Аббагон. -- Никто не смог бы выжить при такой катастрофе.

-- В таком случае кто же передает сигналы? -- спросил Хорус.

-- Возможно, передача идет автоматически, -- предположил Торбагон.

-- Кто знает, может, сигнал поступает уже много лет.

-- Нет, -- покачал головой Локен.

Передача началась лишь после того, как мы вошли в атмосферу. Кто-то включил передатчик, узнав о нашем приближении.

Воитель пристально всматривался в громаду разбитого корабля, как будто силой мысли хотел проникнуть сквозь обшивку и узнать, что послужило причиной катастрофы.

— Значит, мы войдем внутрь, — настойчиво предложил Эреб. — Отыщем всех, кто находится на корабле, и убьем их.

Локен резко повернулся к Первому капеллану:

— Идти внутрь? Да ты сошел с ума! Мы не имеем ни малейшего представления о том, что нас ожидает. Там могут быть тысячи этих... существ, а может, и нечто худшее.

— Локен, что случилось? — ухмыльнулся Эреб. — С каких это пор Сыны Хоруса боятся темноты?

Локен шагнул навстречу Эребу.

— Ты постел оскорбить нас, Несущий Слово?

Эреб тоже качнулся вперед, чтобы

ответить на вызов Локена, но трое торпедальцев мгновенно заняли позицию перед своим недавно принятым собратом, и их вмешательство заставило Первого капеллана задуматься. Вместо того, чтобы ответить очередной колкостью, Эреб склонил голову.

— Я прошу прощения, если немного опоздал, капитан Локен. Я жаждал лишь скорее стереть пятно с чести Легиона.

— Честь Легиона — это наша забота, Эреб, — ответил Локен. — Не тебе указывать, как мы должны поступать.

Прежде чем прозвучали более резкие слова, Хорус принял решение.

— Мы идём внутрь, — сказал он.

Астартес двинулись к разбитому кораблю, но туман колеблющейся волной не отставал от них ни на шаг, и ноги шагающих следом титанов тоже скрывались в густой пелене. Локен держал свой болтер наготове и напряжённо прислушивался к плеску воды за спиной, хотя и убеждал себя, что такие звуки — нормальное явление в этом мире, что бы

это ни означало.

На подходе к пролomu в корпусе корабля он поравнялся с Воителем.

-- Сэр, -- заговорил Локен, -- я знаю, что вы мне ответите, но я не выполняю долга, если не выскажу свое мнение.

-- О чем ты, Гарвель? -- спросил Хорус.

-- Обо всем этом. О том, что вы ведете нас в неведомое.

-- Разве я не этим занимался последние две сотни лет?! -- воскликнул Хорус. -- Каждый раз, когда мы отправлялись в космос, разве нас не поджидала неизвестность? Гарвель, глядя на то, что мы здесь и оказались -- чтобы сделать неизвестное известным.

Локен в очередной раз отметил непревзойденную способность Воителя уклоняться от темы и сосредоточился на своих мыслях. Хорус всегда легко уходил от обсуждения предмета, который был ему неприятен.

-- Сэр, вы цените советы членов Морниваля? -- Локен попробовал зайти с другой стороны.

Хорус затедел шаг и, повернувшись в

эго сторону, окинул Локена серьезным взглядом.

— Ты же сам слышал, как я говорил об этом летописцу на пусковой палубе, разве не так? Я больше всего ценю ваши советы, Гарвель. Что заставило тебя в этом сомневаться?

— То, что чаще всего вы используете нас в качестве боевых псов, жаждущих крови. Вы заставляете нас играть определенную роль вместо того, чтобы прислушаться к нашим рекомендациям.

— Тогда говори, что ты хотел сказать, Гарвель. Клянусь, я тебя выслушаю, — пообещал Хорус.

— Не считите за дерзость, сэр, но вам не стоит самому вести штурмгруппу, да и никому не следует лезть в разбитый корабль без соответствующей подготовки. С нами идут три колоссальные боевые машины механиков, так почему бы не позволить им сначала как следует обработать цель своими орудиями?

Хорус усмехнулся:

— У тебя на плечах голова мыслителя, сын мой, но войны выигрывают

не мыслители, а люди действия. Я уже слишком давно не обнажал свой меч и не сражался против такого неприятеля, который преследует только одну цель -- уничтожить нас всех до одного. Помнишь, еще на Убийце я говорил тебе, что откажусь от титула Воителя, если не смогу выйти на поле боя.

-- Сэр, торнивальцы готовы сделать это вместо вас, -- сказал Локен. -- Теперь ты несешь ответственность за вашу честь.

-- Неужели ты считаешь, что мои плечи слишком слабы для такой ноши? -- возмущился Хорус, и Локен с изумлением заметил неподдельный гнев, сверкнувший в его взоре.

-- Нет, сэр, я только хотел сказать, что вам не обязательно нести это бремя в одиночку.

Хорус растеялся и снял возникшее напряжение. Казалось, он уже забыл о своем недовольстве.

-- Сын мой, конечно, ты прав, но дни твоей славы еще не сочтены, и я надеюсь завоевать еще немало лавровых венков. -- Воитель снова решительно зашагал

вперед. -- Заполни мои слова, Гарвель.
Локен. Все, что до сих пор было
достигнуто в этом Великом Походе,
потеркнет по сравнению с тем, что мне
еще предстоит совершить.

Несмотря на свое нетерпение
проникнуть в корабль, Боутель
прислушался к совету Локена и приказал
титанам Легио Мортис сначала
обстрелять цель. Все три военные
машины выстроились в ряд и одновременно
по знаку Боутеля выпустили по кораблю
залп ракет и снарядов из тяжелых орудий.
Мощные удары заставили корпус
содрогнуться, а затем из пробойн
вырвались ослепительные языки пламени и
к небу взметнулись высокие столбы
густого едкого дыма, словно корабль хотел
отправить какой-то сигнал своим
нынешним хозяевам.

И снова, когда Боутель отводил
Астартес в укрытие перед обстрелом,
желтый туман шлейфом следовал за ними
по пятам. Локен продолжал
прислушиваться к звукам за спиной, но из-

за оглушительного грома взрывов, треска
горящего корабля и плеска ног ногами он
почти ничего не уловил.

-- Все это похоже на настоящую
ловушку, -- заметил Торгаддон,
оглядываясь через плечо.

-- Я тебя понимаю.

-- Могу тебе сказать, идея забираться
внутри мне совсем не нравится.

Его слова полностью совпали с
невеселыми мыслями Локена.

-- Но ты же не боишься? -- спросил он,
криво улыбнувшись.

-- Не дерзи, Гарвель, -- отозвался
Торгаддон. -- На этот раз я с тобой
полностью согласен. Что-то здесь не так.

Локен заметил искреннюю тревогу на
лице друга. То, что весельчак Торгаддон
внезапно стал серьезным, расстроило его.
При всем своем легкомыслии и
хвастовстве Торгаддон обладал прекрасной
развитой интуицией и благодаря этому не
один раз в прошлом выручал Локена.

-- Что ты думаешь? -- спросил он.

-- Я считаю, что это ловушка, --
сказал Торгаддон. -- Нас заманили сюда, и

похоже, кому-то очень хочется, чтобы мы вошли внутрь корабля.

-- Я уже говорил об этом Воителю.

-- И что он ответил?

-- Сам не догадываешься?

-- Ну да, -- кивнул Торгаддон. -- Но ты же не надеялся всерьез заставить главнокомандующего переменишь свое решение, правда?

-- Я думал, что смогу заставить его задуматься, но, похоже, он нас больше не слышит. Эреб настолько разозлил его рассказом о предательстве Тембы, что он может думать только о том, чтобы найти негодяя и разорвать голыми руками.

-- И что нам остается делать? -- спросил Торгаддон, чем снова удивил Локена.

-- Будем беречь свои спины, друг мой. Будем беречь спины.

-- Отличный план, -- устехнулся Торгаддон. -- А я об этом и не подумал. Уже собирался лезть в этот капкан, отпустив личную охрану.

Вот такого Торгаддона Локен знал и

любил.

Перед ними возвышалась кормовая часть разбитой «Славы Терры», задранная вверх под таким углом, что закрывала мутно-желтое небо. Холодная мрачная тень окутала людей, и Локен увидел, что попасть внутрь корабля будет несложно. Снаряды титанов вырвали целые пласты обшивки, а груды вывалившихся обломков образовали широкие склоны из искореженного железа, словно каменные осыпи перед стеной разбитой крепости.

Воитель дал команду остановиться и стал формировать группы.

— Капитан Седирэ, ты со своими штурмовиками образуеть головной отряд.

Локен почти физически ощутил гордость Люка, польщенного таким заданием.

— Капитан Мой, ты будешь сопровождать меня. Твои огнеметы и телтаганы будут незаменимы, если придется быстро расчистить дорогу.

Верулат Мой кивнул со спокойной сдержанностью, более значительной, чем стремление Люка продемонстрировать

Воителю свое рвение.

-- Что прикажете делать нам, Воитель? -- спросил Эреб, стоя перед строем вытянувшихся Несущих Слово. -- Мы готовы служить.

-- Эреб, бери своих воинов и зайди с другой стороны корабля. Найди возможность попасть внутрь, и мы встретимся в центре. Если этот мерзавец Темба попытается удрать, я хочу, чтобы он оказался между нами.

Первый капеллан кивнул и увел своих подчиненных в тень могучего корабля. Затем Воитель повернулся к торнивальцам.

-- Эзекиль, используй сигнал локатора на моих успехах и подстрахуй мое продвижение слева. Маленький Хорус, ты пойдешь справа. Торгаддон и Локен, вы останетесь в тылу. Обеспечьте безопасность в этом районе и по пути нашего возвращения. Понятно?

Воитель распределил группы, как обычно, наилучшим образом, но задание остаться сзади и прикрывать тыл сильно огорчило Локена. Он видел, что и

остальные члены Морнивала, особенно Торгаддон, тоже удивлены. Или Воитель таким образом хотел наказать его за сомнения в его действиях и совет передать другим командование штурмгруппой? Почему его оставили сзади?

— Понятно? — переспросил Хорус, и все четверо членов торнивальского братства кивнули. — Тогда вперед! — крикнул Воитель. — Я должен уничтожить изменника!

Люк Седирэ командовал своими штурмовиками выступить вперед, и мощные двигатели их прыжковых ранцев легко подбросили воинов к черневшим в бок корабля пробоинам. Как и ожидал Локен, Люк первым оказался внутри и без промедления нырнул в темное чрево корабля. Его воины последовали за командиром и вскоре скрылись из виду. Абаддон и Аксиманг отыскивали другие пробоины и стали подниматься по еще дымящимся обломкам к дырам, оставленным снарядами титанов. Аксиманг, на мгновение обернувшись,

недоумевающе пожал плечами, и Локен проводил его взглядом, все еще не в силах поверить, что братья по Морнивалю пойдут в этот бой без него.

Сам Воитель легко, словно по отлогому склону холма, поднялся по груде обломков, и Верулам Мой последовал за ним.

Через несколько мгновений на пустынном болоте остались только Торгаддон и Локен со своими ротами. Гарвель ощущал молчаливое недоумение своих воинов. Они стояли в ожидании приказа вступить в бой, но их капитан не мог отдать такого распоряжения.

Из оцепенения всех вывел Торгаддон — он громким голосом стал отдавать приказы оставшимся Астартес. Вскоре вокруг позиции образовался кордон, разведчики Неро Вунуса заняли наблюдательные посты у крошки тумана, а отделение Брейкснұра поднялось по грудам обломков, чтобы наблюдать за выходами из «Славы Терры».

— Так что именно ты сказал командующему? — спросил Торгаддон.

возвращаясь к Локену через озерцо жидкой
грязи.

Локен стал припоминать все
произошедшие между ним и Воителем
разговоры с тех пор, как они ступили на
поверхность спутника Давина. Он пытался
отыскать хоть какой-то намек на
оскорбление, но не мог найти ничего
такого, что оправдывало бы отстранение
его и Торгадгона от сражения с Тембой.

-- Ничего особенного, -- ответил он. --
Только то, о чем я уже рассказывал.

-- Тогда я не вижу в этом никакого
смысла, -- сказал Торгадгон, безуспешно
стараясь стереть со лба грязь и только
больше размазывая ее по лицу. -- Хотелось
бы знать, зачем ему понадобилось лишать
нас этой потехи? И почему он выбрал
Моя?

-- Верулам -- опытный офицер, --
заметил Локен.

-- Опытный? -- ухмыльнулся
Торгадгон. -- Не пойми меня превратно,
Гарви, я люблю Верулама как родного
брата, но он рядовой офицер. Ты это
знаешь не хуже меня, и в этом нет ничего

плохого, Император знает, нам нужны рядовые офицеры, но это не тот воин, который должен быть рядом с Воителем в таком деле.

Локен ничего не мог возразить Торгадгону, он был озадачен приказом Хоруса не меньше.

— Я не знаю, что тебе и сказать, Тарик. Ты прав, но командир отдал приказ, и мы обязаны его выполнять.

— Даже если знает, что приказ бесстысленный?

У Локена не было ответа на этот вопрос.

Воитель и Верулат Мдой вели передовой отряд штурмгруппы по темному и душному пространству «Славы Терры» через неестественно искривленные отсеки между покореженными и покрытыми плесенью переборками. Затхлая вода сочилась из щелей, а порывы влажного ветра, заблудившегося в останках корабля, звучали вздохами призраков. Омерзительные полосы черной плесени и лохотья полустлевшей ткани задевали

их по шлемам, оставляя скользкие
слизистые следы.

Сгнившие и съеденные червями полы
представляли немалую опасность, но
Астартес не теряли времени и быстро
пробирались к командной рубке.

Постоянные донесения Сегирэ через
непрерывный треск помех информировали
о продвижении головного отряда по
безжизненному и пустому кораблю. Его
группа была, по-видимому, совсем недалеко,
но голос Люка постоянно пропадал, так
что невозможно было разобрать каждое
третье слово.

Чем дальше они углублялись в чрево
корабля, тем хуже становилась связь.

-- Эзекиль, -- сказал Воитель в
микрофон вокса на своем воротнике, --
доложи о своих успехах.

Раздавшийся голос Абэггона был
почти неузнаваем, громкий треск и
шипение превращали его слова в
бесстысленное бормотание:

-- Двигается... чр... з... лубу... У нас...
фланг... тель...

Хорус щелкнул по воксу:

— Эзекиль? Проклятье!

Хорус повернулся к Верулату.

— Попробуй связаться с Эребом, —
сказал он и снова занялся воксом. —

Маленький Хорус, ты меня слышишь?

Опять раздалось шипение помех,
затем прорвался едва слышимый голос:

— ...артиллерийская палуба...
медленно... снаряды, ...обезвредить...
двигается...

— Эреба не слышно, — положил Мой, —
но он должен быть уже на
противоположном борту корабля. Если
помехи на таком небольшом расстоянии
не позволяют говорить с рядом идущими
войсками, то вряд ли вокс-линки пробьются
через все судно.

— Проклятье! — снова бросил Хорус. —
Ладно, давай двигаться дальше.

— Сэр, — остановил его Мой, — Могу я
высказать предложение?

— Если это предложение вернуться
назад, забудь о нем, Верулат. Задачи моей
чести и доброе имя всего Похода, и никто
не сможет сказать, что я повернул назад.

— Я понимаю, сэр, но капитан Локен,

возможно, был прав. Мы подвергаем себя
напрасному риску.

— Вся жизнь — сплошной риск, груг
той. Каждый день, который мы проводим
вне пределов Терры, — это риск. Каждое мое
решение — тоже риск. Мы не можем не
рисковать собой, иначе мы ничего не
добьемся. Если капитан будет в первую
очередь заботиться о сохранности корабля,
он никогда не выйдет из порта. Ты
хороший офицер, Верулам, но ты не
видишь возможности проявить героизм,
как вижу ее я.

— Но, сэр, — возразил Мой, — мы не
можем связаться с остальными группами
и не имеет представления, что ожидает
нас в глубине корабля. Простите, если я
суюсь не в свое дело, но блуждание вслепую,
чем занимается мы, не похоже на героизм.
Это больше напоминает проверку догадок.

Хорус наклонился к Мою:

— Капитан, ты не хуже меня знаешь,
что искусство войны состоит из
построения предположений о том, что
находится на противоположной стороне
горы.

— Сэр, я понимаю... — заговорил Мой, но Хорус не дал ему себя перебить:

— С тех самых пор, как Император назначил меня на пост Воителя, люди постоянно указывают, что я должен делать и чего мне делать нельзя. Я устал от этого! — резко заявил Хорус. — Если кому-то не нравится мое мнение, что ж, это их проблемы. Я — Воитель, и я принял решение. Мы идём вперёд.

В темноте неожиданно раздался резкий свист статических зарядов, а затем голос Люка прозвучал так отчетливо, словно он стоял рядом.

— Дьявол! Они здесь! — крикнул Седирэ. А потом все перевернулось с ног на голову.

Жуткий вой, шедший словно из самого центра спутника, Локен сначала ощутил подожвати сапог. Он в ужасе повернулся, услышал резкий скрежет и лязг рвущегося металла и увидел фонтаны грязи, вырывающиеся из земли вверх вместе с частями корабля, которые были погружены в болото. Затем «Слава Терры» накренилась, и весь корабль с ужасающей

неотвратимостью стал опрокидываться.

-- Всем отойти! -- закричал Локен, видя, как колоссальная масса металла набирает скорость.

Астартес бросились бежать от падающего колосса, защитные системы шлемов заблокировали грохот и визг рвущегося металла, но Локен видел, как зловещая тень накрывает их темным саваном. Он обернулся как раз в тот момент, когда громада ударилась о поверхность с силой орбитального столкновения. Огромное сооружение сплющилось под собственным весом, огромные гейзеры болотной грязи взметнулись вверх на десятки метров. Ударная волна стела Локена, как пылинку, и он приземлился в затхлом прыгун. Встав на колени, он увидел расходящиеся во все стороны от корабля волны жидкой мерзости и десятки своих воинов, погребенных в коричневой жиже. Вокруг рухнувшего судна образовался кратер, а затем сверху хлынул отвратительный вонючий дождь, мгновенно залепивший визор шлема, отчего видимость

сократилась до нескольких метров.

Локен поднялся на ноги. Ударная волна рассеяла желтый туман, сопровождавший Астартес с момента их высадки, и, увидев, что скрывалось за его пеленой, Локен поспешно активировал болтер.

-- Сыны Хоруса, к бою! -- закричал он.

К ним уже двигались сотни оживших мертвецов.

Даже броня примарха не могла защитить от такого удара, и Хорус со стоном выдернул из груди изогнутый металлический прут, покрытый ржавчиной. Густая кровь окропила доспехи, но рана затянулась через несколько секунд после того, как металл был удален из тела. Генетически усиленный организм легко мог справиться и с более серьезными повреждениями, и, несмотря на головокружительное падение сквозь десяток отсеков вздыбившегося корабля, Хорус быстро сориентировался и восстановил равновесие на скользкой от грязи переборке.

Он потянул звук рвущегося металла, слышавшийся до сих пор, и резкий треск костей, когда воины Астартес разлетелись в разные стороны, словно котьята.

-- Сыны Хоруса! -- позвал он. -- Верулам!

Лишь настешливое эхо прилетело в ответ. Воитель разгряженно выругался, обнаружив, что остался один. Вокс-линк на латном воротнике разбился при падении, и из пугстого гнезда свисали только бесполезные медные проводки, и Хорус сердито оборвал их.

Нигде не было видно ни Веруламы, ни его отряда, вероятно погребенного под обломками. Быстро оценив положение, Хорус понял, что находится в оружейном отсеке, через трещины просачивались ледяные струи, и Воитель запрокинул голову, подставляя им лицо.

Капитанский мостик был уже близко, если его только не снесло при землетрясении -- другого объяснения произошедшему подогреть было невозможно. Хорус удостоверился, что не остался без оружия, выдернув рукоять меча

из-под обломков.

Едва он обнажил меч, золотое лезвие поймало тусклый свет, проникающий в помещение, и загорелось, словно само было пламенем. Оружие было выковано его братом, Феррусом Маннусом, примархом Десятого Легиона Железных Рук, и подарено в память о присвоении титула Воителя. Увидев, что оружие осталось таким же прекрасным, как и в тот день, когда Феррус с выражением искреннего восхищения в серо-стальных глазах протянул ему этот подарок, Хорус не мог не улыбнуться. Никогда еще он так высоко не ценил мастерство своего брата в кузнечном деле.

Переборка скрипнула под его весом, и внезапно Хорус усомнился в правильности выбранной тактики в данной вылазке. Но, несмотря ни на что, ненависть к Эугану Тембе ничуть не остыла. Этому человеку он верил, и его предательство словно острые ножи терзало сердце.

Каким должен быть человек, чтобы нарушить клятву верности Империи?

Каким надо быть подлецом, чтобы

предать его?

Корабль снова тряхнуло, но Хорус тотчас отреагировал на движение и выпрямился. Свободной рукой он подтянул себя к дверному проему, за которым, как он знал, начиналась ветвистая сеть переходов, неизменно пронизывающих корабль такого размера. Хорус лишь однажды ступал на борт «Славы Терры», и это было почти семьдесят лет назад, но он помнил расположение всех помещений, словно был здесь только вчера. За этой дверью должны находиться верхние галереи арсенала, а дальше — центральный проход с несколькими защитными перегородками, который ведет к капитанскому мостику.

Хорус застонал от острой боли в груди и понял, что железный стержень, вероятно, задел одно из его легких. Он без колебаний переключил систему дыхания и, не замедляя шага, двинулся дальше, легко ориентируясь в почти полной темноте корабельных недр благодаря усиленному зрению.

Чем ближе он подходил к

капитанскому мостику, тем отчетливее
видел, каким ужасным изменением
подвергся корабль. Стены почти сплошь
покрывал слой какой-то органики, которая
пожирала металл, словно кислотная
плесень. Мокрые гирлянды похожих на
пнявок существ образовывали коричнево-
зеленые наросты, и весь воздух был
пропитан устойчивым запахом тления.

Хорус терялся в догадках: что же
произошло с кораблем? Неужели племена,
обитавшие на спутнике, наслали на
команду какую-то смертельно опасную
заразу? Не об этом ли толковал ему Эреб?

Воитель ощущал в воздухе
присутствие множества вредных
бактерий и остатков биологического
разложения, но не было ничего настолько
опасного, что могло бы нарушить работу
эго невероятно устойчивого организма.
Сияния золотого меча было достаточно,
чтобы различать дорогу, и Хорус быстро
преодолеl верхние галереи, прислушиваясь
к малейшим звукам, способным указать на
местонахождение его воинов. Узредка
доносившиеся далекие выстрелы и лязг

оружия говорили о том, что он не совсем
одинок, но, где происходят схватки, Хорус
не мог определить. Прогнившие
внутренности корабля рождали
искаженное эхо, и далекие крики
раздавались со всех сторон, так что, в
конце концов, он перестал обращать на
них внимание и решил действовать в
одиночку.

Хорус вышел в центральный проход
звездного корабля. Мерцающие
осветительные шары и протекающие силовые
изоляторы насыщали сводчатый тоннель
голубыми электрическими искрами. При
каждом движении корабля выбитые
металлические двери ударялись о стены и
издавали звуки, похожие на похоронный
звон колоколов.

Впереди слышались слабый стон и
шарканье босых ног — первые звуки,
которые можно было отчетливо
различить. Они доносились из-за широких
противовзрывных створок люка, которые
то открывались, то закрывались, словно
пасть какого-то хищного животного.
Обломки корабля не давали створкам

окончательно сойтись, и Хорус понимал, что тот, кто пытается открыть дверь, стоит между ним и его конечной целью.

Неровное дрожание и вспышки света производили стробоскопический эффект, и за створками люка мелькали грожащие тени, как будто изображение поступало с пикт-проектора, включенного на малой скорости.

При очередном раскрытии створок в щель просунулась рука с глиняными ногтями и вцепилась в проржавевший металл. С глиняных загнутых ногтей капала мутная жидкость, а ткани конечности были изъедены язвами с копошащимися в них личинками. Вслед за первой в щель просунулась вторая рука и с невероятной для явно больного существа силой раздвинула створки.

Ощущение страха было неведомо Хорусу, но, обнаружив источник странных звуков, он был склонен признать правоту своих капитанов.

Из люка показалась и, шаркая, двинулась вперед толпа гниющих и

изголодавшихся мертвецов. От их истощенных тел с погвещенными животами, от оскаленных клыков и даже от мух, роящихся вокруг больших рогатых голов, исходило непонятное ощущение скрытой силы. С раздвигшихся и потрескавшихся губ срывались звучные заклинания, но слова были незнакомы Хорусу. Ключья кожи и плоти свисали с обнажившихся костей, и хотя враги приближались со свинцовой монотонностью мертвых, Хорус угадывал в их телах затаенную энергию, а в затаенных пленкой катаракты глазах — неугержимый голод.

Монстры приблизились метров на десять, но их контуры оставались размытыми и грожащими, Хорус видел их словно через пелену слез. Он несколько раз моргнул, чтобы настроить зрение, и увидел, что существа держат в руках заржавевшие и покрытые слизью мечи.

— Что за прекрасная компания! — воскликнул Хорус и, подняв меч, бросился в бой.

Золотой меч огненной кометой

врезался в гущу врагов, безо всякого труда пронзая по дюжине и больше противников. Куски гнилой плоти звучно шлепались о стены, и каждое существо, задетое мезивием, взрывалось фонтаном гнили и фекалий, отравляя воздух зловонием. Алчные когти со всех сторон тянулись к Хорусу, но его оружием был не только меч. Он работал локтями, ногами и головой, а меч продолжал разить врагов, словно таранеток в тренировочном зале.

Хорус не мог сказать, что это были за создания, но они определенно не встречались с таким сильным противником, как примарх. Он продолжал двигаться вперед по центральному проходу корабля, прорубая себе путь в толпе мертвецов. Позади оставались лишь куски изрубленной плоти, истекавшей кровью и гноем. Впереди ждали бесчисленные враги и капитанский мостик «Славы Терры».

Он потерял счет времени, примитивная жестокость схватки поглощала все внимание без остатка, и меч рубил и колот без усталости. Ничто не могло устоять перед ним, и с каждым

ударом Воитель продвигался ближе к своей цели. Коридор уже заметно расширился, и в золотистом свете меча стало видно, что противники становятся все менее материальными.

Очередной удар меча сверху донизу рассек рыхлое тело, выпустив струю зловонной жидкости, но, вместо того чтобы развалиться на куски, тварь мгновенно испарилась, словно маслянистый дым на ветру. Хорус сделал еще шаг вперед, готовый и дальше с неугасающей яростью разить врагов, однако коридор неожиданно и необъяснимо опустел. Воитель оглянулся по сторонам и вместо ужасных монстров, жаждущих его сожрать, увидел лишь жалкие останки.

И даже эти последние клочки таяли, словно жир на сковородке, шипя и поднимаясь в воздух струями темной зеленой, почти черной дыма.

Отвратительный вид растекающейся сгнившей плоти заставил Хоруса выругаться, а в следующий момент он понял, что произошло с кораблем — он стал пристанищем варна, нерестилищем

Ултатериума.

Дальше коридор перекрывали многочисленные противовзрывные двери, непосредственно защищавшие капитанский мостик, и Хорус ощутил прилив свежих сил. Решимость уничтожить Эугана Тембу не ослабела ни на йоту. Воитель ожидал встретить на пути легионы порожденных бездной существ, но коридор оставался пустым, и тишина нарушалась лишь отзвуками болтерных выстрелов (которые, как он теперь был уверен, доносились снаружи корабля) и стуком капель черной воды по его доспехам.

Хорус осторожно продолжал идти, отбрасывая с дороги искрящие кабели, и двери одна за другой открывались при его приближении. Все это было очень похоже на ловушку, но теперь желание отомстить настолько завладело им, что Хорус не мог ему противиться и рвался вперед.

Наконец он ступил на капитанский мостик. Огромное помещение, бывшее ранее местом управления кораблем,

чрезвычайно изменилось. Тронутые гнилью знамена все еще свисали с потолочных балок, но к каждому из них было прибито мертвое человеческое тело. Хорус смог различить серую, как волчья шерсть, форму солдат Шестьдесят третьей экспедиции. Вероятно, эти несчастные воины до конца оставались верны своим клятвам.

— Вы будете отпущены, грузья мои, — прошептал он и пошел вперед.

Все приборы управления были разбиты, их вырванные внутренности образовали новую, странную систему, из которой выходили связки проводов толщиной не меньше метра и поднимались к терявшемуся в полутьме своду.

Кабели окружало пульсирующее свечение, и Хорус понял, что смотрит на источник вокс-сигнала, который вызвал такое беспокойство у Локена перед высадкой на поверхность спутника.

И действительно, он и сейчас слышал мерзкий голос, шепчущий слова, которые заставили бы его язык почернеть, если б он

решился их повторить.

Нүрг-лем, Нүрг-лем...

Но в следующее мгновение Хорүс понял, что эти слова звучат не только в его воспоминаниях, а срываются с человеческих губ.

Хорүс прищурил глаза, и его губы искривились от омерзения: в капитанском кресле восседала массивная раздувшаяся фигура. Настоящая гора гниющей плоти, испускающая отвратительный запах разложения.

Каждая складка его кожи служила пристанищем черным крылатым насекомым, обрывки серой ткани прилипли к зеленовато-серому телу, золотые эполеты и серебряные аксельбанты едва держались на непомерно вздувшихся плечах.

Одна рука этого существа покоилась на липкой от гноя страшной ране в грудной клетке, а другая сжимала рукоять сверкающего изумрудной зеленью меча.

Хорүс, увидев у ног этой заживо гниющей туши распростертое тело мертвого воина Астартес, от горя и

ярости опустился на колени.

Шея Верулама Моя, вероятно, была сломана, и его невидящие глаза остановились на трупах, свисающих с заплесневелых знамен.

Воителю не потребовалось поднимать взгляд на убийцу Моя; Хорус уже знал, что перед ним Эуган Темба.

Изменник.

НАВШИЙ БОГ

Локен не мог припомнить другой такой битвы, в которой он и его воины израсходовали бы все имеющиеся боеприпасы. Каждый Астартес нес с собой достаточно зарядов, чтобы обеспечить выполнение любого задания, поскольку ни один выстрел не тратился понапрасну и для поражения каждой цели обычно хватало одного попадания..

Дополнительный склад боеприпасов остался в районе высадки, а они не имели возможности туда добраться, и все из-за непоколебимой решимости Воителя двигаться только вперед.

Все болтерные обоймы Локена давно опустели, и он с благодарностью вспомнил настойчивость Аксиманга, посоветовавшего взять и субзвуковые снаряды, они оказались вполне эффективны в деле уничтожения оживших мертвецов.

-- Проклятье, неужели они никогда не кончатся?! -- воскликнул Торгадгон. -- Я

уже убил не меньше сотни этих тварей.

-- Возможно, ты несколько раз уничтожил одного и того же врага, -- ответил Локен, страхивая с меча серые ключья. -- Если не разбить им голову, они снова поднимаются. Я зарубил не меньше десятка этих существ, у которых имелись дыры от болтов.

-- Держись, -- предупредил его Торгадгон. -- Легио Мортис снова идет в атаку.

Локен занял более устойчивое положение на груде обломков, а титаны уже начали свой сокрушительный набег на толпы гниющих чудовищ. Устрашающие гиганты, похожие на тех, что, по рассказам, преследовали призраков на Барбарусе, сотрясая землю, изрыгая огонь и гром, выскочили из полосы тумана. Мощные взрывы взметнули вверх фонтаны грязи вперемешку с разорванными телами врагов, и каждый шаг могучих боевых машин вдавливал в грязь десяток монстров.

От напора титанов вибрировал воздух, и каждый взрыв вызывал новые

лавины обломков из отверстий в корнусах
«Славы Терры». Трижды мертвецы
пытались захватить склоны, ведущие к
входам в корабль, и трижды Астартес
заставлял их отступить. Первый раз
огнем из болтеров, а когда боеприпасы
погодили к концу, мечами и могучими
ударам рук и ног. Каждый раз они
уничтожали сотни врагов, но каждый раз
горстку Астартес вынуждали спускаться
на несколько шагов и приближаться к
болоту.

В нормальных условиях Астартес без
труда справились бы с этими
порождениями кошмаров, но теперь, когда
судьба Воителя оставалась неизвестной,
они утратили былую целеустремленность
и способность действовать с привычной
боевой яростью. Локен прекрасно понимал,
что чувствуют его воины, поскольку сам
испытывал те же эмоции.

Из-за невозможности связаться с
Воителем, Аксимандом и Абадгоном
оставшиеся снаружи Астартес
чувствовали растерянность и
замешательство.

-- Темба, -- произнес Воитель, вставая с коленей и направляясь к бывшему правителю планеты.

С каждым шагом все виднее становились свидетельства предательства Эугана Тембы: засохшая кровь на лезвии его меча и хищная ухмылка на лице. Вместо верного и стойкого последователя, каким был когда-то Темба, Хорус видел перед собой поглощенного предателя, заслуживающего самой мучительной смерти. Вокруг фигуры Тембы постепенно разгорался мертвенный свет, в котором еще отчетливее проступили признаки разложения его тела, и Хорус понял, что в этой гниющей оболочке уже ничего не осталось от его бывшего груга.

Хорус вспомнил рассказ Локена о случившемся в горах Шестьдесят Три Девятнадцать, его ужас при виде бывшего груга, ставшего добычей варна. Воителю было известно о тесной стычке между Джубалом и Локеном, и теперь стало ясно, что именно эта неприязнь, не

представлявшая собой ничего особенного, и стала той трещиной в защите Джубала, через которую варн сумел его одолеть.

А какая трещина стала причиной гибели Тембы? Гордыня, амбиции, ревность?

Раздвигшийся монстр, бывший когда-то Эуганом Тембой, отвел взгляд от тела Верулама Моя и устехнулся, явно довольный своей работой.

-- Воитель, -- произнес Темба, выговаривая каждый слог с булькающим придыханием, словно говорил через воду.

-- Не смей произносить мой титул, ничтожество.

-- Ничтожество? -- прошипел Темба, качая головой. -- Разве ты не узнал меня?

-- Нет, -- ответил Хорус. -- Ты не Темба, ты порожденный варном подлец, и я пришел, чтобы убить тебя.

-- Ты ошибаешься, Воитель, -- растеялось чудовище. -- Я все тот же Темба. Твой так называемый друг, хотя и покинутый. Я Темба, твой верный последователь, которого ты оставил гнить на этой всеми забытой планете, а

сам отправился завоевывать славу.

Хорус подошел к возвышению, на котором стояло капитанское кресло, и снова перевел взгляд с Тембы на тело Верулама Мое. Из страшной раны в боку толчками вытекала кровь, разливаясь по грязному полу капитанского мостика. На горле виднелось пурпурно-черное пятно, и сквозь кровопотек пробился обломок кости -- там был сломан его позвоночник.

-- Жаль, что так вышло с Моем, -- сказал Темба. -- Он был бы отличным неофитом.

-- Не произноси его имя, -- предостерег его Хорус. -- Ты недостойн его называть.

-- Если тебя это успокоит, могу сказать, что он до конца оставался верным. Я предлагал ему место рядом со мной и благословение Нурз-лет, наполняющего вены некрозом бессмертия, но он отказался. Он чувствовал потребность убить меня, но это было глупо с его стороны. Его верность достойна восхищения, хотя и неуместна.

Хорус, держа перед собой опущенный меч, поставил ногу на первую ступеньку

полостя; ненависть к этому существу преобладала над всеми остальными чувствами. Больше всего на свете он жаждал вырвать жизнь из омерзительного существа голыми руками, но здравый смысл предостерегал от поспешных действий: Мой был убит с такой небрежной легкостью, что раньше времени размахивать оружием было бы неразумно.

— Хорус, нам вовсе не обязательно враждовать, — сказал Темба. — Ты даже не представляешь себе всего могущества Варна, дружище. Мы никогда прежде такого не видели. Это восхитительно, можешь мне поверить.

— Это стихийная и неконтролируемая сила, — ответил Хорус, поднимаясь еще на одну ступень. — А потому на нее нельзя положиться.

— Стихийная? Возможно, но не только, — возразил Темба. — Она полна жизни, амбиций и желаний. Ты считаешь Варна энергией, которую можно использовать в своих интересах, но ты даже представить себе не можешь скрытых в нем возможностей править,

контролировать и властвовать.

— У меня нет таких желаний, — сказал Хорус.

— Ты лжешь, — хихикнул Темба. — Я вижу их в твоих глазах, дружище. В тебе живут великие амбиции. Не бойся их. Поддайся своим тайным желаниям, и мы не будем врагами, мы станем союзниками на пути, который приведет нас к господству над Галактикой.

— Галактика уже имеет правителя, Темба. Это наш Император.

— И где же он? Он метался по космосу, подобно варварским племенам древней Терры, и уничтожал всех, кто не желал подчиняться его воле, а затем оставил тебя собирать обломки. Какой же это лидер? Он такой же тиран, как и все остальные, только под другим именем.

Хорус сделал еще шаг и оказался на помосте; изменник, постыдивший порочить имя Императора, был уже почти в пределах досягаемости.

— Подумай об этом, Хорус, — настаивал Темба. — Вся история Галактики доказывает, что события не

происходят по чьей-то деспотической воле, они подчиняются судьбе. Эта судьба и есть Хаос.

-- Хаос?

-- Да! -- крикнул Темба. -- Еще раз повторяю тебе, друг мой. Хаос -- это величайшая сила во Вселенной, и никому ее не преодолеть. Когда первые обезьяны вышибали друг друга мозги обломками костей или взывали к небесам, корчась в агонии ужасных болезней, они питали и взращивали Хаос. Счастливое избавление от напасти или успешная интрига -- все это зерно для мельницы душ Хаоса. Пока человек крепнет в испытаниях, крепнет и Хаос.

Хорус уже поднялся на помост и теперь стоял лицом к лицу с человеком, которого когда-то считал своим другом и товарищем в великих начинаниях. Но хотя существо говорило голосом Тембы и в его оплывшем лице проглядывали черты его старого друга, в нем ничего не осталось от некогда прекрасного человека -- все поглотил варн.

-- Ты должен умереть, -- сказал Хорус.

— Нет, благодаря благословению Нүргет, я никогда не умру, — устехнулся Темба.

— Это мы сейчас увидим, — фыркнул Хорус и вонзил свой меч в грудь Тембы.

Золотое лезвие легко прошло сквозь рыхлые ткани к самому сердцу предателя.

Хорус выдернул меч, омытый черной кровью и зловонным гноем, распространившийся от обратительный запах был так силен, что даже ему стало трудно дышать. А Темба растеялся, ничуть не обеспокоенный смертельным ранением, и поднял свой меч с блестящим лезвием, похожим на узорчатый обсидиан.

Он поднес оружие к посиневшим губам.

— Воитель Хорус, — произнес Темба.

С непостижимой быстротой кончик лезвия метнулся к шее Воителя.

Хорус поспешно поднял оружие, едва успел остановить меч в нескольких сантиметрах от горла и под натиском предателя вынужден был отступить назад. Справившись с изумлением, Хорус схватил меч обеими руками и стал

отражать яростные выпады Тембы, следующие один за другим.

Ни в одном поединке ему не приходилось так много внимания уделять обороне. Эуган Темба не числился среди признанных мастеров боя на мечах, и Хорус не мог понять, откуда вдруг возникло такое мастерство. Противники продолжали обмениваться грозными ударами на капитанском мостике, причем Эуган Темба двигался с таким проворством, какое никак не вязалось с его грузной фигурой. Постепенно Хорус стал осознавать, что и ловкость, и боевое искусство не были заслугой Тембы, все это появилось благодаря мечу.

Хорус нагнулся, уклоняясь от удара, грозившего снести ему голову, в тот же момент пробил оборону Тембы и рубанул противника мечом по животу, выплеснув на палубу немало загустевшей крови и внутренности. Темное лезвие вражеского клинка метнулось вперед, ударило по наплечнику доспехов и сорвало его, исторгнув при этом целый сноп пурпурных искр.

Возвратным движением меч Тембы

нацелился в голову, но Хорус успел отскочить. Окровавленная туша Тембы мгновенно нагвинулась на него, так что Воителю пришлось упасть на пол и откатиться. Любой нормальный человек уже десять раз умер бы от таких ран, но, казалось, смертельные удары совершенно не беспокоят Тембу.

Лицо изменника блестело от пота, и его силуэт стал таким же неясным и угрожающим, как у тех циклопов, которых Хорус истребил в центральном переходе корабля. Воитель несколько раз моргнул и что-то заметил в центре чудовищно раздутого тела: едва различимый силуэт кричащего мужчины с прижатыми к ушам ладонями и искаженным от ужаса лицом.

Темба намотал липкие от крови и гноя внутренности на руку и спустился со ступеней капитанского помоста, словно светская дама, подобравшая шлейф в бальном зале Мерики. Хорус видел, как хищно блестит проклятый меч, как подергивается его кончик, словно по собственной воле стремясь пронзить его тело.

– Хорүс, это не должно закончиться
таким образом, – пробұлькал Темба. – Нам
не стоит оставаться врагами.

– Нет! – крикнул Воитель. – Мы уже
враги. Ты убил моего дру́га и предал
Императора. Дру́гого пути нет.

Он не успел договорить эти слова, как
дымчато-серое лезвие рванулось вперед.
Хорүс отшатнулся, но меч все же ударился
в нагрудник и вонзился в керамитовую
броню. Хорүс отступил от Тембы.
Раздался треск, и Хорүс уви́дел, что
подъёмники предателя сломались, не
выдержав веса его огромного тела.

Темба пьяно шагнул вперед, и осколки
костей прорвали разбухшие ткани. Ни
один нормальный человек не смог бы
вынести таких тучений, и в груди Хорүса
шевелинулась жалость к бывшему дру́гу,
еще живущему в теле ужасного существа.
Никто не заслуживал подобного
нагрудельства, и Хорүс, снова уви́дев
размытый силүэт, шевелившийся внутри
рожденной варпом плоти, поклялся
прекратить страдания Тембы.

– Надо было выслушать тебя, Эүтан, –

прошенгал он.

Темба ничего не ответил. Светящееся лезвие описывало в воздухе замысловатые мерцающие фигуры, но такой опытный воин, как Хорус, не поддался на примитивный трюк.

И снова меч Тембы метнулся вперед, но теперь Хорус уже постиг всю меру ярости своего противника, пытающегося любыми путем пронзить его тело, Темба атаковал не думая, повинувшись лишь жажде убийства. Хорус обвел своим мечом вокруг рукояти оружия Тембы и отбросил в сторону его руку, стараясь обезоружить, а затем нанести смертельный удар.

Но Темба даже под угрозой перелома запястья не выпустил меча. Он сумел не только удержать его, но и направить изогнувшийся кончик в плечо Хоруса. Оба клинка одновременно вонзились в плоть, меч Хоруса пробил грудь, сердце и легкие врага, а оружие Тембы впилось в мускулы плеча, как раз в том месте, откуда раньше слетела пластина брони.

Прикосновение мерцающего меча обожгло нестерпимой болью, Хорус

вскрикнул и отреагировал со всей скоростью, которой его наделил Император. Его золотой меч рванулся в сторону и отсек руку Тембы выше локтя. Темный меч звонко ударился о палубу и задержался вместе с обрубком, словно пытаясь продолжить бой по собственной воле.

Темба с пронзительным криком покачнулся и упал на колени, и Хорус уже навис над врагом с поднятым мечом. Плечо болело и кровоточило, но победа была близка, и Воитель с яростным криком приготовился свершить свою мститель.

Но даже сквозь кровавый туман гнева и боли он успел увидеть жалкий, несчастный и испуганный образ Эугана Тембы, лишённого омерзительного покрывала Варна, завладевшего его существом. Тело осталось все таким же раздутым и огромным, но темный свет в глазах померк, и на стену ему пришли слезы и боль внезапного осознания совершенного предательства.

— Что я наделал? — еле слышно

спросил Темба.

В одно мгновение гнев Хоруса испарился, он опустил меч и опустился на колени рядом с умирающим человеком, когда-то бывшим его другом.

Прерывистые рыдания и судороги агонии сотрясли его тело, но из последних сил Темба смог поднять руку и дотронуться до доспехов Хоруса.

— Прости меня, мой друг, — сказал он. — Я не знал. Никто из нас не знал.

— Теперь помолчи, Эуган, — успокоил его Хорус. — Это был варн. Наверное, обитатели спутника нашли способ напугать его на тебя. Они называют это колдовством.

— Нет... Мне так жаль, — рыдал Темба, а его глаза постепенно тускнели в преддверии приближающейся смерти. — Они показали нам, чего можно достичь с его могуществом. Я заглянул в варн. Я увидел таящиеся там силы и, да простит меня Император, дал свое согласие.

— Эуган, там нет никакого скрытого могущества, — сказал Хорус. — Тебя ввели в заблуждение.

-- Нем! -- вскрикнул Темба, крепко сжимая руку Воителя. -- Я был слаб и по своей воле согласился на падение, но теперь со мной все кончено. В варне таится огромное зло, и ты должен узнать правду до того, как Галактика погрузится во тьму.

-- О чем ты говоришь?

-- Воитель, я видел это. Галактика превратилась в пустошь, Император мертв, а человечество оказалось во власти бюрократии и предрассудков. Все обратилось в прах, повсюду идет война. Лишь у тебя есть силы предотвратить такое будущее. Воитель, ты должен быть сильным. Никогда не забывай об этом...

Хорус хотел узнать больше, но лишь беспомощно смотрел, как угасла последняя искра жизни Эугана Тембы.

Раненое плечо пылало, но Хорус поднялся и решительно направился к разбитой аппаратуре и связкам кабелей, уходящим под своды капитанского мостика.

Из горла Воителя вырвался крик боли и горя, он разрубил все кабели одним

мощным ударом меча, и они упали, извиваясь, словно выброшенная на берег рыба, из проводов и трубок посыпались искры и вылилась зеленая жидкость. Теперь Хорус был уверен, что проклятая вокс-передача прекратилась.

Выронив меч и сжмая ладонью раненое плечо, Хорус сел на пол рядом с мертвым телом Эугана Тембы, оплакивая своего утраченного друга.

Локен одним взмахом меча отделил голову от туловища очередного рыхлого монстра, но перед ним тотчас возник следующий противник. Локен и Торгаддон сражались спиной к спине, их мечи покрывал толстый слой слизи. Медленно, но неотступно враги заставляли их шаг за шагом подниматься по осыпи металлических обломков к пролomu в корабле. Воины дрались отчаянно, но каждый удар требовал все большего напряжения. Титаны Легио Мортис уничтожили столько противников, сколько стогли, и до сих пор они периодически осыпали подступы к кораблю

артиллерийскими снарядами, но и это не могло остановить чудовищное нашествие.

Десятки Астартес уже пали в бою, а от отрядов, вошедших внутрь «Славы Терры», до сих пор не было никаких вестей.

Еле слышное сообщение, полученное от Византийских Янычар, указывало на то, что их отряд наконец-то сдвинулся с места, но никто не мог с уверенностью сказать, куда точно они направились.

Движения Локена стали совершенно автоматическими, удар следовал за ударом с механической точностью, и никакого мастерства этот бой не требовал. Доспехи во многих местах были пробиты и смяты, но Локен продолжал сражаться за победу, несмотря на отчаянное положение.

Такая способность составляла отличительную черту Астартес: они не отступали даже перед значительно превосходящими силами противника. Локен давно потерял счет времени; жесточенность боя ограничила его восприятие только очередным противником.

-- Нам придется отступить внутрь корабля! -- крикнул он.

Торгаддон и Неро Винус кивнули, слишком занятые сиюминутной ситуацией, чтобы тратить время на слова. Локен, обернувшись, включил вокс и передал приказ по цепочке, а затем дождался подтверждения от командиров отделений.

Внезапно раздался сердитый крик, и Локен, узнав голос Торгаддона, поспешно обернулся, держа меч наготове. Группа оживших мертвецов взобралась на вершину осыпи, и костлявые когтистые руки и жаждные челюсти преодолели сопротивление стоявших там Астартес. Торгаддона сбили с ног, клыки мертвецов впились ему в горло, а несколько пар рук тянули вниз.

-- Нет! -- закричал Локен и ринулся на выручку.

На бегу он попросту расталкивал врагов корпусом, заставляя их скатываться кубарем вниз по склону. Каждый удар кулака разбивал чей-то череп, а меч рассекал гниющие трупы.

нагвое. Закованная в броню рука с размаху
прошла сквозь серую плоть и ухватилась
за доспехи костодесантника.

-- Держись, Тарик! -- приказал Локен и
потянул приятеля за руку.

Несмотря на всю свою мощь, Локен не
мог поднять Торгадгона и почувствовал,
как многочисленные конечности
обвиваются вокруг его ног и пояса. Он
размахнулся свободной рукой, однако
перебить всех противников был не в силах.
Костлявые руки тянулись к его шлему,
размазывали грязь по визору и ослепляли
его. Локен почувствовал, что и сам падает
в грязь.

Он отчаянно рванулся, разрывая
врагов на части, но тщетно. Он не смог
удержаться рядом с Торгадгоном. Кости
скрежетали по доспехам, неестественно
сильные пальцы рвали плоть и выпускали
драгоценную кровь. Почти полностью
обнаженный скелет с ухмыляющимся
черепом вместо лица бросился на грудь
Локена, и его челюсти щелкнули по визору.
Не в состоянии проникнуть внутрь, он
продолжал возить челюстями по шлему,

залепляя визор потоками слюны и болотной жижи.

Ударом головы Локен избавился от мерзкого врага, перекатился на живот, чтобы обрести хоть какую-то опору. В падении он выпустил из пальцев рукоять меча, и теперь, яростно рыча, пытался избавиться от невыносимых объятий, толотя руками и ногами. Локен пустил в ход все свои силы до последней капли и наконец, сумел встать и получить короткую передышку.

Повсюду вокруг воины Астартес вели отчаянную борьбу с отвратительными трупями, но Локен сознавал, что конец близок.

Вдруг, словно по команде, все мертвецы разом упали на землю, испустив негромкий вздох облегчения.

Еще секунду назад вся местность вокруг звездного корабля представляла собой поле ожесточенной битвы не на жизнь, а на смерть, а теперь площадка превратилась в необычайно тихое кладбище. Астартес в изумлении отряхивались, поднимались на ноги и

смотрели на неподвижные безжизненные тела, устилавшие землю.

— Что случилось? — спросил Неро Винус, выбираясь из-под груды свалившихся трупов. — Почему они остановились?

Локен тряхнул головой. Ему нечего было ответить.

— Я не знаю, Неро.

— В этом нет никакого смысла.

— А ты бы предпочел, чтобы они снова поднялись?

— Не притворяйся, что не понимаешь. Я хотел сказать, что если или кто-то управлял, то зачем останавливаться? Они нас почти одолели.

Локен ощутил холодок. От одной мысли, что кто-то обладает силой, способной одолеть Астартес, становилось не по себе. За все то время, что они странствовали по Галактике, им не встречалось врагов, которые могли бы выстоять против костодесантников, — рано или поздно противники были вынуждены признавать превосходящую мощь Астартес.

Неужели они столкнулись с врагами.

воля которых оказалась сильнее их собственной?

Прогнав мрачные мысли, Локен отдал приказ избавиться от трупов, и Астартес стали оттаскивать тела от корабля, попутно отсекая головы, чтобы враги не могли встать снова.

Спустя некоторое время из корабля вышли отряды Аксиланга и Абадгона. Многие воины получили ранения во время произошедшего крушения, но все остались живы. Эреб тоже вскоре вывел свою группу. Несущие Слово тоже не пострадали, но были сильно раздосадованы неудачей.

От Сегирэ и Воителя до сих пор не поступало никаких известий.

— Мы возвращаемся на корабль искать Воителя, — объявил Абадгон. — Я возглавлю отряд.

Локен хотел возразить, но, видя непреклонную решимость в глазах Эзекиа, молча кивнул.

— Мы пойдем все вместе, — добавил он, — пусть погода.

Люка Сегирэ и его отряд они

обнаружили запертыми в ловушке на одной из нижних палуб, выходы откуда оказались блокированными тоннами обломков. Чтобы разобрать завалы и освободить отряд Сегирэ, потребовалось не менее часа. После освобождения Люк смог рассказать не слишком много:

— Они были здесь. Чужовища с одним глазом во лбу... появились из ниоткуда, но мы перебили их всех. А теперь они пропали.

Люк тяжело переживал неудачу — семеро воинов из его отряда погибли, и вместо привычной утешки на его лице горела жажда мести. Он напоминал Локену обиженного ребенка. Стены помещения покрывал сплошной слой зловонных останков, и Сегирэ часто поглядывал на них с выражением, которое Локену очень не понравилось. Такой вид был у Эуфратии Киулер после того, как существо, завладевшее Джубалом, едва ее не убило.

Отряд Сегирэ присоединился к четверке торнивальцев, и все вместе они углубились в недра корабля, отыскивая

путь по характерным признакам боя, оставшимся на стенах, -- следам от болтерных выстрелов и царапинам от меча. Следы вели к капитанскому мостику.

-- Локен, -- зашептал Аксиманг. -- Я боюсь того, что мы можем обнаружить впереди. Надо хорошенько подготовиться.

-- Нет, -- ответил Локен. -- Я понимаю, о чем ты говоришь, но не хочу об этом думать. Я не могу.

-- Мы должны быть готовы к худшему.

-- Нет, -- повторил Локен громче, чем хотел. -- Мы бы знали, если бы...

-- Если бы -- что? -- спросил Торгаддон.

-- Если бы Воитель погиб, -- наконец решился Локен.

Возникло напряженное молчание. Такую ужасную вероятность никто не хотел даже обсуждать.

-- Локен прав, -- сказал Аббаддон. -- Если бы Воитель был мертв, мы бы об этом знали. Вы и сами это понимаете. А ты, Маленький Хорус, почувствовал бы это первым.

– Надеюсь, ты прав, Эзекиль.

– Хватит расстраиваться раньше времени, – подхватил Торгаддон. – Какие могут быть разговоры о смерти, если мы до сих пор не обнаружили ни тела, ни даже волоска с головы Воителя. Мы все знаем, если бы Воитель погиб, небо упало бы нам на головы, не так ли?

Его слова несколько подняли их настроение, и воины продолжали путь по центральному проходу корабля через противовзрывной люк и по коридору с мерцающими фонарями, пока не подошли к бронированным дверям, ведущим на капитанский мостик.

Локен и Аббаддон шагнули вперед, за ними последовали Аксиманг, Торгаддон и Седирэ.

Внутри было почти темно, лишь с разрушенной галереи пробивался неяркий свет.

Воитель сидел спиной к ним, его превосходные доспехи были залеплены грязью и поцарапаны, а рядом лежала огромная раздутая туша.

Локен подошел ближе и не мог не

поморщиться при виде неестественно
распухшей человеческой головы, лежащей
на коленях командира. В нагрудной
пластине доспехов зияла глубокая прореха,
а из колотой раны на плече все еще текла
кровь.

-- Сэр? -- окликнул он Хоруса. -- С вами
все в порядке?

Воитель не отвечал, а лишь
продолжал покачивать на коленях голову
того, кто, как предположил Локен, был
Эуганом Тембой. Лежащее тело казалось
таким огромным и тяжелым, что Локен
засомневался, могло ли самостоятельно
передвигаться подобное чудовище.

Пораженные видом Воителя и
трагичной обстановкой в капитанской рубке,
притихшие торнивальцы присоединились к
Локену. Они стущенно переглядывались
друг с другом, не зная, что следует
предпринять в такой необычной ситуации.

-- Сэр? -- заговорил Аксиманд,
опускаясь на колени рядом с Воителем.

-- Я потерял его, -- сказал Хорус. -- Я
потерял их всех. Я должен был выслушать
его, но не сделал этого, а теперь они все

мертвы. Это слишком тяжело.

— Сэр, мы должны вывести вас отсюда. Ходячие трупы прекратили атаки, но мы не знаем, сколько продлится это затишье. Надо уйти из этого места и перегруппироваться.

Хорус медленно покачал головой:

— Они больше не нападут. Темба мертв, а кабель подачи вокс-сигнала я разрубил. Не могу сказать, как именно, но эти передачи были частью управления несчастными душами.

Абагдон отвел Локена в сторону.

— Надо вывести его отсюда, — прошепел он. — Нельзя, чтобы кто-то еще увидел его в таком состоянии.

Локен знал, что Абагдон прав. Плачевный вид Воителя мог сломить дух любого воина Астартес. Хорус был для них непобедимым богом войны, легендарным великаном, которого ничто не могло сокрушить.

Показать его таким, как сейчас, значило нанести тяжелый удар по боевому духу всей Шестидесятой третьей экспедиции.

Они осторожно оттащили тѹшу
Эугана Тембы от Воителя и подняли
командира на ноги: Локен закинул руку
Хоруса себе на плечо и тотчас ощутил на
лице теплые капли -- рана Воителя еще
кровоточила.

Встав с обеих сторон, он и Абэгдон
повели командира к выходу с капитанского
мостика.

-- Подождите,-- слабым хрипловатым
голосом остановил их Хорус. -- Я должен
выйти на своих ногах.

Они неохотно отступили, и,
несмотря на пепельную бледность лица и
явно терзающую его боль, Воитель, слегка
покачиваясь, шагнул к двери. У выхода он
обернулся, бросил последний взгляд на тело
Тембы.

-- Заберите с собой тело Верулата
Моя, сыны мои! -- приказал он.-- И давайте
выбираться отсюда.

Маггар прислонился к стальной
переборке «Славы Терры», держа перед
собой меч, покрытый кляксами темной
жидкости. Петронелла едва сдерживала

слезы при мысли, что они оказались так
близки к гибели на этой унылой, забытой
Императором луне.

Маггарг толкнул ее в это укрытие
за переборкой, и, оставаясь здесь, она
почти ничего не видела, зато слышала
звуки отчаянной битвы, развернувшейся
неподалеку, -- воинственные кличи,
жужжание цепных мечей, вгрызавшихся в
рыхлую плоть, громкие удары и вспыхива-
ющие снарядов из орудий титанов.

Ее воображение без труда заполняло
пробелы, и, несмотря на ужас, наполнивший
все ее существо с головы до ног,
Петронелла мысленно представляла
героические поединки между
величественными воинами Астартес и их
огниющими кровожадными врагами.

Она только что пережила первое в
своей жизни сражение. Осознание этого
заставило ее судорожно перевести дух, но
затем на нее снизошло странное
спокойствие: исчезла дрожь в руках и
ногах, и ей вдруг захотелось улыбаться и
смеяться. Петронелла вытерла глаза
рукой, размазав по щекам краску, как

боевой камуфляж древних племен.

Глядя на Маггарга, она теперь видела в нем отважного воина, каким он и был на самом деле, — дикого, кровожадного и величественного. Она отважилась подняться на ноги и выглянула из укрытия на поле битвы.

Картина была похожа на один из пейзажей Келанта Рогжета, и от потрясающего вида перехватывало дыхание. Туман и дымка поднялись, и солнце уже заливало все вокруг своим ржаво-красным светом. Три колоссальных титана Легио Мортис стояли на страже вокруг отрядов Астартес, а воины, вооруженные огнеметами, превращали груды убитых чудовищ в костры голубовато-зеленого пламени.

В голове Петронеллы уже рождались метафоры и эпитеты для описания этой сцены: воины Императора несут его свет в темные уголки Галактики; или: Астартес — ангелы смерти, несущие возмездие нечестивцам...

Фразы несли в себе должный эпический пафос, но она сознавала, что и

недостаёт фундаментальной истины, без которой повествование будет больше похоже на пропагандистские лозунги, чем на летопись.

Так вот что представляет собой Великий Крестовый Поход! Ужас, не покидавший Петронеллу последние несколько часов, был стыт волной восхищения воинами Астартес, всеми мужчинами и женщинами Шестидесятой третьей экспедиции.

Заслышав позади чьи-то тяжелые шаги, она обернулась. К ним шагали четверо офицеров из братства Морниваль, а на их плечах покоилось тело в тяжелых доспехах. Выражение легкомысленного веселья, с которым они предстали перед ней в первую встречу, бесследно исчезло с их лиц, даже весельчак Торгаддон был серьезен и печален.

Вслед за ними шел закутанный в плащ Воитель, и его измученный вид вызвал у Петронеллы неподдельный ужас. Его доспехи были потяты и испачканы, а на руке и лице виднелись пятна крови.

— Что произошло? — спросила она

проходившего мимо капитана Локена. -- У
чье это тело?

-- Помолчите, -- резко ответил он. -- У
скройтесь.

-- Нет, -- сказал Воитель. -- Она мой
личный летописец, и, если это хоть что-
нибудь значит, она должна видеть не
только лучшие, но и худшие моменты
нашей жизни.

-- Сэр... -- попытался возразить
Абаддон, но Хорус не дал ему говорить:

-- Эзекиль, не будет об этом спорить.
Она идет с нами.

От такого исключительного
признания ее сердце подпрыгнуло в груди, и
Петронелла вместе с группой Воителя
стала спускаться со склона на землю.

-- Это тело Верулата Моя, капитана
моей Девятнадцатой роты, -- с горечью
сказал Воитель. -- Он пал при выполнении
воинского долга, и его подвиг будет
должным образом отмечен.

-- Примите мои глубочайшие
соболезнования, мой господин, -- произнесла
Петронелла, невольно страдая при виде
печали Воителя. -- Так это был Темба? --

спросила она, доставая электронный блокнот и мнемо-перо. -- Это он убил капитана Моя?

Хорус кивнул, не имея сил ответить.

-- А Темба мертв? Вы убили его?

-- Эуган Темба погиб, -- отвечал

Хорус. -- Я думаю, он умер гавным-гавно.

Не могу сказать, кого я там убил, но это определенно был не он.

-- Я не понимаю...

-- Не уверен, что я сам это понял, --

сказал Хорус, пошатнувшись у подножия осыни.

Петронелла протянула руку, чтобы поддержать его, но тотчас поняла, насколько абсурдной была ее попытка. Отдернув руку, она увидела, что пальцы покраснели от крови. Рана на плече Воителя все еще кровоточила.

-- Я оборвал жизнь Эугана Тембы, но будь я проклят, если после этого не оплакал его кончину.

-- Но разве он не был врагом?

-- У меня не возникает проблем с врагами, леди Вивар, -- сказал Хорус. -- О них я могу позаботиться в открытом бою.

Мои так называемые союзники -- вот кто не дает мне спать по ночам.

Пока она пыталась понять, что значат эти слова, ит навстречу выбежали апотекарии Легиона. Петронелла все же позволила мнемонеру занести фразу в блокнот. Она видела обращенные на нее возмущенные взгляды торнивальцев, но предпочитала не обращать на них внимания.

-- А вы говорили с ним до того, как его убили? Что он сказал?

-- Он сказал... что только у меня есть силы... предотвратить будущее, -- произнес Воитель внезапно севшим и глухим голосом, словно доносившимся с дальнего конца тоннеля.

Петронелла озадаченно подняла голову и вдруг увидела, что глаза Воителя закатились, а ноги подогнулись. Она закричала и, протянув вперед руки, бросилась к нему, заранее зная, что не сможет помочь, но и не в силах смотреть на его падение.

Словно медлительная лавина, начинающаяся без с вершины горы, Воитель

осел на землю.

Мнемонеро загвизалось в руке,
запечатлевая ее мысли, и Петронелла
прочла сквозь слезы:

Я была там, когда Хорус пал...

СЕРЕБРЯННЫЕ БАШНИ КРОВАВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАНЬ СТАНОВИТЬСЯ ТОНЬШЕ

Со своего места он мог видеть пирамидальную крышу Аменеута. Лучи заходящего солнца отражались от его золотых панелей, и казалось, что здание обьято пламенем. Хотя Магнус и понимал, что он всего лишь подобрал красочную метафору, сама мысль породила острое ощущение потери. Даже представить себе гибель этой сокровищницы знаний в пламени было настолько отвратительно, что он отвернул взгляд своего единственного oka от пирамиды из хрустала и золота.

Тизка, называемая Городом Света, простиралась перед ним, широко раскинув импаторные колоннады и просторные

зеленые бульвары. Грандиозные башни из серебра и золота поднимались к самому небу над городом библиотек, музеев, учебных залов. Весь огромный город был построен из белого мрамора и ослепителен золотыми прожилками и в лучах солнца сиял подобно драгоценной короне. Очертания зданий напоминали о давних прошедших временах, они были построены мастерами, чей талант и тщательством Тысячи Сынов оттачивался веками.

Стоя на балконе Пирамиды Фотона, Магнус Рыжий, примарх Легиона Тысячи Сынов, размышлял о будущем Просперо. После неистового ночного кошмара все еще болела голова, а единственный глаз болезненно дергался в покрасневшей глазнице. Магнус крепко сжимал мраморные перила балкона, отчаянно желая избавиться от видений, пришедших к нему ночью и не перестававших преследовать при свете дня. Ночные тайны открылись дневному свету, но от темных ощущений было нелегко избавиться.

Дело в том, что вся жизнь Магнуса

проходила под проклятием и
благословением дара предвидения, и вид
Атенеума, охваченного огнем, беспокоил
его больше, чем он мог в этом признаться.

Он налил себе вина из серебряного
кувшина и провел рукой цвета меди по
гриве огненно-рыжих волос. Вино помогало
уменьшить головную боль и даже боль в
сердце, но Магнус понимал, что это лишь
временное облегчение. Надвигались
события, которые он еще был в силах
направить в желаемое русло, и, хотя
много из того, что Магнус видел ночью,
можно назвать безумием и бессмыслицей,
общий смысл видений подсказывал, что
принимать решение надо как можно
скоро, иначе ситуация выйдет из-под
контроля.

Магнус бросил последний взгляд на
город и направился вглубь пирамиды. Он
замедлял шаг, встречая свое отражение в
блестящих серебряных панелях. Он видел в
них огромного меднокожего гиганта с
буйной гривой рыжих волос.
Патрицианские черты придавали лицу
выражение благородства и открытости.

единственный глаз отсвечивал золотом, и в нем светились мелкие красные искорки. Там, где должен был быть второй глаз, образовалась гладкая впадина, а от переносицы до скулы протянулся тонкий шрам.

Его называли Циклопом Магнусом, а иногда употребляли и более грубые выражения. Тысячу Сынов с самого образования Легиона подозревали в использовании таинственного могущества, которое всем остальным внушало опасения. Те силы, которые невозможно было четко объяснить, отвергались и считались нечистыми, и так повелось со времен Никейского Совета.

Магнус в бешенстве отшвырнул свой кубок, вспомнив, как униженно склонялся к ногам Императора, когда его вынудили отречься от всех познаний в магии из опасения перед результатами исследований. Подобный акт можно было бы назвать смешным, ведь Империя его отца был основан на идеях познания и здравомыслия. Какой же вред могли принести его исследования?

Он удалился на Просперо, поклявшись прекратить свои занятия. Но Планета Колдунов имела одно преимущество — она находилась очень далеко от назойливых взглядов тех, кто мог донести, что Магнус вернулся к изучению явлений, не поддающихся объяснению. И контролю.

При этой мысли Магнус не удержался от улыбки; он очень хотел бы продемонстрировать своим гонителям удивительные вещи, которые наблюдал сам, всю красоту и чудеса, которые скрывались за завесой реальности. Таившаяся в варне сила делала грань между понятиями добра и зла почти невидимой, поскольку эту грань определило религиозное общество, которое давно было разрушено.

Притарх нагнулся, чтобы поднять брошенный кубок, снова наполнил его вином, а затем прошел в свои покои и сел за стол. Здесь было прохладно, а запахи чернил и пергаментов ласкали обоняние. Стены просторного кабинета были закрыты книжными полками и стеклянными витринами, где хранились

редкие и любопытные свидетельства погибших цивилизаций, собранные в далеких мирах. Многие тексты, находившиеся в этой комнате, принадлежали перу самого Магнуса, остальные были подарены его любимой библиотеке такими учеными, как Фазис Т'кар, Ариман, Утиззар, и многими другими.

Наука всегда была прибежищем Магнуса, и в его душе не угасало стремление разложить все неведомое на составные части и таким образом познать его природу. Невежество большинства обитателей Вселенной создало ложных богов для древних племен, и раскрытие тайн их происхождения должно было привести к уничтожению заблуждений. Такова была благородная цель Магнуса.

Его отец отвергал этот путь и держал народ в невежестве, скрывая существование истинных сил, управляющих Галактикой. Император проповедовал доктрину научного знания и логики, но это было лишь красивой ложью,

занавеской, призванной скрыть от человечества истину.

Но Магнус сумел заглянуть в глубину Варна и знал, что отгораживаться от истины просто опасно.

Он прикрыл глаз и снова увидел палубу мертвого корабля, яркий блеск меча и удар, который изменит судьбу Галактики. Он видел смерть и предательство, чужовиц и героев. Он стал свидетелем испытания верности, увидел нужду и могущество, идущие рядом. Ужасная судьба ожидала его братьев, и, что хуже всего, его отец даже не подозревал о грозящей Галактике участи.

Раздался негромкий стук в дверь, и на пороге возникла облаченная в красные доспехи фигура Аримана, держащего перед собой глиняный посох с единственным глазом в наверху.

— Вы приняли решение, мой господин? — без предисловий спросил библиарий.

— Принял, мой друг, — ответил Магнус.

— Должен ли я объявить сбор?

-- Да,-- вздохнул Магнус. -- В катакомбах под городом. Прикажи собрать рабов на пересечении тоннелей, и я сам вскоре присоединюсь к вам.

-- Как прикажете, мой господин.

-- Тебя что-то тревожит? -- спросил Магнус, поняв по тону своего старого друга, что тот что-то недоговаривает.

-- Нет, мой господин, мне не погодно об этом говорить.

-- Чепуха. Если у тебя илеются какие-то сомнения, я готов их выслушать.

-- В таком случае могу я говорить откровенно?

-- Конечно, -- кивнул Магнус. -- Что тебя беспокоит?

Ариман помолчал, затем нерешительно произнес:

-- То заклинание, что вы предложили, очень опасно. Никто из нас не представляет себе всех его тонкостей, и невозможно предугадать всех последствий.

Магнус растеялся:

-- Что-то я раньше не замечал, чтобы ты опасался прибегать к силе заклинаний, Ариман. При манипуляциях с силами

такого масштаба всегда что-то остается неизвестным, но лишь в результате обращения с ним мы можем раскрыть все тайны. Никогда не забывай, что мы -- повелители Варна, друг мой. Он силен, это верно, и внутри него скрыты неведомые силы, но у нас имеются знания, при помощи которых мы в состоянии подчинить его своей воле, не так ли?

-- Все верно, мой господин, -- согласился Ариман. -- Но почему в таком случае мы должны использовать свои знания, чтобы предупредить Императора о грядущей опасности, если он запретил исследовать подобные явления?

Магнус поднялся со своего места, и его темное лицо потемнело от гнева.

-- Если мой отец увидит, что наше колдовство спасло его царство, он не сможет и дальше отрицать важность наших изысканий. Не сможет нам препятствовать, поскольку это важно для безопасности Империи!

Ариман, испуганный вспышкой гнева своего примарха, попытался, и Магнус несколько стянул свой тон.

— Друзь мой, у нас нет другого выхода.
Дворец Императора находится под
защитой от сил варна, и только очень
мощное заклинание может пробиться
через эти преграды.

— Тогда я немедленно объявлю сбор, —
сказал Ариман.

— Да, собери их, но не начинай до
моего появления. Хорус может
преподнести нам какой-то сюрприз.

Растерянность, страх,
нерешительность — эти три чувства,
до селе незнакомые Локену, охватили его в
момент падения Хоруса. Воитель
немедленно упал на землю, и его безвольное
тело разбрызгало жидкую грязь. Вокруг
раздались тревожные крики, но все
стоящие рядом с Хорусом оцепенели в
бездействии, словно само время затегло
для них свой бег. Локен смотрел на
неподвижное тело Воителя, лежащее
перед ним на земле, и не мог поверить
своим глазам. Трое остальных
торнивальцев точно так же застыли,
потрясение от увиденного прочно сковало

их члены. Локену казалось, будто воздух стал плотным и вязким, испуганные крики доносились откуда-то издалека, как из слишком медленно работающего голопиктера.

Оцепенение, сковавшее Астартес, совершенно не коснулось Петронеллы. Стоя на коленях в грязи рядом с Воителем, она с плачем и стонами пыталась его поднять. Тот факт, что командир упал и смертная женщина отреагировала быстрее, чем кто-либо из Сынов Хоруса, зажег в душе Локена стыд и заставил его действовать. Он опустился на одно колено и наклонился к Хорусу.

— Апотекарии! — крикнул Локен, и звук его голоса словно заставил время снова идти с привычной скоростью.

Морнивальцы опустились рядом с ним на землю.

— Что случилось? — спросил Абагдон.

— Командир! — воскликнул Торгагдон.

— Луперкаль! — выкрикнул Аксиманг.

Локен постарался не обращать на них внимания и сосредоточился.

«Это боевое ранение, и я должен

поступать так, как обычно делается в
таких случаях», — подумал он.

Он осмотрел тело Воителя, а все
остальные, оттолкнув летописца,
протянули к Хорусу руки, стараясь
привести его в чувство. Завидев так много
протянутых и мешающих друг другу рук,
Локен закричал:

— Прекратите! Отойдите назад!

Доспехи Воителя во многих местах
были поцарапаны и помяты, но он не нашел
других видимых повреждений, кроме пореза
на плече, где была сорвана одна из пластин
брони, и открытой колотой раны на груди.

— Помогите мне снять с него
доспехи! — крикнул Локен.

Словно обрадовавшись, что могут
что-то поточь, торнивальцы подчинились
приказу Локена. Через несколько мгновений
они уже освободили Хоруса от нагрудника
и принялись отстегивать оставшийся
наплечник.

Локен, сорвав с головы шлем,
отбросил его в сторону и прижал ухо к
груди Воителя. Он услышал очень
медленное биение его сердца.

-- Он еще жив! -- крикнул Локен.

-- Освободите город! -- раздался чей-то резкий голос, и Локен уже приготовился подернуть дерзкого нахала, но заметил на доспехах символ -- кадучей.

Вслед за первым апотекарием погбежали остальные, в тело Воителя воткнули шипящие иглы и торнивальцев бесцеремонно отогвинули в сторону.

Локен беспомощно наблюдал за усилиями апотекариев стабилизировать состояние Воителя. На глаза навернулись слезы, и он оглянулся по сторонам, тщетно пытаясь найти себе дело, чтобы оказаться полезным. Ничего не придумав, он почувствовал, что готов сетовать на небеса за то, что его сотворили таким тогучим и таким бессильным.

Абагдон открыто плакал, и вид Первого капитана в таком состоянии лишь усилил страх Локена за жизнь Воителя. Аксиманг с угрюмым стоицизмом наблюдал за работой апотекариев, а Торгаддон, прикусив нижнюю губу, удерживал летописца от попыток подойти ближе.

Кожа Воителя приобрела непельно-серый оттенок, губы посинели, а конечности стали твердыми; Локен решил, что он должен уничтожить силу, которая сокрушила Хоруса. Повернувшись, он решительно зашагал к «Славе Терры», натереваясь, если потребует, разобрав зараженный гнилью корабль на молекулы.

-- Капитан! -- окликнул его один из аптекарей, воин по имени Вагдон. -- Немедленно вызовите штурмкатор. Надо как можно скорее доставить Воителя на борт «Духа мщения».

Локен остановился, разрываясь между жаждой мести и своим долгом перед Воителем.

-- Скорее, капитан! -- поторопил его аптекарь, и сомнения мгновенно развеялись.

Локен молча кивнул и настроился на канал капитанов штурмкаторов, радуясь, что в этой суматохе у него появилась хоть какая-то цель. Через несколько мгновений один из медицинских каторов подтвердил получение вызова, а Локен, словно загипнотизированный, продолжал

смотреть, как апотекарий борются за жизнь Воителя.

Судя по их лихорадочным движениям, битва была нелегкой. Жужжащий нартециум обрабатывал кровь в миниатюрных центрифугах и выдавал лоскутки синтетической кожи для обработки ран. Апотекарий, не понижая голосов, разговаривали между собой, но Локен улавливал только отдельные знакомые слова.

— Элементы Ларрамана не справляются...

— Гипоксическое отравление...

К Локену подошел Аксиманг и положил руку на его плечо.

— Ничего не говори, Маленький Хорус, — предостерег его Локен.

— Я и не собирался, — проворчал Аксиманг. — Он поправится. В этом месте нет ничего такого, что могло бы надолго вывести Воителя из строя, Гарвель.

— Откуда ты знаешь? — срывающимся голосом спросил Локен.

— Просто знаю, и все. Я верю в него.

— Веришь?

— Да, — ответил Акситанг. — Верю, что Воитель слишком силен и слишком упрям, чтобы поддаться тому, что случилось. Ты и опомниться не успеешь, как мы снова станем его боевыми псами.

Локен кивнул, и в это время воздух, взвихренный двигателями снижающегося штурткатера, лишил их возможности говорить. Корабль с воем покружил над головами, расплескивая болотную жижу, но вот полозья коснулись земли, и судно совершило посадку, обдав всех брызгами мутной воды.

Еще до того как катер окончательно затер, торнивальцы вместе с апотекариями подняли тело Воителя и подбежали к кораблю в тот момент, когда трап едва коснулся земли. Не успели они уложить раненого на медицинскую каталку, как двигатели снова взвыли, поднимая катер с поверхности спутника Давина. Трап с треском захлопнулся за ними, и Локен заметил, как накренился катер, направляемый пилотом почти отвесно вверх. Апотекарии тотчас присоединили Воителя к медицинским

приборат, в вены воткнули толстые иглы и трубки, а рот и нос закрыли маской для подачи кислорода.

Внезапно почувствовав себя лишним, Локен упал на одно из сидений в корме катера и уронил голову на руки.

Остальные торнивальцы сделали то же самое.

Сказать, что Каркази был несчастлив, значило ничего не сказать. Его обед остывал, Мерсади Олимпонпаздывала, а вино, которое он пил, мало чем отличалось от машинной смазки. И в довершение ко всему его перо скользило по плотной бумаге «Бондсмана № 7» без всякого вдохновения. Угнаций стал избегать шумных сборищ в Убежище частично из-за опасений снова встретиться с Венгун, но больше всего из-за царившей там угнетающей обстановки. Вандализм посетителей превратил бар в мрачное и унылое место, и хотя многие летописцы собирались там в поисках вдохновения, Каркази не испытывал такой потребности.

Вместо этого он приобрел привычку оставаться на одной из нижних палуб, где летописцы часто перекусывали, но в остальное время помещение пустовало. Одиночество помогло ему обдумывать то, что произошло в тот вечер, когда он уличил Эуфратию Киилер в распространении брошюр Божественного Откровения, но никак не помогло в творчестве.

Она не проявила ни тени раскаяния, когда Узнаций предстал перед ней с листками в руке, а только убеждала присоединиться к ней в молитве Богу. Императору перед импровизированным алтарем в ее комнате.

-- Я не могу, -- сказал он тогда. -- Это же смешно, Эуфратия, неужели ты сама не понимаешь?

-- Что же в этом смешного, Уз? -- спросила она. -- Подумай сам: мы принимаем участие в величайшем Крестовом Походе, известном человечеству. В Великом Крестовом Походе -- то есть в религиозной войне!

-- Нет, нет! -- запротестовал он. --

Это совсем не одно и то же. Целью Похода является вовсе не распространение религии, и мы покинули Терру не ради того, чтобы вернуться к устаревшим концепциям веры. Только рассеяв тучи религиозных предрассудков, мы можем постичь истину, здравый смысл и моральные устои.

-- Верить в бога не значит поддаваться предрассудкам, Игнаций, -- сказала Эуфратия, протягивая ему еще одну книжицу Божественного Откровения. -- Вот, прочти ее и сам все поймешь.

-- Я не собираюсь это читать! -- Он вырнул брошюру на пол. -- Я и так знаю, о чем там говорится, и мне это не интересно.

-- Игнаций, но ты же ничего не понимаешь. А для меня теперь все совершенно ясно. После того, как это чудовище на меня напало, я пряталась. Пряталась в своей комнате и в своих мыслях, а теперь понимаю, что мне надо было только впустить свет Императора в свое сердце, и я сразу же исцелилась бы.

— А разве Мерсади и я не имели к твоему выздоровлению никакого отношения? — саркастически усмехнулся Каркази. — Зачем же ты тогда провела столько времени, выплакивая свои страхи у нас на плече?

— Конечно, вы помогли мне, — сказала Эуфратия, подходя ближе и протягивая руки к его щекам. — Вот поэтому я и решила донести до тебя это послание и рассказать о том, что поняла сама. Угнаций, это очень просто. Мы создаем своих собственных богов, а благословенный Император — Повелитель Человечества.

— Создает собственных богов? — возмущился Угнаций, отшатнувшись от нее. — Нет, моя дорогая, невежество и страх создают богов, восторженность и обман поддерживают их, а человеческая слабость им поклоняется. Так было всегда, на протяжении всей истории. А когда люди ниспровергают старых богов, они находят новых, чтобы поставить на освободившееся место. Почему ты считаешь, что это что-то другое?

— Потому что чувствую, как свет

Императора горит во мне.

-- Ну конечно, как я могу с этим спорить!

-- Узбавь меня от своего сарказма, Узнаций! -- с неожиданной враждебностью воскликнула Эфратия. -- Я считала, что ты достаточно открыт для доброй вести, но вижу перед собой ограниченного глупца. Уходи, Узнаций, я больше не хочу видеть тебя.

Так он оказался один в коридоре, ступенный и лишившийся единственного друга, которого обрел совсем недавно. После того случая Эфратия больше не разговаривала с ним. Он и видел ее всего лишь однажды, но она даже не ответила на его приветствие.

-- Узнаций, ты заблудился в собственных мыслях? -- спросила Мерсади Олитон, и ее неожиданное появление прогнало грустные воспоминания.

-- Прости, дорогая, -- сказал он. -- Я не слышал, как ты подошла. Я был очень далеко отсюда -- сочинял очередную поэму, недоступную пониманию капитана Локена и не заслуживающую внимания

Зингерманна.

Она улыбнулась, мгновенно принимая его легкомысленный тон. Рядом с Мерсади невозможно было долго предаваться унынию, она была из тех, кто заставляет человека постоянно радоваться жизни.

— Одиночество идет тебе на пользу, Угнаций, ты меньше склонен поддаваться соблазнам.

— Ну, не знаю, не знаю,— сказал он, поднимая бутылку с вином.— В моей жизни всегда найдется место для соблазнов. Если я не поддаюсь хоть какому-то из них, я считаю день прожитым зря.

— Угнаций, ты неисправим! — застeyaлась Мерсади.— Но хватит об этом. Что такое случилось, что ты оторвал меня от моих записей и попросил о встрече? Я должна сегодня присутствовать при возвращении штурмгруппы со спутника.

Стыщенный ее прямотой, Угнаций не мог решить, с чего начать свой рассказ, а потому предпочел самый осторожный подход.

— Ты давно не встречалась с

Эуфратией?

— Я видела ее вчера вечером, как раз накануне отправки штурмгруппы. А что случилось?

— Ты не заметила ничего странного?

— Думаю, заметила. Резкое изменение ее внешности меня несколько удивило, но она же работает в области изобразительных искусств. Я решила, что такие перемены для нее — обычное дело.

— Она не пыталась тебе что-нибудь передать?

— Передать мне? Нет. Послушай, Цзэнаций, к чему ты клонишь?

Каркази передвинул к ней по столу потрепанную брошюру и увидел, как изменялось выражение ее лица по мере того, как Мерсади читала заголовок. Она явно поняла, что это за произведение.

— Где ты это взял? — спросила она, оторвавшись от чтения.

— Мне дала ее Эуфратия, — ответил Каркази. — Очевидно, она захотела распространить идею о Боге-Императоре в первую очередь среди нас, поскольку мы ей помогли, когда она нуждалась в

поддержке.

— Бог-Император? Она что, совсем лишилась рассудка?

— Не знаю, может, и так, — сказал Каркази, наливая себе вина. Мерсади протянула ему стакан, и он наполнил его тоже. — Я не думаю, что она вполне оправилась после пережитого в Шенчүщих Вершинах, несмотря на ее заверения в обратном.

— Это безумие, — сказала Мерсади. — Ее сертификат мгновенно будет отозван. Ты сказал ей об этом?

— Почти, — ответил Каркази. — Я пытался ее образумить, но ты знаешь, как ведут себя религиозные люди — они не желают воспринимать никаких доводов.

— У?

— У ничего. После этого она просто вышвырнула меня из своей комнаты!

— Так, значит, ты действовал с присущим тебе «тактом»?

— Возможно, я мог быть и поделикатнее, — согласился Каркази. — Но я был потрясен, что такая умная женщина повелась на такую чепуху.

— У что же нам с этим делать?

— Вот об этом я и хотел поговорить с тобой. Я не имею ни малейшего представления. Как ты думаешь, может, поговорить об Эфратии с кем-то еще?

Мерсади, прежде чем ответить, сделала большой глоток вина.

— Я думаю, что стоит попытаться.

— Есть какие-то идеи насчет подходящей кандидатуры?

— Зингерманн?

Каркази вздохнул:

— Я так и знал, что ты предложишь его. Я недолюбливаю этого человека, но, возможно, в нашей ситуации это лучший выбор. Если кто-то и сможет разубедить Эфратию, то только итератор.

Мерсади вздохнула и наполнила оба стакана.

— Не хочешь ли выпить?

— Вот теперь ты заговорила на моем языке, — ответил Каркази.

Еще около часа они обменивались историями и воспоминаниями о менее сложных временах, прикончили бутылку вина и послали сервитора за следующей. К

тому моменту, когда опустела и эта бутылка, Каркази и Мерсади уже строили планы грандиозной симфонической поэмы из документальных находок Мерсади в стихотворной обработке Узнация.

Они стеялись и болтали, старательно избегая всяческих упоминаний об Эуфратии Киилер и грядущем предательстве по отношению к ней.

Но звон тревожного колокола прервал их болтовню, а коридор стал быстро наполняться бегущими людьми. Поначалу Мерсади и Узнаций не обращали на них внимания, но людей становилось все больше и больше, и друзья решили выяснить, что происходит. С бутылкой и стаканами в руках они неверными шагами направились к люку, ведущему в коридор, где царил сущий беглам.

Солдаты, гражданские служащие, летописцы и рабочие палубной команды торопливо стекались на стартовую палубу. Повсюду виднелись залитые слезами лица, а кое-где люди обнимали друг друга, разделяя горе.

-- Что происходит? -- крикнул Каркази, хватая за плечо пробежавшего мимо солдата.

Человек раздраженно обернулся:

-- Отцепись от меня, старый дурак!

-- Я только хотел узнать, что случилось, -- сказал Каркази, пораженный его грубостью.

-- Вы что, не слышали? -- всхлипнул солдат. -- Все только об этом и говорят.

-- О чем? -- прервала его Мерсаги.

-- Воитель...

-- Что с ним? Он в порядке?

Человек печально качнул головой:

-- Спаси нас, Император, но Воитель погиб.

Бутылка, выскользнув из пальцев Каркази, разлетелась осколками по полу, а сам он мгновенно протрезвел. Воитель мертв? Нет, конечно, здесь какая-то ошибка. Воитель наверняка выше таких понятий, как смерть. Угнаций взглянул на Мерсаги, и на ее лице прочел те же самые мысли. Солдат, которого они остановили, страхнул с плеча руку

Узнация и побежал дальше по коридору, оставив легионеров переваривать ужасное известие.

— Это не может быть правдой, — прошептала Мерсади. — Этого просто не может быть!

— Я знаю. Здесь какая-то ошибка.

— А если ошибки нет?

— Я не знаю, — сказал Каркази. — Но все равно нам надо все подробно разузнать.

Мерсади кивнула и поождала, пока Узнаций заберет со стола свой «Бонгстан № 7», а затем они присоединились к толпе, плотным потоком устремившейся к стартовой палубе. Переваривая мысль о возможной смерти Воителя, оба они проглотили весь путь молча. Каркази ощутил, как под грузом тяжелого известия зашевелилась его душа, и постарался не отталкивать ее только потому, что она явилась в неподходящее время.

Случайно подняв голову, он заметил отходящий в сторону коридор, ведущий на наблюдательную палубу, расположенную как раз над пусковым люком, через

которые влетали и вылетали из штурткатера. Он потянул туда Мерсади, но она упиралась, пока не выслушала его план.

— У нас нет никакой возможности попасть на посадочную палубу, — пояснил Каркази, отгубываясь. — А там нам удастся увидеть прибытие штурткатера, и с верхней галереи видно все, что творится на палубе.

Они откололись от людского потока и свернули в сводчатый коридор, ведущий на наблюдательную палубу. Оттуда через сплошную стену из закаленного стекла можно было видеть свет далеких звезд и сияющие корпуса далеких грузовых крейсеров, принадлежащих Агентству Механикус. Внизу зиял огромный, как пещера, люк грузовой палубы, подсвеченный злобно тигающими красными огонькамилокаторов.

Мерсади притупила свет, и вид за окном стал отчетливее.

Желто-коричневая сфера спутника Давина висела в пустоте перед ними, ее грязноватая поверхность была прикрыта

тонким слоем облаков. Туманная корона
неяркого света обволакивала спутник, и
издали все выглядело вполне мирно.

— Я ничего не вижу, — пожаловалась
Мерсаги.

Каркази прижал лицо и руки к
стеклу, чтобы отгородиться от
отражений и рассмотреть хоть что-то
кроме себя и Мерсаги. И вот он увидел.
Взлетающим мотыльком с поверхности
поднялось далекое пятнышко огня и
направилось к «Духу мщения».

— Вон он! — воскликнул Узнаций,
указывая на летящий огонек.

— Где? Подожди-ка, я вижу его! —
отозвалась Мерсаги и затигала, чтобы
запечатлеть в памяти образ летящего
корабля.

Каркази видел, что огненное пятно
увеличивается, по мере приближения
берет курс на пусковой люк и принимает
очертания летящего штурмкатера. Не
надо было быть пилотом, чтобы понять,
насколько рискованным и нервным был его
полет. Крылья корабля сложились в
последнее мгновение перед тем, как катер

нырнул в обретенный красными огнями люк.

— Пошли! — сказал Узначий и, взяв Мерсади за руку, повел ее к лесенке на галерею.

Ступеньки оказались узкими и крутыми, так что Каркази пришлось пару раз остановиться и перевести дух. Оказавшись на галерее, он увидел, что штурткатер уже затер на палубе и трап заднего люка медленно опускается.

Почти непрерывно звенел колокол возвращения, вокруг трапа собралось множество Астартес, и вот из корабля появились четверо костодесантников в помятых и заляпанных грязью доспехах. На своих плечах они несли тело, прикрытое знаменем Легиона.

У Каркази при виде их сжавило грудь, а сердце словно окаменело.

— Морнивальцы! — воскликнула Мерсади. — О нет...

Вслед за этой четверкой из люка выехала каталка, на которой лежал огромного роста воин без верхних доспехов.

Даже с такого расстояния Каркази не мог сомневаться, что на каталке лежит не кто иной, как Воитель, и хотя при виде поверженного воина еще непролитые слезы наполнили глаза, он испытал облегчение, поняв, что мертвое тело принадлежало не Хорусу. Он услышал, как Мерсади торгает, запечатлевая в памяти развернувшуюся сцену, но знал, что это напрасно: ее взгляд тоже был затуманен слезами. Следом за носилками из штурмкатора вышла женщина-летописец, леги Вивар, ее одежда тоже была порвана, покрыта пятнами крови и болотной грязью, но Каркази тотчас забыл о ней, как только увидел, что к каталке подбежали еще несколько воинов. Эти Астартес носили белые доспехи. Не останавливая стремительное продвижение носилок по посадочной палубе, они окружили Воителя, и сердце Каркази взволнованно встрепенулось -- он узнал апотекариев Легиона.

-- Он еще жив, -- сказал Узначий.

-- Как? Откуда ты знаешь?

-- Апотекарии еще работают с ним! --

растелеялся Цзнаций, и чувство облегчения показалось ему слаще самого сладкого вина.

От радости, что Воитель не погиб, они бросились друг другу в объятия.

-- Он жив! -- всхлипывала Мерсади. -- Я знала, что это так. Он не может умереть.

-- Нет, -- кивнул Каркази. -- Не может.

Разомкнув руки, они склонились над перилами и смотрели, как Астартес везут лежащего Воителя по грузовой палубе. Огромные противовзрывные двери распахнулись при их приближении, но навстречу хлынула толпа собравшихся людей. Их горестные крики и стенания были слышны даже сквозь стекло обзорной палубы.

-- Нет, -- прошептал Каркази. -- Нет, нет, нет.

Астартес не собирались заглядывать шагов перед этой массой людей и стали грубо расталкивать их, расчищая себе путь. Морнивальцы везли каталку и беспощадно расшвыривали людей, не

обращая внимания на последствия.
Каркази увидел, как упали и были
затоптаны несколько человек, и похолодел.

Продвижение Астартес по палубе
было отмечено кровью. Каталка вскоре
скрылась за створками люка, направляясь
на медицинскую палубу.

-- Несчастные...-- прошептала
Мерсади.

Она опустилась на колени, с ужасом
глядя на палубу, которая выглядела как
поле битвы: раненые солдаты, легионеры
и рабочие лежали, истекая кровью. Были
погибшие. И только потому, что эти
люди оказались на пути Астартес.

-- Им все равно, -- выдал Каркази, с
трусотой веря своим глазам. -- Они убили
этих людей и даже не обратили на это
внимания.

Не в силах оправиться от шока,
вызванного легкостью, с которой Астартес
пробивали себе дорогу через толпу людей,
Каркази вцепился в перила так, что
побелели костяшки пальцев.

-- Как они постели? -- твердил он.
Как они постели?

Он чувствовал, что в его сердце закипает ярость. Внезапно Изнаций заметил закутанную в накидку женщину, пробиравшуюся к раненым и покалеченным людям.

Прищурившись, он узнал стройную фигуру Эуфратии Киилер.

Эуфратия раздавала брошюры Божественного Откровения, и она была негодна.

Малогарст просматривал записки высадки на стартовой палубе и угрюмо хмурился, глядя, как Сыны Хоруса пробивают себе дорогу через толпу, бросившуюся к телу Воителя. Пиктпроектор, установленный на столе в личных покоях Хоруса, повторял запись снова и снова, и каждый раз, когда изображение появлялось, Малогарсту хотелось, чтобы оно было другим, но мерцающие образы складывались в одну и ту же картину.

— Сколько убитых? — спросил Тектор Варварус, стоящий за спиной Малогарста.

— У меня еще нет точных сведений,

но, по меньшей мере, двадцать один человек утер, многие тяжело покалечены, а кое-кто никогда не выйдет из комы.

Проектор снова включил изображение, и Малогарст мысленно проклял тяжелые кулаки Локена и остальных, хотя ему трудно было осуждать Астартес за их рвение. Состояние Воителя было критическим, и никто не знал, выживет ли он, так что стремление поскорее доставить раненого в медицинский отсек было вполне понятно.

-- Плохо дело, Малогарст, -- вздохнул Варварус. -- Астартес не выбратся из этого дела без потерь.

Малогарст тоже вздохнул.

-- Они считали, что Воитель утирает, и действовали соответственно обстановке.

-- Соответственно? -- переспросил Варварус. -- Я не думаю, что люди с этим согласятся, друг мой. Когда слух о происшествии распространится, это сильно подорвет репутацию Космогесанта.

-- Слух не распространится, -- заверил

эго Малогарст. -- Я наблюдаю за всеми, кто был на палубе в тот день, и заблокировал все линии вокс-связи корабля, кроме командной.

Гектор Варварус, худой, высокий и угловатый, как грабли, обладал особой отточенностью движений -- эти черты он приобрел, занимая пост лорда-командира армии Шестьдесят третьей экспедиции.

-- Можете мне поверить, Малогарст, это дело наверняка выйдет наружу. Раньше или позже, но о нем станет известно. Все тайное становится явным. О подобных вещах люди не могут молчать, и в нашем случае исключений не будет.

-- Так что вы предлагаете, лорд-командир? -- спросил Малогарст.

-- Вы в самом деле хотите услышать мое мнение, Мал, или ваш вопрос -- дань вежливости?

-- Я действительно хочу знать ваше мнение, -- ответил Малогарст и улыбнулся, сознавая, что говорит искренне.

Варварус был хитер и опытен и хорошо понимал мысли и настроения

смертных.

— Тогда вы должны рассказать людям о том, что случилось. Надо быть честным.

— В таком случае покатаются чьи-то головы, — заметил Малогарст. — Людям будут требовать крови.

— Так дайте им кровь. Если это то, что они потребуют, надо уступить. Кто-то должен заплатить за жестокость.

— Жестокость? Неужели мы должны употребить это слово?

— А как еще это можно назвать? Воины Астартес совершили убийство.

Тяжесть предъявленного Варварусом обвинения подкосила Малогарста, и он немедленно опустился на один из стульев у стола Воителя.

— Вы хотите, чтобы я пожертвовал Воином Астартес ради их спокойствия? Я не могу на это пойти.

Варварус навис над столом, многочисленные знаки отличия и регалии на маленькими солнцами отразились в черной полированной поверхности.

— Пролилась кровь невинных, и

насколько я могу судить, причины, заставившие ваших воинов так поступить, ничего не изменят.

— Тектор, я не могу этого сделать, — сказал Малогарст, качая головой.

Барбарус подошел и встал рядом с ним.

— И вы, и я, мы оба поклялись в верности Империи, разве не так?

— Да, так, но я не понимаю, какое сейчас это имеет значение?

Генерал посмотрел в глаза Малогарста.

— Мы поклялись нести идеалы благородства и справедливости, которые проповедует Империя, так?

— Да, но это же совсем другое. В этом случае есть стягчающие обстоятельства...

— Это к делу не относится, — отрезал Барбарус. — Принципы Империи должны что-то значить, иначе государство бесполезно. Если вы отвернетесь от них, вы нарушите клятву верности. Вы этого хотите, Малогарст?

Не успел он ответить, как в

застекленную дверь покоев Воителя кто-то незримо постучал, и Малогарст обернулся посмотреть, кто ил мешает.

Белым призраком в накидке с капюшоном, закрывающим верхнюю часть лица, перед ними предстала Унг Мае Синг.

-- Госпожа Синг, -- произнес Варварус, склоняясь в глубоком поклоне.

-- Лорд Варварус, -- ответила она мягким и каким-то невесомым голосом.

Она вернула поклон лорд-командиру и, несмотря на свою слепоту, абсолютно точно определила направление -- эта способность никогда не переставала нервировать Малогарста.

-- Что случилось, госпожа Синг? -- спросил он, втайне радуясь ее вмешательству.

-- Я принесла известия, которые имеют отношение к вам, сэр Малогарст, -- ответила она, обращаясь лицом к нему. -- Равновесие астронатических потоков нарушено. Мои коллеги ощущают зарождение в варне большой волны -- мощной и быстро увеличивающейся.

-- И что это означает?

-- Что грань между тиранией
становится тоньше, -- сказала Инг Мае
Синг.

АПОТЕКАРИОН МОЛИТВЫ УСПОБЕДЬ

Вагдон, стенивший госпехи на хирургическую робу, еще никогда за всю долгую службу апотекарием Сынов Хоруса не был так близок к отчаянию, как сейчас. Перед ним на операционном столе лежал Воитель, и его беззащитное тело было облеплено датчиками и утыкано иглами. Для нормализации кровяного давления через плотную маску к его лицу подавался кислород, а капельницы впрыскивали в вены сыворотки и растворы. Медицинские сервиторы готовили свежую кровь для полного переливания, и вся операционная гудела от лихорадочной деятельности.

-- Мы теряем его! -- закричал апотекарий Лозаан, глядя на монитор, отражающий сердечную деятельность. -- Кровяное давление стремительно падает, сердечный ритм прерывистый. Сердца вот-

Вот останутся!

— Проклятье! — выругался Вагдон. —
Введите еще дозу сыворотки Ларратана,
кровь никак не желает сворачиваться... У
подведите еще одну капельницу!

С потолка мгновенно спустился
жужжащий нартециум, и многочисленные
руки помощников, повинувшись громкому
крику Вагдона, принялись за работу.
Свежие клетки Ларратана были введены
непосредственно в плечо Воителя, и
кровотечение затеделось, хотя и не
прекратилось. Но многочисленными
трубкам в тело Воителя подавалась
перенасыщенная кислородом кровь, но ее
запас истощался с невероятной быстротой.

— Состояние стабилизируется, —
выдохнул Лозаан. — Пульс затеделся, а
кровенное давление немного поднялось.

— Хорошо, — сказал Вагдон. — Значит,
мы получили небольшую передышку.

— Но этого явно недостаточно, —
заметил Лозаан. — Скоро мы исчерпаем все
свои возможности.

— Я не желаю слышать таких вещей в
операционной! — бросил Вагдон. — Мы не

можем его потерять.

Грудь Воителя резко поднималась и опускалась, дыхание вырывалось из груди резкими, частыми толчками, а из раны на плече снова выступила кровь.

Из двух полученных Воителем ран эта выглядела наименее опасной, но Вагдон понимал, что именно она лишает его жизни. Колотое ранение в груди уже практически исцелилось, ультразвуковые сканограммы показывали, что легкие восстановились и отключились от резервной системы.

В то время как апотекарии работали с максимальной напряженностью, тортивалы бесцельно слонялись в тревожном ожидании. Вагдон никогда не предполагал, что его пациентом станет Воитель. Организм примарха настолько же отличался от организма обычного воина Астартес, как физиология костодесанта от физиологии мертвого человека. Только Император обладал достаточными знаниями, чтобы что-то исправлять в телах примархов, и этот факт не мог не оказывать влияния

на состояние апотекариев.

На панели нартециума зажегся зеленый огонек, и Вагдон подошел, чтобы взять информационный планшет с последними данными. Столбцы цифр и текста скользили по блестящей поверхности, и хотя большая часть данных ничего не говорила Вагдону, того, что он понимал, было достаточно, чтобы внасть в отчаяние.

Убедившись в стабильности состояния Воителя, аптекарии вышел из операционной и подошел к торнивальцам, сожалея, что не может сказать им ничего утешительного.

— Что с ним случилось? — резко спросил Абагдон. — Почему он до сих пор там лежит?

— Если говорить честно, Первый капитан, я не знаю.

— Что значит «я не знаю»?! — закричал Абагдон. Он схватил Вагдона за грудки и стукнул его о переборку так, что с другой стороны на изразцовый пол со звоном посыпались серебряные подносы со скальпелями, хирургическими ножницами

и зажимами.

— Почему ты не знаешь?!

Локен и Аксиманг бросились оттаскивать Абагдона, а Вагдон ощутил, как железные пальцы медленно сворачивают ему шею.

— Эзекиль, отпусти его! — кричал Локен. — Это никому не поможет!

— Ты не можешь допустить, чтобы он умер! — рычал Абагдон, и Вагдон поразился, увидев в его глазах всепоглощающий ужас. — Это же Воитель!

— А ты думаешь, я этого не знаю? — выдохнул Вагдон, как только с его шеи отцепили руку Абагдона.

Он медленно сполз по стене, чувствуя, как опухает поврежденное горло.

— Если ты позволишь ему умереть, Император тебя проклянет, — прошипел Абагдон, порывисто меряя шагами операционный зал. — Если он погибнет, я сам тебя уничтожу!

Аксиманг увел Абагдона подальше от аптекаря, а Локен и Торгагдон помогли ему подняться на ноги.

— Это какой-то маньяк, — прохрипел

Вагдон. -- Уберите его из медицинского
отсека!

-- Он не в себе, апотекарий, -- сказал

Локен. -- Да и все мы тоже.

-- Тогда держите его подальше от
таких людей, -- предупредил его Вагдон. -- Он
не может контролировать свои поступки
и становится опасным.

-- Это мы сделаем, -- пообещал

Торвагдон. -- А теперь -- что ты можешь
нам сказать? Он выживет?

Вагдон немного помедлил, собираясь с
мыслями, и поднял упавший планшет.

-- Как я уже говорил, я не знаю. Мы
словно дети, пытающиеся починить
сложнейший механизм. Мы даже
отдаленно не представляем себе, как
устроено его тело и на что оно способно. У
меня нет никаких догадок относительно
полученных повреждений и их последствий.

-- А что с ним происходит? -- спросил
Локен.

-- Все дело в ранении плеча, рана
никак не желает закрываться. Она
кровооточит, а мы не можем остановить
кровь. Мы обнаружили в ране остатки

какого-то генетически дезградирующего вещества, которое может быть ядом, но я не уверен.

-- Может это быть бактериологической или вирусной инфекцией? -- спросил Торгадгон. -- Вода на спутнике Давина перенасыщена всякой грядью. Хотелось бы знать, а то я выхлебал не меньше ведра этой гадости.

-- Нет, -- ответил Вагдон. -- Кроме всего прочего, тело Воителя невосприимчиво к подобным вещам.

-- Тогда в чем же причина?

-- У меня есть всего лишь догадка. Похоже, что этот особенный яд вызывает острую форму малокровия, что приводит к кислородному голоданию. Попав в кровеносную систему, вещество без остатка поглощается красными тельцами, и они уже не могут воспринимать кислород. При ускоренном метаболизме, свойственном организму Воителя, токсины мгновенно распространились по всему телу и лишили органы возможности извлекать из крови кислород.

-- Так откуда же они взялись? -- спросил Локен. -- Как я помню, ты говорил, что Воитель невосприимчив к подобным веществам.

-- Так оно и есть, но я такого еще никогда не видел... Похоже, что вещество создано специально, чтобы погубить Воителя. Оно оказалось так... генетически замаскировано, что обмануло его иммунную систему и нанесло максимальный ущерб. Это яд для примархов в чистом виде.

-- И как же с ним бороться?

-- Против этого врага не помогут ни меч, ни болтер, капитан Локен. Это яд, -- сказал Вагдон. -- Если бы я знал источник его происхождения, можно было бы попытаться что-то сделать.

-- Если мы отыщем оружие, это поможет? -- предложил Локен.

Увидев в глазах капитана отчаянную потребность в надежде, Вагдон кивнул.

-- Возможно. По характеру ранения можно сказать, что это был колющий удар мечом. Если вы отыщете этот клинок, возможно, мы и сможем что-то

предпринять.

-- Я найду его, -- поклялся Локен, повернулся и зашагал к выходу из медицинского отсека.

-- Ты собираешься туда вернуться? -- Его догнал Торгаддон.

-- Да, и не пытайся меня остановить, -- предостерег его Локен.

-- Остановить? -- переспросил Торгаддон. -- У меня и в мыслях такого не было, Гарви. Я иду с тобой.

Подготовка титанов к возвращению после боевых действий была трудной и хлопотливой процедурой, требующей обширных технических знаний, множества оборудования и физической работы. Сорбиты была вызвана целая флотилия вспомогательных судов с огромными подъемниками, экскаваторами и прочей оснасткой. Только для того, чтобы вытащить спусковые камеры из образовавшихся при посадке кратеров, потребовалась целая армия сервиторов.

Титус Кассар был совершенно измотан. Большую часть дня он

потратил на подготовку титана к транспортировке, и теперь все было готово для возвращения на орбиту. Оставалось только ждать, а для людей, еще остающихся на спутнике Давина, это было самым тяжелым испытанием.

Долгое ожидание давало время для раздумий, а имея свободное время, человеческая мысль способна забредать очень далеко. Титус до сих пор не мог поверить, что Хорус погиб. Столь могущественное создание, не уступающее силой титану, не могло пасть в бою. Воитель был непобедимым сыном бога.

Устроившись в тени «Диес ире», Титус выудил из кармана книжечку Божественного Откровения и, убедившись, что его никто не видит, стал перечитывать потрепанные страницы. Плохо отпечатанные строки возвращали спокойствие и вводили мысли к величию божественного Императора Человечества.

— О Император, наш бог и повелитель, услышь меня в этот скорбный час. Твой слуга лежит бездыханный, и холодная смерть уже склонилась над ним.

Молю тебя обратить на него твой
благодетельный взгляд.

Не переставая читать, он вытащил
из-под форменной куртки небольшой
медальон. Эта изящная вещица из золота
и серебра была изготовлена по его заказу
одним из безымянных сервиторов.
Серебряная заглавная буква «И» с золотой
звездой посередине воплощала в себе
надежду и обещание лучшего будущего.

Титус прочел еще несколько строк
Божественного Откровения, прижал
медальон к груди, и многократно
повторяемые слова породили ощущение
знакомтого тепла и спокойствия.

Присутствие посторонних он
почувствовал слишком поздно и,
обернувшись, увидел Уону Арүкена и группу
рабочих из команды титана.

Как и сам Титус, после сражения с
ожившими мертвецами они очень устали
и были с ног до головы покрыты грязью, но,
в отличие от него, не имели веры.

С виноватым видом он закрыл книгу и
приготовился выслушать нотацию
Джонаха. Но никто не произнес ни слова, и

Тимүс, взглядевшись в лица окруживших
его мужчин, увидел хрупкую надежду на
сочувствие и жажду утешения.

-- Тимүс,-- произнес Уона Арүкен.--
Мы... э-э-э... то есть Боутель... Мы
подумали...

Тимүс понял, зачем они пришли, и
радужно улыбнулся.

-- Давайте помолится, братья, --
сказал он, открывая книгу.

Медицинский отсек был похож на
заснеженную пустыню: сияющие
стерильной белизной коридоры и
сверкающие сталью кабинеты
перетежались безликими стеклянными
боксами и лабораториями. Петронелла,
еще не пришедшая в себя после экстренной
эвакуации с поверхности спутника на борт
«Духа тщениа», совершенно потеряла
направление.

По пути через залитую кровью
посадочную палубу она видела
столпотворение на верхних ярусах,
вызванное распространившимися со
скоростью эпидемии слухами о гибели

Воителя.

Малогарст, прозванный Кривым, озвучил заявление, в котором опровергал слухи о смерти Воителя, но всеобщая истерия и подозрения после этого только усилились. На нескольких кораблях после выступлений демагогов, предсказывавших конец света, начались беспорядки. Армейские подразделения решительно подавляли все попытки дестабилизировать обстановку, но стихийные выступления возникали быстрее, чем на них успевали отреагировать дисциплинарные части.

После падения Воителя прошло всего несколько часов, но Шестьдесят третья экспедиция уже была близка к распаду.

Петронеллу сопровождал Маггард. Его раны аптекарии Легиона успели перевязать еще по пути со спутника на корабль. Телохранитель был еще очень бледен, а на доспехах остались прорехи и вмятины, но он был жив и выглядел внушительно. Он был всего лишь слугой, но его мужество и стойкость произвели сильное впечатление на Петронеллу, и

теперь она относилась к нему с уважением, которого заслуживали его таланты.

Воин Астартес проводил Петронеллу через лабиринт медицинской палубы и показал на неприметную белую дверь, отмеченную лишь крылатым посохом с гвютя переплетенными змеями.

Маггард отворил перед ней дверь, и Петронелла шагнула в сияющий операционный зал, стены которого по всей округности до половины человеческого роста были покрыты зелеными изразцами. Лежащего на операционном столе Воителя окружали стеклянные стеллажи и жужжащие аппараты, протянувшие к его телу целую сеть трубок и проводов.

Вокруг стола сновало несколько медицинских сервиторов, остальные ожидали вызова в стенных нишах, а из-под потолка свешивалась еще одна машина, которая с бульканьем перекачивала по трубкам прозрачную жидкость и кровь.

При виде беспомощно распростертого тела Воителя взгляд Петронеллы затуманился слезами. Навстречу ей вышел

высокий воин Астартес в хирургической
робе.

— Мисс Вивар, я апотекарий Вагдон.

Петронелла провела рукой по глазам
и попыталась представить, как она сейчас
выглядит — в порванной и заляпанной
грязью одежде и с тушью, размазанной
вокруг глаз. По привычке она собралась
протянуть ему руку для поцелуя, но
тотчас поняла, насколько это неуместно,
и просто кивнула.

— Я Петронелла Вивар, — выговорила
она. — Личный летописец Воителя.

— Я знаю, — ответил Вагдон. — Он
упоминал ваше имя.

В груди Петронеллы вспыхнула
надежда:

— Он пришел в себя?

— Да, — кивнул Вагдон. — Если бы это
зависело от меня, вас бы здесь сейчас не
было, но я не могу не повиноваться приказу
командира, а он хочет с вами поговорить.

— Как он себя чувствует? — спросила
Петронелла.

Апотекарий удрученно покачал
головой:

— Он часто теряет сознание, так что не стоит ожидать слишком многого. Если я сочту, что вам пора уходить, вы немедленно должны покинуть операционную. Вы меня понимаете?

— Да, я понимаю, — сказала она. — Попрошу вас, можно мне сейчас с ним поговорить?

Ваддону явно не хотелось оставлять Петронеллу рядом с Воителем, но он отступил в сторону и дал ей пройти. Она кивком поблагодарила апотекария и нерешительно шагнула к столу.

Едва увидев его, она поспешно зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Щеки Хоруса запали, глаза утратили весь свой блеск и живость. Кожа приобрела серый оттенок и казалась старой и спорщенной, а губы посинели, словно у покойника.

— Неужели я так плохо выгляжу? — хрипловатым голосом спросил Воитель.

— Нет, — заикаясь, ответила она. — Нет, просто я...

— Не лгите мне, леди Вивар. Если вы хотите услышать мою исповедь, между нами не должно быть никакой лжи.

— Исповедь? Нет! Я не стану слушать.

Вы должны жить.

— Поверьте, я и сам не желал бы большего, — прохрипел он, — но Вагдон сказал, что у меня не слишком много шансов, а я не хочу покинуть этот мир, не выполнив... Я должен сказать... пока не стало слишком поздно.

— Сэр, ваши деяния останутся в вечности. Прошу вас, не заставляйте меня...

Хорус недовольно потнул головой и закашлялся, забрызгав кровью грудь, но голос его стал сильным и властным, как прежде.

— Вы говорили, что ваше предназначение — обессмертить меня и увековечить воспоминания о моих делах для будущих поколений. Это так?

— Верно, — всхлипнула Петронелла.

— Тогда выполните мою последнюю просьбу, леги Вивар, — попросил он.

Она с трудом сглотнула, достала из сумочки блокнот и мнемонеро, а затем уселась на стул рядом с операционным столом.

— Ну, хорошо, — сказала она наконец. —
Давайте начнем с самого начала.

— Все зашло слишком далеко, — начал Хорус. — Я обещал своему отцу не допускать ошибок, и, пожалуй, мы начнем с них.

— Ошибок? — недоверчиво переспросила Петронелла.

— Это касается Тембы и его назначения правителем Давина, — сказал Хорус. — Он умолял меня не оставлять его одного, клялся, что это задание ему не по силам. Я должен был прислушаться, но слишком торопился к новым завоеваниям.

— Слабость Тембы нельзя ставить вам в вину, сэр, — заметила Петронелла.

— Спасибо за добрые слова, леди Вивар, но это я его назначил, — возразил Хорус. — И ответственность лежит на мне. Проклятье! Жиллиман животнагорвет от стеха, когда узнает об этом, и Лион тоже. Они будут говорить, что я недостойн титула Воителя, поскольку не способен читать в сердцах людей.

— Никогда! — воскликнула она. — Они не постыются!

— О, постыжусь, можете мне поверить, милая. Да, мы братья, но, как и все братья, ссоримся и стараемся превзойти друг друга.

Петронелла не нашла, что сказать. Мысль о том, что могущественные примархи могут ссориться, как обычные люди, никогда не приходила ей в голову.

— Они ревновали меня, ревновали все, — продолжал Хорус. — А когда Император называл меня Воителем, им оставалось только поздравить меня. Особенно бесился Ангрон, я и сейчас с трудом могу удерживать его в рамках. И Жиллиман вел себя не намного лучше. Я считаю, что он хотел бы оказаться на моем месте.

— Они вас ревновали? — не удержалась Петронелла, не в силах поверить тому, что услышала, и моментально быстро заскользило по блоку, запечатлевая ее мысли.

— Конечно, — кивнул Воитель. — Лишь несколько моих братьев были настолько великодушны, что искренне склонили головы. Лоргар, Мортарион, Сангвиний и Дорн — вот мои настоящие братья. Я

полню, как смотрел на улетающий с
Улланора штурмкатор Императора,
полню, как тосковал по отцу, но еще
отчетливее полню нацеленные в мою
спину ножи. Я читал их мысли, как будто
они говорили вслух. Почему я, Хорус,
избран Воителем, когда есть и другие, не
хуже меня?

— Вас назначили Воителем именно
потому, что вы были лучшим, сэр, —
сказала Петронелла.

— Нет, — возразил Хорус. — Я не был
лучшим. На тот момент я всего лишь
более прочих устраивал Императора.
Видите ли, в первые три десятилетия
Великого Крестового Похода я сражался
бок о бок с Императором и отчетливее
остальных представлял его стремление
управлять Галактикой. Он и мне передал
эту страсть, и я носил ее в своем сердце,
пока мы прокладывали свой путь среди
звезд. Это было грандиозное предприятие;
одна за другой звездные системы
собирались под властью повелителя
человечества. Леги Вивар, вы даже
представить себе не можете, что значило

жить в те времена!

-- Звучит великоленно.

-- Так оно и было, -- сказал Хорус. --

Было, но так не могло продолжаться вечно. Вскоре мы оказались в других мирах, где обитали мои братья-примархи. Почти сразу после рождения мы были разбросаны по Галактике, и только долгое время спустя Император собрал нас вместе.

-- Должно быть, странно было встретиться с братьями, которых вы никогда прежде не видели.

-- Не так странно, как вы могли подумать. В тот же момент, когда я встречал одного из них, я немедленно ощущал родственную связь, не подвластную ни времени, ни расстоянию. Не могу отрицать, что с некоторыми приходилось труднее, чем с прочими. Если вам приходилось встречаться с Ночным Охотником, вы поймете, что я имею в виду. Очень угрюмый тип, но совершенно незаменимый, когда требуется заставить чуждую империю дрожать от страха, прежде чем ее атаковать. Ангрон не

натного лучше. Я хочу сказать, что у него самый непредсказуемый характер, какой только себе представить. Думаете, вам известно, что такое ярость? Так вот, могу уверить, что вы понятия об этом не имеете, если не видели, как выходит из себя Ангрон. А о Лионе и вообще лучше помолчать.

— Примарх Темных Ангелов? Ему подчиняется Первый Легион?

— Да, все это так, — подтвердил Хорус, — но не стоит ему напоминать об этом факте. Я по его глазам видел, что он рассчитывал стать Боителем, поскольку командует Первым Легионом. Но разве не известно всем и каждому, что он рос, словно дикий зверь в лесу, и образован не натного лучше, чем самый невежественный язычник? И хочу вас спросить: может ли такой человек стать Боителем? Нет, не может, — ответил Хорус на свой собственный вопрос.

— А кто, по-вашему, мог бы стать Боителем, если не вы? — спросила Петронелла.

Такой вопрос явно рассердил Хоруса.

но он все же ответил:

— Сангвиний. Воином должен был стать он. Только он обладает достаточными силами и интеллектом, чтобы добиться победы, и мудростью, чтобы управлять после того, как победа будет одержана. При всем внешнем несохождении только он унаследовал все таланты Императора. В каждом из нас есть что-то от нашего отца — его жажда побеждать в сражениях или упорство в достижении поставленной цели. В Сангвиний есть все. Это он должен был...

— А какая черта Императора живет в вашей душе, сэр?

— В моей? Жажда власти. Когда перед нами лежали бескрайние просторы Галактики, которые предстояло завоевывать, этого было достаточно, но теперь Поход близится к завершению. На Кретаке есть пословица, говорящая о том, что мир находится «где-то там», но теперь вернее будет сказать по-другому: он там, где мы можем править. Дело почти сделано, а что остается амбициозному человеку, когда работа

заканчивается?

-- Но вы -- правая рука Императора, --
запротестовала Петронелла. -- Его
любимый сын.

-- Теперь уже нет, -- печально возразил
Хорус. -- Мое место заняли мелкие
функционеры и администраторы. Высшего
Военного Совета больше не существует, а
я получаю приказы от Совета Терры.
Когда-то все силы Империи были
направлены на ведение войн, а сейчас мы
обременены экзекторами, писцами и
чиновниками, которые пытаются
определить стоимость всего, что
попадает на глаза. Империя меняется,
а я не уверен, что могу измениться вместе
с ней.

-- Но как именно изменяется
Империя?

-- Ведущие места отводятся
бюрократии и чиновничеству, мисс Вивар.
На стену героям приходят клерки и
администраторы. Если мы не изменим
пути развития, величие Империи
станет лишь строчкой на страницах
истории. Все, чего я достиг, останется

мүлканным воспоминанием о былой славе,
утерянной в пыли времени, как
цивилизация древней Терры, добродушно
грезящей о своем благородном прошлом.

— Но ведь Великий Крестовый Поход
был задуман как первый шаг к созданию
нового Империиума человечества,
властвующего над всей Галактикой. А для
управления таким государством
необходимы администраторы, законники и
писцы.

— А что же будет с воинами,
завоевавшими для них эту Галактику? —
раздраженно спросил Хорус. — Что станет
с нами? Придется стать тюремными
надзирателями и устроителями? Мы
созданы для того, чтобы воевать и
убивать. Так мы устроены, но это далеко
не все. Мои способности гораздо шире.

— Прогресс никогда не давался легко,
той господин, и люди всегда должны
приспосабливаться к переменам, — сказала
Петронелла, озадаченная стеной
настроения Воителя.

— Леги Вивар, прогресс и изменения
нетрудно перепутать, — сказал Хорус. —

Мне при рождении были даны удивительные способности, но я и мечтать не мог, что стану таким, как сегодня; я сам создавал себя в процессе боев и завоеваний. И все, чего я достиг за последние два столетия, придется отдать в слабые руки мужчин и женщин, которые не проливали с нами кровь в самых темных уголках Галактики. Разве это справедливо? Мирати, что я покорил, будут править смертные люди, а какой будет моя награда, когда закончатся сражения?

Петронелла перевела взгляд на канцелярия Вадгона, но он бесстрастно наблюдал за тем, как она заносит в память блокнота слова Воителя. На мгновение она задумалась, действует ли на него гнев Воителя так же угнетающе, как на нее.

Несмотря на глубочайшее изумление, честолубивая Петронелла не могла не сознавать, что она сможет создать самую сенсационную летопись, что она раз и навсегда развеет миф о Великом Крестовом Походе как о сплоченных

усилиях братьев, стремящихся объединить Вселенную. Слова Хоруса свидетельствовали о взаимном недоверии и неприязни, о чем до сих пор никто не мог и подумать.

Видя задумчивое выражение ее лица, Хорус протянул грожащую руку и дотронулся до пальцев Петронеллы.

— Простите, леди Вивар. Мои мысли теперь уже не так ясны, как прежде.

— Нет, — покачала она головой. — Мне кажется, сейчас они ясны, как никогда раньше.

— Но я вижу, что шокировал вас. Извините, если рассеял ваши иллюзии.

— Не могу не признать, что многое из сказанного вами меня сильно удивило, сэр.

— Но вам это нравится, не так ли? Вы ведь для этого сюда и прибыли?

Она хотела ответить отрицательно, но вид утирающего слезы примарха заставил ее передумать, и Петронелла кивнула.

— Да, — сказала она. — Ради этого я сюда и приехала. Вы расскажете мне все?

Он прикрыл глаза.

-- Да, -- ответил Хорус. -- Я расскажу
все.

ОТВЕТЫ

СДЕЛКА С ДЬВОЛОМ

АНАФЕМ

Бронированные борта «Грозового ястреба» были не такими гладкими, как у штурмкатера, но эта машина была удобной и могла доставить их на поверхность спутника Давина быстрее, чем более массивное судно. Сервиторы и механикумы уже начали подготовку к запуску, но Локен все время торопил их. Каждая секунда приближала смерть Воителя, а он не мог допустить, чтобы это произошло.

С тех пор как они доставили Воителя на борт, прошло уже несколько часов, но капитан так и не вычистил свои доспехи и оружие, а теперь, едва возобновив боезапас, собирался отправиться туда, откуда недавно вернулся. Стартовая палуба все еще была скользкой от крови людей, которых они так безжалостно

отбрасывали с дороги, и теперь, осознав, что они натворили, Локен ощутил стыг.

Он не помнил лиц этих людей, но помнил треск костей и крики боли. Все благородные идеалы Астартес... Что они значили, если так легко оказалось забыть о них? Кирилл Зингерманн прав, моральные устои и нравственные законы — всего лишь маска на зверином облике людей... и даже Астартес.

Если так легко забываются нормы общественного поведения, что же в таком случае может быть безнаказанно отвергнуто в более сложных обстоятельствах?

Окидывая взглядом посадочно-пущовую палубу, Локен мог обнаружить и другие, едва заметные изменения. По-прежнему грохотали молоты, лязгали крышки люков, а груженные боеприпасами тележки сновали между судами, но атмосфера на палубе стала более напряженной, словно сам воздух сгустился.

Противовзрывные створки все еще были наглухо заграены, но Локену казалось, что он слышит приглушенный плач и

причитания собравшихся снару́жи людей.

В широких коридорах вокруг пусковой палубы и на верхних ярусах наблюдательного отсека бесстенно дежурили сотни людей с зажженными свечами. Они приносили многочисленные обеты и пожелания выздоровления Воителю, часто написанные на случайных обрывках бутаги неразборчивыми каракулями.

Кто и как управлял этим бесконечным потоком, оставалось тайной, но у людей появилась какая-то цель, а Локен понимал, насколько это необходимо в сумные часы ожидания.

Воины из отделения Локасты были уже на борту, хотя их проход по пусковой палубе вызвал всеобщее замешательство и чуть не обратил в бегство всех присутствующих, настолько свежа была память о недавнем кровопролитии. Торгаддон и Винус заканчивали последние предстартовые проверки, и Локену оставалось лишь отдать приказ о запуске.

За спиной слышались чьи-то шаги, и, обернувшись, Локен увидел, что его

догоняет Тибальд Марр, капитан
Восемнадцатой роты. Его иногда
называли Другой в противовес Верулату
Мой, которого звали Уным, поскольку эти
два были почти неразличимы между
собой. Лица обоих капитанов настолько
напоминали лицо Воителя, что при
взгляде на Марра у Локена перехватило
дыхание. Он остановился и приветствовал
собрата-капитана поклоном.

— Капитан Локен, — произнес Марр, —
могу я с тобой поговорить?

— Конечно, Тибальд, — ответил
Локен. — Мне очень жаль, что так
случилось с Верулатом. Он был храбрым
парнем.

Марр коротко кивнул, и Локену
оставалось лишь догадываться, какую боль
испытывал его брат. Ему и раньше
приходилось оплакивать павших
Астартес, но Марр и Мой были
неразлучны, их связывали особо крепкие
братские узы, как близнецов. Братья
дружили между собой и чаще всего
сражались в паре, но в последней вылазке
место в штурмкатере по жребью

осталось только Мою, а Марр был
вынужден остаться.

За эту удачу Мою пришлось
заплатить своей жизнью.

— Капитан Локен, я благодарен за
сочувствие, — ответил Марр.

— А о чем ты хотел со мной
поговорить, Тибальд?

— Вы собираетесь вернуться на
спутник Давина? — спросил Марр, и Локен
тотчас понял, зачем он пришел.

— Да, — кивнул Локен. — Возможно, мы
сумеет найти один предмет, который
может помочь Боителю. Если он еще
там, мы его разыщем.

— Это там, где погиб Верулам?

— Да, — снова кивнул Локен. — Думаю,
что это там.

— Не пригодится ли вам еще пара рук
с мечом? Я бы хотел увидеть то место...
где это произошло.

Локен не мог не заметить скорбь в
глазах Марра.

— Конечно, пригодится, — ответил он.

Марр поблагодарил его кивком, и они
направились к тране «Грозового ястреба».

В то время как двигатели корабля забывали, словно стая волков.

Акситанг наблюдал, как Абаддон одним взмахом отсек руку партнера-сервитора, а затем, приблизившись, нанес еще несколько быстрых ударов в корпус. От сокрушительной атаки кости и стальная броня противника треснули, и сервитор рухнул на пол, превратившись в груду обломков.

За последние тридцать минут Абаддон разбил уже третьего сервитора. Эзекиль всегда выпускал свой гнев в драке, и в этот раз ничего не изменилось. Первый капитан изначально был создан ради убийства, а образ жизни не научил его находить другой выход гурному настроению.

Сам Акситанг уже в шестой раз разбирал и собирал свой болтер, методично и сосредоточенно выкладывая каждую деталь на промасленную ткань, а потом методично отчищая невидимые пятнышки грязи. Если у Абаддона гнев превращался в потребность вершить

насилие, Аксиманг предпочитал
успокаиваться знакомым рутинным
занятием. Не в состоянии чем-нибудь
помочь своему командиру, Астартес
вернулся к тем делам, которые знали
лучше всего.

— Мастер-оружейник снимет с тебя
голову за трех разбитых сервиторов, —
сказал Аксиманг, наблюдая, как Абагдон
злбно пинает останки последнего из
партнеров.

Запыхавшийся и разгоряченный
Абагдон вышел из тренировочной камеры,
по его телу стекали ручейки пота, и даже
схваченные серебряной заколкой волосы на
затылке тоже протокли от пота. Даже
для Астартес Эзекиль был настоящим
великаном с прекрасной каменно-твердой
мускулатурой. Торгагдон не раз гразнил
его, шутливо утверждая, что Абагдон
уступил фальку Кибре командование
юстаэринцами, поскольку
терминаторская броня оказалась ему
маловата.

— Они для того и созданы, — бросил
Абагдон.

-- Но это не значит, что можно разбивать их в щепки.

Абагдон пожал плечами, достал из своего шкафчика полотенце и набросил на спину.

-- Как ты можешь сохранять спокойствие в такое время?

-- Поверь мне, Эзекиль, я далек от спокойствия.

-- Но ты выглядишь спокойным.

-- Если я не крушу все вокруг, это еще не значит, что я не волнуюсь.

Абагдон взял в руки пластину своих доспехов, начал чистить, но тотчас отбросил ее с сердитым ворчанием.

-- Эзекиль, тебе надо бы сдерживать свой нрав, -- посоветовал ему Акситанг. -- Если так пойдет, ты окончательно утратишь равновесие и никогда не сможешь его вернуть.

-- Я знаю, -- вздохнул Абагдон. -- Но я не нахожу себе места; я подавлен, раздражен и печален одновременно. Я не могу остановиться ни на секунду. А вдруг он не справится, Маленький Хорус? Вдруг он утрет?

Первый капитан вскочил и стал наматывать круги по оружейной. Аксиманг заметил, как от горя и гнева кровь снова прилила к его лицу.

— Это несправедливо! — рычал Абагдон. — Этого не должно произойти. Император не должен такого допустить.

— Эзекиль, Императора уже давно здесь нет.

— Он хотя бы знает, что происходит? Или его это совсем не тревожит?

— Даже не знаю, что тебе сказать, друг мой, — сказал Аксиманг, поднимая болтер и защелкивая заток магазина.

Очевидно, Абагдон нашел новую цель для своей бессильной ярости.

— С тех пор как он покинул нас после Улланора, все пошло по-другому, — ворчал Абагдон. — Он оставил нам зачищать все, что не захотел сделать сам. И ради чего? Ради какого-то важного проекта на Терре? Более важного, чем наше дело?

— Осторожнее, Эзекиль, — предупредил его Аксиманг. — Ты рискуешь переступить опасную грань.

— Это правда, но что с того? Только

не говори, что ты сам этого не чувствуешь, я знаю, что это не так.

- Да... Кое-что изменилось с тех пор, - признал Аксиманг.

- Мы здесь сражаемся и утираем, завоевывая новые миры для него, а он даже близко не приближается к границам. Где его честь? Где его гордость?

- Эзекиль! - воскликнул Аксиманг, роняя болтер и вскакивая со своего места. - Достаточно. Если бы на твоём месте был кто-то другой, я бы сбил его с ног за подобные высказывания. Император - наш господин и повелитель. Мы поклялись повиноваться ему.

- Мы поклялись в верности нашему командиру. Ты помнишь клятву Морнивалы?

- Я прекрасно ее помню, Эзекиль, - резко ответил Аксиманг. - У, как мне кажется, лучше, чем ты. Мы поклялись чтить Императора превыше всех примархов.

Абагдон, отвернувшись, вцепился пальцами в сетку тренировочной катеры, мускулы под его кожей перекачивались как

желваки, а голова бессильно повисла. Вдруг со звериным рычанием он сдернул ограждающую панель и швырнул ее через оружейный зал, прямо под ноги Эреба, стоящего у входа.

— Эреб? — изумленно воскликнул Аксиманд. — Как гавно ты здесь стоишь?

— Достаточно гавно, Маленький Хорус. Достаточно гавно...

Аксиманд ощутил укол беспокойства.

— Эзекиль слишком расстроен и зол. Он утратил душевное равновесие. Не стоит...

Эреб взмахнул рукой, словно отмахиваясь от объяснений Аксиманда, и тусклый свет блеснул на его начищенных серо-стальных доспехах.

— Не бойся, друг мой, ты же знаешь, что все это останется между нами. Здесь присутствуют только члены ложи. Если кто-то спросит о том, что я здесь сегодня услышал, ты же знаешь, что я отвечу, не так ли?

— Я не могу сказать.

— Верно, — улыбнулся Эреб, но отнюдь не успокоенный Аксиманд почувствовал

себя обязанным Первому капеллану Несущих Слово, словно обещание молчать было частью какой-то сделки.

-- Эреб, ты пришел по какому-то делу? -- резко спросил Абадгон.

-- Да, -- кивнул Эреб и продемонстрировал на ладони серебряный медальон логи. -- Состояние Воителя ухудшается, и Таргост объявил собрание.

-- Сейчас? -- удивился Аксиманд. -- Почему?

-- Я не могу сказать, -- пожал плечами Эреб.

Они снова собрались в одном из кормовых отсеков «Духа мщения», куда можно было пробраться по безлюдным узким переходам, ведущим на нижние палубы корабля. Снова путь им освещали тонкие свечи, и Аксиманду вдруг очень захотелось поскорее покончить со всем этим. Воитель при смерти, а они тут формальности обряда соблюдают!

-- Кто идет? -- спросил из темноты закутанный в накидку человек.

-- Три души, -- ответил Эреб.

— Назовите ваши имена, — потребовал тот же голос.

— Неужели нам так необходимо играть в эти игры сейчас? — воскликнул Аксиманг. — Седирэ, ты же прекрасно знаешь, кто мы такие!

— Назовите ваши имена, — повторил часовой.

— Я не могу сказать, — ответил Эреб.

— Проходите, грузья.

Они прошли в пустой склад, и Аксиманг наградил Седирэ язвительным взглядом. Тот молча пожал плечами и последовал за ними. Обширное помещение со стеллажами вдоль стен, как всегда, освещалось свечами, но обычное добродушное веселье стенила мрачная печаль. Аксиманг увидел завсегдатаев собраний: Сергара Таргоста, Люка Седирэ, Каллуса Экаддона, Фалька Кибре и многих других офицеров и солдат, которых он знал или часто видел. И еще Малогарста Кривого.

— Давненько я не встречал тебя на собраниях, — сказал Аксиманг.

— Да, верно, — согласился Малогарст.

Мне пришлось пренебречь обязанностями члена логи ради других дел, требующих самого пристального внимания.

-- Братъа, -- обратился к собравшимся Таргост. -- Мы живем в мрачное время.

-- Сергар, давай к делу, -- прервал его Абаддон. -- У нас нет времени для длинного вступления.

Мастер логи сурово взглянул на Абаддона, но, заметив, что Первый капитан с трудом сдерживает гнев, живнул, не рискуя вступить с ним в пререкания. Таргост показал рукой на Эреба и обратился ко всей аудитории:

-- Нам хочет что-то сказать наш брат из Легиона Несущих Слово. Согласны ли вы его выслушать?

-- Согласны, -- хором ответили Сыны Хоруса.

Эреб вышел в центр и поклонился.

-- Брат Эзекиль совершенно прав: у нас нет времени для долгих церемоний, так что я сразу перейду к сути. Воитель умирает, и судьба Крестового Похода висит на волоске. Только мы можем его спасти.

-- Эреб, что это значит? -- спросил

Аксиманг.

Первый капеллан прошелся по кругу.

-- Апотекарии ничем не могут помочь

Воителю. При всей их преданности, они не могут вылечить его недуг. Все, что им удается, это поддерживать в нем жизнь, но и это не может длиться долго. Если мы сейчас не начнем действовать, станет слишком поздно.

-- Что ты предлагаешь, Эреб? --

спросил Таргост.

-- Племена Давина... -- начал Эреб.

-- При чем тут они? -- перебил его

мастер ложи.

-- Это дикий народ, который правит

касты военных, но все это уже было нам

известно. И наш мирный орден кое в чем,

что касается структуры и практики,

похож на их воинские ложи. Каждая из

этих лож почитает одно из местных

хищных животных, и в этом их отличие.

Во время моего пребывания на Давине с

целью приведения местного населения к

Согласию я изучил деятельность лож,

судая найти признаки упадка или

религиозной веры. Ничего подобного я не обнаружил, зато в одной из лож нашел то, что, как я уверен, может стать нашей надеждой.

Незаметно для себя Аксимандг проникся словами Эреб; ораторские способности капеллана, точная рассчитанная модуляция голоса и приятный тембр сделали бы честь самому опытному императору.

— Говори скорее! — крикнул Люк Седирэ.

Все разом заговорили, и поднялся такой шум, что Сергар Таргост был вынужден крикнуть во весь голос, чтобы восстановить порядок.

— Мы должны доставить Воителя на Давин в храм ложы Эмеи, — объявил Эреб. — Тамашние жрецы очень искусны в оккультных науках и исцелении, и я верю, что это единственный шанс спасти Воителя.

— Оккультные науки? — переспросил Аксимандг. — Что это значит? Ты говоришь о колдовстве?

— Я не гутаю, что речь идет о

колдовстве, -- сказал Эреб, оборачиваясь к нему. -- Но даже если и так, что из того, Маленький Хорус? Неужели ты откажешься от их помощи? Неужели позволишь Воителю умереть, лишь бы остаться незапятнанным? Разве жизнь Воителя не стоит небольшого риска?

-- Риска -- да, но твое предложение похоже на подстрекательство к преступлению.

-- Преступлением будет наше нежелание предпринять все возможные меры для спасения командира, -- заметил Таргост.

-- Даже если это значит осквернить себя гнусной магией?

-- Аксиманд, оставь свое высокомерие, -- сказал Таргост. -- Мы пойдем на это ради Легиона. У нас нет другого выбора.

-- Так, значит, все уже решено? -- воскликнул Аксиманд, проходя мимо Эреба в центр круга. -- Если так, зачем это обсуждение? Зачем вообще надо было нас собирать?

Малогарст, хромая, вышел из-за

спины Таргоста и покачал головой.

— Брат Хорус, мы все должны быть заодно. Тебе известен закон логи. Если ты не согласишься, мы ничего не станем предпринимать, и Воитель останется здесь. Но он умрет, если мы ему не поможем. Ты сам знаешь, что это так.

— Утоляю, не заставляйте меня идти на это, — попросил Аксиманг.

— Мы должны, — возразил Малогарст. — Другого пути нет.

Взоры всех собравшихся были прикованы к нему, и Аксиманг почувствовал, как тяжесть ответственности за принятое решение давливает его в пол. Он поймал взгляд Абадгона, но и в нем прочел решимость пойти на все ради спасения Воителя.

— А как же Торгаддон и Локен? — спросил Аксиманг, цепляясь за соломинку. — Их нет с нами, и нам неизвестно их местонахождение.

— Локен не является одним из нас! — крикнул Каллус Экаддон, капитан Катүланских Налетчиков. — У него был шанс вступить в ряды логи, но он

отвернулся от нас. Что касается Тарика, то он будет заодно с нами. У нас нет времени дожидаться его возвращения.

Акситанг обвел взглядом лица присутствующих и понял, что у него нет выбора. Как не было с того момента, когда он переступил порог этой комнаты.

Чего бы это ни стоило, Воитель должен жить. Это так просто.

Он знал, что со временем возникнут опасные последствия. Так всегда бывает при сомнительных сделках, но за спасение командира стоит заплатить любую цену.

Если он останется тверд в своих убеждениях, его проклянут как воина, который предпочел остаться в стороне и позволил Воителю умереть.

— Ну, хорошо, — сказал он, наконец. — Пусть ложа Эмеи сделает все, что в ее силах.

Локен заметил, что за несколько часов, прошедших с их первой высадки на спутник Давина, тот изменился почти до неузнаваемости. Исчезли клубы тумана и вязкая дымка, а небо прояснилось и из

грязно-желтого превратилось в белое. Зловоние все еще стояло в воздухе, но и оно стало намного слабее и вместо непереносимого стало всего лишь неприятным. Неужели смерть Тембы разрушила какую-то силу, удерживавшую спутник в состоянии непрекращающегося гниения?

Едва «Громовой ястреб» коснулся поверхности болота, Локен увидел, что зараженные гнилью леса исчезли — без поддерживающих их стволы полчищ личинок и червей они просто рухнули на землю. Отсутствие непроницаемого тумана очень облегчило поиски «Славы Терры», тем более что теперь не было жутких вокс-сигналов с мертвого корабля.

«Громовой ястреб» остановился, и Локен с уверенностью прирожденного лидера вывел на поверхность спутника отделения Торгаддона, Вунуса и Марра. Несмотря на то, что Торгаддон и Марр гораздо раньше его заслужили капитанское звание, они безоговорочно подчинялись его приказам в этой экспедиции.

— Гарви, а что ты собираешься

искать? -- спросил Торгаддон, поглядывая на холм высыпавшихся из корабля Тембы обломков.

Торгаддон не успел подыскать себе новый шлем и теперь морщился от скверного запаха.

-- Я и сам еще не знаю, -- ответил Локен. -- Ответы, может быть. Все, что может помочь Воителю.

-- Мне это нравится, -- кивнул Торгаддон. -- А как ты, Марр? Что ты здесь ищешь?

Тибальд Марр ничего не ответил. Он снял свой болтер с предохранителя и зашагал к разбитому кораблю. Локен поспешно догнал его и положил руку на плечо.

-- Тибальд, ты ведь не хочешь создать нам здесь проблемы?

-- Нет. Я только хотел взглянуть на то место, где погиб Верулат, -- ответил Марр. -- Пока я не увижу его собственными глазами, я не смогу примириться с потерей. Знаю, я видел его в морге, но я словно не на покойника смотрел, а гляделся в зеркало. Ты меня понимаешь?

Локен не совсем его понял, но все же кивнул.

— Хорошо, занимай место в общем строю.

Они направились к мертвому кораблю, подошли к осыпи и стали взбираться к пробоине, зияющей в корпусе «Славы Терры».

— Проклятье, кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как мы здесь сражались, — проворчал Торгадгон.

— Тарик, это было всего три или четыре часа назад, — заметил Локен.

— Знаю, и все же...

Вскоре они добрались до пробоины и оказались в чреве корабля. Воспоминания о последнем посещении этого места и встреченных здесь обитателях отчетливо встали перед мысленным взором Локена.

— Будьте начеку. Мы не знаем, что могло остаться в этих развалинах.

— Надо было разбомбить обломки с орбиты, — проворчал Торгадгон.

— Тихо! — шикнул на него Локен. — Ты что, не слышал, что я сказал?

Тарик поднял руки в

приглушенном жесте, и они продолжили путь по скрипучим полам темных залов, узким туннелям, освещенным мерцающими фонарями, и вонючим почерневшим коридорам. Вунус и Локен возглавляли отряд, а Торгаддон и Марр прикрывали тыл. Заполненный тьмой остов корабля оставался все таким же мрачным и угрожающим, но обратительная органика, покрывавшая все поверхности слоем слизи, теперь погибла и рассыпалась в пыль.

-- Что здесь творится? -- спросил Торгаддон.-- Несколько часов назад это место выглядело как гидропонная площадка, а теперь...

-- Умирает, -- закончил за него Вунус.-- Как те деревья на болоте.

-- Здесь все выглядит гавно мертвым, -- добавил Марр, срывая со стены целый пласт лишайника.

-- Не трогай здесь ничего, -- предупредил Локен.-- В этом корабле имеется яд, поразивший нашего командира, и, пока мы не выясним, что это было, не стоит ни до чего дотрагиваться.

Март бросил лишайник на пол, вытер
руку о доску, и они углубились в неглубокий
коридор. Локен прекрасно помнил
маршрут, и вскоре отряд вышел в
центральный коридор, ведущий к
капитанскому мостику.

Из пробоин в корпусе падали снопы
света, а летающие в воздухе пылинки
создавали призрачный сверкающий
часток. Локен вел отряд вперед,
пригибаясь под нависшими
переборками и провисшими кабелями, от
которых все еще летели искры. Скоро они
достигли конечной цели.

Запах Тембы Локен почувствовал задолго до
того, как увидел тело; зловоние
разлагающейся плоти разносилось далеко
за пределы капитанской рубки. Осторожно
проникнув внутрь помещения, Локен
 жестом велел воинам обойти зал по
периметру.

— Как мы поступим со всеми этими
людьми? — спросил Винс, указывая на
висящие с потолка знамена, на
полотнищах которых были распяты
солдаты Шестидесятой третьей. — Нельзя

же просто оставить их здесь.

-- Знаю, но сейчас ты ничего не можешь для них сделать,-- ответил Локен.-- Когда уничтожим корабль, все они найдут успокоение.

-- Это он? -- спросил Марр, поведя стволом в сторону огромного раздувшегося тела.

Локен кивнул, поднял болтер и приблизился к трупу. Под кожей наблюдалось волнообразное движение, словно гигантский живот Тембы жил собственной жизнью. При ближайшем рассмотрении оказалось, что под туго натянутой желто-зеленой кожей пурет неистетное множество жирных личинок и червей.

-- Проклятье, до чего он отвратителен! -- ужаснулся Марр. -- Ужасно... существо убило Верулата?

-- Я думаю, да, -- ответил Локен. -- Воитель не сказал ничего определенного, но здесь больше никого не было.

Локен оставил Марра предаваться скорби, а сам обернулся к своим воинам:

-- Разойдитесь по всему залу и ищите

все, что может пролить свет на то, что
здесь происходило.

-- Ты совсем не имеешь
представления, что искать? -- спросил
Винус.

-- Ни малейшего, -- признался Локен. --
Возможно, это оружие.

-- Ты считаешь, что мы должны
обыскать этого жирного ублюдка? --
спросил Торгадгон, показывая на Тембу. --
И кто тот несчастный, которому
выпадет эта работенка?

-- Я думал, тебе это понравится,
Тарик.

-- О нет, я и пальцем к нему не
припрунусь!

-- Я сделаю это, -- сказал Марр,
опустился на колени и отбросил в сторону
остатки одежды трупа вместе с
лохмотьями кожи.

-- Видишь? -- Торгадгон отступил
назад. -- Тибальд сам вызвался, давай не
будем ему мешать.

-- Хорошо, только будь осторожен,
Тибальд, -- предупредил его Локен и с
облегчением отвернулся, чтобы не видеть

отвратительного зрелища, а Марр
принялся расчленять труп.

Астартес приступили к обыску, а
Локен взобрался на возвышение, где стояло
кресло капитана, и оттуда заглянул в
кабину экипажа, заваленную всевозможным
мусором и наростами плесени. Локен
никак не мог понять, что могло привести
этот славный корабль и не менее славного
человека к такому позорному концу.

Он обошел кресло и остановился, задев
ногой какой-то твердый предмет.
Нагнувшись, Локен обнаружил
продолговатую шкатулку из полированного
дерева. Ее стенки остались чистыми и
гладкими, что в этом интерьере
показалось, по меньшей мере, странным.
Шкатулка была темно-коричневой, глиной
примерно с руку человека, и по всей
поверхности дерева были вырезаны
непонятные символы. Крышка держалась
на золотых петлях, и, отодвинув тонкую
задвижку, Локен заглянул внутрь.

Шкатулка оказалась пустой и
обитой изнутри красным бархатом.
Только открыв шкатулку, Локен осознал,

насколько опрометчиво это было с его стороны. Он задумчиво провел пальцами по крышке, обводя символы, и их плавные округлые очертания показались смутно знакомыми.

— Сюда! — закричал один из воинов. Локасты, и Локен, подхватив шкатулку, кинулся на зов.

Пока Тибальд Марр продолжал разбирать прогнивший трун Тембы, остальные Астартес сгрудились на палубе вокруг какой-то находки.

Локен, подойдя ближе, увидел обрубок руки Эугана Тембы, мертвые пальцы которой все еще сжимали рукоять странного сверкающего меча с лезвием, похожим на серый кремень.

— Точно, это правая рука Тембы, — сказал Винус, наклоняясь, чтобы взять меч.

— Не трогай, — остановил его Локен. — Если это оружие свалило с ног Воителя, я не хочу даже думать, что оно может сделать с нами.

Винус отпрянул от меча, словно от ядовитой змеи.

-- А это что? -- спросил Торгаддон, показывая на шкатулку.

Локен опустился на колени и поставил шкатулку рядом с мечом. Увидев, что оружие должно точно поместиться внутри футляра, он совершенно не удивился.

-- Мне кажется, раньше меч лежал здесь.

-- Выглядит совсем как новая, -- заметил Бунус. -- А что там вырезано? Какие-то письмена?

Локен ничего не ответил и, опустившись на колени, стал разгибать пальцы Тембы, сжимавшие рукоять меча. Хотя он и понимал, что это невозможно, но все же морщился, отводя каждый мертвый палец, словно ожидал, что рука оживет и вцепится в него.

Наконец, меч был освобожден, и Локен поднял оружие.

-- Осторожнее! -- воскликнул Торгаддон.

-- Спасибо, Тарик, а я уж чуть не собрался его выбросить.

-- Извини.

Локен медленно опустил меч в шкатулку. Рукоять вздрогнула, и у Локена возникло дикое ощущение, будто меч эхом повторил имя Тарика. Предчувствие чудовищной опасности, грозящей грядущей со стороны оружия, сжало сердце. Локен захлопнул крышку и выдохнул давно сдерживаемый вздох.

— Во имя Терры, как такой человек, как Темба, завладел этим странным оружием? — спросил Торгаддон. — Но почему даже не скажешь, что это изделие человеческих рук.

— Так и есть, — сказал Локен и, к своему ужасу, понял, почему вырезанные на стенках шкатулки символы показались ему знакомыми. — Это изделие кинебрахов.

— Кинебрахов? — изумился Торгаддон. — Но разве они не...

— Да, — сказал Локен, бережно поднимая шкатулку с пола. — Это и есть анафел, похищенный из Зала Оружия на Ксенобии.

Слухи молниеносно распространились по «Духу тщениа», и рыдающие люди

выстроились вдоль пути, по которому должны были нести Воителя. Сотни людей встречали Астартес в каждом переходе, когда те проносили своего командира на щитах. На Воителе были его парадные доспехи снежно-белого цвета, отделанные золотом, на груди сияло пурпурное Око Терры, а благородное чело венчал серебряный лавровый венок.

Носилки держали Абаддон, Аксиманд, Люк Седирэ, Сергар Таргост, Фальк Кибре и Каллус Экаддон, а позади шли Тектор Варварус и Малогарст. Ослепительно сверкали отполированные доспехи, а форменные плащи колыхались при каждом движении.

Шествие возглавляли герольды и глашатаи, так что повторение кровавой сцены, произошедшей на пусковой палубе, было исключено, а кроме того, Астартес двигались очень медленно, словно боясь потревожить раненого командира, сражавшегося с ними бок о бок с самых первых дней Великого Крестового Похода. Воины Астартес не сдерживали слез.

За неимением цветов люди осыпали

носилки полоскати бумагу, на которых
были написаны слова любви и надежды.
Узнав, что Воитель еще жив, они
зажигали сухие травы, которыми
приписывались целительные свойства, и
подвешивали дымящиеся курильницы по
всему пути следования процессии, а где-то
неподалеку оркестр играл марш Легиона.

Горящие свечи и курильницы
издавали сладковатый аромат, а мужчины
и женщины, солдаты и рабочие,
охваченные общим горем, рыдали груз и
груза в объятиях. Вдоль всего перехода
были вывешены боевые знамена, и до самой
стартовой палубы шествие сопровождалось
молитвенными песнопениями. Двери,
ведущие на палубу, и все переборки до
последнего сантиметра были оклеены
клочками пергамента с посланиями
Воителю и его сыновьям.

Акситанг, никогда не видевший
ничего подобного, был поражен таким
единодушным проявлением народной любви
и сочувствия. Для него Воитель в первую
очередь был воином, отцом, избранником
Императора.

Для всех этих смертных он стал гораздо большим. Для них Воитель был символом благородства и героизма, символом новой Галактики, которую они под его руководством создавали на перепелище Века Раздора.

Само существование Хоруса обещало конец страданиям и смертям, долгие века терзавшим человечество.

Благодаря таким героям, как Воитель, Долгая Ночь подходила к концу и на горизонте уже загорался свет новой эпохи.

И теперь все это было под угрозой, и Аксиманг понимал, что сделал правильный выбор, позволив перевезти Воителя на Давин. Жрецы логи Эмел вылечат Хоруса, а если для этого потребуются силы, которыми не принято гордиться, что ж, пусть будет так.

Жребий брошен, и остается только верить, что примарх к ним вернется. Аксиманг улыбнулся, приотлив слова Хоруса, сказанные по поводу веры. Воитель, по своему обыкновению, выказал глубочайшую мудрость в абсолютно

неподходящей для этого обстановке -- как раз перед прыжком с несущегося штурмкатора на город зеленокожих на Улланоре.

-- Когда ты достигнешь предела своего знания и полетишь в темноту неизвестности, надо верить, что впереди ждет одна из двух возможностей, -- сказал тогда Воитель.

-- И что это за возможности? -- спросил Аксиманд.

-- Либо под ногами окажется твердая почва, либо ты научишься летать, -- со стехом закончил Воитель уже в прыжке.

От воспоминаний коток подкатил к горлу, и в этот момент двери стартовой палубы с грохотом закрылись за ними, и Астартес зашагали к ожидавшему их штурмкатору Воителя.

ПРОПАГАНДА ПОДОЗРЕНИЕ ВРАТЬЕВ ЗМЕЯ И ДУША

Кончик пера в руке Угнация Каркази скользил по странице, словно двигался по собственной воле. Судя по тем мыслям, которые летописец облакал в слова, можно было подумать, что так оно и есть. Мүза, похоже, прочно обосновалась в его комнате, и внутренний монолог Угнация превращался в мощную симфонию, каждая строка ложилась на свое место так, словно другого варианта повествования не существовало.

Такого вдохновения он не чувствовал даже при создании своих шедевров «Поэма океана» и «Образы и оды». Строго говоря, теперь, оглядываясь назад, Угнаций испытывал ненависть к своим собственным произведениям за изобилие безвкусной мишур и слащавую ограниченность описаний. Слова и мысли,

что переполняли его в настоящий момент, -- только они имели смысл, и Угнаций ругал себя последними словами за то, что на осознание ему потребовалось так много времени.

Истина, вот что важно. Именно это сказал ему капитан Локен, но тогда Угнаций не понял его или не придумал значения его словам. После того как Локен взял его под свое покровительство, Угнаций создавал мелкие и ничтожные стихи, недостойные Этиопского лауреата, но теперь все изменилось.

После смертоубийства на стартовой палубе он припал к своей комнате, схватил бутылку терранского вина и засел за работу.

Праведное возмущение ужасной жестокостью, которой он стал свидетелем, выливалось потоком слов, смелых метафор и решительных осуждений. Работая без перерывов, Угнаций исписал уже три страницы «Бондсмана № 7» и испачкал чернилами все пальцы.

-- Все, что я создал до сих пор, было

прологом, -- прошептал он, не переставая
писать.

Но вдруг ему в голову пришла мысль,
которая заставила отложить перо и
поставила его перед выбором. Устина
бесполезна, если никто ее не слышит.

Командование экспедиции
предоставило летописцам пресс-центр, где
они могли демонстрировать свои работы
и выставлять их на всеобщее обсуждение.
Ни для кого не было секретом, что
проходящие через пресс-центр материалы
подвергались цензуре, а то и вообще
запрещались, так что услугами этого
органа мало кто пользовался. Учитывая
содержание новой поэмы, Каркази не
стоило и надеяться на его помощь.

Но вот его двойной подбородок дрогнул
от устешки. Каркази порылся в кармане и
вытащил стятый листок бутаги --
листовку Божественного Откровения,
данную ему Эуфратией Киилер. Изгнаний
расправил листок на столе и накрыл его
ладонью.

Текст дешевого издания был
нечетким, а от бутаги пахло

нашатырным спиртом -- наверняка это
продукт какого-то частного принтера.
Если Эуфратии Киилер удалось ил
воспользоваться, значит, удастся и ему.

Перед тем как покинуть
капитанскую рубку, Локен позволил
Тибальду Марру сжечь труп Тембы. Его
приятель в испачканных гноем и гнилью
доспехах не останавливал смертоносную
стрелу огнемета до тех пор, пока от
чужовищного трупа не остались лишь
пенел да горсточка обгоревших костей.
Акт уничтожения был лишь небольшим
утешением после смерти брата, но хоть
что-то... Оставив еще дымящийся прах,
они пустились в обратный путь через
разрушенный корабль.

Когда они выбрались из пробойны, на
спутнике Давина уже наступили сумерки,
бледно-желтый шар планеты опустился к
самому краю тусклого неба. Локен нес
блестящий деревянный футляр с
анафетом, а остальные воины,
спустившись с гряды обломков, молча
сопровождали его к «Готовому ястребу».

Вскоре воздух загрохал от гудения, земля качнулась под ногами, и с места высадки имперских военных сил, где начиналась недавняя операция, взметнулись в небо три высоких столба огня и дыма. Локен посмотрел вслед трем колоссальным кораблям, на которых титаны возвращались в бронированные чрева звездных крейсеров, и мысленно поблагодарил их экипажи за помощь в недавних схватках с ожившими мертвецами.

Очень скоро в небе остались только белые полосы над горизонтом, и лишь плеск воды и негромкое ворчание оживавшего «Ястреба» нарушали тишину. Унылые просторы болот на многие километры вокруг были пусты, и Локен почувствовал себя самым одиноким человеком в мире. Немного погодя он различил в небе таленькие голубые огоньки армейских транспортов, следующих за титанами, — последние из оставшихся на поверхности солдат тоже возвращались на орбиту.

— Мы закончили здесь свои дела, не

так ли? -- спросил Торгаддон.

-- Думаю, да, -- согласился Локен. -- Чем скорее мы вернемся, тем лучше.

-- Как ты думаешь, как эта штука сюда попала?

Локену не потребовалось уточнять, о чем идет речь, и он покачал головой, не желая пока делиться с Торгаддоном своими подозрениями. Как ни любил он Тарика, он не мог забыть о его склонности к болтовне, а раньше времени спугнуть добычу не хотелось.

-- Не знаю, Тарик, -- ответил Локен, направляясь к опущенному заднему транцу «Громового ястреба». -- Я полагаю, мы этого уже никогда не узнаем.

-- Брось, Гарви, это же я, Тарик! -- расстелся Торгаддон. -- Ты настолько прямодушен, что совсем не умеешь лгать. Я вижу, что у тебя имеется какая-то идея, так давай выкладывай!

-- Не могу, Тарик, извини, -- сказал Локен. -- Пока еще рано. Поверь, я знаю, что сделаю.

-- В самом деле знаешь?

-- Ну, не совсем, -- признался Локен. --

Кажется, что знаю. Проклятье, как бы мне хотелось расспросить обо всем Воителя!

— Но его здесь нет, — заметил Торгаддон, — так что придется поделиться со мной.

Локен, радуясь, что может выбраться из трясин спутника, шагнул на трап, затем обернулся к Торгаддону:

— Ты прав, Тарик, я расскажу тебе все, но только не сейчас. Сначала мне необходимо кое-что хорошенько обдумать.

— Слушай, Гарви, я не так уж глуп, — вполголоса произнес Торгаддон, приблизившись вплотную, чтобы его слова не услышали остальные. — Мне известен только один путь, которым это оружие сюда попало: его привез кто-то из нашей экспедиции. И оружие попало на спутник раньше, чем здесь появились мы. А это значит, что его мог привезти только один человек, который был вместе с нами на Ксенобии и попал на спутник раньше нас. Ты знаешь, о ком я говорю.

— Да, я знаю, кого ты имеешь в виду, — согласился Локен, отводя Торгаддона в сторону, подальше от заходящих на борт

воинов. -- Но я не могу понять зачем. Зачем создавать нам столько неприятностей, похищая меч, а потом привозить его сюда?

-- Я разорву этого сына шлюхи пополам, если узнаю, что он намеренно пытался навредить Воителю! -- зарычал Торгадгон. -- Легион должен получить его шкуру.

-- Нет! -- прошипел Локен. -- Только не сейчас. Сначала надо выяснить, с какой целью все это затеяно и кто еще участвует. Я просто представлю себе не могу, чтобы кто-то замыслил недоброе против Воителя.

-- Ты считаешь, что происходит именно это? Ты думаешь, что кто-то из примархов покушается на титул Воителя?

-- Я не знаю, все это трудно себе представить, и больше похоже на сюжет из какой-нибудь старинной книги Зиндерманна.

Оба на некоторое время затолчали. Мысль о том, что кто-то из бессмертного братства примархов мог предпринять попытку свергнуть Хоруса, казалась

невероятной, недопустимой и
возмутительной, но...

-- Эй, -- окликнул их Винус из глубины
«Ястреба», -- что вы там втихомолку
затеваете?

-- Ничего, -- с виноватым видом
ответил Локен. -- Мы просто
разговаривали.

-- Тогда заканчивайте. Надо
торопиться.

-- Что-то случилось? -- спросил Локен,
проходя в кабину пилота.

-- Воитель, -- сказал Винус. -- Они
перевозят его на Давин.

Спустя пару мгновений «Грозовой
ястреб» уже был в воздухе, оставив за собой
фонтаны мутной болотной воды,
испаряющейся в голубых струях пламени
двигателей. Боевой корабль, набирая
скорость и высоту, описал широкий круг, а
затем свечой взвился в небо.

Пилот хорошенько разогрел
двигатели, и «Ястреб» с ревом пронзил
атмосферу.

Огромное красное светило уже

опускалось за горизонт, и горячие сухие ветры, поднимающиеся над плато, сильно трепали корабль, вошедший в атмосферу Давина. За бронированным стеклом рубки расстился коричневый, сухой и пыльный материк. Локен, занявший место в рубке управления рядом с пилотами, пристально следил за постепенно приближающейся красной точкой, на обзорной панели судна обозначающей местоположение штурмкатера Вомеля.

Далеко внизу можно было заметить мерцающие огоньки имперской военной зоны, где экспедиционные силы впервые ступили на поверхность Давина. Широкое кольцо огней опоясывало временные посадочные площадки и защитные укрепления. Пилот вел корабль кратчайшим курсом под крутым углом, поскольку скорость сейчас имела большее значение, чем безопасность полета, и по пути «Ястреб» обгонял множество других судов, направлявшихся к поверхности.

— Почему их так много? — удивился Локен, когда корабль снизился достаточно, чтобы можно было рассмотреть на земле

солдат и сервиторов, спешно готовившихся к приему множества судов.

— Не имею представления, — ответил пилот. — Но с орбиты сошли сотни кораблей. Неужели им всем разом понадобилось посетить Давин?

Локен ничего не ответил. Множество кораблей, направлявшихся на Давин именно в этот момент, стало для него еще одной частью неразрешимой головоломки. Каналы вокс-связи были забиты безумным бредом; рыдающие голоса предвещали близкий конец света, а другие в то же время благодарили божественного Императора за спасение своего избранного сына из смертной тени.

Ни те, ни другие не добавляли ясности. Локен попытался связаться с кем-нибудь из торнивальцев, но они не отвечали, а когда он не смог найти даже Малогарста на «Духе мщения», в сердце Закралось недоброе предчувствие.

Корабль полетел к имперским позициям, и Локен увидел непрерывную цепочку огней, протянувшихся к северу от костопорта. Локен приказал пилоту

бросить скорость и опуститься пониже.

По пыльной равнине двигалась длинная колонна самых различных транспортных средств -- танков, повозчиков снарядов, передвижных станций связи и даже несколько гражданских машин, -- и каждое из них было битком забито людьми. Все направлялись в горы, и настолько быстро, насколько позволяли двигатели их машин. «Громовай ястреб» быстро пронесся над землей в гаснущем свете дня, обогнал колонну и потчался дальше в том же направлении.

-- Как скоро мы доберемся до штурмкатора Воителя? -- спросил Локен.

-- При такой скорости минут через десять или около того, -- ответил пилот.

Локен попытался собраться с мыслями, но царящее вокруг безумие плохо способствовало сосредоточению. С тех пор как они покинули планету интерексов, его разум превратился в бурлящий водоворот, вбирающий в себя все странные факты и потом выбрасывающий их на поверхность на пузырьках подозрений. Неужели на него

до сих пор действует случившееся с Джубалом? Возможно ли, чтобы силы, обитавшие в Шепчущих Вершинах, до сих пор мучили его и заставляли шарахаться от призраков, которых, кроме него, никто не видел?

Локен готов был бы в это поверить, если бы не существование анафета и твердая уверенность, что Первый капеллан Эреб солгал ему по пути на Давин.

Каркази утверждал, что Эреб намеренно подталкивал Воителя совершить вылазку на спутник Давина, и его невольное признание в краже анафета вело к единственному выводу: Эреб хотел, чтобы Хорус был убит.

Но это желание не имело смысла! Зачем изобретать такой замысловатый способ убийства Воителя? Здесь должно скрываться что-то еще...

Факты постепенно накапливались, но ни один из них не укладывался в логические рамки, и Локен никак не мог понять их подоплеку. Он лишь знал, что что-то происходит и все это кем-то

искусно построено.

— Мы подходим к расположению
штюрмкатора Вомеля! — крикнул пилот.

Ложен страхнул оцепенение. Он совсем
забыл о времени, но тотчас
сосредоточился на происходящем за
бронированными стеклами рубки.

Теперь их окружали высокие горные
вершины и зазубренные скалы из красного
камня, сверкающего прожилками кварца и
золота. Корабль летел над древней
мощеной дорогой, проложенной по дну
ущелья, с потрескавшимися, стертыми
временем плитами. По обе стороны дороги
еще стояли изваяния давно умерших
королей, а повалившиеся колонны были
похожи на павших на посту часовых.
Долина уже погрузилась в ночную тьму, и
лишь видневшиеся вдалеке стены кратера
отражали бронзовые лучи заходящего
светила.

Пилот сбросил скорость, и через
расселину корабль влетел в колоссальный
кратер, углублявшийся в поверхность не
меньше чем на тысячу метров. Дно
кратера было плоским, и в центре

возвышалось здание, сложенное из того же камня, что и окружающие горы. Здание было освещено тысячами пылающих факелов. «Ястреб» описал круг, и Локен увидел, что строение представляет собой восьмиугольник, причем каждый угол венчал высокий бастион, что придавало ему вид неприступной крепости. Восемь башен окружали главный купол, и на вершине каждой из них горел огонь.

Внизу Локен заметил и штурмкатер Воителя, окруженный факелоносцами, которых было не меньше тысячи человек. От штурмкатера к исполнинским сводчатым вратам вела прямая дорожка, и Локен увидел знакомую фигуру Воителя, которого Сыны Хоруса несли на носилках.

— Высаживай нас! Скорее! — крикнул Локен.

Он вскочил на ноги, пробежал в пассажирский отсек и сдернул со стойки болтер.

— Что случилось? — спросил Винус. — У нас неприятности?

— Возможно, — ответил Локен и повернулся к находящимся на корабле

воинам: — После высадки следуйте за мной.

Его воины с привычной быстротой приготовились к десантированию, а пилот «Астреба» до предела снизил скорость и высоту. Освещение кабины с красного сменилось на зеленое, полозья корабля сильно ударились о землю. В тот же момент створ заднего люка опустился, образуя трап, и Локен, выскочив из корабля, побежал к зданию.

Ночь уже спустилась на землю, но воздух еще оставался горячим, и ароматы невидимых цветов наполняли его горьковатым благоуханием. Гарвель бежал впереди своих людей, и факелосцы бросали вслед группе озадаченные взгляды. Капитан увидел, что это были коренные обитатели Давила.

Аборигены отличались большой выносливостью, высоким ростом, тонкими жилистыми конечностями, густым волосатым покровом и носили прически, похожие на хвост Абаддона. Они были в длинных накидках из блестящих узорчатых пластинок, почти все — вооружены несколькими кинжалами.

висящими на перевязи, и примитивными на вид пороховыми пистолетами. Перед Астартес все расступались, склоняя головы, и внезапно Локен обратил внимание на то, как сильно эти существа отличаются от людей.

Во время первого посещения планеты он не слишком много внимания уделял коренным обитателям. Тогда он был рядовым капитаном, и все его помыслы были обращены только на выполнение приказов и достижение поставленных целей, ему было не до антропологических изысканий. Да и сейчас, при том сужбуре, который царил в его тылах, он совершенно случайно обратил внимание на наружность гавинитов. Просто их было много.

Лишь в окружении сотен коренных жителей планеты их генетическое отличие сильно бросалось в глаза, и Локен вдруг удивился, как они утварились избежать истребления еще шесть десятков лет назад, ведь первыми вошли в контакт Несущие Слово, а этот Легион не отличался терпимостью к

отклонениям от нормы.

Локен вспомнил яростный спор Абадгона с Воителем по поводу интересов. Первый капитан тогда настойчиво советовал вступить с ними в войну только из-за их снисходительности к ксеносам. Даже не принимая во внимание никаких других причин, один только внешний вид гавинитов давал достаточно поводов к войне, но этого почему-то не случилось.

Местные жители определенно вели свое происхождение от человеческой расы, но отличие этой ветви от людей было не менее заметным, чем отличие Астартес. Плоские лица, темные глаза, в которых не видно зрачков, и чрезмерное, почти как у обезьян, количество волос на головах и руках больше напоминали Локену искусственно выведенных мутантов, которых использовали в некоторых подразделениях имперской армии. То были примитивные существа, у которых хватало мозгов только на то, чтобы тащить мечом или стрелять из простейшей винтовки, и не более. Такая

практика не слишком нравилась Локену, и хотя обитатели Давина, безусловно, обладали более развитым интеллектом, чем мутанты, их наружность ничуть не развееала его тревог.

Впрочем, Гарвель очень скоро выбросил из головы гавинитов, поскольку уже подошел к массивной лестнице, высеченной в скале и украшенной изображениями клубящихся змей и горящими жаровнями. Два узких канала, по которым вниз сбегала вода, разделяли ступени на два боковых прохода и один центральный.

Процессия, несущая Воителя, уже достигла второго тарша лестницы, и Локен потчался к ним, перепрыгивая сразу через три ступеньки. Раздался оглушительный скрежет катней, мгновенно вызвавший в воображении картину закрывающейся монолитной двери.

-- Быстрее! -- крикнул Гарвель.

На самом верху лестницы грожащие огоньки углей в жаровнях отбрасывали красноватый свет на статуи и

отражались в металлической чешуе и их
кварцевых глазах. Последние лучи
заходящего солнца упали на змей,
обвившихся вокруг колонн, и на мгновение
почудилось, что они ожили и спускаются к
ступеням. Зрелище было не из приятных, и
Локен, открыв канал вокс-связи, закричал:

— Аббагон, Аксиманг? Вы слышите
меня? Отзовитесь!

Ответом был треск статики, и
Локен ускорил шаг.

Наконец он добрался до конца первого
марша, и на открывшейся взгляду залитой
лунным светом эспланаде увидел еще
больше змей, украшавших каждую колонну.
Между колоннами шел сужающийся проход,
ведущий к гигантским воротам дворца.
Широкие створки кованой бронзы были
распахнуты, и при виде этого грозного
портала, за которым царила непроглядная
тьма, таящая в себе неведомое, у Локена
по коже пробежали мурашки.

Врата начали закрываться. Перед
ними стояли воины Астартес. Но
Воителя с ними уже не было.

— Быстрее! Боевой марш! — заорал

Локен и понесся вперед гигантскими прыжками, к которым Астартес прибежали, когда не было никакого транспорта.

С такой скоростью они могли передвигаться на значительные расстояния и после этого были способны сражаться в полную силу. На бегу Локен молча молился, чтобы после этого таранного броска им не пришлось вступать в бой.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что спирали и линии ворот — бесстысленный на первый взгляд узор — образуют искусно переданные сцены. Гибкие тела змей тянулись от одного листка к другому, свивались в кольца, заглатывая свои хвосты, переплетались между собой в брачных играх.

Полная картина открылась лишь в тот момент, когда створки окончательно сошлись, оглушительно лязгнув. В отличие от Хоруса, Локен не был знатоком искусства, но величественная картина, сложившаяся из многочисленных образов на сошедшихся створках, поразила даже его. Центр композиции образовывало

огромное дерево с раскидистыми ветвями, на которых висели самые разнообразные плоды. Три толстых корня занимали нижнюю часть ворот и словно тянулись к широкому бассейну, вода из которого, протекая через эспланаду, спускалась по главной лестнице.

Ствол дерева обвивали две змеи, и их головы покоились на вершине. Локен удивился, насколько это изображение похоже на татуировки, илевшиеся на плечах всех апотекариев Легиона.

У края бассейна, перед закрывшимися воротами стояли семеро Астартес. Все они были в доспехах Сынов Хоруса, и все хорошо известны Локену: Абэгдон, Аксиманд, Таргост, Седирэ, Экагдон, Кибре и Малогарст.

Все воины были без шлемов, и, едва они обернулись, на каждом из лиц он увидел одно и то же выражение — беспомощного отчаяния. Не раз и не два Локен проходил через ад с каждым из этих воинов, и подобное состояние его братьев мгновенно рассеяло ярость Локена, оставив вместо него пустоту и скорбь.

Замедлив шаги, он подошел вплотную к Аксиманду.

-- Что вы наделали? -- спросил он. --
Братья, что же вы наделали?

-- Мы сделали то, что было необходимо, -- ответил Абагдон вместо промолчавшего Аксиманда.

Локен проигнорировал Первого капитана.

-- Маленький Хорус? Расскажи, что произошло.

-- Как сказал Эзекиль, мы сделали то, что надо было сделать, -- сказал Аксиманд. -- Боимель умирал, а Вагдон ничем не мог ему помочь. И вот мы доставили его в Дельфос.

-- Дельфос? -- переспросил Локен.

-- Так называется это место, -- пояснил Аксиманд. -- Храм ложу Змеи.

-- Храм?! -- воскликнул Торгагдон. --
Хорус, вы принесли Боимеля в церковь? Вы сошли с ума? Командир никогда не согласился бы на это.

-- Может, и не согласился бы, -- вмешался Сергар Таргост, выйдя вперед и встав рядом с Абагдоном, -- но он уже не

мог даже говорить. Последние несколько часов он проговорил с этой писакой, а потом потерял сознание. Нам пришлось поместить его в стазис-поле, чтобы доставить сюда живым.

-- Тарик прав? -- спросил Локен. -- Это действительно храм?

-- Храм, церковь, Дельфос, дом исцеления, называй, как хочешь, -- пожал плечами, ответил Таргост. -- Воитель лежит на смертном одре, и ни приверженность религии, ни ее отрицание сейчас не имеют значения. У нас осталась одна-единственная надежда, так неужели вы должны были от нее отказаться? Если ничего не предпринять, Воитель умрет. В этом месте у него еще есть шанс выжить.

-- И какую цену вы платите за его жизнь? -- резко спросил Локен. -- Вы сами принесли его в дом лживых богов. Император говорит, что цивилизация может достигнуть расцвета только тогда, когда последний камень последнего храма падет на голову последнего жреца, а вы принесли сюда Воителя! Это противоречит всему, за что мы сражались

на протяжении двух столетий. Как же вы
сами этого не понимаете?

— Если бы Император был здесь, он
поступил бы так же,— сказал Таргост, и
от этой ереси гнев снова овладел Локеном.

Он угрожающе шагнул навстречу
Таргосту.

— Ты считаешь, что можешь
предугадывать волю Императора, Сергар?
Неужели главенство в тайной ложе дает
тебе такие возможности?

— Нет, конечно, — презрительно
устехнулся Таргост. — Но я точно знаю,
что он бы не хотел смерти своего сына.

— И поэтому доверил бы его этим...
дукарем?

— Именно от лож таких дукарей
берет начало наш тайный орден, —
заметил Таргост.

— И это еще одна причина и не
доверять, — бросил Локен, а затем
повернулся к Вунусу и Торгаддону. —
Пошли. Мы заберем Воителя отсюда.

— Это невозможно, — заговорил
Малогарст и, хромая, подошел к Аббаддону.

У Локена создалось впечатление, что

его братья образуют барьер между ним и вратами.

— Что это значит?

— Врата Дельфоса обладают одной особенностью: если они закрылись, открыть их можно только изнутри. Человека, нуждающегося в излечении, приносят сюда и оставляют на попечение вечных духов мертвых вещей. Если они решат, что он должен жить, он сможет самостоятельно открыть врата, если нет, створки разойдутся через девять дней, его останки предадут сожжению, а затем развеют над этим бассейном.

— И вы оставили Воителя внутри? Да с таким же успехом вы могли оставить его и на «Духе лишения». А что такое «вечные духи мертвых вещей»? Что это может означать? Это какое-то безумие, неужели вы сами этого не понимаете?

— Стоять в стороне и смотреть, как он умирает, — вот что было безумием, — сказал Малогарст. — Ты осуждаешь нас за то, что мы любим его. Пойми это.

— Нет, Мал, я не могу вас понять, —

грустно ответил Локен. -- Как вам только
в голову взбрело принести его сюда? Вам
помогли какие-то секретные знания,
которые обладают члены ложи?

Никто из братьев не отвечал, и
Локен, переводя взгляд с одного лица на
другое, внезапно осознал ужасную истину.

-- Эреб? Эреб рассказал вам об этом
месте?

-- Да, -- признал Таргост, -- он давно
знаком с этой ложей и был впечатлен
способностями их жрецов излечивать
больных. Если Воитель выживет, ты
будешь благодарен Эребу за то, что он
рассказал нам о храме.

-- Где он? -- потребовал Локен. -- Он
ответит мне за все!

-- Его здесь нет, Гарви, -- заговорил
Аксиманд. -- Это дело касается Сынов
Хоруса.

-- И все же, где он сейчас? На «Духе
мщения»?

-- Наверно, -- пожал плечами
Аксиманд. -- А почему это для тебя так
важно?

-- Я думаю, братья, что всех вас

просто ввели в заблуждение, -- сказал Локен. -- Теперь только Император способен излечить Воителя. Все остальное -- лживое вероломство и домыслы нечестивых заклинателей трунов.

-- Но Императора нет с нами! -- резко возразил Таргост. -- И мы принимаем любую возможную помощь.

-- Тарик, а что ты скажешь? -- спросил Абагдон. -- Неужели и ты, как Гарви, отречешься от своих братьев по Морнивалю? Иди к нам.

-- Может, Гарви и наивный управец, Эзекиль, но он прав, и я не могу присоединиться к вам в этом деле, -- сказал Торгагдон и вслед за Локеном повернулся к выходу.

-- Вы забыли свои клятвы Морнивалю! -- крикнул им вслед Абагдон. -- Вы обещали хранить верность братству до конца жизни. Вы -- клятвopеступники!

Слова Первого капитана ударили Локена с силой болтерного заряда, и он резко остановился. Клятвopеступник. Сильное слово.

Акситанг бросился к нему, схватил за руку и повернул лицом к бассейну. Движение воздуха вызвало рябь на черной поверхности воды, и Локен увидел в ней пляшущее отражение желтой луны.
Давина.

-- Видишь?! -- крикнул Акситанг. -- Луна отражается в воде, Гарвель. Первая четверть молодой луны... Именно этот символ был прикреплен к твоему шлему после принятия обета Морнивала. Брат мой, это хорошая примета.

-- Примета? -- возмущился Локен, сжимая руку Акситанга. -- С каких это пор ты веришь в приметы, Хорус? Клятва Морнивалю была спектаклем, но это уже обряд. Это колдовство. Я и тогда говорил вам, что не склонюсь ни перед каким храмом и не признаю существование духов. Я говорил вам, что согласен чтить лишь Имперские Истины, и сейчас повторяю то же самое.

-- Прошу тебя, Гарви, -- утешал его Акситанг. -- Мы поступаем правильно.

Локен удрученно покачал головой:

-- Я думаю, мы все будем сожалеть о

том дне, когда принесли сюда Воителя.

Часть третья
ОБУЧЕТЕЛЬ ЛЖИВЫХ
БОГОВ

КТО ТЫ?

РИТУАЛ

СТАРЫЙ ДРУГ

Хорус открыл глаза и улыбнулся, увидев над собой голубое небо. Мирные и спокойные облака, подсвеченные розовыми и оранжевыми лучами, плыли перед его глазами. Несколько мгновений он наблюдал за ними, затем приподнялся и сел, опершись на руки и ощущая под ладонями капли свежей росы. Он обнаружил, что совершенно наг, а подняв руку к лицу, вдохнул сладкий запах травы и хрустальную свежесть воздуха.

Перед ним развернулся пейзаж непревзойденной красоты — величественные горы в снежных шапках, закутанные в темно-зеленые мантии хвойного леса, заслоняли горизонт, а у их подножия широкая пенящаяся река несла ледяные струи. Сотни лохматых травоядных животных паслись на равнине, а в небе

кружили птицы с широкими крыльями. Хорус сидел на отлогом склоне у самого подножия гор, солнце ласково согревало его лицо, и трава казалась удивительно мягкой.

— Так вот оно что, — спокойно сказал он самому себе. — Значит, я умер.

Никто ему не ответил, но он и не ожидал ответа. Так ли происходит со всеми, кто умирает? Он смутно припомнил чьи-то рассказы о древних заблуждениях, о рае и аде, бессмысленных словах, суливших награду за послушание и наказание за грехи.

Хорус вдохнул полной грудью, вбирая в себя благоухание прекрасной земли, аромат свободного и дикого мира, запахи населяющих его живых существ. Бодрящая прохлада наполнила легкие. Он пробовал воздух на вкус и был поражен его чистотой. Но как он сюда попал... И где он?

Он был... где? Хорус ничего не мог вспомнить. Он знал, что его зовут Хорус, но кроме этого — ничего, лишь смутные воспоминания, становившиеся все более далекими и расплывчатыми при каждой

попытке зацепиться за них.

Решив как можно больше узнать о мире, что его окружает, Хорус поднялся на ноги, поморщился от слишком тугой повязки на плече и, опустив глаза, увидел пятно крови, просочившейся сквозь белую туннику из тонкой шерсти. Но разве он не был обнаженным всего несколько секунд назад?

Хорус не стал задумываться над этой загадкой и растеялся:

— Ага не существует, но это место очень похоже на рай.

В горле у него пересохло, и он направился вниз к реке, ощущая тяжесть травы даже сквозь только что появившиеся на ногах сандалии. Река оказалась дальше, чем ему казалось, и прогулка несколько затянулась, но это его не тревожило. Таким прекрасным пейзажем можно было насладиться и подольше. Хотя в глубине сознания билась какая-то настойчивая мысль, он не обратил на нее внимания.

Горы, казалось, доставали до самых звезд, их вершины терялись в облаках, и,

посмотрев на них, он увидел, что пикники извергают в воздух клубы ядовитых газов. Хорус поморгал; остаточное изображение темных, окутанных дымом холмов из железа и бетона обожгло его сетчатку, словно ненароком мелькнувшая в памяти сцена грубого насилия. Он отнес это явление за счет новизны впечатлений и отправился дальше по неровной почве, заросшей высокой травой, ощущая, как хрустят под ногами кости и отходы многовекового производства.

Хорус почувствовал перел в горле и еще больше захотел пить, а химические запахи с каждым шагом становились все сильнее. Он распознал бензол, хлорин, пары соляной кислоты и огромное количество угарного газа — смертельно опасный набор для любого живого существа, кроме него, — и титмоходом удивился, откуда все это ему известно. Река уже совсем рядом, и Хорус пробежал по мелководью, радуясь прохладной свежести, а затем зачерпнул пригоршню влаги.

Ледяная вода обожгла кожу, между пальцами просочились тягучие капли

жидкого жидкого шлака, и он выплеснул жидкость обратно в реку и вытер руки о свой балахон, уже изрядно запачканный сажей и порванный. Хорус посмотрел вверх и увидел, что сверкающие ледяными вершинами горы превратились в громадные башни из меди и железа, нацелившие в небо широкие жерла, словно хищные пасти, способные поглотить и выплюнуть обратно целые армии. Потоки токсичных отходов текли от подножия башен и отравляли реку и долину, где мгновенно увядали и утирала все растения.

Хорус в изумлении отошел от реки, стараясь вернуться на зеленую равнину, что окружала его совсем недавно, и уйти от унылой картины разрушения и отчаяния. Он отвернулся от мрачной скалы из темно-красного и черного железа, с вершиной, закрытой свинцовыми тучами, и грядати бұлыжников и черепов у основания.

Он упал на колени, ожидая ощутить тяжесть травы, но тяжело приземлился на засыпанные неплот обломки железа,

погнав в воздух целые вихри пыли.

— Что здесь происходит?! — закричал Хорус.

Он перекатился на спину и вскрикнул от ужаса, увидев серое небо, перечеркнутое обратительными желтыми и фиолетовыми полосами. Хорус вскочил на ноги и побежал — побежал так, словно от этого зависела его жизнь. Он мчался по равнине, которая меняла свой облик — захватывающая красота превращалась в ночной кошмар, — и не решался верить своим собственным ощущениям.

Хорус добежал до леса. Черные ветви деревьев затрещали под его натиском, перед глазами замелькали высокие башни из стекла и стали, обширные развалины великих соборов и покинутые дворцы, оставленные гнить на многие века.

Над землей пронесся звериный вой, и, как только звук пробился сквозь туман в голове Хоруса, он заметил свой безутный бег. Настойчивый зов, затронувший дальние уголки его мозга, показался ему знакомым.

Тоскливое забывание не утолкло, хор

голосов неся к нему через лес, и Хорус узнал в нем крик волчьей стаи. Он улыбнулся, упал на колени, но резкая боль, пронзившая руку до самой груди, заставила его схватиться рукой за плечо. Боль принесла с собой некоторую ясность, и он обрадовался, стараясь усилием воли вызвать воспоминания.

Волчий вой снова повис в воздухе, и Хорус воззвал к небесам:

— Что со мной происходит?!

Деревья вокруг вздрогнули, из подлеска выскочила волчья стая, не меньше сотни голов, и звери с горящими глазами и оскаленными клыками окружили его. С острых зубов падали клочья пены, а на серой шерсти каждого зверя виднелся странный символ — черный двуглавый орел. Хорус сжал пальцы, но немеющая рука казалась мертвой и отказывалась повиноваться.

— Кто ты? — спросил ближайший волк.

Хорус несколько раз моргнул: ему показалось, что образ зверя на мгновение рассеялся, а под ним мелькнули изгибы доспехов, и одинокий глаз посмотрел в его

лицо.

-- Я Хорус, -- ответил он.

-- Кто ты? -- повторил волк.

-- Я Хорус! -- завопил он. -- Что еще тебе от меня нужно?

-- У меня мало времени, брат мой, -- сказал волк, а остальная стая тревожно закружила вокруг них. -- Ты должен вспомнить, пока он не пришел. Кто ты?

-- Я Хорус, и если я утер, пусть так и будет! -- крикнул он, вскочил на ноги и побежал дальше, вглубь леса.

Волки последовали за ним, прыгали рядом и подстраивались под его шаг, когда он беспорядочно метался в сумерках. Снова и снова в волчьем вое слышался один и тот же вопрос.

Хорус вслепую тчался по лесу, пока, наконец, не выбрался из чащи и не оказался перед широким кратером с крутыми скалистыми берегами, заполненным темной неподвижной водой.

Небо над головой было темным и беззвездным, и ярко-белая луна сияла на его фоне драгоценным бриллиантом. Он прищурился и поднял руку, чтобы

заслонить глаза от яркого света, но продолжал всматриваться в темные воды, ожидая, что из их ледяной глубины вот-вот появится нечто ужасное.

Затем он оглянулся и увидел, что волки тоже выбежали из-под полога леса, и Хорус побежал по склону, а волчий вой преследовал его до самой кромки кратера. Далеко внизу неподвижно стояла темная вода, словно черное зеркало, и отражение луны приковало его внимание.

Волки опять завyli, Хорус ощутил непреодолимый зов зияющей перед ним темной водной глади. Он увидел отражение луны, услышал, как волчий голос объединился в последнем вопросе, и ринулся в бездну.

В ушах засвистел воздух, перед глазами все слилось, а воспоминания бешено закружились в голове.

Луна, волки, Лунеркаль.

Луна... Волки...

Внезапно все стало на свои места, и он закричал:

— Я Хорус, командир Лунных Волков и наместник Императора, и я жив!

Хорус ударился о воду, и она взорвалась, словно осколки темного стекла.

Дрожащий свет наполнял зал золотым сиянием, потрескавшиеся каменные стены украшали морозные узоры, а дыхание культистов расплывалось белыми облачками. Акиаб куском известняка нарисовала на каменной плите круг с восемью острыми выступами. В центре окружности распростерся изуродованный труп одной из помощниц гавинитской жрицы.

Эреб пристально наблюдал, как служители ложы занимают места на границе круга. Он хотел удостовериться, что все стадии ритуала будут выполнены с неукоснительной точностью. Потерпеть неудачу теперь, когда он потратил столько усилий, чтобы привести Воителя в подобающее состояние, было бы катастрофой. Хотя Эреб сознавал, что его участие в свержении Воителя было всего лишь одним из миллиона событий, начавшихся несколько тысяч лет назад.

Сегоднешнее действо должно стать кульминационной точкой в цепочке миллиардов на первый взгляд не связанных между собой случайностей, которые привели их всех в этот захолустный мир.

Эреб предвидел, что все должно измениться. Очень скоро Давин станет легендарным местом.

Потайной зал в самом сердце Дельфоса был скрыт от любопытных глаз мощными магическими заклинаниями и изолированными устройствами недовольных своей участью тараланских механикумов. Они с радостью приняли знания, предложенные им Несущими Слово, — знания, запрещенные Императором.

Акиаб встала на колени, рассекала грудь мертвой прислужницы и опытной рукой вырезала еще теплое сердце из тела. Отрезав кусочек, она протянула сердце Тсефе, ее другой помощнице.

Окровавленный орган пустили по кругу, и каждый из слугителей отрывал кусочек плотной красной массы. Как только очередь дошла до него, Эреб принял жуткие останки в свои руки. Он

проглотил все, что осталось, ощущая во рту вкус крови, а в мыслях — последние эмоции погибшей девушки в тот момент, когда коварный кинжал оборвал ее жизнь. Это предательское убийство было совершено во славу Архитектора Судеб, ужасающая трапеза посвящена Кровавому Богу, а насильственное совокупление обреченной прислужницы с больным развратником должно было привлечь силы Темного Принца и Повелителя Распада.

Кровь образовала лужицу вокруг мертвого тела, стекла струйками по высеченным в камне желобкам и просочилась в небольшое углубление в центре круга. Эреб знал, что без крови не обойтись — она богата жизненными силами и связана с божественным могуществом. А как еще можно привести в действие эти силы, если не при помощи жизненной жидкости, несущей их благословение?

— Дело сделано? — спросил Эреб.

Акшаб кивнула и подняла глиняный кинжал, которым вырезала сердце.

— Сделано. Могущество Тех, Кто Обитает Вдали, теперь с нами. Но мы

должны действовать быстро.

— Акшаб, почему мы должны торопиться? — спросил он, кладя ладонь на рукоять меча. — Надо все сделать правильно, а не то нам всем грозит гибель.

— Я это знаю, — сказала жрица. — Наблюдается еще одно вмешательство, это одноглазый призрак, который странствует между тирати и стремится вернуть сына своего отца.

— Магнус, старый змей, — усмехнулся Эреб, поглядывая на потолки зала. — Ты нас не остановишь. Ты слишком далеко, а Хорус уже проделал большую часть пути. Я это предвидел.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Акшаб.

— С одноглазым призраком. Ты сама сказала о его появлении.

— Да, но он не здесь, — поправила его Акшаб.

Устав от загадочных намеков жрицы, Эреб начал сердиться.

— Так где же он?

Акшаб подняла руку и легонько

стукнула по голове плоской стороной кинжала.

— Он разговаривает с сыном, но не в состоянии поговорить с ним напрямую. Я чувствую, как призрак течет вокруг храма и пытается разрушить магию, сдерживающую его силы.

— Что? — вскричал Эреб.

— Ему это не удастся, — сказала Акшаб и подошла к Эребу, держа кинжал в вытянутой руке. — Я долгие годы странствовала в потустороннем царстве, а его знания ничтожны по сравнению с нашими.

— Акшаб, ради твоей безопасности, пусть это будет правдой.

Жрица растеялась и опустила кинжал.

— Воин, твои угрозы здесь ничего не значат. Я могу одним словом заставить твою кровь закипеть или разорвать твоё тело изнутри усилием воли. Ты нуждаешься в моей помощи, чтобы проникнуть в потусторонний мир, а как ты собираешься вернуться, если я погибну? Твоя душа навеки будет обречена

считаться в бездне, и ты не настолько
разъярен, чтобы не опасаться подобной
судьбы.

Внезапная властность ее голоса не
понравилась Эребу, но он знал, что жрица
права, и решил убить Акшаб после того,
как цель будет достигнута. Пока он
предпочел сдерживать свой гнев.

-- Тогда давай начнем, -- сказал он.

-- Очень хорошо, -- кивнула жрица, и по
ее знаку Тсефа вышла вперед, чтобы
нанести на лицо Эреба кристаллическую
сурьму.

-- Это для отвода глаз?

-- Да, -- кивнула Акшаб. -- Это
средство расстроит его чувства, и он не
узнает тебя. Вместо тебя он увидит
знакомое и любимого друга.

Эреб устехнулся тонкой иронией
складывающейся ситуации и закрыл глаза,
позволяя Тсефе припудрить себе лоб и
щеки сильно пахнущим серебристо-белым
порошком.

-- Для успешного действия заклинания,
позволяющего тебе перенестись в бездну,
необходимо выполнить еще одно условие, --

сказала Акишаб.

— Какое еще условие? — внезапно заподозрив что-то, спросил Эреб.

— Твоя смерть! — воскликнула Акишаб и перерезала ему горло.

Хорус открыл глаза и улыбнулся, увидев над собой голубое небо. Мирные и спокойные облака, подсвеченные розовыми и оранжевыми красками, плыли перед его глазами. Несколько мгновений он наблюдал за ними, затем приподнялся и сел, опершись на руки и ощущая под ладонями капли свежей росы. Он обнаружил, что на нем полный боевой комплект доспехов снежно-белого цвета. Поднял руку к лицу и вдохнул сладкий запах травы и хрустальную свежесть воздуха.

Перед ним развернулся пейзаж непревзойденной красоты — величественные горы в снежных шапках, закутанные в темно-зеленые мантии хвойного леса, заслоняли горизонт, а у их подножия широкая пенящаяся река несла ледяные струи. Сотни лохматых травоядных животных паслись на равнине, а в небе

кружили птицы с широкими крыльями. Хорус сидел на отлогом склоне у самого подножия гор, солнце ласково согревало его лицо, и трава казалась удивительно мягкой.

— Пронаги все пронагом! — воскликнул он, вставая. — Я знаю, что не умру. Но что происходит?

И снова никто не отозвался, хотя на этот раз он ожидал ответа. Мир вокруг благоухал свежестью, но вместе с осознанием личности к Хорусу пришло и понимание фальши этого места. Вокруг не было ничего настоящего — ни гор, ни реки, ни лесов, ни равнины, хотя в этом ему чудилось нечто странно знакомое.

Он вспомнил мрачный пейзаж, скрывающийся под этой иллюзией, и обнаружил, что при желании может рассмотреть кошмарные картины под видимой красотой лежащего перед ним мира.

Хорус вспомнил свои размышления — кажется, что с тех пор прошла целая вечность, — об этом месте как о нематериальном мире между раем и адом.

но сейчас подобная идея его только
расстелила. Он давно уже утвердился в
мысли, что Вселенная состоит из
материи и кроме материи ничего больше
не существует. Вселенная объемлет все, и
потому ничто не может находиться вне
Вселенной.

Ему хватило ума понять, почему
некоторые древние теологи утверждали,
что варн и есть ад. Он понимал их доводы,
но знал, что эмпирики не могут
относиться к метафизическим понятиям.
Это всего лишь эхо материального мира,
где обретаются случайные завихрения
энергии и странные формы злобных
порождений космоса.

Как ни приятна была уверенность в
этой аксиоме, она не давала ответа на
мучивший его вопрос: где же он оказался?

Как он попал в это место? Последнее,
что он помнил, это разговор с
Петронеллой в аптекарском, когда он
рассказывал ей о своей жизни, надеждах и
разочарованиях, о своих опасениях за судьбу
Галактики. Он говорил совершенно
откровенно в полной уверенности, что это

его прощальная исповедь.

Изменить прошлое он не в состоянии, но будь он проклят, если не доконается до сути того, что происходит с ним теперь. Может быть, это лихорадочный бред, вызванный ранившим его оружием? Возможно, меч Тембы был отравлен? Хорус без колебаний отверг это предположение. Ни один яд не мог подействовать на него с такой силой.

Он огляделся по сторонам: волчьей стаи, преследовавшей его по темному лесу, нигде не было видно, зато Хорус вспомнил показавшийся знакомым облик, проглянувший из-под волчьего окала. На короткий миг вожак стаи стал похож на Магнуса, но ведь его брат наверняка вернулся на Просперо и зализывает раны после Никейского Совета.

Что-то случилось на спутнике Давина, но Хорус никак не мог понять, что именно. Плечо все еще болело, и он подвигал рукой, чтобы размять мышцы, но от этого рана только сильнее заняла. Он снова ощутил жажду и направился к реке, несмотря на то, что находился в

призрачном царстве.

Выйдя на склон, плавно спускавшийся к воде, Хорус резко остановился в изумлении: в реке, лицом вниз, плавал воин Астартес в боевых доспехах. Волны принесли тело на мелководье, а теперь баюкали его, плавно поднимая и опуская. Хорус поспешил вниз.

Он с шутот и брызгами шагнул в воду, ухватился за наплечники и перевернул тело.

Хорус ахнул, увидев, что воин еще жив и, более того, хорошо ему знаком.

Превосходный человек, как описывал его Локен, превосходный воин, вызывавший восхищение у всех, кто его знал. Еще его называли благороднейшим героем Великого Крестового Похода.

Гастур Сеянус.

Локен в гневе зашагал прочь от храма. То, что сделали его братья, привело его в ярость, но еще больше он сердился на самого себя: он должен был предвидеть, что у Эреба имеются далекоидущие планы и простого убийства

Воителя ему недостаточно.

Кровь в венах бурлила от желания вытряхнуть душу из преступника, но Эребба не было поблизости, и никто не мог сказать, где он находится. Торгаддон и Винус шагали за ним по пятам, и даже сквозь пелену бешенства Локен ощущал их негодование. Они не поняли, что произошло перед закрытыми воротами Дельфоса.

— Проклятье, что здесь происходит? — спросил Винус, когда они вышли на вершину лестницы. — Гарви, что случилось? Неужели Первый капитан и Маленький Хорус теперь наши враги?

Локен покачал головой:

— Нет, Неро, они, как и прежде, наши братья. Просто их использовали. И я думаю, всех нас тоже.

— Эреб? — спросил Торгаддон.

— Эреб? — удивился Винус. — А при чем тут он?

— Гарвель считает, что Эреб замешан в том, что случилось с Воителем, — сказал Торгаддон.

Локен метнул на него сердитый взгляд.

-- Ты шүтишь?

-- Только не сейчас, Неро, -- ответил

Торгаддон.

-- Тарик, -- одернул его Локен, -- говори тише, иначе тебя услышат все вокруг.

-- И что с того, Гарви? -- прошипел Торгаддон. -- Если за всем этим стоит Эреб, пусть все об этом знают. Надо его разоблачить.

-- Мы так и сделаем, -- пообещал Локен, наблюдая за появившимися у входа в ущелье огоньками колонны транспортных, над которыми они недавно пролетали.

-- И что теперь делать? -- спросил Винус.

На этот вопрос у Локена еще не было ответа. Им необходимо собрать как можно больше информации и только потом действовать. Но надо торопиться. Он постарался успокоиться и сосредоточиться.

Ему нужны ответы, но сначала необходимо было определить, какие задавать вопросы. Он знал лишь одного человека, который всегда мог разобраться в путанице его мыслей и направить в

нужную сторону.

Локен сбежал вниз по ступеням и повернул к оставленному «Громовому ястребу». Торгаддон, Вунус и воины отделения Локасты следовали за ним. У подножия лестницы Локен остановился.

— Вам двоим придется остаться здесь. Наблюдайте за храмом и проследите, чтобы не случилось ничего плохого.

— Что ты имеешь в виду под «плохим»? — спросил Вунус.

— Я и сам точно не знаю, — признался Локен. — Просто проследите, чтобы... не случилось ничего плохого. Ты меня понял? И немедленно свяжитесь со мной, если вдруг заметите Эреба.

— А ты куда направляешься? — поинтересовался Торгаддон.

— Я возвращаюсь на «Дух тищения».

— Зачем?

— Чтобы получить ответы на некоторые вопросы.

— Гастур! — вскричал Хорус, падая на колени.

Сеянус неподвижно повис на его руках, но по бьющемуся на горле пульсу и цвету лица Хорус понял, что воин еще жив. Он поднял его на руки и понес на берег, размышляя по дороге, не была ли эта неожиданная встреча еще одной иллюзией загадочного мира и не представляет ли старый друг для него угрозы.

После пары толчков в грудь Сеянус закашлялся, выплевывая воду, и Хорус перевернул его на бок. Он знал, что строение организма Астартес почти исключает для него возможность утонуть.

— Гастур, это действительно ты? — спросил Хорус, хотя и сознавал, что в этом мире такой вопрос скорее всего не имеет никакого смысла.

Но радость встречи со старым другом затмила все доводы разума. Хорус хорошо помнил, как горяча была боль потери, когда его любимый сын был предательски заколот на ониксовом полу во дворце самозванного императора планеты Шестьдесят Три Девятнадцать. И невозможно было утратить собственную уроженцам Хтонию жажду

кровавого возмездия.

Сеянус выплюнул последние капли воды и, приподнявшись на локте, жадно набрал в легкие чистого воздуха. Его рука метнулась к горлу, словно Гастур там что-то искал, но не нашел, к своему немалому облегчению.

-- Мой сын, -- произнес Хорус, и Сеянус обратил к нему лицо.

Он был точно таким, каким Воитель его помнил, -- воплощением совершенства в каждой черточке. Благородное чело, широко расставленные глаза и прямой нос придавали ему такое сходство с Хорусом, что он мог показаться его зеркальным отражением.

При виде серебристого блеска знакомых глаз Хорус убедился, что это действительно его старый друг, и все мысли о возможных угрозах мгновенно рассеялись. Как стало возможным его возрождение, оставалось тайной, но Хорус не собирался задавать вопросы о чуде, чтобы его не спугнуть.

-- Командир! -- воскликнул Сеянус и встал, чтобы обнять Хоруса.

-- Ты не поверишь, парень, как я рад тебя видеть, -- сказал Воитель. -- Вместе с тобой утерла и часть моей души.

-- Я знаю, сэр, -- ответил Сеянус, едва они разжали крепкие объятия. -- Я чувствовал ваше горе.

-- Мальчик мой, твое появление меня несказанно обрадовало, -- продолжал Хорус, отступив на шаг, чтобы окинуть безупречного воина восхищенным взглядом. -- Мое сердце переполнено восторгом, но как это может быть? Я видел, как ты утер.

-- Верно, -- согласился Сеянус. -- Но, говоря по правде, моя гибель стала для меня благословением.

-- Благословением? Как это?

-- Она открыла мне глаза на Вселенную и освободила от оков предрассудков живых существ. Теперь смерть больше не является неведомой областью, мой господин. Я смог вернуться из этого странствия.

-- Как же тебе это удалось?

-- Они послали меня за вами, -- сказал Сеянус. -- Мой дух, слабый и бессильный,

затерялся в бездне, но теперь я вернулся, чтобы помочь вам.

В душе Хоруса боролись противоречивые чувства; слова Сеянуса о духах и бездне возбудили тревожную подозрительность, но снова увидеть его живым, даже если он и не настоящий, было так приятно, что ради этого стоило проявить терпение.

— Ты сказал, что намерен мне помочь? Тогда начни с того, что помоги понять этот мир. Где мы находимся?

— У нас мало времени, — сказал Сеянус, поднимаясь на склон, господствующий над равниной, и беспокойно оглядываясь. — Он скоро будет здесь.

— Я не в первый раз это слышу за последние несколько часов, — заметил Хорус.

— От кого еще вы это слышали? — резко спросил Сеянус, повернувшись к Хорусу с самым серьезным видом.

Настойчивый тон вопроса несколько удивил Хоруса.

— Мне это сказал волк, — все же ответил он. — Я понимаю, что это звучит

стехотворно, но волк в самом деле со мной
разговаривал.

– Я верю вам, сэр, – сказал Сеянус. – У
потому нам надо двигаться дальше.

Хорус почувствовал странную
уклончивость, которой никогда раньше не
замечал в характере Сеянуса.

– Гастур, ты увиливаешь от моего
вопроса. Скажи, где мы находимся.

– Мой господин, у нас совсем нет
времени, – настаивал Сеянус.

– Сеянус! – рявкнул Хорус
командирским голосом. – Ответь на мой
вопрос.

– Хорошо, хорошо, – согласился
Сеянус. – Но будем говорить кратко,
поскольку ваше тело лежит на смертном
огне в стенах Дельфоса на Давине.

– Дельфоса? Я никогда о нем не
слышал, и это место совсем не похоже на
Давин.

– Дельфос – это священное место для
членов ложи Этеи, – сказал Сеянус. – Это
дворец исцеления. В переводе с древнего
языка Земли название звучит как «утроба
матери», и здесь люди обретают исцеление и

обновление. Ваше тело осталось в зале Космической Оси, а дух больше не связан с плотью.

-- Так, значит, мы не в реальном мире? -- спросил Хорус. -- Этого места нет в реальности?

-- Нет.

-- Тогда это варп, -- произнес Хорус, наконец признавая то, что уже давно подозревал.

-- Правильно. Ничего этого в реальности не существует, -- сказал Сеянус, обводя рукой окрестности. -- Все, что вы видите, это только фрагменты вашей воли и воспоминаний, которые заставили бесформенную энергию варпа обрести подобные очертания.

Внезапно Хорус понял, где он мог раньше видеть эти места. В памяти возникла удивительная модель геофизической карты Терры, найденной на глубине десяти километров под вытершимся миллиардом лет десять назад. Модель воспроизводила не ту планету, которую они знали, а Терру гораздо более раннего периода, с зелеными лугами и лесами.

чистыми морями и свежим воздухом.

Он взглянул вверх, почти ожидая увидеть в небе любопытствующие лица, наблюдающие за ними, словно студенты, изучающие колонию муравьев, но небеса были пусты, хотя и затянулись неестественно темной дымкой. Мир на глазах менял свой облик, превращаясь в бесплодные пустоши.

Сеянус проследил за его взглядом.

— Начинается, — произнес он.

— Что — начинается? — спросил Хорус.

— Ваше тело и разум умирают, и этот мир готов разрушиться и превратиться в Хаос. Вот почему они позволили мне прийти; я должен направить вас на истинный путь, который позволит вернуть вам тело.

Сеянус не успел договорить, а небосклон уже угрожал, и в разрывах между облаками Хорус уловил сполохи бурлящего океана Уматериума.

— Ты все время говоришь «они», — заговорил Хорус. — Но кто это, и почему они так заинтересованы во мне?

— В варне существуют великие умы, —

пояснил Сеянус, бросая тревожные взгляды на распадающийся небосклон. -- Они общаются совсем другими способами, нежели ты, и потому могут связаться с вами только через меня.

-- Гастур, мне все это не слишком нравится, -- недовольно заметил Хорус.

-- Там нет никакой враждебности. Да, они обладают могуществом и властью, но в варне нет никакой злобы, просто желание существовать. События, происходящие в нашей Галактике, разрушают их царство, и правящие там силы выбрали вас на роль их эмиссара в отношениях с материальным миром.

-- А что если я не захочу стать их эмиссаром?

-- Тогда вы умрете, -- сказал Сеянус. -- Сейчас только они в состоянии сохранить вам жизнь.

-- Если они настолько могущественны, для чего им нужен я?

-- Они могущественны, но они не могут существовать в материальной Вселенной, а потому вынуждены действовать через эмиссаров, -- ответил

Сеянус. -- Вы сильны и честолюбивы, и они знают, что в Галактике нет никого более могучего или подходящего для того, что должно свершиться.

И хотя похвалы затронули чувствительную струнку в его душе, Хорусу не понравилось то, что он услышал. Он не чувствовал лжи в словах Сеянуса, хотя внутренний голос предупреждал, что этот воин с серебристыми глазами не может быть настоящим Сеянусом.

-- Их не интересует материальная Вселенная, для них это проклятие, они только хотят уберечь свое царство от разрушения, -- продолжал Сеянус, а тем временем иллюзорный рай рассеялся, вернулось зловоние разлагающихся химических отходов, разносимое резким ветром. -- В обмен на вашу помощь они готовы поделиться частицей своего могущества и указать способы осуществить самые честолюбивые мечты.

Хорус заметил, что в окружающем их мире усилился блеск железа и меди, увидел, как варп прогоняет последние блики иллюзии. Но земле прошли

прещины, в которых блеснул темный огонь, и где-то поблизости снова раздался волчий вой.

-- Нам надо спешить! -- крикнул Сеянус, заметив возле распадающейся чащи волчью стаю.

Хорусу же в их тоскливом вое слышался отчаянный призыв.

Сеянус бегом спустился обратно к реке, и в этот миг из бурлящих вод поднялся мерцающий прямоугольник света. Странное бормотание и шепот слышались из-за световой завесы, и Хоруса охватило зловещее предчувствие. Он отвел взгляд от таинственного светящегося прямоугольника и оглянулся на волков.

-- Я не уверен, что мне это нравится, -- сказал Хорус, а с потемневшего неба уже упали первые капли кислотного дождя.

-- Вперед, врата -- наш единственный выход отсюда! -- закричал Сеянус, направляясь к свету. -- Как однажды сказал великий человек, «высокий гений презирает проторенные пути -- он ищет неизведанные

тропы».

— Ты цитируешь мне мои же слова! — воскликнул Хорус, перекрикивая порывы завывающего ветра.

— Почему бы и нет? Ваши слова будут цитировать еще долгие века.

При мысли о том, что его высказывания достойны цитирования, Хорус устехнулся и шагнул вслед за Сеянусом.

— Куда ведут эти врата? — спросил он, оставляя за спиной вой ветра и волчьей стаи.

— К истине, — ответил Сеянус.

Когда солнце окончательно опустилось за горизонт, кратер начал заполняться; сотни транспортных средств самых различных конструкций прибывали из имперской зоны в Дельфос. Давиниты наблюдали за движением грандиозной процессии со смесью удивления и замешательства, а пассажиры, покидая машины, направлялись к храму Дельфоса.

Всего за какой-нибудь час вокруг здания собрались тысячи людей, но их

поток не иссякал, и толпа увеличивалась с каждой минутой. Большинство вновь прибывших бесцельно слонялись у подножия лестниц.

Огни машин освещали забытое ущелье и стены кратера, и едва ночь опустилась на Давин, воздух наполнился молитвенными песнопениями во славу Воителя и мерцание тысяч зажженных свечей слилось со светом факелов и фара, окружавших позолоченный Дельфос.

ОТВЕРГНУТ ОЖИВШАЯ МИФОЛОГИЯ ПРИМАГЕНЕЗИС

Переход через врата света оказался не труднее, чем переход из одной комнаты в другую. Всего мгновение назад Хорус был в мире, готовом расколоться, а теперь стоял среди плотной толпы на большой круглой площади, окруженной высокими башнями и роскошными зданиями императора. На площади собрались тысячи людей, и, поскольку Хорус был вдвое выше самого высокого из них, он мог видеть, что еще столько же народу стремилось попасть на площадь с девятью расходящихся лучами улиц.

Странно, но никто из присутствующих как будто не заметил, что среди них появились два могучих воина. В центре площади высилась группа статуй, высоко на стенах зданий были установлены ржавые растреды

огромных говорителей, из которых доносились протяжные песнопения, звон многочисленных колоколов. Людская масса кружила по площади, и центром круговорота были статуи.

— Где это мы? — спросил Хорус, глядя поверх голов на увешанные изображениями орлов фасады зданий, на их золоченые шпили и колоссальные витражи.

Каждый дом словно соревновался с соседними в роскоши убранства и высоте, и на вкус Хоруса, предпочитавшего строгие классические пропорции и элегантность, этот стиль можно было назвать вульгарным.

— Я не знаю, как называется это место, — сказал Сеянус, — но помню, что я здесь увидел. Как мне кажется, это один из миров поклонения.

— Мир поклонения? Поклонения чему?

— Не чему, — поправил его Сеянус, указывая на группу статуй в центре площади, — кому.

Хорус более пристально взгляделся в огромные статуи, окруженные людским потоком. По внешнему кругу стояли

фигуры воинов, высеченные из белого мрамора, и каждый был облачен в полный боевой комплект доспехов Астартес. Они обступили величественную центральную фигуру, тоже облаченную в доспехи, золотые, сверкавшие множеством драгоценных камней. В поднятой руке этой фигуры горел факел, освещавший все вокруг. Символика композиции была достаточно ясна — центральная фигура несет людям свет, а окружающие воины защищают факелоносца.

Золотой воин наверняка был каким-то королем или героем, черты его лица говорили о благородном происхождении, хотя скульптор и увеличил его фигуру до гротескных пропорций. Статуи воинов, окружавших центральную фигуру, также казались преувеличенными.

— И кого изображает эта золотая статуя? — спросил Хорус.

— А вы его не узнали? — удивился Сеянус.

— Нет. А должен?

— Давайте подойдем поближе.

Сеянус стал проталкиваться сквозь

толпу, и Хорус пошел за ним к центру площади. Люди расступались перед двумя воинами, даже не удостоивая их взглядом.

— Эти люди не видят нас? — спросил Хорус.

— Нет, — ответил Сеянус. — А если и видят, то мгновенно забывают о нашем присутствии. Мы движемся среди них подобно призракам, и никто никогда не вспомнит об этом.

Хорус остановился перед мужчиной, одетым в изношенный хитон и едва передвигающим стертые в кровь ноги. На голове паломника была выбрита тонзура, а в руке он держал пучок резных костяных палочек, попарно связанных бечевкой. Одиный глаз у него был закрыт окровавленной повязкой, и глинная полоска пергамента, приколотая к хитону, волочилась по земле.

Мужчина даже не остановился, а лишь свернул в сторону, чтобы обойти препятствие, но Хорус протянул руку и не дал ему пройти. И снова человек попытался свернуть, но тщетно.

— Прошу вас, господин, — заговорил мужчина, не поднимая головы, — я должен

пройти.

— Зачем? — спросил Хорус. — Что ты делаешь?

На лице человека появилось озадаченное выражение, словно он никак не мог понять суть вопроса.

— Я должен пройти, — повторил он.

Бесмысленность ответа рассердила Хоруса, и он раздраженно отступил в сторону, освобождая дорогу. Человек склонил голову в поклоне.

— Император да пребывает с вами, господин, — произнес он.

При этих словах по спине Хоруса пробежала холодная дрожь предчувствия. В его голове зародилась ужасная догадка, и он ринулся к статуям, расталкивая пассивную толпу. Он быстро поравнялся с Сеянусом, уже вступившим на императорный цоколь у подножия скульптурной композиции, где пара гигантских бронзовых орлов распластала крылья по императору высокого круглого постамента.

Рослый и очень толстый служитель в сверкающей ризе и высокой митре из серебра и золота громко читал текст из

большой книги в кожаном переплете. Через серебряные руноры, которые держали над его головой повисшие в воздухе существа, похожие на крылатых детей, голос чтеца разносился по всей площади.

Хорус подошел ближе и увидел, что слугитель был человеком только выше пояса. Нижняя часть корпуса представляла собой сложную систему шипящих поршней и латунных стержней, которые соединяли его с трибуной. Присмотревшись, Хорус понял, что своеобразная кафедра стоит на колесной раме.

Он недолго рассматривал слугителя и быстро перевел взгляд на статуи, наконец, получив возможность увидеть их вблизи.

Их лица трудно было узнать тому, кто знал героев так хорошо, как знал их Хорус, но и ошибиться в определении личностей было невозможно.

Ближе всех стоял Сангвиний, с распростертыми крыльями, похожими на крылья орлов, украшавших каждое здание вокруг площади. Рядом с повелителем Ангелов, в сени его крыл, стоял Розал

Дорн, и не узнать его было нельзя. Фигура с другой стороны не могла быть не кем иным, как Леманом Руссом, с буйной императорской гривой и волчьей шкурой на широких плечах.

Хорус обошел вокруг группы статуй и узнал остальных: Жиллимана, Коракса, Лиона, Ферруса Маннуса, Вулкана и, наконец, Джагатая Хана.

Теперь не оставалось никаких сомнений в личности центральной фигуры, и Хорус взглянул в лицо Императора. Несомненно, жители этого мира считали изображение величественным, но Хорус узнал, как далеко ему до оригинала, и понимал, что невозможно передать в скульптуре исключительный динамизм и силу личности Императора.

Хорус поднялся на цоколь и с этой небольшой высоты посмотрел на медленно кружившую по площади толпу людей, пытаясь угадать, что они здесь делают.

«Паломники», — неожиданно вспыхнуло в мозгу почти забытое слово.

Кричаще украшенные здания вокруг площади и колоссальные толпы

паломников превращали это место не просто в памятник, а в нечто большее.

-- Это место поклонения, -- сказал Хорус, когда Сеянус тоже подошел к подножию статуи Коракса -- холодный император хорошо воплощал молчаливого брата Хоруса.

Сеянус кивнул.

-- Весь этот мир предназначен для прославления Императора, -- добавил он.

-- Но почему? Император не является богом. Он потратил не одно столетие, чтобы освободить человечество от оков религии. В этом нет никакого смысла.

-- Правильно, если смотреть с той точки времени, где находились мы. Но если события будут развиваться тем же порядком, Империям станет таким, -- сказал Сеянус. -- Император обладает даром предвидения, и он видел будущее.

-- С какой целью?

-- Он истреблял все древние верования, чтобы со временем новый культ легко мог заменить их все.

-- Нет, -- возразил Хорус. -- Я не могу в это поверить. Мой отец всегда отрицал

любое упоминание о божественности своей личности. Однажды он сказал о древней Земле: на ней жили учителя, которых можно назвать факелами, но были и жрецы, гасившие огонь просвещения. Он никогда бы не стирился с этим.

-- И все же весь этот мир является собой храм Императора, -- настаивал Сеянус. -- И он не единственный.

-- Есть еще миры, похожие на этот?

-- Сотни, -- кивнул Сеянус, -- может быть, тысячи.

-- Но Император лично пристыдил Лоргара за подобное поведение, -- настаивался Хорус. -- Легион Несущих Слова возвел множество монументов в честь Императора и подвергал гонениям не один народ за недостаток веры. Но Император здесь ни при чем, он утверждает, что Лоргар позорит его подобными действиями.

-- Тогда он еще не был готов к поклонению -- он не обладал контролем над Галактикой. Вот почему он нуждался в вас.

Не в силах опровергнуть

прозвучавшие слова, Хорус отвернулся от Сеянуса и взглянул в золотой лик своего отца. В любой другой момент он сбил бы Сеянуса с ног за подобное предположение, но окружающий мир свидетельствовал не в его пользу.

Он снова повернулся к Сеянусу.

— Здесь изображены лишь некоторые из моих братьев, но где же остальные? У кого я?

— Я не знаю, — отвечал Сеянус. — Я много раз бывал здесь, но ни разу не видел вашего изображения.

— Я же избранный наместник! — вскричал Хорус. — Я сражался ради него в тысячах битв. Кровь моих воинов алеет на его руках, а он игнорирует меня, словно я никогда не существовал?

— Император отрекся от вас, Воитель, — продолжал Сеянус. — Скоро он отвернется и от своего народа, чтобы занять место среди богов. Он заботится только о себе, о своей власти и славе. Все мы были обмануты. В его великих замыслах для нас не нашлось места, и со временем он презрительно отвергнет нас,

чтобы вознестись к божественным
высотам. В то время как мы выигрывали
для него одну войну за другой, он тайно
черпал силы в варне.

Тягучие песнопения слугителя
жреца, как понял Хорус, — продолжались, и
паломники все так же медленно кружили
вокруг статуи своего бога, а слова Сеянуса
колоколом бились в мозг.

— Этого не может быть, — прошептал
Хорус.

— Что остается такой
могущественной личности, как
Император, после того, как он покорит
Галактику? Что может его привлечь,
кроме статуса божества? И какая ему
польза от тех, кого придется оставить
позади?

— Нет! — закричал Хорус, прыгнув с
возвышения и одним ударом свалил жреца
на землю.

Автоматический гибридный проповедник
и машины оторвался от своей кафедры и,
пронзительно воя, остался лежать,
истекая кровью и маслом. Через трубы
парящих в воздухе джетов его крики

разнеслись по всей площади, но никто из людей, похоже, не собирался ему помочь.

Хорус покинул Сеянуса, все еще стоявшего на ступеньке, и в слепой ярости бросился в толпу. И снова люди расступались перед его стремительным порывом, не обращая никакого внимания на его бегство, как не заметили и появления. Спустя несколько мгновений он добрался до края площади и, не глядя, свернул наугад в одну из отходящих улиц. И там было полно людей, но они игнорировали его, и Хорус продолжал бежать, видя перед собой восторженные лица, обращенные к образу Императора.

Покинув Сеянуса, Хорус понял, что остался совершенно один. И опять где-то вдали прозвучал вой волчьей стаи, словно они продолжали звать его по имени. Он остановился посреди многолюдной улицы, прислушался, но токливый зов прекратился так же внезапно, как и возник.

Пока он стоял, людской поток плавно обогнул его, и снова Хорус понял, что никто не проявляет к нему ни малейшего

интереса. Никогда еще, с тех пор как расстался с отцом и братьями, он не чувствовал себя таким одиноким. Внезапно Хорус осознал степень своего тщеславия и гордости, вспомнив, как наслаждался восхищением окружающих. С этими мыслями вернулась резкая боль.

Каждое лицо вокруг него выражало слепое преклонение перед тем, кто был увековечен в статуях, каждый паломник благоговел перед тем, кого Хорус звал своим отцом. Неужели эти люди не понимают, что победы, принесшие им свободу, завоеваны его, Хоруса, кровью?

Там должна стоять статуя Воителя, окруженного своими братьями-примархами, а не статуя Императора!

Хорус схватил ближайшего фанатика за плечи и начал трясти:

— Он не бог! Он не бог!

Шея паломника звучно хрустнула, и Хорус почувствовал, как в его железной хватке треснули плечевые кости. Ужаснувшись, он отбросил мертвое тело и побежал дальше по лабиринту улиц, наугад выбирая направление, словно хотел

спрятаться от самого себя.

Каждый лихорадочный поворот приводил его на очередную улицу, заполненную паломниками, склоняющими головы перед могуществом Бога-Императора. Каждый камень мостовой был исписан хвалебными молитвами, реликварии поднимались на километровую высоту, и целые леса мраморных колонн несли на себе резные изображения бесчисленных святых.

Время от времени на улицах встречались фанатики; один из них утешивал плоть хлыстами, а другой держал на вытянутых руках два шарфа из оранжевой ткани и кричал, что никогда не наденет их. Ни в том ни в другом действии Хорус не видел никакого смысла.

Над этой частью города преклонения летали огромные корабли и чудовищно раздутые дирижабли со сверкающими медью винтами и большими турбинными двигателями. С их раздутых серебристых боков свисали молитвенные знамена, а из черных дыма, напоминающих форму эбонитовых череп, неслись протяжные

зилны.

Хорус проходил мимо гигантского мавзолея, когда из его темной сводчатой двери вылетела стая белокожих ангелов с бронзовыми крыльями и опустилась в собравшуюся перед входом толпу. Ангелы с мрачными лицами зависли над рыдающими людьми, а иногда выдерживали из массы паломников самого иступленного и под восторженные крики молящихся уносили его под сумрачные своды мавзолея.

Хорус замечал, что каждый оконный витраж, каждое резное украшение на двери прославляло смерть, и торжественные погребальные песнопения звучали из труб летающих детей, похожих на хищных птиц. На развешивающихся знаменах стучали костяные четки, и ветер свистел в пустых глазницах черепов, выставленных в ритуальных шкатулках на высоких бронзовых шестах. Болезненная восторженность плотным саваном окутывала весь этот мир, и Хорус никак не мог совместить мрачную готическую торжественность новой религии с динамической силой логики и уверенности.

принесенной к звездам Великим
Крестовым Походом.

Высокие храмы и трапные
усыпальницы сливались перед его глазами
в размытые пятна; проповедники -- люди и
гибриды -- на каждом углу
разглагольствовали перед прохожими,
перекрикивая непрерывно звенящие
колокола. И повсюду, куда бы ни посмотрел
Хорус, на каждой стене он видел фрески,
картины и барельефы со знакомыми
лицами -- его братьев и самого
Императора.

Почему нет ни одного изображения
Хоруса?

Можно подумать, он никогда не
существовал. Хорус упал на колени и
поднял к небу сжатые кулаки.

-- Отец, почему ты отрекся от меня?

«Дух тщения» показался Локену
опустевшим, и он понимал, что дело не
просто в отлеме большинства на Давил.
Постоянное, вселяющее уверенность
присутствие Воителя долгое время
принималось как должное, и без него

корабль словно осиротел. Огромное сооружение казалось бесполезным, словно оружие, израсходовавшее весь боезапас, — недавно мощное, а теперь просто кусок металла.

Немногочисленные группы людей, еще остававшихся на борту корабля, собирались в группы и зажигали свечи, что заставляло Локена еще острее чувствовать одиночество и опустошенность.

Все встречные кидались к Локену с вопросами, совершенно позабыв о субординации в стремлении узнать новости о судьбе Воителя. Не умер ли он? Выживет ли? Не протянул ли с Терры руку помощи Император, чтобы спасти своего любимого сына?

Локен сердито отмахивался от всех и, не отвечая на вопросы, торопливо продолжал путь к третьему залу Архива. Он знал, что Зингерманн должен быть там — ведь он почти не выходил оттуда, словно одержимый древними книгами. Локен должен был узнать как можно больше о ложе Элеи, и он хотел сделать

это как можно скорее.

Времени было в обрез, и единственным отклонением от пути в Архив стало посещение аптекариона, чтобы передать Ваггону таинственный меч анафел.

— Будьте осторожны, аптекарий, — предупредил его Локен, осторожно поставив деревянный футляр на стальную поверхность стола. — Это оружие кинбрахов, оно называется анафел. Меч выкован из чувствующего металла и очень опасен. Я думаю, в нем кроется причина болезни Воителя. Делайте с ним все, что сочтете нужным, но поспешите.

Ваггон лишь кивнул, он был поражен тем, что Локен действительно вернулся с полезной находкой. Он с опаской поднял меч за золотую рукоять и поместил его в камеру спектрографа.

— Я ничего не могу обещать, капитан Локен, — сказал Ваггон, — но я сделаю все, что в моих силах, чтобы получить ответы на ваши вопросы.

— Чем скорее это случится, тем лучше. И не говорите никому, что оружие

находится у вас.

Вагдон снова кивнул и принялся за работу, а Локен продолжил поиски Кирилла Зиндерманна в архивном отсеке флагманского корабля. Теперь, когда у него появилась цель, чувство беспомощности немого отпустило. Он активно действовал, пытаясь спасти командира, и это придавало смысл существованию и рождало надежду на возвращение в целостности и сохранности тела и духа Воителя.

В Архиве, как обычно, царила тишина, но теперь она была напряженной и скорбной. Локен прислушался, пытаясь уловить хоть какие-то звуки, и наконец, разобрал скрип перьевой ручки, доносившийся из-за стеллажа с книгами. Капитан поспешил в ту сторону. Еще не видя, он уже знал, что нашел своего старого наставника. Только Кирилл Зиндерманн мог так интенсивно царапать пером бумагу.

Как и следовало ожидать, Локен обнаружил Зиндерманна сидящим за тем же самым столом, что и в прошлый раз, а

приглядевшись внимательнее, он понял, что итератор с того самого дня не покидал своего места. Вокруг стола валялись бутылки из-под воды и разорванные пищевые пакеты, а на изможденном лице Зингерманна проступила белая щетина.

— Гарвель, — произнес Зингерманн, не поднимая головы. — Ты вернулся. Воитель умер?

— Нет, — ответил Локен. — По крайней мере, я так думаю. Еще не умер.

Зингерманн поднял голову. Высоченные стопки книг по обе стороны стола грозили вот-вот обрушиться на пол.

— Ты думаешь?

— Я не видел Воителя с тех пор, как его поместили в апотекарион, — уточнил Локен.

— Тогда почему ты здесь? Уж наверняка не ради лекции о принципах этике цивилизаций. Что происходит?

— Я не знаю, — признался Локен. — Мне кажется, что-то плохое. Кирилл, мне нужны ваши знания... в эзотерической области.

-- Эзотерической? -- повторил Зингерманн, откладывая перо. -- Ты меня заинтриговал.

-- Члены тайного братства Легиона перенесли тело Воителя на Давин, в храм ложи Эмеи. Храм этот называется Дельфос, и они утверждают, что «вечные духи мертвых вещей» способны его вылечить.

-- Ложа Эмеи, ты сказал? -- переспросил Зингерманн и стал, как будто наугад, выдергивать книги из высившейся перед ним стопки. -- Эмеи... Становится все интереснее.

-- Что это такое?

-- Эмеи, -- повторил Зингерманн. -- С самых первых дней на всех мирах, где люди были склонны к религии, змея всегда почиталась богом. От жарких и влажных джунглей островов Африки до ледяных вод Альбы змеи были объектом преклонения, страха и восхищения в равной мере. Я считаю, что мифология змей, возможно, самая распространенная среди людей.

-- А как же она попала на Давин?

-- Это объяснить совсем не сложно, --

сказал Зингерманн. -- Видишь ли, первоначально мифы не передавались словами или записями, поскольку считалось, что язык не способен передать истину, содержащуюся в историях. Мифы распространяются не словами, Гартель, а рассказчиками, и где бы ты ни обнаружил людей, не важно, насколько они примитивны и как давно откололись от основной ветви человечества, ты всегда найдешь среди них рассказчиков. Мифы могут быть представлены пантомимами, молитвенными напевами, танцами или песнями, иногда сопровождающимися гипнотическим или наркотическим воздействием. Мифы могут передаваться множеством способов, но в любом случае метод повествования позволяет привлечь в материальный мир созидательную энергию, существующую за пределами нашего сознания, и даже вступить в какие-то отношения с потусторонними силами. Древние люди верили, что мифы создают мосты между физическим и метафизическим мирами.

Зингерманн перелистнул несколько

страниц новой на вид книги в красном
кожаном переплете, а потом повернул ее,
чтобы Локен мог рассмотреть рисунки.

— Вот, здесь ясно все показано.

Локен взглянул на страницу и увидел
изображения обнаженных дикарей,
танцующих с глинными шестами,
увенчанными змеями, а также извилистые
тела и спирали на примитивных
гончарных изделиях. На других рисунках
были представлены вазы с гигантскими
змеями, обвивающими солнце, луну или
звезды, тогда как другие лежали,
свернувшись, у корней растущих растений
или на животах беременных женщин.

— Что это? — спросил Локен.

— Артефакты, собранные в десятках
разных миров за время Великого
Крестового Похода, — ответил
Зиндерманн, тыча пальцем в рисунок. —
Разве ты не понимаешь? Гарви, мы носим
свои мифы с собой, а не изобретает их
заново.

Зиндерманн перевернул страницу,
показав еще несколько изображений.

— Видишь, змея символизирует

энергию, спонтанную созидательную
энергию... и бессмертие.

-- Бессмертие?

-- Да, в древние времена люди верили, что способность змеи менять кожу и таким образом возвращать себе молодость делает ее причастной к тайнам смерти и возрождения. Они наблюдали за луной, видели, как убывает и снова растет небесное тело, и его способность возрождаться надолго связалась в их представлениях с жизнетворными ритмами женщин. Луна стала повелительницей двойной тайны -- рождения и смерти, а змея стала ее земным двойником.

-- Луна... -- задумчиво протянул Локен.

-- Да, -- продолжал Зингерманн, показавшийся в своей любимой стихии. -- В ранних обрядах инициации, когда претендент должен был изобразить смерть и последующее возрождение, луна становилась его божественной матерью, а змей олицетворял священного отца. Нетрудно догадаться, почему возникла связь между змеями и способностью к

исцелению и почету змея стала объектом поклонения.

- И теперь происходит то же самое? - выдохнул Локен. - Обряд инициации?

Зингерманн пожал плечами:

- Я не могу ответить определенно, Гарви. Мне надо еще многое посмотреть.

- Скажите все! - потребовал Локен. - Я должен услышать все, что вам известно.

Настойчивость Локена несколько озадачила Зингерманна, и он вытащил из стопки еще несколько книг, стал их перелистывать, а капитан Десятой роты выжидаяще навис над столом.

- Да, да, - бормотал итератор, переверачивая основательно потрепанные страницы. - Да, вот оно. Вот как называлась змея на одном из утраченных наречий старой Земли: «нагаш», что, вероятно, означает «гогадка». Выходит, что это слово означало несколько разных понятий, в зависимости от этимологического корня.

- Так что же все-таки оно значило? - спросил Локен.

- Первая интерпретация выдает

значение «враг» или «соперник», но, как мне кажется, более популярным определением было «Сейтан».

-- Сейтан, -- повторил Локен. -- Мне кажется, я уже слышал это слово.

-- Мы... э... говорили о нем в Шепчущих Вершинах, -- тихо произнес Зингерманн и оглянулся, словно боялся, что его услышат. -- О нем было сказано, что это кошмарная дьявольская сила, уничтоженная золотым героем Терры. Как мы теперь знаем, дух Самус, возможно, был местным эквивалентом для обитателей Шестьдесят Три Девятнадцать.

-- Вы верите в это? -- воскликнул Локен. -- В то, что Самус был духом?

-- В какой-то мере -- да, -- откровенно признался Зингерманн. -- Я уверен, то, что я видел тогда в горах, было не просто энергией варпа, несмотря на все утверждения Боутеля в обратном.

-- А что вы можете сказать об этом злее Сейтане?

Зингерманн явно обрадовался, что разговор перешел на более близкую ему тему.

Если пристотреться повнимательнее, можно заметить, что слово «змея» происходит от одного из корней языка Олимпна, означающего «дракон», то есть костический змей, который символизирует Хаос.

-- Хаос? -- закричал Локен. -- Нет!

-- Да, -- продолжал Зиндертманн, нерешительно показывая Локену отрывок текста. -- Это тот самый «хаос» или «змея», которого необходимо победить любыми путями, чтобы восстановить порядок и сохранить жизнь. Этот змей-дракон обладает великой силой, и годы его власти были отмечены великими амбициями и стремлением к риску. В книге сказано, что интенсивность событий, происходящих в год дракона, возрастает в три раза.

Локен попытался скрыть ужас, посеянный в его душе словами Зиндертманна. Обрядовое значение змеи и занимаемое ею место в мифологии только укрепили его убежденность, что происходящий на Давине обряд излечения способен принести только вред. Он перевел

взгляд на лежащую перед ним книгу.

— А это что?

— Это отрывок из «Книги Атума», — с некоторой опаской ответил Зиндерманн. —
Клянусь, я только недавно обнаружил его.
Я ничего такого не предполагал и не
думаю, что... В конце концов, это просто
какая-то чепуха, не так ли?

Локен заставил себя прочитать
пожелтевшую от времени страницу, и
каждое слово, достигая его разума,
каменной тяжестью ложилось на сердце.

Я Хорус, выкован из тел
Древних Богов,

Я тот, кто подчинился Хаосу,
Я величайший разрушитель всех
и вся.

Я тот, кто поступал согласно
своей воле

И тем обрек на смерть дворец
своих желаний.

Такая участь постигает всех,
кто, как и я,

Шагает по извилистому следу
змеи.

-- Я не знаток поэзии, -- сердито бросил Локен. -- Что все это значит?

-- Это пророчество, -- нерешительно произнес Зиндертманн. -- Оно предвещает время, когда мир вернется в состояние первоначального Хаоса и скрытые силы высших богов воплотятся в новом змее.

-- Кирилл, у меня нет времени для метафор, -- проворчал Локен.

-- Если рассматривать только основное значение, -- пояснил Зиндертманн, -- то в пророчестве говорится о гибели Вселенной.

Сеянус отыскал его на ступенях сводчатой базилики. По обе стороны от широкого входа стояли облаченные в погребальные саваны скелеты и держали перед собой горящие курильницы. На городских улицах уже опустились сумерки, но улицы все так же были запружены паломниками, несущими в руках зажженные свечи или фонари.

Хорус поднял взгляд на

приближающегося Сеяну́са. В любое другое
время шествие людей, несущих свет,
показалось бы ему красивым зрелищем.
Раньше вид пышных процессий в его честь
раздражал Хоруса, но теперь он тосковал
по торжественным церемониям.

— Вы увидели все, что хотели
увидеть? — спросил Сеяну́с, присаживаясь
рядом с ним на ступени.

— Да, — кивнул Хорус. — Я хочу
покинуть это место.

— Скажите только слово, и мы можем
в любое время покинуть этот мир, —
заверил его Сеяну́с. — Но вы должны
увидеть кое-что еще, а у нас не так уж
много времени. Ваше тело умирает, и
выбор необходимо сделать раньше, чем
процесс зайдет так далеко, что даже силы
варна будут не в состоянии помочь.

— Насчет выбора, — сказал Хорус, —
это то, о чем я думаю?

— Вы сами должны решить, —
ответил Сеяну́с в тот момент, когда
двери базилики открылись перед ними.

Хорус оглянулся через плечо, и там,
где он ожидал увидеть темный вестибюль,

возникло пятно света.

— Ну, хорошо, — сказал он, вставая и поворачиваясь к свету. — Куда мы отправляется теперь?

— К самому началу, — ответил Сеярус.

Хорус переступил сквозь световые врата и оказался в помещении, напоминавшем гигантскую лабораторию с глухими стенами, закрытыми стальными и серебряными панелями. Воздух оказался стерильным и очень холодным. Зал был заполнен сотнями людей, одетых в белые герметичные костюмы с отражающими золотистыми визорами. Все они сосредоточенно работали на золотых станках, выстроившихся глиняными рядами.

Над головой каждого рабочего периодически поднимались облачка пара от дыхания, руки и ноги поверх балахонов обвивали глиняные трубки, тянувшиеся из тяжелых ранцев. Несмотря на то что никто не произносил ни слова, значительность выполняемой ими работы была вполне ощутимой. Хорус окинул взглядом производство; как и в мире

преклонения, местные обитатели не обратили на него ни малейшего внимания. Интуитивно он понял, что они с Сеянусом оказались глубоко под поверхностью какой-то планеты.

— И где мы теперь? — спросил он. — И когда?

— На Терре, — ответил Сеянус. — На рассвете новой эры.

— Что это означает?

В ответ на его вопрос Сеянус показал рукой на дальнюю стену лаборатории, где мерцающий овал силового поля охранял серебристо-стальную дверь. На металлической поверхности виднелся выгравированный знак аквилы, а также загадочные символы, казавшиеся совершенно неуместными в лаборатории, предназначенной для научных трудов. Хорусу не хотелось даже просто смотреть на эту дверь, словно то, что скрывалось за ней, несло в себе серьезную угрозу.

— Что находится за дверью? — спросил он, отступая назад от серебристого портала.

— Истины, которые вы не хотели бы

знать, -- ответил Сеянус, -- и ответы, которые вы предпочли бы не услышать.

В груди Хоруса возникло странное напряжение, и, осознав его природу, он постарался подавить это ощущение. Несмотря на все хитроумные усовершенствования своего организма, он понимал, что испытывает страх. За этой дверью не может быть ничего хорошего. Лучше оставить в забвении скрытые тайны секреты и не пытаться овладеть тайными сведениями.

-- Я не хочу этого знать, -- сказал Хорус, поворачиваясь спиной к двери. -- Это слишком.

-- Вы боитесь узнать ответы? -- сердито спросил Сеянус. -- Это не похоже на Хоруса, за которым я два столетия шел в бой. Хорус, которого я знал, никогда не уклонялся от неудобных истин.

-- Может, и так, но я все равно не хочу их знать. -- Хорус уставился в пол.

-- Боюсь, у вас нет выбора, друг мой, -- произнес Сеянус.

Хорус поднял голову и обнаружил, что стоит перед той самой дверью. Снизу

появились струйки пара, пробившиеся из-под поднимавшейся панели, а защитное поле рассеялось. С обеих сторон от двери зажглись мигающие желтые огни, но никто из работающих в лаборатории не обратил внимания на то, что створка, медленно поднявшись, исчезла в стене.

За дверью скрывались какие-то мрачные тайны, Хорус уже ничуть не сомневался в этом, как и в том, что не сможет игнорировать искушение раскрыть их. Он должен узнать, что прячется за порогом. Сеянус прав -- не в его привычках отступать перед неизвестным. Он видел ужасы, обитающие в Галактике, но ни разу не дрогнул. И сейчас будет так же.

-- Хорошо, -- сказал он. -- Показывай.

Сеянус улыбнулся и хлопнул ладонью по наплечнику доспехов Хоруса.

-- Я знал, что могу на вас рассчитывать, мой друг, -- сказал он. -- Вам будет нелегко, но ты бы не стали ватничего показывать, не будь в этом необходимости.

-- Делай то, что должен, -- сказал

Хорус, страхивая с плеча руку Сеянуса. На краткий миг отражение Сеянуса в блестящей поверхности стены задрожало, и Хорусу почудилось, что на лице его друга проступила змеиная усмешка. — Давай побыстрее покончим с этим.

Они вместе шагнули сквозь морозную пелену, прошли между стальными стенами по широкому коридору и оказались перед точно такой же дверью. При их приближении и эта стальная панель плавно поднялась наверх.

Открывшаяся за дверью комната была вдвое меньше лаборатории, голые стены сверкали стерильной чистотой, и здесь не было ни души. В помещении был гладкий бетонный пол, а воздух оказался скорее прохладным, чем холодным.

По центру комнаты проходила приподнятая дорожка, и по обе стороны от нее располагались десять больших цилиндрических контейнеров величиной с торпеду для бортового оружия. На боку каждого выгравирован номер. Из верхней части цилиндров вырывались струйки пара, словно от дыхания. Под номерами

были изображены те же самые загадочные символы, которые Хорус заметил на двери.

Каждый контейнер присоединялся к целому ряду странных приборов, о назначении которых он даже не пытался догадаться. Подобной технологии ему еще не приходилось видеть, и постичь ее суть с первого взгляда оказалось не по силе даже изощренному разуму Воителя.

Хорус погнулся по металлическим ступеням, ведущим к дорожке, и услышал непонятные звуки, словно удары кулаком по металлу. С высоты прохода он увидел, что в торце каждого контейнера имеется широкий люк с колесом, похожим на штурвал, в центре, закрытым толстым листом бронированного стекла.

Из-под стеклянных крышек контейнеров бил ослепительный свет, и весь воздух был насыщен энергией. Что-то в этой картине казалось Хорусу ужасно знакомым, и он чувствовал непреодолимую потребность узнать, что находилось внутри цилиндров, но вместе с тем боялся того, что мог увидеть.

-- Что это такое? -- спросил он Сеянуса.

-- Неудивительно, что вы не вспомнили. Прошло уже больше двух столетий.

Хорус нагнулся и протер запотевшее стекло ближайшего контейнера. Щурясь от яркого света, он попытался рассмотреть, что же находилось внутри. Свет слепил глаза, а в контейнере шевелилось что-то темное, словно клубы дыма под порывами ветра.

Некто заметило его. Некто подвинулось ближе.

-- Что все это значит? -- спросил Хорус, не отрывая взгляда от странного бесформенного существа, плававшего в ярком свете.

Но вот движение затеделось, непонятное существо приблизилось к стеклу, и его силуэт стал более отчетливым.

От цилиндрического контейнера исходил негромкий гул, словно металл едва сдерживал энергию, генерируемую заключенным в нем существом.

-- Это самые секретные генокапсулы Императора, хранящиеся под Гималайским хребтом,-- сказал Сеянус. -- Здесь вы и были созданы.

Хорус не слушал его. Он изумленно взглядывался сквозь стекло в пару светлых глаз, которые вполне могли быть отражением его собственных.

ОТКРОВЕНИЯ РАСКОЛ РАССЕИВАНИЕ

За два дня, прошедших после перевозки Воителя, «Дух тления» превратился в корабль-призрак. Могучее судно лишилось всех посадочных модулей, пассажирских транспортов, скифов и всех остальных мелких кораблей, способных преодолеть расстояние от орбиты до поверхности. Все последовали за Воителем на Давин.

Это обстоятельство полностью устраивало Каркази и способствовало достижению его цели. Повесив на плечо полотняную сумку, он с безмятежным видом прогуливался по всем палубам. Каждый раз, проходя по тем местам, где часто бывали люди, он, убедившись, что его никто не видит, раскладывал на столах, скамьях и диванах по несколько листков бутаги.

Чем легче становилась сумка, тем больше копий с заголовком «Правда -- это все, что у нас есть» оставалось на видных местах. В каждом послании содержалось три самых ярких его произведения из написанных до сего дня. Самым любимым из них было «Беспечные боги», в котором проводилось весьма невыгодное сравнение воинов Астартес с древними мифическими Титанами. Это яркое стихотворение, по мнению Каркали, заслуживало внимания самой широкой аудитории.

Он понимал, что должен соблюдать осторожность, имея на руках подобные тексты, но желание донести до людей свои слова было сильнее любых опасений.

Каркази с удивительной легкостью сумел заполучить в свои руки дешевой переносной принтер. Он купил его в первом же попавшемся на глаза складе всего после нескольких минут торга. Аппарат был не слишком качественным, и Каркази вряд ли взглянул бы на него, будучи на Терре, но даже этот дешевый прибор стоил ему большей части припрятанного карточного

выигрыша. Принтер не выдерживал никакой критики, но он выполнял свою работу, и вскоре вся комната Каркази пропахла полиграфическими чернилами.

Негромко напевая себе под нос, Каркази продолжал свой поход по пассажирской палубе, пока не добрался до Убежища. Теперь надо быть особенно осторожным: здесь его знали, и здесь могли быть посторонние.

Опасения оказались напрасными — в Убежище никого не было, из-за чего помещение приобрело еще более удручающий и жалкий вид. Никто не должен видеть бар при ярком свете, решил Каркази, это слишком печальное зрелище. Он прошелся по помещению, оставляя по паре листков на каждом столике.

Внезапно раздалось звяканье бутылки о стакан, и он затер с вытянутой над очередным столом рукой.

— Что ты делаешь? — спросил интеллигентный, но определенно пьяный женский голос.

Каркази обернулся, и в одной из кабинок в дальнем углу Убежища заметил

чүтазую жөнүнү. Тенерь понятно, почету он не үвидел ее раньше. Жөнщина оставалась в тени, но не үзнатъ Петронеллу Вивар, личногo лeтoписца Воутеля, было невозможно, хотя ее внешний вид сильно изменился со времени их последней встречи на Давине.

Затем Каркази вспомнил, что видел ее еще раз -- на посадочной палубе, когда Астартес вернулись с раненым Воутелем.

Похоже, полученный опыт не прошел для нее без последствий.

-- Что это за бумаги? -- спросила она -- Что в них?

Каркази с виноватым видом разжал пальцы, уронив листки на столик, и передвинул сумку за спину.

-- Ничего особенного, -- ответил он и прошел по проходу к ее кабинке. -- Кое-какие стихи, которые я хотел предложить для прочтения.

-- Стихи? Хорошие? Я могла бы составить протекцию.

Он понимал, что должен оставить ее в этом слезливом уединении, но вдруг обывавший эгоизм заставил продолжить

разговор:

— Да, я думаю, это лучшее из того, что я написал.

— Могу я их прочитать?

— Я бы не советовал читать их сейчас, дорогая, — сказал он. — Не стоит, если вы ищете чего-то приятного. Они слишком мрачные.

— Слишком мрачные! — растеялась она, и голос прозвучал резко и неприятно. — Да что вы в этом понимаете?

— Петронелла Вивар, не так ли? — спросил Каркази, подойдя к ее столику. — Вас ведь так зовут?

Женщина подняла голову, и Каркази, будучи экспертом по определению стадий опьянения, заключил, что ее состояние близко к тому, что принято называть «высоким». На столике перед ней стояли три пустые бутылки, а осколки четвертой валялись на полу.

— Да, это я, Петронелла Вивар, — отозвалась она. — Палатина мажорна из Дома Карпинус, писательница и обманщица... и, я думаю, очень и очень пьяная женщина.

— Это я уже заметил, а что вы подгадывали под «обманщицей»?

— А то и подгадывала, — невнятно пробормотала она, отпивая из стакана. — Вам известно, что я приехала сюда, чтобы рассказать всем о могуществе Воителя и знаменитом братстве примархов? При первой же встрече с Хорусом сказала ему, что, если он не позволит мне этого сделать, может, кончится в преисподнюю. Тогда я думала, что потеряла свой единственный шанс, но он только рассмеялся!

— Он рассмеялся?

— Да, — кивнула она. — Рассмеялся и позволил мне заняться этой работой. Думаю, он не возражал, если бы я постоянно находилась рядом и описывала все его свершения. И я считала, что готова ко всему.

— И все случилось так, как вы надеялись, дорогая Петронелла?

— Нет. Все совсем не так, если говорить честно. Хотите выпить? Я могу рассказать обо всем.

Каркази кивнул и, прежде чем сестра

напротив нее за столик, достал себе из бара стакан. Петронелла налила ему вина, но еще больше выплеснула на стол.

-- Благодарю, -- произнес Каркази. -- Так что пошло не так, как вы рассчитывали? Любой из здешних летописцев мог бы только мечтать о таком положении. Мерсади Олитон могла бы убить рагу такой должности.

-- Кто?

-- Моя знакомая, -- пояснил Каркази. -- Она тоже документалист.

-- Можете мне поверить, ей нечем завидовать, -- сказала Петронелла, и Каркази заметил, что глаза женщины опухли не только от большого количества спиртного, но и от слез. -- Некоторые иллюзии лучше не разрушать. Все, все, что мне казалось непоколебимым, в одно мгновение было перевернуто с ног на голову. Поверьте, ей не о чем сожалеть!

-- О, боюсь, у нее иное мнение, -- возразил Каркази и отхлебнул из стакана.

Петронелла покачала головой и пристально взглянула в его лицо, словно видела впервые.

-- А кто вы? -- спросила она. -- Я вас не знаю.

-- Меня зовут Игнаций Каркази, -- вынятив грудь, ответил он. -- Лауреат Эфиопской премии и...

-- Каркази? Это имя мне знакомо, -- заметила Петронелла, потирая пальцами висок, словно пытаясь что-то вспомнить. -- Постойте, вы ведь поэт, не так ли?

-- Правильно, -- подтвердил он. -- Вы знаете мои работы?

-- Вы пишете стихи, -- кивнула она. -- Кажется, плохие, впрочем, я не помню.

Такое пренебрежение несколько язвило Каркази, и он мгновенно разозлился.

-- Ну а что такого выдающегося в ваших произведениях? -- язвительно спросил он. -- Что-то не могу припомнить ваших работ.

-- Ха! Вы опрокинетесь, когда прочтете то, что я собираюсь написать. Это я могу вам сказать совершенно точно!

-- Вот как? -- ехидно спросил Каркази, показывая на пустые бутылки. -- И что это будет? «Воспоминания пьяной

аристократки»? «Мстительные духи
"Духа мщения"»?

-- Думаешь, ты такой умный? --
рассердилась Петронелла.

-- У меня бывают светлые моменты, --
сказал Каркази, сожалея о том, что
ввязался в спор с пьяной женщиной, но не в
силах остановиться.

В конце концов, почему бы не ткнуть
носом в грязь эту испорченную богачку,
оплакивающую самое большое
разочарование в ее жизни?

-- Ты ничего не знаешь! -- резко бросила
она.

-- В самом деле? Почему бы вам меня
не просветить?

-- Прекрасно! Я так и сделаю!

И она поведала Игнацию Каркази
самую невероятную в его жизни историю.

-- Зачем ты привел меня сюда? --
спросил Хорус, отшатнувшись от
контейнера.

Глаза по ту сторону стекла
смотрели на него с любопытством, явно
отличая от всего остального, что

представало перед ними раньше. И хотя он с поразительной ясностью понимал, кому они принадлежат, Хорус никак не мог поверить, что в этой стерильной палате глубоко под землей начался его жизненный путь.

Он был воспитан на Хтонию, под законченными сводами небом, и это место считал своим домом, в более ранних воспоминаниях мелькали лишь неясные образы и непонятные ощущения. Ничто в его памяти не было связано с этим стерильным помещением...

— Вы увидели самую сокровенную тайну Императора, мой друг, — сказал Сеянус. — А теперь настало время узнать, каким образом он начал свое восхождение к божественным вершинам.

— С помощью притархов? — прервал его Хорус. — Но в этом нет никакого смысла.

— Смысл довольно ясен. Вы должны были стать его генералами. Подобно богам, вы должны были охранять планеты и объединять Галактику именем Императора. Вы были оружием, Хорус,

оружием, которое отбрасывают в сторону, когда израсходована обойма.

Хорус отвернулся от Сеяруса и зашагал по проходу, время от времени останавливаясь, чтобы заглянуть в стеклянные крышки контейнеров. В каждом из них он видел что-то другое, в ярком свете мелькали трудноразличимые очертания, живые организмы представлялись архитектурными деталями, глаза и механизмы вращались в огненном круге. Вокруг контейнеров распространялись волны энергии неведомой ему доселе мощи, и он чувствовал волны защитного поля всем телом, словно сильные порывы ветра.

Он остановился у контейнера, на котором имелся номер ХТ, и дотронулся рукой до его гладкой поверхности. Хорус физически ощутил потенциал могущества, который был предназначен тому, кто находился внутри, но он знал, что этот потенциал останется невостребован. Хорус наклонился и заглянул внутрь.

— Вы знаете, что здесь произойдет, —

сказал Сеянус. -- Вы не надолго задержитесь в этом месте.

-- Да, -- ответил Хорус. -- Произошел несчастный случай. Мы были рассеяны среди звезд и оставались там, пока Император не смог собрать нас снова.

-- Нет, -- возразил Сеянус. -- Несчастливого случая не было.

Хорус в изумлении обернулся:

-- О чем это ты? Конечно, это был несчастный случай. Нас унесло с Терры, словно листья с дерева порывом бури. Я попал на Хтонию, Русс на Фенрис, Сангвиний на Ваал, и остальные в те миры, где провели свое детство.

-- Нет, вы меня не поняли. Я хотел сказать, что это не было несчастным случаем, -- продолжал Сеянус. -- Оглянитесь вокруг. Вы знаете, как глубоко под поверхностью земли находится это хранилище, видели охранительные знаки, вырезанные на двери, через которую мы вошли. Какой несчастный случай мог произойти в столь тщательно охраняемом месте, чтобы вас разбросало по всей Галактике? И каковы были ваши

шансы оказаться на древних, заселенных
людьми планетах?

У Хоруса не было ответов на эти
вопросы. Он прислонился к перилам,
ограждающим проход, и сделал глубокий
вдох.

— И что ты предполагаешь? — спросил
он Сеянуса.

— Я ничего не предполагаю. Я
рассказываю о том, что произошло.

— Ты не рассказываешь ничего
определенного! — зарычал Хорус. — Ты
забиваешь мне голову догадками и
гипотезами, но не говоришь ничего
конкретного. Не знаю, может, я настолько
глуп, но ты должен объяснить мне все
простыми словами.

— Хорошо, — кивнул Сеянус. — Я
расскажу о вашем создании.

Над многолюдной толпой вокруг
Дельфоса прогремел гром, и Эуфратия
сделала пару снимков грандиозного
сооружения в окружении фиолетовых туч,
пронзенных молниями. В этих пиктах не
было ничего особенного, композиция

банальная и неинтересная, но она не жалела -- каждый момент этого исторического события надо было запечатлеть для будущих поколений.

-- Ты закончила? -- спросил Тимус Кассар, стоявший поодаль. -- Собрание начнется через несколько минут, и вряд ли ты хочешь опоздать.

-- Я знаю, Тимус, перестань ворчать.

С Тимусом Кассаром она встретилась на следующий день после приезда в ущелье Дельфоса, когда, следуя тайным знакам Божественного Откровения, пришла на собрание, организованное в тени колоссального дворца. Эуфратия удивилась, увидев, как много людей пришли к вере: почти шестьдесят человек, склонив головы, возносили молитвы Божественному Императору Человечества.

Кассар с радостью принял ее в свой кружок, но вскоре люди стали больше прислушиваться к ее молитвам и следовать ее обрядам. При всей твердости в вере Кассар не обладал навыками оратора, и его раздражительность и

неловкие манеры отпугивали людей. Вера Кассара была искренней, но императором его точно нельзя было назвать. Эуфратия опасалась, что он обидится за то, что лидерство в группе перешло к ней, но Кассар только радовался, сознавая, что по характеру он является последователем, а не лидером.

Говоря по правде, она тоже не была лидером. Как и Кассар, она искренне верила, но, стоя перед большой группой людей, чувствовала себя неловко. Однако единомышленники ничего не замечали и с восхищением внимали, когда Эуфратия читала им слова Императора.

— Я не ворчу, Эуфратия.

— Нет, ворчишь.

— Ну ладно, может, и ворчу. Но я должен вернуться на «Диес ире» до того, как там заметят мое отсутствие. Если принцес Турнет узнает, чем я тут занимаюсь, он спустит с меня шкуру.

Могучие военные машины Легиона Мортис стояли у самого устья ущелья; колоссальные размеры не позволили им подойти ближе к Дельфосу. Кратер вокруг

храма в эти дни был больше похож на военную базу, чем на собрание паломников и просителей; для доставки десятков тысяч людей сюда прибыли сотни танков, военных грузовиков и передвижных командных пунктов.

Весь кратер вокруг Дельфоса был заполнен импровизированными стоянками, и толпы людей стекались с местными жителями, итевшими довольно странный вид. Неожиданный спонтанный порыв заставил людей проглатать долгий путь к храму, где лежал Воитель, и от такого единодушного проявления чувств у Эуфратии до сих пор перехватывало горло. Ступеней храма почти не было видно за щедрыми приношениями Воителю, и она знала, что многие пожертвовали своими последними сбережениями в надежде, что это как-то ускорит выздоровление Хоруса.

В сердце Киулер горела новая страсть, но она все еще оставалась портретистом, и некоторые пикты, отснятые у Дельфоса, могли занять место среди ее лучших работ.

— Ладно, ты прав, пора идти, —

сказала она, закрывая пиктер и вешая его на шею.

Нопутно она провела рукой по волосам; Эуфратия еще не привыкла к короткой стрижке, но новое ощущение ей нравилось.

— Ты уже подумала насчет, о чем будешь сегодня говорить? — спросил Кассар по пути через людное сборище к месту толитвенного собрания.

— Нет, совсем не думала, — призналась она. — Я никогда не планирую свои выступления заранее. Я просто позволяю свету Императора наполнить мою душу, а потом говорю то, что чувствую.

Кассар, жадно ловивший каждое ее слово, кивнул. Эуфратия улыбнулась:

— Знаешь, еще полгода назад я бы расстелась, если бы кто-то предсказал, что со мной произойдет.

— Ты о чем? — спросил Кассар.

— Об Императоре, — ответила она и прикоснулась к серебряному орлу, висевшему на цепочке под костюмом летописца. — Но, я думаю, в наше время с каждым может такое произойти.

-- Наверное, -- кивнул Кассар, уступая дорогу отряду солдат имперской армии. -- Свет Императора -- могущественная сила, Эуфратия.

Егва Киулер и Кассар поравнялись с солдатами, здоровый бугай с толстой шеей и выбритым черепом толкнул Кассара плечом так, что сбил его с ног.

-- Эй, смотри, куда идешь, -- нагнетливо процедил он, наклоняясь над упавшим Кассаром.

Киулер решительно шагнула вперед, загораживая своего приятеля.

-- Убирайся, кретин! -- закричала она. -- Ты сам его толкнул!

Солдат размахнулся и, не глядя, ударил ее кулаком по щеке. Эуфратия упала, ощущая скорее шок, чем боль. Она попыталась встать и чуть не захлебнулась от хлынувшей в рот крови. Тотчас две пары рук прижали ее к земле. Двое держали ее, а остальные принялись ногами избивать лежащего Кассара.

-- Отпустите меня! -- завопила Эуфратия.

-- Заткнись, сволочь! -- бросил ей

солдат. -- Думаешь, ты не знаешь, чем вы
занимаетесь? Молитесь и возносите
хвалу Императору. Вы должны почитать
одного Бога!

Кассар сумел подняться на
четвереньки и, как мог, защищался, но его
окружили трое тренированных солдат, и
даже увернуться от их ударов он был не в
состоянии. Он сумел лягнуть одного из них
ногой в пах и увернуться от тяжелого
подкованного ботинка, нацеленного в
голову, но тут же получил рубящий удар
ребром ладони по шее.

Кишлер яростно извивалась, пытаясь
освободиться, однако солдаты были гораздо
сильнее ее. Один из них протянул руку,
чтобы сорвать с ее шеи пиктер, и она
укусила его за палец. Солдат вскрикнул, но
все же сгреб пальцами тонкий ремешок, а
второй в это время схватил женщину за
волосы и запрокинул ей голову.

-- Не смей! -- крикнула Эуфратия и
стала еще яростнее сопротивляться.

Солдат, ухмыляясь, раскрутил
пиктер на ремешке и ударил о землю.
Обозленный и окровавленный Кассар сумел

выхватить из кобуры пистолет, но пропустил удар коленом по лицу и упал без сознания, а пистолет отлетел в сторону.

-- Титус! -- вскричала Эфратия.

Она забилась, словно дикая кошка, и, в конце концов, сумела высвободить одну руку и впиалась ногтями в лицо державшего ее солдата. Тот вскрикнул и ослабил хватку. Эфратия перекатилась, метнувшись к упавшему пистолету.

-- Лови ее! -- крикнул кто-то. -- Лови культуистку Императора!

Эфратия дотянулась до пистолета и перевернулась на спину. Она держала оружие перед собой и была готова убить любого мерзавца, который к ней сунется.

Но в следующее мгновение она поняла, что ей никого не придется убивать.

Трое солдат уже валялись на земле, четвертый со всех ног бежал к своему лагерю, а последнего железной хваткой держал воин Астартес. Гигант одной рукой поднял негодяя за шею, чьи ноги дергались в метре от земли.

-- Пятеро на одного, это как-то не спортивно, не правда ли? -- заговорил

Астартес, и Киулер узнала капитана Торгаддона, одного из торнивальцев.

Она вспомнила несколько пиктов, сделанных на «Духе щения», и то, что сочла Торгаддона самым симпатичным из всех Сынов Хоруса.

Торгаддон сорвал с груди солдата металлический жетон с его именем и номером части, а потом небрежно бросил человека на землю.

— Получишь его у мастера дисциплины, — сказал он. — А теперь убирайся с глаз долой, пока я тебя не убил.

Киулер бросила пистолет и кинулась к пиктеру. Увидев, что отснятые снимки, скорее всего, безвозвратно утрачены, она огорченно застонала. Покопавшись в обломках, Эфратия отыскала катушку памяти. Если быстро вернуться к себе и поставить катушку в проектор, возможно, еще удастся кое-что спасти.

Кассар застонал от боли, и она ощутила моментальный укол вины за то, что бросилась за разбитым пиктером, а не к нему, но раскаяние длилось недолго. Эфратия спрятала катушку в карман, и

тут раздался голос Астартес.

-- Тебя зовут Киулер? -- спросил

Торгаддон.

Удивленная, что капитан знает ее имя, Эуфратия подняла голову.

-- Да, -- ответила она.

-- Прекрасно, -- сказал он и протянул ей руку, помогая подняться. -- Ты не хочешь рассказать, что здесь произошло? -- спросил он.

Она нерешительно потялась, не желая сообщать воину Астартес истинную причину нападения.

-- Кажется, им не слишком понравились отснятые мной пикты, -- сказала она.

-- Слишком много критиков, а? -- устехнулся Торгаддон, но Эуфратия поняла, что капитан ей не поверил.

-- Верно, но мне надо побыстрее вернуться на корабль, чтобы спасти снимки.

-- Какое счастливое совпадение! -- воскликнул Торгаддон.

-- Что вы имеете в виду?

-- Меня попросили доставить тебя на

«Дух тищения».

-- Доставить меня? Но зачем?

-- Какое это имеет значение? --
спросил Торгаддон. -- Ты возвращаешься со
мной.

-- Не могли бы вы, по крайней мере,
сказать, кто вас попросил?

-- Нет. Это большой секрет.

-- Вот как?

-- Ну, не совсем так. Меня послал
Кирилл Зингерманн.

Мысль о том, что Зингерманн
может посылать капитана Астартес со
своими поручениями, показалась
Эфратии нелепой. Почтенный император
мог иметь только одну вескую причину
для разговора. Вероятно, Игнаций или
Мерсади проболтались о ее новой вере, и
Эфратия рассердилась на грузей за то,
что они не желали принять обретенную
ее истицу.

-- Так теперь Астартес на
побегушках у императоров? -- насмешливо
спросила она.

-- Едва ли, -- ответил Торгаддон. --
Это грузжеская услуга, и мне кажется, что

В твоих же интересах вернуться на корабль.

-- Почему?

-- Вы задаете слишком много вопросов, мисс Киулер, -- сказал Торгадгон. -- Если хотите принести какую-то пользу в качестве летописца, вам для разнообразия полезно немного помолчать и послушать.

-- У меня какие-то неприятности?

Торгадгон пошевелил носком ботинка обломки ее пиктера.

-- Скажем так, кое-кто хотел бы дать вам несколько уроков в искусстве пиктографии.

-- Император знал, что его армии должны вести самые могущественные воины, -- начал Сеянус. -- Командовать силами Астартес в состоянии только предводители, подобные богам. Их командиром нужно было обладать почти полной неуязвимостью и способностью передавать приказы сверхчеловеческими силами в считанные мгновения. Для этого требовались могущественные воины с

такими качествами, которые уступали бы лишь способностям самого Императора, и каждый из них имел бы еще и свои собственные, отличные от других навыки.

-- Примархи.

-- Верно. Только существа такого ранга могли задуматься о покорении Галактики. Можно ли себе представить силу воли и честолюбие, требуемое хотя бы для обдумывания такого грандиозного предприятия? Кто из людей способен на такие замыслы? Кому, кроме примархов, можно было доверить эту колоссальную задачу? Ни один человек, даже сам Император, не мог бы справиться с подобной задачей в одиночку. Поэтому были созданы вы.

-- Чтобы покорить Галактику для человечества, -- вставил Хорус.

-- Нет, не для человечества, для Императора, -- поправил его Сеянус. -- Вы уже осознали, что ждет вас после окончания Великого Крестового Похода. Вы превратитесь в надзирателя, охраняющего установленный Императором режим, а он в это время продолжит

восхождение к божественным вершинам и оставит всех вас далеко позади. Разве достойна такая награда того, кто сумел завоевать Галактику?

— Какая же это награда? — фыркнул Хорус и с досады стукнул кулаком по серебристой поверхности ближайшего контейнера.

Под ударом мощного кулака металл прогнулся, и по поверхности закаленного стекла пробежала тонкая, не толще волоса, трещина. Изнутри слышались отчаянные удары, и струйка вытекающего газа поднялась над замерзшей поверхностью окошка.

— Оглянитесь вокруг, Хорус, — продолжил Сеянус. — Неужели вы считаете, что создать существа, подобные примархам, могла только человеческая мысль? Если бы такая технология действительно существовала, почему бы не создать сотню Хорусов или тысячу? Нет, ради того, чтобы вы стали такими, как есть, была заключена сделка. Я знаю, потому что повелителей варна с таким же успехом можно назвать вашими

родителями, как и Императора.

— Нет! — вскричал Хорус. — Я не верю тебе! Примархи — мои братья, сыновья Императора, сотворенные из его плоти и крови, и в каждом из нас есть его частица.

— Да, в каждом из вас присутствует его частица, но подумайте, откуда вообще взялась такая сила? Он сторговался с богаты варна и получил долю их могущества. Вот что он вложил в вас, а не свою скудную силу человека.

— Боги варна? Сеянус, о чем ты говоришь?

— О сущностях, царство которых разрушает своими действиями Император, — ответил Сеянус. — Разумные существа, ксеносы, боги... Разве имеет значение, какую терминологию мы употребляем? Они обладают таким колоссальным могуществом, что в нашем понимании вполне могут считаться богаты.

Они управляют тайнами рождения и смерти и всем, что находится между этими двумя точками. События, перевороты, войны и разрушения — все это

части бесконечного цикла существования, и боги Варна имеют над ним власть. Их могущество течет в ваших венах и дарует вам потрясающие способности. Император давно был знаком с ними и многого веков назад пришел к ним, предлагая свою дружбу и преданность.

— Он никогда не пошел бы на это! — воскликнул Хорус.

— Друг мой, вы недооцениваете его жажду власти, — возразил Сеянус. — Боги Варна могущественны, но они лишены понимания материальной Вселенной, и Император смог предать их, похитив могущество для себя одного. Создавая вас, он поделился лишь ничтожной ее частью.

Хорус почувствовал, что задыхается. Он жаждал опровергнуть слова Сеянуса, но в глубине души знал, что это правда. Его будущее, как будущее любого человека, было неопределенным, но прошлое всецело принадлежало лишь ему. Его слава и жизнь были созданы его собственными руками, но настал момент, когда он может лишиться и этого, и все из-за предательства Императора.

-- Значит, ты занятнаны, --
прошенгал Хорус. -- Все поголовно.

-- Нет, -- возразил Сеянус, покачав
головой. -- Власть варна просто
существует. Она может стать
непревзойденным оружием в руках умного
человека. При наличии достаточно
сильной воли.

-- Так почему Император не
использовал ее во благо?

-- Потому что он слаб, --
наклонившись к Хорусу, сказал Сеянус. -- В
отличие от вас, у него не такая сильная
воля, чтобы управлять этой властью, а
боги варна не благоволят к тем, кто их
предает. Он украд частицу могущества,
но они нанесли ответный удар.

-- Как?

-- Вы сами увидите. Имея в своем
распоряжении украденную мощь,
Император был хорошо защищен от
прямого удара, но они знали о его
далекоидущих планах, и удар был нанесен
по тому, в чем он больше всего нуждался
для воплощения своих замыслов.

-- Но примархам?

– Но притархат, – согласился Сеянус, шагая по проходу.

Хорус услышал отдаленный вой сирены и почувствовал, что воздух в помещении пришел в движение, словно холодный электрический разряд перебежал с одной молекулы на другую.

– Что происходит? – спросил он, прислушиваясь к возрастающему тревожному вою.

– Правосудие, – сказал Сеянус.

Блестящие поверхности контейнеров вспыхнули, отражая загоревшийся наверху резкий синий свет. Хорус поднял голову и увидел под самым потолком мутный светящийся сгусток. Спиральный завиток, наподобие миниатюрной галактики, висел над инкубационными контейнерами и с каждой секундой разрастался. Сильный порыв ветра ударил в лицо Хорусу и отбросил его на перила, а сгусток света превратился в завывающий вихрь.

– Что это? – крикнул Хорус, продолжая продвигаться вдоль перил к ступеням.

– Хорус, вы должны знать, что это, –

сказал Сеянус.

— Нам надо поскорее выбраться отсюда.

— Слишком поздно, — возразил Сеянус и вцепился в его руку мертвой хваткой.

— Убери от меня свои руки, Сеянус, — предостерег его Хорус, — или кто ты там на самом деле. Я знаю, что ты не Сеянус, так что достаточно притворяться.

Едва он успел договорить, как в дверь ворвались несколько вооруженных воинов и бросились им навстречу. Их было шестеро, каждый сложением напоминал воина Астартес, но был несколько уже в плечах и ниже ростом. На них были изысканно украшенные золотые доспехи с орлами и скрещенными молниями и высокие остроконечные бронзовые шлемы с красными плюмажами из конского волоса. За их плечами под сильными порывами бушевавшего в зале ветра развевались алые плащи. Оружием служили глиняные копья с искрящимися наконечниками. Хорус тотчас узнал этих воинов — это были Кустодуанские гвардейцы, личная охрана самого Императора.

-- Остановитесь, демоны, и прилите
нару! -- закричал командир и направил
копье в сердце Хоруса.

Несмотря на то, что лицо воина
скрывал шлем, Хорус узнал его по глазам и
по голосу.

-- Вальдор! -- закричал он. --
Константин Вальдор, это же я, Хорус!

-- Молчи! -- воскликнул Вальдор. --
Прекрати сейчас же свое колдовство!

Хорус глянул на потолок. Воронка
вихря притягивала его, словно зов давно
потерянного друга. Он пототал головой,
чтобы избавиться от наваждения,
пригнулся и рванул вперед.

Из копий кустодуанцев вырвались
ослепительные лучи света, и удар бросил
Хоруса на колени. Завывание вихря
заглушило звук выстрелов, и Воитель
закричал, но не от боли, а от потрясения,
что в него стреляют его товарищи, воины
Империи.

Кустодуанцы выстрелили снова,
жгущий свет вырвал куски из доспехов
Хоруса, но ни один не смог пробить
защиту. Кустодуанцы, не прекращая

стрельбы, приближались единым строем. Снопы молний не давали Хорусу даже подняться с коленей. Сеянус успел скатиться по лестнице, и пущенные вслед ему лучи прожгли борозды в металлических ступенях.

Хорус, наконец, сумел подняться во весь рост и, оказавшись в центре оглушительно ревущей бури, совершенно забыл о том, что перед ним соратники. Болтерный снаряд попал ему в ворота доспехов и почти развернул на месте, но, чтобы остановить Воителя, этого было недостаточно. Он выхватил копье у ближайшего кустодианца и одним ударом кулака вдребезги расколол ему череп. Быстро перевернув копье, он нанес рубящий удар наконечником и рассек следующего воина от плеча до паха. Две половинки тела мгновенно были подхвачены ветром и исчезли в воронке вихря. Еще один воин погиб после того, как Хорус воткнул копье ему в грудь, пробив насквозь и доспехи, и тело кустодианца.

Наконечник копья метнулся к его голове, но Хорус отвел его голой рукой и с

поразительной легкостью вырвал оружие вместе с конечностью воина. Следующего противника он убил, оторвав ему голову. Кровь брызнула из шеи бурым гейзером, а Хорус отбросил мертвую голову в сторону и огляделся.

Остался только Вальдор, и Хорус, хищно оскалившись, стал кружить вокруг командира гвардейцев. Дүло болтера изрыгнуло огонь, но Хорус только зарычал и занес сжатый кулак, чтобы поразить последнего противника. К этому времени растущая воронка достигла своей цели, и в лаборатории раздался скрежет разрываемого металла. Участь заключенных в контейнерах существ ужаснула Хоруса, и он прекратил бой. Повернувшись, он увидел, что один из контейнеров, под пронзительные крики своего обитателя, оторвался от пола. За первым цилиндром и остальные стали срываться со своих постаментов и понеслись вверх.

Но вдруг время остановилось, и комната наполнилась ослепительным светом.

Хорүса как будто отыло теплым
медом, и он повернулся к источнику света -
к сияющему золотому гиганту,
исполненному непревзойденного величия и
красоты.

Восторг и обожание переполняли его,
и Хорүс упал на колени. Кто бы не
преклонился пред столь совершенным
созданием? Уверенность и сила окутывали
его, в кончиках пальцев таилась тайна
сотворения, в нем заключались ответы на
все вопросы и мудрость, чтобы
использовать эти знания.

Он был в сверкающих доспехах из
чистого золота, красоте лица было
невозможно описать, а в могуществе и
славе с ним не мог сравниться никто во
всей Вселенной.

Золотой воин неторопливо поднял
руку, и по мановению его пальцев затих
бующий ураган. Завывание стихло,
инкубационные контейнеры, покачиваясь,
повисли в воздухе.

Сверкающая фигура повернулась к
Хорүсу и окинула его удивленным
взглядом.

-- Я тебя знаю? -- произнес золотой воин, и Хорус всхлипнул, пораженный удивительной красотой и гармонией его голоса.

-- Да, -- шепотом ответил он, не решаясь повысить голос.

Гигант склонил голову набок.

-- Ты хотел разрушить величайшее из твоих творений, но тебя постигла неудача. Прощу тебя, сверни с этого пути, или все будет потеряно.

Хорус потянулся к золотому воину, а тот печальным взглядом окинул неподвижные инкубаторы и в одно мгновение постиг будущие последствия.

В удивительных очах гиганта Хорус прочел принятое решение.

-- Нет! -- закричал он.

Золотой воин обернулся на его крик, и ввремя снова устремилось привычным потоком.

Возобновилось оглушительное завывание порожденного варпом урагана, и вместе с металлическим лязгом инкубационных капсул Хорус слышал крики своих братьев.

-- Нет, отец! -- крикнул он. -- Ты не можешь этого допустить!

Золотой гигант уже шел к выходу, не пытаясь остановить ужасный ураган, ничуть не беспокоясь о сотворенных им жизнях. В груди Хоруса обжигаящим, негасимым огнем вспыхнула ненависть.

Мощный порыв ветра подхватил и его, и он не стал сопротивляться. Ураган закружил и поднял его в воздух, а Хорус раскинул руки, готовый снова воссоединиться со своими братьями.

Бездна посмотрела на него чудовищным оком, полным ужаса и безумия.

Он не сопротивлялся и дал увлечь себя в объятия варна.

"ПРАВДА -- ЭТО ВСЁ, ЧТО У
НАС ЕСТЬ"

ПОЧТЕННЫЙ
ПРОПОВЕДНИК
ДОМА

На этот раз Локен не мог не согласиться с Цактоном Крүзом.

-- Все не так, как было раньше, мой мальчик, -- говорил тот. -- Все не так.

Они стояли вдвоем на командной палубе и смотрели на призрачный ореол Давина, висящего в костосе, словно потухневший драгоценный камень.

-- Я помню, как мы впервые подошли к этой планете, -- продолжал Крүз. -- Кажется, что это было только вчера.

-- А по мне, так с тех пор прошла целая жизнь, -- заметил Локен.

-- Чепуха, молодой человек, -- возразил Крүз. -- Когда ты накопишь побольше опыта, может, чему-то научишься.

Доживи до моих лет, и тогда посмотрим, как ты станешь воспринимать течение времени.

Локен вздохнул. Он был не в настроении выслушивать очередную поучительную и нудную историю о «старых добрых временах».

— Да, Ёактон, тогда посмотрим.

— Не пренебрегай моими советами, мальчик, — сказал Круз. — Может, я и стар, но не глуп.

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, — ответил Локен.

— Тогда послушай меня внимательно, Гарвель, — продолжал Круз, наклонившись ближе. — Ты думаешь, я ничего не знаю, но это не так.

— Не знаешь о чем?

— О моем прозвище Вполуха, — прошептал Круз, чтобы его не услышал никто из палубной команды. — Я прекрасно знаю, что прозвище дано не из-за привычки говорить тихо, а потому, что никто не обращает внимания на мои слова.

Локен взглянул в вытянутое ступлое лицо Ёактона. Кожа от старости была вся

в торщинах, но его глаза, обычно полужакрытые, оставались яркими и проницательными.

– Цактон... – начал Локен, но Круз не дал ему договорить:

– Не извиняйся, это не твоя вина.

– Я даже не знаю, что сказать, – ступился Локен.

– А... Не говори ничего. Разве мы обязаны говорить только то, что желают слышать остальные? Мальчик мой, я знаю, что в нашем превосходном Легионе я только реликвия, обломок давно прошедших времен. Знаешь, я еще помню времена, когда мы сражались без Воителя. Можешь себе такое представить?

– Боюсь, очень скоро нам всем представится такая возможность, Цактон. Близится день открытия Дельфоса, а оттуда нет никаких вестей. Апотекарий Вагдон, даже получив анафем, и сейчас не ближе к разгадке этой тайны, чем прежде.

– Анафем?

– Оружие, которым был ранен Воитель, – пояснил Локен, уже жалея, что

употянул меч кинбрахов в присутствии
Круза.

-- О, это должно быть очень мощное
оружие, -- глубокомысленно произнес Круз.

-- Я бы хотел вместе с Торгагдоном
вернуться на Давин, -- сменил тему
Локен, -- но боюсь не сдержаться, встретив
Маленького Хоруса или Эзекиля.

-- Мальчик, они же твои братья, --
сказал Круз. -- Что бы ни случилось,
никогда не забывай об этом. Обрывая
родственные связи, ты рискуешь навлечь на
себя неприятности. Отворачиваясь от
одного брата, ты отворачивается от всех.

-- Даже если они совершают
чуждовищную ошибку?

-- Даже тогда, -- кивнул Круз. -- Все
мы совершаем ошибки, парень. Надо
воспринимать их должным образом -- как
уроки, усвоенные с тяжкими усилиями.
Если только это не смертельные ошибки.
В таком случае эти уроки усвоит кто-
нибудь другой.

-- Я не знаю, что делать, -- признался
Локен, склонившись над перилатами палубы. --
Я не знаю, что происходит с Воителем.

и ничем не могу ему помочь.

— Да, это нелезко, мой мальчик, — согласился Круз. — И все же, как говорилось в мое время, если ничего не можешь предпринять, не стоит беспокоиться.

— В твои времена, Уактон, жизнь, вероятно, была намного проще, — сказал Локен.

— Да, это точно, — поддакнул Круз, не обращая внимания на сарказм собеседника. — Тогда не было этой чепухи с тайными ложами, и этому выскочке Варварусу в голову бы не пришло требовать крови. Неужели мы позволили бы летописцам обосноваться на славном корабле, писать о нас издевательские стишки и утверждать, что это неприукрашенная правда? Я тебя спрашиваю, куда подевалось былое уважение к Астартес? Все изменилось, мой мальчик, все изменилось.

Слушая Круза, Локен вдруг удивленно прищурился:

— О чем это ты говорил?

— Я сказал, что все изменилось с тех пор...

— Нет, — перебил его Локен. — О Барбарусе и летописцах.

— Ты что, не слухал? А, конечно, не слухал, — пробормотал Круз. — Ну, похоже, Барбарусу не слишком понравилось, как ты и остальные торнивальцы вели себя, когда привезли на «Дух мщения» раненого Воителя. Этот глупец полагает, что в расплату за убийства должны покатыться чьи-то головы. Он каждый день разговаривает по воксу с Малогарстом и требует, чтобы о происшествии узнала вся флотилия, чтобы семьи погибших получили соответствующую компенсацию, а виновные были наказаны.

— Он хочет нас наказать?

— Так он говорит, — кивнул Круз. — Клянется, что Унг Мае Синг уже отправил в Совет Терры донесение о ваших действиях на пусковой палубе. Поэтому, он ужасный зануда. Когда Поход только начинался, нам не приходилось мириться с подобными неприятностями. Вы сражаетесь и проливаете кровь, и если люди оказались у вас на пути, что ж, значит, им не повезло.

Слова Крүза ошеломили Локена, и он снова испытал стыд за свое поведение на стартовой палубе. Вина за смерть невинных тяжелым грузом останется в его душе до самого последнего дня жизни, но что сделано, то сделано, и он не собирается тратить время на сожаления. Простым смертным не подобает требовать казни Астартес, какими бы тяжелыми ни были их проступки.

Но какой бы неприятной ни была проблема с Варварусом, разбираться с ней наложит Малогарстү. Однако что-то еще в словах Крүза привлекло внимание Локена.

-- Ты что-то говорил о летописцах?

-- Да, от них тоже много беспокойства, как будто у нас мало других проблем.

-- Цактон, хватит намеков, расскажи, что случилось.

-- Ладно, только я не понимаю, куда ты так торопишься, -- сказал Крүз. -- Похоже, что кто-то из летописцев разгуливает по кораблю и занимается пропагандой против Астартес.

Распространяет стишки или что-то в этом роде. Члены судового экипажа повсюду находят эти листки. Называется «Правда — это все, что у нас есть» или что-то такое же претенциозное.

— «Правда — это все, что у нас есть», — повторил Локен.

— Да, кажется, так.

Локен развернулся и, не говоря ни слова, направился к выходу с командной палубы.

— Все не так, как было в мое время, — вздохнул ему вслед Круз.

Было уже поздно, и он устал, но проделанная за неделю работа радовала Угнация Каркази. Каждый раз после тайной прогулки по кораблю, распространив листовки, он возвращался на свой маршрут несколькими часами позже и убеждался, что все копии исчезали. Конечно, часть из них была конфискована членами экипажа, но Угнаций был уверен, что многие листовки попадали в руки тех, кто должен был услышать его слова.

Проход между пассажирским отсеком

и помещениями команды был пуст. Все, кто переживал за здоровье Воителя, улетели на Давин или собирались в более просторных помещениях корабля. В атмосфере «Духа мщения» появились признаки запущенности, словно даже сервиторы, отвечающие за чистоту корабля, приостановили свою работу в ожидании разрешения кризиса.

Каркази шел в свою каюту и повсюду на переборках и дверях замечал выцарапанные знаки Божественного Откровения. У него сложилось твердое убеждение, что, следуя этим указателям, можно прийти к месту тайного собрания верующих.

Верующие. Как странно звучит это слово в эпоху просвещения. Каркази вспомнил свое посещение храма на Шестьдесят Три Девятнадцать. Тогда он задумался, а не является ли потребность верить во что-то божественное неотъемлемой чертой человеческого характера? Может быть, людям необходимо во что-то верить, чтобы заполнить пустоту в своей душе?

Один из мудрецов древней Земли утверждал, что наука уничтожит человечество, но не посредством оружия массового уничтожения, а доказательством отсутствия богов. Это знание ожесточит людей, а от сознания, что человечество осталось один на один с равнодушной Вселенной, они могут впасть в безумие.

Каркази устехнулся. Что бы сказал этот древний мудрец, если бы мог увидеть, как Империя несет вечный свет знаний в самые дальние уголки Галактики? С другой стороны, этот культ Божественного Откровения может считаться подтверждением его слов, доказательством того, что перед угрозой пустоты люди ищут себе новых богов, чтобы затенить стершихся из их памяти.

Каркази сомневался в божественной природе Императора, но литература Божественного Откровения, появлявшаяся с той же регулярностью, что и его листовки, наводила на мысль, что Император уже поднялся над миром мертвых.

Поэт тряхнул головой, постеиваясь наг собственной глупостью, и стал прикидывать, как можно описать это искусственное обожествление в новых поэмах. Перед ним уже была дверь его комнаты, и, едва приоткрывшись к утопленной в панель ручке, он почувствовал неладное. Дверь была слегка приоткрыта, и пары ацетона просочились в коридор, но даже сквозь него пробивался знакомый Каркази всепроникающий запах, который мог означать только одно. В памяти всплыли оскорбительные стишки, прочитанные им Эуфратии Киулер насчет запаха от воинов Астартес. Еще не открыв дверь, Изнаций знал, кто встретит его в комнате.

В голове мелькнула идея пройти мимо, но Каркази сразу понял, что этот поступок окажется бессмысленным.

Он сделал глубокий вдох и распахнул дверь.

Внутри царил сущий кавардак, но этим комната была обязана своему хозяину, а не постороннему вторжению. Посреди помещения, спиной к двери, как и

ожигал Каркази, стоял капитан Локен, превращая своей массивной фигурой комнату в крохотную каморку.

— Привет, Узнаций, — произнес Гарвель и бросил на стол огни из блокнотов «Бондстан № 7».

Каркази заполнил уже два таких блокнота отрывочными мыслями и наблюдениями и точно знал, что капитану не могло понравиться то, что он прочитал. Для того чтобы понять их нелестный смысл, не надо быть знатоком литературы.

— Капитан Локен, — отозвался Каркази. — Мне стоило бы спросить, чему я обязан удовольствием видеть вас здесь, но мы оба знаем, почему вы пришли, не так ли?

Локен кивнул, и Каркази, слушая глухие удары сердца в своей груди, понял, что Астартес сдерживается с большим трудом. Состояние Локена нельзя было сравнить с бушующим гневом Абаддона, но в нем ощущалась холодная стальная ярость, способная уничтожить Узнация без промедления и сожаления. Внезапно поэт

понял, сколь грозную опасность навлекла на него вновь обретенная муза и как глупо было надеяться, что его деятельность долго будет оставаться незамеченной. Как ни странно, но теперь, когда все открылось, он осознал, что готов погавить страх и отстаивать свою правоту.

— Почему? — прошипел Локен. — Я же поручился за тебя, летописец. Я рискнул раги тебя своим добрым именем, и вот как ты мне отплатил?

— Да, капитан, — ответил Каркази. — Вы поручились за меня. И вы взяли с меня обещание говорить правду. Я так и сделал.

— Правду?! — взревел Локен, и Каркази мгновенно вспомнил, с какой легкостью кулаки капитана сокрушали человеческие черепки. — Это не правда, а клеветнический вздор! Твои выдумки читает уже весь флот! Изнаций, я должен бы убить тебя за это.

— Убить меня? Так же, как вы убивали невинных людей на стартовой палубе? — запальчиво воскликнул Каркази. — Таково теперь правосудие Астартес? Вы убиваете всех, кто оказался на пути или

сказал нечто, с чем вы не согласны? Если Император докатился до такого, я не хочу иметь с ним ничего общего.

Он увидел, как мгновенно испарился гнев капитана, и на какое-то мгновение даже почувствовал к нему жалость, но тотчас прогнал ее, вспомнив кровь и стоны умирающих. Он взял со стола листовку и протянул ее Локену.

— Так или иначе, вот то, чего вы добивались.

— Ты думаешь, я этого хотел? — спросил Локен, бросая листок на пол и нависая над Угнацием. — Ты с ума сошел?

— Ничуть, мой капитан, — с напускным спокойствием ответил Каркази. — И за это я должен благодарить вас.

— Меня? Что ты несешь? — удивленно спросил Локен.

В его ярости Каркази заметил проблеск сомнения. Он предложил Локену вина, но гигант только покачал головой.

— Вы велели мне продолжать писать правду, какой бы неприятной она ни была, — заговорил Каркази, наливая себе вина в

помятую и грязную оловянную кружку. --
«Правда -- это все, что у нас есть»,
полните?

-- Полню, -- со вздохом признал Локен
и сел на скрипнувшую под его весом
кровать Каркази.

Каркази, понимая, что
непосредственная угроза миновала,
позволил себе облегченно вздохнуть и
сделать изрядный глоток вина. Напиток
нельзя было назвать отличным, и бутылка
давнo стояла открытой, но вино
успокаивало его расшатанные нервы.
Затем он выдвинул из-за стола кресло с
высокой спинкой и уселся рядом с Локеном.
Неожиданно капитан протянул руку за
бутылкой.

-- Ты прав, Изнаций, я действительно
сказал именно так, но никогда не
подозревал, куда это нас приведет, --
произнес он и отхлебнул прямо из
горлышка.

-- Я тоже, но так получилось, --
ответил Каркази. -- Теперь осталось
решить, как нам поступить дальше.

-- Я и сам еще не знаю, -- признался

Локен. -- Я думаю, ты незаслуженно оскорбил торнивальцев. Учитывая обстоятельства, в которых мы тогда оказались...

-- Нет, -- прервал его Каркази. -- Вы, Астартес, во всех отношениях стоите выше нас, смертных, и требуете к себе уважения. Но уважение надо заслужить. Ваша нравственность должна быть безупречной. Вы должны быть не только выше границы между добром и злом, но и не опускаться до серых областей неопределенности.

Локен печально устехнулся:

-- А я думал, что лекции по этике -- работа Зингерманна.

-- Ну, наш дорогой Кирилл в последнее время несколько удалился от дел, не так ли? -- заметил Каркази. -- Я признаю, что совсем недавно прижнулся к рядам праведников, но я знаю, что поступаю правильно. Более того, я знаю, что это необходимо.

-- Ты так уверен в этом?

-- Да, капитан. В это я верю крепче, чем во что бы то ни было за всю мою

жизнь.

— И ты продолжишь это распространять? — спросил Локен, поднимая пачку исписанных листков.

— Капитан, а на этот вопрос имеется ли правильный ответ?

— Существует, если ответишь честно.

— Если смогу, — сказал Каркази, — то продолжу.

— Узнаций Каркази, ты навлечешь беду на нас обоих, — сказал Локен. — Но если у нас не останется правды, мы превратимся в ничто, и если я запрещаю тебе высказываться, я стану тираном.

— Так вы не собираетесь запрещать мне писать и не отсылаете обратно на Терру?

— Надо бы, но я не буду этого делать. Но ты должен сознавать, что этими поэтами ты навлек на себя гнев могущественных людей. Они будут требовать твоей высылки, а может быть, и хуже. Начиная с этого момента ты находишься под моей защитой, — сказал Локен.

-- Вы считаете, что мне
потребуется защита? -- спросил Каркази.

-- Определенно, -- заверил его Локен.

-- Мне сказали, что вы хотели меня
видеть, -- сказала Эфратия Киулер. --
Могу я узнать -- зачем?

-- Ах, моя дорогая Эфратия, --
откликнулся Кирилл Зингерманн,
поднятая голову от еды. -- Входите, прошу
вас.

После того как она целый час бродила
по пыльным проходам третьего зала
Архива, Эфратия обнаружила императора
в столовой на нижней палубе. По словам
одного из его коллег, еще остававшихся на
корабле, старик целые дни проводил в
Архиве, пропуская назначенные лекции --
хотя, надо заметить, что желающих его
услышать было не так уж и много, -- и
игнорируя приглашения сослуживцев
присоединиться к ним за обедом или
ужином.

Торгаддон предоставил ей самой
разыскивать Зингерманна -- его миссия
закончилась, едва они ступили на борт

«Духа мщения». После чего капитан отправился на поиски Локена, чтобы вместе с ним снова вернуться на Давин. Киулер ничуть не сомневалась, что он расскажет своему приятелю о том, что вигдел неподалеку от Дельфоса, но ей уже было все равно, кто еще узнает о ее новой вере.

Зингерманн выглядел ужасно: глаза свалились и покраснели, а лицо стало серым от усталости.

— Вы не слишком хорошо выглядите, Зингерманн, — сказала она.

— То же самое я мог бы сказать и о вас, Эуфратия, — ответил Зингерманн. — Вы похудели, а вам это не идет.

— Большинство женщин были польщены этими словами, но ведь вы послали капитана Астартес не ради того, чтобы комментировать мой аппетит, не так ли?

Зингерманн растаял и отогвинул книгу, которую пристально изучал до ее прихода.

— Вы правы, я не за этим хотел вас видеть.

-- Тогда зачем? -- спросила она и села напротив. -- Если причина в том, что вам рассказал Узнаций, то лучше не тратить зря слов.

-- Узнаций? Нет, я уже давно с ним не разговаривал, -- ответил Зингерманн. -- Это Мерсади Олитон зашла меня навестить. Она и сказала, что вы стали ревностным агитатором в пользу культа Божественного Откровения.

-- Это не культ.

-- Нет? А как вы назовете это новое течение?

Эуфратия ненадолго задумалась.

-- Новая вера.

-- Умный ответ, -- заметил Зингерманн. -- Если вы согласитесь мне помочь, я хотел бы больше узнать об этом.

-- Правда? Я-то думала, что вы вызвали меня сюда, чтобы попытаться объяснить ошибочность избранного пути и отговорить от следования моей вере.

-- Ничего подобного, моя дорогая, -- заверил ее Зингерманн. -- Вы можете полагать, что обязаны хранить свои убеждения в самых дальних уголках сердца.

но они все равно обнаружатся. Когда дело касается преклонения, мы становимся очень любопытными существами. Те вещи, что оказывают влияние на наше воображение, влияют и на нашу жизнь, и на характер. А потому надо быть крайне осторожным в выборе объекта поклонения, поскольку мы становимся похожими на того, кому поклоняемся.

— И как вы думаете, кому мы поклоняемся?

Зингерманн с опаской посмотрел по сторонам и вытащил листок бумаги, в котором она немедленно узнала одну из листовок Божественного Откровения.

— Вот именно в этом я и хочу просить вашей помощи. Я прочитал этот текст несколько раз, и, должен признать, меня заинтриговало его содержание. Знаете... после тех событий в Шепчущих Вершинах... я не мог спать и тогда решил закопаться в книги. Я думал, если пойму, что с нами произошло, то смогу найти логические причины.

— И вам это удалось?

Он улыбнулся, но Эуфратия

заметила, что в его улыбке сквозили
отчаяние и усталость.

-- Сказать честно? Нет, не удалось.
Чем больше я читал, тем отчетливее
сознавал, насколько далеко за годы
поношения религии мы ушли от
деспотического духовенства. К тому же,
чем больше я читал, тем яснее понимал,
что вырисовывается какая-то
определенная структура.

-- Структура? Какая же?

-- Смотрите. -- Зингерманн обошел
вокруг стола, сел рядом с Эуфратией и
разгладил помятый листок. --
Божественное Откровение повествует о
том, что Император жил среди нас не
одну тысячу лет. Правильно?

-- Да.

-- Ну вот, а в древних текстах -- в
основном это полная чепуха, старые сказки
и устрашающие легенды о кровопролитиях
и варварских обычаях -- я обнаружил кое-
что, соответствующее этой теме.
Сияющее золотое существо появляется не
в одном тексте, и, как я должен признать,
этот герой очень похож на того, кто

описан в этом тексте. Не могу сказать, какая польза от подобного открытия, но мне хотелось бы узнать о нем больше.

Эуфратия не знала, что ему ответить.

— Взгляните сюда, — продолжил Зиндерманн, подогнувая и поворачивая книгу. — Этот текст написан на одном из древних наречий человеческого рода, но я никогда не встречал его раньше. Я смог разобрать несколько отрывков, но текст довольно сложный, и без знания нескольких корневых слов и правил образования грамматических окончаний его почти невозможно перевести.

— А что это за книга?

— Я уверен, что это «Книга Лоргара», хотя и не имел возможности поговорить с Первым капелланом Эребом, чтобы удостовериться в этом факте. Если я прав, то эта книга может оказаться копией, подаренной Боителю самим Лоргаром.

— А почему это для вас так важно?

— Разве вы не помните, какие слухи ходили о Лоргаре? — спросил Зиндерманн. —

Ведь он тоже поклонялся Императору, почитая его богом. Как я слышал, воины его Легиона уничтожали один мир за другим только из-за недостаточности почтительного отношения населения к Императору, а затем сооружали грандиозные памятники.

— Я полню такие слухи, но ведь это только слухи, и ничего больше?

— Возможно. А вдруг это правда? — Глаза Зингерманна загорелись при мысли о возможности нового исследования. — Что если один из примархов — ни больше, ни меньше как сын самого Императора — посвящен в тайну, к которой мы, смертные, еще не готовы? Если до сего момента мои исследования верны, эта книга может рассказывать о рождении божества. Я должен знать, что это означает!

При мысли об открывающихся возможностях сердце Эуфратии забилось сильнее. Неопровержимое доказательство божественности Императора, представленное Кириллом Зингерманном, высоко поднимет статус Божественного

Откровения, и тогда новая религия
распространится по всем уголкам
Галактики.

Зингерманн увидел отражение этих
мыслей на ее лице.

— Мисс Киулер, — снова заговорил он, —
 всю мою сознательную жизнь я занимался
пропагандой правдивых сведений об
Империи, и я горжусь проделанной мною
работой. Но что если мы распространяем
неверные идеи? Если вы правы и
Император является божеством, значит,
существо, увиденное нами в горах
Шестьдесят Три Девятнадцать,
представляет собой гораздо более
страшную опасность, чем мы можем себе
представить. Если оно действительно
было злым духом, то мы как никогда
раньше нуждаемся в таком божестве, как
Император. Я понимаю, что слова не
могут сдвинуть горы, но они могут
привести в движение людские массы —
история знает массу примеров. Люди
всегда охотнее сражаются и умирают во
имя слов, нежели ради чего-то другого.
Слова фортируют мысли, возбуждают

чувства и приводят к действиям. Они убивают и оживляют, калечат и исцеляют. Если профессия литератора меня чему-нибудь и научила, так это тому, что люди слова — священники, проповедники и мыслители — играют в истории более значительные роли, чем военные лидеры или государственные деятели. Если ты сможешь доказать существование бога, я даю слово, что литераторы огласят эту истину с самых высоких трибун всего мира.

Эуфратия с открытым ртом слушала, как Кирилл Зингерманн переворачивает ее мир с ног на голову. Этот почтенный проповедник мирских истин говорит о богах и вере? Глядя в его глаза, она поняла глубину сомнений и кризиса личности, пережитого со времени их последней встречи, увидела, как много он потерял за несколько прошедших дней и как много обрел.

— Можно, я посмотрю, — попросила она, и Зингерманн развернул книгу перед ее глазами.

Текст был написан клинообразными

значками, и строчки шли не горизонтально, а сверху вниз. Эуфратия моментально поняла, что не сможет поточь в переводе. Но некоторые элементы почему-то казались ей знакомыми.

— Я ничего не могу прочитать, — сказала она. — О чем здесь говорится?

— В том-то все и дело, что я и сам не могу сказать точно, — ответил Зингерманн. — Я могу понять отдельное слово, но трудно понять смысл без грамматического ключа.

— Я видела это раньше, — сказала Эуфратия, внезапно вспомнив, почему значки показались ей знакомыми.

— Едва ли, Эуфратия, — покачал головой Зингерманн. — Эта книга десятилетиями пылилась в Архиве. Надеюсь, чтобы кто-то прочел ее после того, как она сюда попала.

— Не стоит от меня отмахиваться, Зингерманн, я точно видела похожие надписи раньше.

— Где?

Кишлер сунула руку в карман и нащупала катушку памяти из разбитого

пиктера. Затем она поднялась со стула.

— Соберите свои записи, и давайте встретимся в Архиве через тридцать минут.

— Куда вы уходите? — спросил Зингерманн, захлопывая книгу.

— Хочу получить то, на что вам будет интересно взглянуть.

Хорус открыл глаза и увидел над собой небо, затянутое облаками дыма, вдохнул застоявшийся воздух, пропахший хитикалияти.

Запах был знакомым. Это запах его дома.

Он лежал на неровном плато, присыпанном черной пылью, а впереди виднелся вход в тоннель давней выработанной шахты. Осознав, что он оказался на Хтонию, Хорус ощутил болезненный укол ностальгии.

Дым далеких литейных заводов и неумолчный гул, доносившийся из глубоких шахт, наполняли воздух, и тоска по давним беззаботным дням усилила боль в сердце.

Хорус оглянулся в поисках Сеяруса, но, увидя, ярость бушующего в недрах Терры урагана не затронула его старого товарища.

Путешествие сюда оказалось не таким безмолвным и мгновенным, как остальные перемещения по загадочному царству. Силы, правящие в Варне, позволили ему заглянуть в будущее, и оно оказалось не слишком радостным. Злобные ксеносы захватили власть над огромными пространствами Галактики, и сыны человеческие впали в уныние.

Могущество славных человеческих армий было сломлено, Легионы расслоились и распались на отдельные группы, воины превратились в бюрократов, писцов и чиновников, люди влачили бесславное существование, не имея ни высоких целей, ни амбиций.

В этом мрачном будущем человечество не имело сил противиться диктаторам и бороться против режима, установленного Императором. Его отец превратился в божественный трун, который не чувствовал боли своих

погданных и не заботился об их судьбе.

Но правде говоря, уединение на Хтони было почти приятным, пока мысли продолжали кружиться в безутном воровоте гнева и возмущения. Император пытался справиться с силами, далеко превосходящими его способности, и снова утратил контроль. Рагу обещанного могущества он продал своих сыновей и теперь вернулся на Терру, чтобы начать все сначала.

— Я этого не допущу, — негромко произнес Хорус.

Едва он договорил, как опять раздался заунывный волчий вой, заставивший его вскочить на ноги. На Хтони не было никаких зверей, хотя бы отдаленно напоминавших волков, и Хорусу нагоела эта постоянная погоня в варне.

— Покажитесь! — крикнул он, потрясая в воздухе сжатым кулаком и добавив раскатистый боевой клич.

Его призыв не остался без ответа; вой стал приближаться, и Хорус почувствовал, как в нем снова зреет жажда битвы. Он почувствовал вкус крови

Во время схватки с Күстодуанскими
гвардейцами и теперь был не прочь еще
раз сразиться с врагами.

Вокруг мелькали неясные тени, и
Хорүс повторил боевой клич:

— Лүперкаль! Лүперкаль!

Тени отделились от темноты и
превратились в стаю волков с рыжеватой
шерстью. Звери окружили его.
Пристотревшись, Хорүс узнал вожака — он
разговаривал с ним после первого
пробуждения в варне.

— Кто ты такой? — спросил Хорүс. —
Только без обмана!

— Друг, — произнес волк.

Звериный силуэт угрожал, стал
расплывчатым, и по нему пробежали
полосы золотого света. Волк поднялся на
задние лапы, тело его стало
увеличиваться, пока не приобрело
человеческую форму, а ростом не
сравнялось с сатим Хорүсом.

Шерсть на морде растворилась,
открыв тедно-красную кожу, а глаза,
словно две капли расплавленного металла,
соединились в одно сверкающее золотом

око. На голове шерсть превратилась в
конну рыжих волос, а на теле стенилась
блестящими бронзовыми доспехами,
закрывшими грудь и руки. Поверх доспехов
легла мантия из перьев, и Хорус
открылось лицо, знакомое, как собственное
отражение в зеркале.

-- Магнус! -- воскликнул он. -- Неужели
это ты?

-- Да, брат, это я, -- ответил Магнус,
и воины обнялись, кланувшись доспехами.

-- Как? -- удивился Хорус. -- Ты тоже
при смерти?

-- Нет, -- ответил Магнус. -- Я жив.
Брат, ты должен меня выслушать. Мне
было нелегко добраться до тебя, и у нас
очень мало времени. Тебя стерегут
слишком могущественные заклинания, и
каждую секунду, что я провожу здесь,
дюжина рабов утирает, чтобы оставить
переход открытым.

-- Не слушайте его, Воитель! --
раздался еще один голос, и Хорус,
обернувшись, увидел, как из зева шахты
выходит Сеянус. -- Это его прихода я
пытался избежать. Это оборотень из

варна, промышляющий человеческими душами. Он жаждет завладеть вами, чтобы вы никогда не смогли вернуться в свое тело. И тогда Хорус обратится в прах.

— Он лжет, — бросил Магнус. — Хорус, ты меня знаешь, я твой брат. А кто он? Гастур? Но Гастур мертв.

— Я знаю, но в этом месте не все заканчивается после смерти.

— Это верно, — согласился Магнус. — Но неужели ты доверишься мертвецу, а не собственному брату? Мы скорбим по Гастуру, но его нет с нами. А этот самозванец даже боится открыть свое подлинное лицо!

Магнус выбросил вперед руку и сжал пальцы в воздухе, словно хватая что-то невидимое. Затем он потянул руку назад. Гастур закричал, и из его глаз вспышкой магия брызнул серебристый свет.

Хорус сощурился от ослепительного света. Теперь перед ним снова стоял воин Астартес, но на нем были доспехи Несущих Слово.

— Эреб?! — воскликнул Хорус.

-- Да, Воитель, -- признался Первый капеллан Эреб. Длинный багровый шрам на его шее уже начал бледнеть. -- Я пришел к вам в образе Сеянуса, чтобы легче было объяснить вам, что необходимо сделать, но все время, пока мы странствовали по этому царству, я не сказал ничего, кроме правды.

-- Не слушай его, Хорус, -- предостерег Магнус. -- В твоих руках будущее Галактики.

-- Это верно, -- сказал Эреб, -- поскольку Император намерен покинуть Галактику ради своего обожествления. Хорус должен спасти Империум, потому что Император этого не сделает.

УЖАС

АНГЕЛЫ И ДЕМОНЫ

КРОВАВЫЙ ДОГОВОР

С компактным пикт-проектором подмышкой и предчувствием безграничных возможностей, переполняющим сердце, Эуфратия Киулер пробиралась по узким проходам третьего зала Архива к столу Зингерманна. Седовласый итератор склонился над книгой, которую показывал ей раньше, и дыхание облачками тумана поднималось над его головой. Эуфратия заняла место рядом с ним, установила на столе проектор и вставила катушку памяти в гнездо приемника.

— А здесь холодно, Зингерманн, — заговорила она. — Не знаю, как вы до сих пор не подхватили воспаление легких.

— Да, — кивнул он, — действительно холодно. Похолодало несколько дней назад, с тех пор, как Боутеля переправили на Давин.

Проектор пробудился к жизни, его белый экран затерцал и осветил их лица размытым сиянием. Киилер начала прогонять отснятые кадры. Протелькнули недавние снимки, сделанные на поверхности Давина, потом на экране появились капитан Локен и его братья по Морнивалю перед высадкой в Шепчущих Вершинах.

-- Что именно вы ищете? -- спросил Зиндерманн.

-- Вот это! -- торжествующе воскликнула Эуфратия и повернула экран, чтобы он мог увидеть изображение.

Файл содержал восемь снимков, отснятых в юрте Военного Совета на Давине, когда стало известно о предательстве Тембы. На всех кадрах присутствовал Первый капеллан Эреб, и Эуфратия, манипулируя шариком на панели проектора, увеличила участки, где был виден его татуированный череп. Зиндерманн, узнав загадочные символы на голове Несущего Слово, даже вскрикнул. Они точно соответствовали знакам, которые он показывал Эуфратии на

нижней палубе.

— Значит, это она, — выдохнул оператор. — Это «Книга Лоргара». А нельзя ли увеличить изображение всех участков головы Эреба? Это возможно?

— Возможно, — ответила Киулер, и ее пальцы заплесали на клавиатуре проектора.

Используя разные изображения и снимки головы Эреба под разными углами, Эуфратия составила полную композицию знаков, вытатуированных на черепе, а затем вывела их на плоскость. Зиндертманн с восхищением наблюдал за ее мастерскими действиями; потребовалось не больше десяти минут, чтобы получить сильно увеличенное, но четкое изображение всех надписей на голове Эреба.

Удовлетворенно хмыкнув напоследок, она набрала еще одну комбинацию команд, и из прорези на боку аппарата с тихим шелестом выскочила распечатанная копия экранного изображения. Киулер двутя пальцами подняла лист за уголок, потахала им в воздухе, чтобы краска высохла, и передала Зиндертманну.

-- Вот,-- сказала она,-- надеюсь, это поможет вам перевести текст в книге.

Зиндерманн положил листок рядом с книгой. Теперь его взгляд перебегал со страниц книги к его заметкам и распечатке, а палец скользил по рядам клиновидных значков.

-- Да, да, -- взволнованно бормотал он. -- Вот это слово, здесь оно снабжено дополнительными гласными, а это явно относится к жаргону, но обладает более плотной многосложной конструкцией.

Куллер уже через минуту перестала вслушиваться в бормотание итератора, поскольку его слова были ей совершенно непонятны. Каркази или Олитон смогли бы в этом разобраться, но ее стихией были изображения, а не слова.

-- Сколько вам потребуется времени, чтобы хоть что-нибудь понять? -- спросила она.

-- Что? О, я не думаю, чтобы очень много, -- сказал он. -- Если грамматическая логика языка известна, то разгадать смысл довольно просто.

-- Так сколько на это уйдет времени?

— Дайте мне один час, и потом мы вместе прочтем текст.

— Отлично, — сказала она, отодвигаясь от стола. — А я пока здесь остопрюсь, если вы не против.

— Да, не стесняйтесь и рассматривайте все, что привлечет ваше внимание, хотя, боюсь, эти книги интересны только для такого затшелого книжного червя, как я.

Кишлер, улыбувшись, встала из-за стола.

— Кирилл, может, я и не знаток в области литературы, но я знаю, с какового конца надо открывать книгу.

— Конечно, конечно, я не хотел...

— Не беспокойтесь, я пошутила, — сказала Эуфратия и отправилась бродить вдоль стеллажей, а Зингерманн вернулся к книге.

Несмотря на свои насмешки, она вскоре была вынуждена признать правоту Зингерманна. Целый час она осматривала полки, битком набитые свитками, книгами и пахнувшими плесенью манускриптами с разрозненными

листами. Большая часть книг имела труднопроизносимые и непонятные заглавия вроде «Таблицы астрологов и авгуров-астромеленатов, пагубные воздействия и разнообразные ужасы, сопутствующие подобным занятиям» или «Книга Атута».

Скользнув взглядом по последнему названию, Эфратия ощутила, как по спине пробежал холодок, и протянула руку, чтобы снять ее с полки. От потертого кожаного переплета распространялся сильный запах, и хотя Эфратия не собиралась читать книгу, она не могла отрицать странного притяжения, оказываемого древним фолиантом.

Книга с треском раскрылась в ее ладонях, и Эфратия закашлялась от вековой пыли, поднявшейся с освободившихся страниц. Зингерманн за своим столом уже начал читать вслух переведенный отрывок «Книги Лоргара».

Удивительно, но слова в «Книге Атута» были написаны на понятном Эфратии языке, и она быстро пробежала взглядом страницу. Снова слышался

голос Зингерманна, и уже через мгновение Эуфратии стало ясно, что текст, который она слышит, повторяет слова, написанные на произвольно открывшейся странице. Но буквы в книге расплывались и перескакивали с места на место прямо у нее на глазах. Старинный выцветший манускрипт словно осветился изнутри. Испуганно вскрикнув, Эуфратия выронила книгу.

Она повернулась и побежала обратно к столу Зингерманна. Обогнув стеллаж, она увидела, что итератор продолжает читать вслух, хотя его лицо исказилось от ужаса. Он вцепился в книгу обеими руками, словно не в силах был ее отпустить, а слова непрерывным потоком срывались с дрожащих губ.

У Эуфратии перехватило дыхание, но, увидев, что над столом Зингерманна проявляется голубоватое светящееся облако, она не удержалась от крика. В облаке появился какой-то силуэт, он извивался и дергался, как будто не мог понасть в такт с окружающим миром.

— Кирилл! Что происходит? — в ужасе

крикнула Киилер.

Парализующий ужас Шепчущих
Вершин вернулся к ней с новой силой, и
Эуфратия упала на колени. Зингерманн
ничего не ответил, поток слов продолжал
изливаться с его безвольных губ, а глаза
были прикованы к источнику
неестественно яркого света у него над
головой. Эуфратия поняла, что и его душу
заполняет тот же непреодолимый страх.

Светящийся пузырь вздрагивал и
менял форму, словно изнутри кто-то
отчаянно пытался выбраться, а спустя
мгновение из него высунулось мерцающее
извивающееся щупальце. Ярость,
пожиравшая ее несколько месяцев после
нападения в горах, проснулась снова и
вытеснила страх. Эуфратия стогла
вскочить на ноги.

Она подбежала к Зингерманну и
схватила за руки, а в облаке света уже
проявился силуэт существа, сотрясаемого
волнами дрожи. Он постепенно обретал
плоть и энергично пытался вырваться за
пределы светового пузыря.

— Кирилл! Бросьте эту проклятую

книгу! -- закричала Эуфратия, и в этот момент в воздухе что-то разорвалось.

Она рискнула бросить взгляд наверх -- из светящегося шара в грубой пародии на рождение появилось еще несколько щупалец.

-- Кирилл, простите меня! -- воскликнула Эуфратия и сильно ударила литератора кулаком в челюсть.

Зингерманн рухнул в свое кресло, поток слов прекратился, и книга выпала из его рук. Обогнув стол, Киулер подняла литератора на ноги и в этот момент услышала еще один громкий хлопок и что-то очень большое упало на стол.

Она не стала тратить время и оглядываться, а как можно быстрее, поддерживая едва передвигавшего ноги Зингерманна, встретилась к стеллажам. Едва они вдвоем отошли от стола, как нечто отбросило перед ними две глиняные тени, а позади раздался пронзительный визг, в котором отчетливо звучала издевательская насмешка.

Внезапно в воздухе что-то просвистело, яркий, горячий сгусток

пронесся над головами и, попав в одну из книжных полок, с громким хлопком разорвался, словно праздничный фейерверк, и дерево тотчас зашипело и обуглилось. Тогда Киулер рискнула оглянуться -- вслед за нити судорожными рывками двигался ужасный клубок извивающихся щупалец, растущих из светящегося комка полужидкой плоти. На подвижной поверхности то появлялись, то исчезали безумные лица, отдельные глаза и хихикающие рты. Изнутри били лучи красного и голубого цвета, и от разноцветных пятен на стенах Архива рябило в глазах.

Еще один ослепительно яркий заряд полетел в их сторону, и Киулер, толкнув Зиндертманна, бросилась на пол. Сгусток света ударил в полку совсем рядом, и в воздух полетели горящие книги и щепки. Ужасный монстр двигался по проходу, с удивительной ловкостью используя длинные эластичные щупальца, и Киулер заметила, что он пытается обойти их сбоку.

Услышав позади сводящий с ума

издевательский стех, Эуфратия рывком подняла Зиндерманна на ноги. Утератор уже немного пришел в себя после ее удара, и они снова побежали по извилистым переходам между рядами полок к выходу из зала. За спиной раздался рев пламени — это чудовище протолкнуло свою тушу в узкий проход, и от соприкосновения с его плотью книги превратились в факелы розового огня.

Кишлер уже увидела впереди конец прохода и чуть не растеялась, услышав тревожный вой пожарной сигнализации. Теперь, наверно, кто-нибудь придет и на помощь.

В противоположном конце прохода раздался взрыв, и Зиндерманн, споткнувшись, упал и увлек ее за собой. Они свалились друг на друга, но отчаянно продолжали карабкаться вперед, стараясь как можно больше увеличить дистанцию, отделявшую их от ужасного существа.

Кишлер перекатилась на спину, а чудовище уже протискивалось между рядами полок совсем близко, его полужидкая туша как будто переливалась

сквозь узкие места, и на атрофном теле сверкали злобные глаза и широкие зубастые пасти. Раздался визг, и чудовище плюнуло в ее сторону сгустком голубого огня.

Уже зная, что все бесполезно, Эфратия зажмурила глаза и вытянула вперед руки, пытаясь уберечься от смертоносного пламени. Внезапно на нее обрушилась тишина, а ожидаемый удар так и не последовал.

— Торопитесь, — раздался чей-то угрожающий от напряжения голос. — Я не могу больше его сдерживать.

Кишлер обернулась. На пороге архивного зала, вытянув перед собой руки, стояла закутанная в белый балахон Инг Мае Синг, главный астронав «Духа мщения».

— Хорус, брат мой, — убеждал его Магнус, — не слушай, что бы он тебе ни говорил. Все это ложь, все, до единого слова. Ложь для маскировки его злобных целей.

— Те, кто обладает стелостью и

волей говорить правду, всегда кажутся зловещими предсказателями для несведущих людей, — огрызнулся Эреб. — Вам ли говорить о лжи, когда вы стоите перед нами в варне?

Как можно достичь этого, не прибегая к колдовству? К тому самому колдовству, которое было однозначно запрещено лично Императором?

— Не стей судить мои действия, щенок! — взревел Магнус.

Взмахом руки он послал в капеллана сверкающий шар огня. Хорус видел, что пламя ударило в Эреба и охватило его, но, едва огонь погас, стало ясно, что Первый капеллан не пострадал, на доспехах не осталось ни царапины, и даже кожа не покраснела.

— Ты слишком далек от меня, Магнус! — со смехом заметил Эреб. — Твоих сил недостаточно, чтобы меня поразить.

Хорус видел, как Магнус одну за другой посылает шаровые молнии с кончиков своих пальцев, и ужаснулся своему брату, использующему подобные силы.

Хотя когда-то во всех Легионах были подразделения учёных, которые обучали воинов пользоваться силой варна, все они были расформированы по приказу Императора, оглашенному на Никейском Совете.

Очевидно, Магнус не подчинился этому запрету, и такое самозаглашение загело Хоруса.

Наконец Магнус осознал, что его усилия не достигают цели, и опустил руки.

— Вы видите, — сказал Эреб, обращаясь к Хорусу, — ему нельзя доверять.

— Как и тебе, Эреб, — ответил Хорус. — Ты явился мне под чужой личиной, ты утверждаешь, что мой брат Магнус — это не что иное, как порождение варна, но, обращаясь к нему, говоришь так, словно он именно тот, за кого себя выдает. Если он появился при помощи колдовства, то, как здесь оказался ты?

Эреб, пойманный на лжи, медлил с ответом.

— Вы правы, мой господин, — наконец

заговорил он. -- Магия ложь Эмеи послала
меня сюда, чтобы помочь вам выжить.
Жрица Эмеи даже перерезала мне горло,
чтобы это сделать, и, как только я
вернусь в материальный мир, я убью эту
ведьму. Но знайте: все, что я вам показал, --
сущая правда. Вы видели все своими
глазами и знаете истину.

Магнус с угрожающим видом навис
над Эребом, пока тот говорил, и его рыжая
львиная грива грожала от ярости, но
Хорус видел, что брат держит под
контролем свои эмоции.

-- Хорус, будущее не определено.
Возможно, Эреб показал тебе будущее, но
это лишь один из возможных вариантов.
Это не окончательно, можешь мне
поверить.

-- Ба! -- фыркнул Эреб. -- Вера -- это
еще один способ увильнуть от истины.

-- Ты думаешь, я этого не знаю,
Магнус? -- настыливо спросил Хорус. -- Я
знаком с варпом и знаю, какие шутки он
может вытворять с разумом. Я не дурак.
Я знал, что передо мной не Сеянус, как
я знал без всякой подсказки и то, что все

удивленное мною не имеет смысла.

Хорус заметил обескураженное выражение на лице Эреба и растаял.

-- Эреб, ты, должно быть, считал меня полным идиотом, если счел, что такие простые трюки могут ввести меня в заблуждение.

-- Брат, -- усмехнулся Магнус, -- ты меня удивляешь.

-- Помолчи, -- отрезал Хорус. -- Ты сам не многим лучше Эреба. Ты не сможешь мной манипулировать, потому что я -- Хорус. Я -- Воитель!

Смущение на лицах обоих доставило ему неталое удовольствие.

Один из них был его братом, второй -- воином, которого он считал ценным советчиком и преданным последователем. Он сильно ошибался в них обоих.

-- Я не могу доверять ни одному из вас, -- сказал он. -- Я -- Хорус, и я сам строю свою судьбу.

Эреб шагнул к нему, просительно протянув руки.

-- Вы должны знать, что я пришел к вам по приказанию своего повелителя

Лоргара. Ему уже известно о намерении Императора достичь божественности, и Лоргар поклялся в верности богам варна. Император отверг его преклонение, но мой господин нашел других богов, с радостью принявших его обеты. Мощество моего примарха возросло в десятки раз, но это мелочь по сравнению с тем, что ожидает вас, если вы последуете этим путем.

-- Он лжет! -- закричал Магнус. -- Лоргар верен своим клятвам! Он никогда бы не пошел против Императора.

Хорус прислушался к словам Эреба и отчетливо понял, что тот говорит правду.

Лоргар, его самый любимый брат, уже познал силу варна? В душе Хоруса бушевали и боролись различные эмоции -- разочарование, гнев и, если говорить честно, ревность к Лоргару за то, что тот был избран первым.

Если мудрый Лоргар предпочел покровительство богов варна, может, в этом есть какой-то смысл?

-- Хорус, -- заговорил Магнус, -- мое время истекает. Прощу тебя, брат, прояви

твердость. Подумай о том, к чему тебя склоняет этот шелудивый пес. Он призывает нарушить клятву верности. Он уговаривает тебя предать Императора и отвернуться от твоих братьев Астартес! Ты должен верить, что Император поступает правильно.

-- Император сделал судьбу Галактики своей ставкой в игре в кости, -- возразил Эреб. -- И кроме того, он играет нечестно.

-- Хорус, прошу тебя! -- воскликнул Магнус, но его голос уже стал удаляться, а облик загрожал и побледнел. -- Ты не сможешь пойти на это, или все, ради чего ты боролся, обратится в прах! Ты не сделаешь этот ужасный шаг!

-- Так ли он ужасен? -- устехнулся Эреб. -- Всего лишь небольшое одолжение. Предоставьте Императора богам варна, и вы обретете безграничное могущество. Я уже говорил, что их совершенно не интересует материальный мир, и их предложение все еще остается в силе. Галактика станет вашей, и вы станете новым Повелителем Человечества.

– Хватим! – взревел Хорус, и все вокруг затихло. – Я сделал свой выбор.

Киулер помогла Кириллу Зингерманну встать на ноги, и они вместе ринулись к двери Архива. Дрожащие руки Унг Мае Синг были все еще вытянуты вперед, от них исходили волны холодного психического воздействия. Киулер видела, что глава астронавтов прилагает все усилия, чтобы удержать опасного монстра на расстоянии.

– Закройте... дверь, – сквозь стиснутые зубы прошептала Унг Мае Синг.

На лбу и шее у нее вздулись вены, а фарфоровое личико исказила гримаса боли. Киулер не надо было повторять дважды. Она бросила Зингерманна и поспежала к двери, а Унг Мае Синг темными неуверенными шажками попыталась от входа.

– Скорее! – крикнула она, роняя руки.

Киулер налегла на дверь, снова слыша взрыв злорадного хохота в архивном зале. От воя сирен и пронзительного стеха

монстра заломило уши, но дверь все же захлопнулась.

С обратной стороны в створку ударилось что-то тяжелое, и даже через металл Эуфратия ощутила смертоносный жар. Унг Мае Синг тоже бросилась к двери, но астронавт была слишком хрупкой женщиной, чтобы оказать помощь. Киулер стало ясно, что им не удержать натиск чужовища.

— Что вы сделали? — спросила Унг Мае Синг.

— Я не знаю, — задыхаясь, ответила Киулер. — Император вслух читал отрывок из книги, и это... существо неожиданно возникло в воздухе. Во имя Императора, что это такое?

— Существо из-за порога эмпиреев, — сказала Унг Мае Синг, и дверь содрогнулась от очередного опаляющего залпа. — Я ощутила сосредоточение энергии варна и прибежала, как только смогла.

— Жаль, что не успели раньше, да? — спросила Киулер. — А вы можете отослать его обратно?

Унг Мае Синг печально покачала головой, и в это время призрачное щупальце из розового огня просочилось через дверь и коснулось руки Киилер. Жар был настолько сильным, что ее одежда прогорела, а кожа покраснела от ожога. Эуфратия с криком отпрянула от двери и схватилась за обожженную руку. Ужасное существо еще раз ударило в дверь, и на этот раз обе женщины полетели на пол.

Весь коридор вспыхнул ослепительным светом. Киилер прикрыла глаза ладонью и почувствовала на своих плечах чьи-то руки. Оглянувшись, она увидела, что Зингерманн уже поднялся. Он помог Эуфратии встать на ноги.

— Я думаю, что неправильно перевел текст, — сказал он.

— Вы думаете? — переспросила Киилер, пятясь от чудовища.

— Скорее всего, вы перевели его слишком точно, — заметила Унг Мае Синг, тоже отползая от двери.

Светящееся чудовище вытекло в коридор и слепо раскинуло щупальца во все стороны. Многочисленные глаза

открывались и исчезали на поверхности тела, словно нарывы, но уже через секунду монстр двинулся на беглецов.

-- О Император, защити нас! --
прошептала Киилер, поворачиваясь, чтобы бежать.

При этих словах чудовище вздрогнуло, а Инг Мае Синг дернула Эуфратию за рукав.

-- Бежим скорее, мы не в силах ему противостоять.

Внезапно Киилер поняла, что это не так. Она страхнула руку астронаута и достала из-под одежды висящий на цепочке амулет в виде имперского орла Серебряная поверхность отразила свет чудовища с удвоенной силой, и амулет моментально нагрелся в ее руке. Киилер блаженно улыбнулась. С предельной ясностью она поняла: все, что происходило с ней после нападения в Шепчущих Вершинах, было подготовкой к этому моменту.

-- Эуфратия! Беги! -- в ужасе закричал Зиндертанн.

Из тела монстра вытянулось глиняное щупальце и метнуло в нее ревущий

голубым пламенем шар. Киилер не
грогнула перед ним и осталась стоять,
вытянув перед собой руку с символом ее
веры.

— Император защитит! — успела
крикнуть она перед тем, как огонь
полностью окутал ее тело.

Дождь стоял сплошной стеной, а
воздух был насыщен электричеством —
молнии беспрерывно сверкали над
многолюдным сборищем людей вокруг
Дельфоса. Мрачное настроение природы
было словно отражением царящего в душе
Локена напряжения и тревоги.

С тех пор как Воителя поместили в
храм ложу Элеи, прошло девять дней, и с
каждым днем погода только ухудшалась.
Непрекращающийся ливень грозил смыть
импровизированный лагерь паломников,
оглушительные раскаты грома звенящими
ударами гигантских молотов сотрясали
воздух. Луна то показывалась, то
пропадала в разрывах туч.

Как-то раз Воитель сказал Локену,
что костос слишком велик и бесплоден для

мелодрам, но небеса над Давином, казалось, стремились доказать обратное.

Вместе с Торгаддоном и Вунусом они стояли на верхней ступени храмовой лестницы, а за их спинами стояли сотни Сынов Хоруса. Капитаны рот, командиры отделений, младшие офицеры и рядовые воины собрались на Давине, чтобы стать свидетелями чудесного спасения или поражения. Все они прошли маршем мимо тысячных толп, в которых грязные костюмы летописцев смешались с армейскими мундирами и гражданскими платьями.

— Похоже, что здесь собралась вся экспедиция, — заметил Торгаддон, пока они поднимались по ступеням, топчась тяжелыми ботинками бесчисленные бездельники и амулеты, оставленные на лестнице в качестве пожертвований ради исцеления Воителя.

На вершине парадной лестницы Локен мог видеть ту же группу людей, что и девять дней назад, здесь не было только Малогарста, уже несколько дней как вернувшегося на корабль. Сквозь бьющие по

лицу струи дожда он увидел, как очередная
вспышка молнии блеснула на бронзовых
створках, превратив их в сплошную стену
огня. Перед ней под дождем собрались
Абагдон, Аксиманг, Таргост, Седирэ,
Экагдон и Кибре.

Ни один из них не покинул
добровольный пост перед воротами
Дельфоса, и Локен сомневался,
отвлекались ли они на еду или сон с тех
пор, как он видел их в прошлый раз.

— Гарви, что мы теперь будем
делать? — спросил Вунус.

— Присоединился к братьям и будем
ждать.

— Ждать чего?

— Пойдем, когда увидим, — сказал
Торгагдон. — Верно, Гарви?

— Надеюсь, что так, — ответил
Локен. — Пошли.

Под неумолчные раскаты грома они
зашагали к воротам, а змеи на колоннах
извивались в свете молний.

Локен увидел, как его братья
выстроились в шеренгу по краю бассейна с
покрытой рябью водой, в которой гробилось

отражение луны. Хорус Акситанг говорил, что это добрый знак. Сейчас тоже? Локен не знал, можно ли еще на что-то надеяться.

Сыны Хоруса двинулись за своими капитанами по широкой лестнице, и Локен постарался успокоиться. Если произойдет кровопролитие...

От этой мысли он пришел в ужас. Оставалось только надеяться, что трагедии удастся избежать, но, если дело дойдет до драки, он будет готов...

-- Ваши воины вооружены? -- шепотом спросил он у Торгаддона и Винуса по закрытому каналу вокс-связи.

-- Как всегда, -- кивнул Торгаддон. -- У каждого полный боекомплект.

-- Да, -- откликнулся Винус. -- Ты в самом деле считаешь?..

-- Нет, -- ответил Локен, -- но будьте наготове. Старайтесь сдерживать свои чувства, и тогда все пройдет мирно.

-- И ты тоже, Гарви, -- предупредил его Торгаддон.

Длинная колонна Астартес достигла края бассейна, на другой стороне которого

неподвижно и напряженно замерли те, кто
нес Воителя в храм.

— Локен, — подал голос Сергар
Таргост, — ты пришел драться с нами?

— Нет, — ответил Локен, заметив,
что они тоже вооружены. — Мы пришли
посмотреть, что произойдет. Девять дней
тиновало, Сергар.

— Да, девять дней прошло, — кивнул
Таргост.

— А где Эреб? Вы видели его с тех
пор, как принесли Воителя в храм?

— Нет, — проворчал Абадгон. Его
длинные волосы рассыпались по плечам, а
взгляд оставался враждебным. — Мы его не
видели. А какое это имеет значение?

— Успокойся, Эзекиль, — произнес
Торгадгон. — Мы все здесь по одной и той
же причине.

— Локен, — заговорил Аксиманг, — ты с
тобой немного повздорили, но это должно
прекратиться. Враждовать друг с другом
значило бы опозорить память Воителя.

— Хорус, ты так говоришь, словно он
уже мертв.

— Посмотрим, — сказал Аксиманг. —

Конечно, это был почти безнадежный шанс, но другого у нас не было.

Локен заглянул в печальные глаза Хоруса Аксиманга и увидел терзающие его отчаяние и сомнения. Гнев на братьев стал понемногу утихать.

А он сам, если бы пришлось решать судьбу Воителя, поступил бы по-другому? Смог бы он отвергнуть решение своих товарищей и братьев, если бы ситуация сложилась иначе? Тогда он с Хорусом и Аксимангом сейчас поменялся бы местами на берегах пруда.

— Давайте объединим наши надежды и будем ждать, — предложил Локен, и Аксиманг ответил ему благодарной улыбкой.

Напряжение немного отпустило, и Локен вместе с Торгагдоном и Вунусом, обогнув пруд, встали перед гигантскими воротами рядом с братьями.

Едва торнивальцы встали плечом к плечу, как ослепительная молния ударила в ворота, и гром, не имеющий ничего общего с грозой, расколол ночь.

Когда эхо раската стало постепенно

затихать, а молнии мгновенно погасли.
Локен увидел посреди ворот темную
полоску. Небо самым таинственным
образом прояснилось, словно буря исчерпала
силы, а небеса затаили дыхание, чтобы
стать свидетелями граты,
разворачивающейся на планете под ними.
Ворота начали медленно
открываться.

Языки пламени охватили Эуфратию
Киулер, но они казались холодными и не
причиняли боли. В вытянутой руке
спасительным талисманом сиял
серебряный орел, и она чувствовала, как
удивительная энергия наполняла ее от
кончиков пальцев на ногах до корней
коротко подстриженных волос.

-- Властью Императора повелеваю
тебе, мерзкое создание! -- выкрикнула она
незнакомые, но казавшиеся верными слова.

Цинг Мае Синг и Зингерманн
ошеломленно смотрели, как она сделала
шаг навстречу чудовищу, потом второй.
Ужасное существо затерло на месте,
пораженное то ли ее храбростью, то ли

верой, Киулер не знала, но, какова бы ни была причина, замешательство врага ее обрадовало.

Многочисленные щупальца взметнулись вверх, словно защищаясь от невидимого нападения, а пронзительный стех стенился жалобным детским плачем.

— Уменем Императора приказываю тебе убираться обратно в варн! — крикнула Киулер.

Ее уверенность росла по мере того, как плоть чудовища стала съеживаться, а излучаемый свет утратил неестественную яркость. Зато серебряный орел в руке так раскалится, что кожа на ладони покрылась волдырями.

Унг Мае Синг подошла к Эуфратии и добавила свои силы к ее атаке на монстра. Воздух вокруг астронаута стал заметно холоднее, и Киулер передвинула руку поближе к ней, чтобы хоть немного остудить обжигающего орла.

Внутренний свет чудовища затерцал и потерк, подвижная оболочка вспыхивала последними огнями, как будто цепляясь за жизнь. Эти вспышки отражались в

серебряных гранях орла и, десятикратно усиливаясь, заливали светом весь коридор, не оставляя ни клочка тени.

-- Что бы ты ни делала, продолжай! -- крикнула Инг Мае Синг. -- Оно слабеет!

Киулер попыталась что-то ответить, но оказалось, что голос пропал. Удивительная энергия, наполнявшая ее тело, теперь мощным потоком изливалась через орла, увлекая за собой и ее собственные силы.

Она попыталась бросить амулет, однако он прилип к ладони -- раскалившийся докрасна металл вплавился в ее кожу.

За спиной Киулер слышались клацанье доспехов судовой команды и удивленные крики людей, увидевших поразительную картину.

-- Пожалуйста... -- прошептала Киулер, но тут ее ноги подкосились, и она без сознания рухнула на пол.

Яркий луч из серебряного орла погас, и последнее, что она видела, это распадающееся тело чужовища и восторженное лицо склонившегося над ней

Зингерманна.

Воцарившүюся тишинү нарушал только гүл открывавшихся ворот. Затаив дыхание, Локен следил за расходящимися створками и всем своим сүществом стремился проникнүть в темнотү растүщей щели. Наконец, ворота открылись полностью, тогда он отважился посмотреть на лица своих братьев, и в каждом из них он видел тү же отчаянную надеждү.

Теперь тишина стала полной, и чүныние снова овладело гүшой Локена. В конце концов, после определенного срока ворота могли просто открыться автоматически.

Воитель үтер.

Мүчительная скорбь наполнила его сердце, и он горестно опустил голову.

Но вот послышался звүк шагов, и в темноте засверкали белые с золотом доспехи.

Из глубины Дельфоса вышел Хорүс в развешивающемся алом плаще и с высоко поднятым над головой золотым мечом.

В центре груги рдело алое око, и лавровый веночек венчал прекрасное и устрашающее в своем совершенстве лицо.

Перед ним стоял Воитель, живой и негиббаемый. Его мощь была такой очевидной, что все присутствующие лишились дара речи.

— Я очень рад вас видеть, сыны мои, — с улыбкой произнес Хорус.

Торгаддон в восторге вскинул вверх сжатый кулак.

— Лүперкаль! — закричал он.

А потом он растеялся и кинулся к Воителю, разрушив овладевшее всеми оцепенение.

Морнивальцы встретились к своему господину и повелителю, радостные крики «Лүперкаль!» вырвались из горла каждого. Астартес, боевой клич прокатился по рядам и был подхвачен в толпе вокруг храма.

Паломники под стенами Дельфоса прекратили свои молитвы, и вскоре с десятков тысяч губ срывалось имя Воителя.

— Лүперкаль! Лүперкаль! Лүперкаль!

От бурного ликования,
продолжавшегося до глубокой ночи,
угрожали склоны кратера.

Часть четвертая
КОНЕЦ ВЕЛИКОГО
КРЕСТОВОГО
ПОХОДА

БРАТЯ УБИЙСТВО НЕПОКОРНЫЙ ПОЭТ

На поверхности нагрудника застыли серебристые потоки расплавленного металла, и Мерсаги Олитон, проведя достаточно много времени в экспедиции, уже понимала, что для окончательного ремонта потребуются помощь оружейников Легиона. Локен сидел рядом с ней на скамье тренировочного зала, а другие офицеры Сынов Хоруса расположились в разных углах и занимались ремонтом доспехов и чисткой болтеров или ценных мечей. Локеном явно владело уныние, и ей не потребовалось много времени, чтобы заметить его состояние.

-- Дела на войне идут не слишком хорошо? -- спросила Мерсаги.

Он вытащил из болтера затвор, прошелся по нему масляной ветошью, потом поднял голову, и Мерсаги с

изумлением заметила, как сильно он постарел за последние десять месяцев. Она отметила в памяти, что необходимо пересмотреть главу о бессмертии Астартес.

После начала военных действий против аурейской технократии для Астартес настали самые трудные времена за весь период Крестового Похода, и это стало сказываться на многих воинах. Во время войны Локен не часто имел возможность встречаться с Мерсади, и только сейчас она поняла, насколько значительны произошедшие в нем перемены.

-- Дело не в этом, -- ответил Локен. -- Братство почти уничтожено, и войны Ангрона скоро начнут штурм Железной Цитадели. Война закончится примерно через неделю.

-- Тогда почему такое мрачное настроение?

Локен оглянулся вокруг, чтобы посмотреть, кто еще находится в тренировочном зале, потом наклонился ближе к Мерсади:

— Дело в том, что эту войну мы вообще не должны были начинать.

После выздоровления Воителя флотилия Шестьдесят третьей экспедиции еще довольно долго оставалась на орбите Давина, чтобы принять на борт всех, кто высагился на поверхность, и назначить нового правителя из рядов имперской армии. Как и Ракрис, вновь назначенный лорд-правитель Томас Весалиас утоял не оставлять его в одиночестве, но кому-то надлежало поддерживать имперский порядок на вновь приведенном к Согласию Давине.

До того как свернуть на Давин, флот Воителя направлялся к Саргису, где натеревался встретиться с Двести третьей экспедицией для приведения к Согласию звездного скопления Кайагис. Но вместо этого Воитель послал известие об изменении маршрута и приказал мастеру флота Двести третьей экспедиции встретиться с силами Шестьдесят третьей в двойном скоплении под названием Драконис Три Одиннадцать.

Воитель никому не сказал, почему он выбрал это место, и ни один из звездных картографов не смог отыскать отчетов из прошлых экспедиций, чтобы понять, почему оно представляло интерес.

Через шестнадцать недель путешествия в варпе корабли благополучно перенесли в пространство, заполненное электронными сигналами. Выяснилось, что две планеты и их общая луна обитаемы, вокруг каждой из них летают спутники связи и курсируют межпланетные корабли.

Что еще интереснее, перехваченные сигналы выявили, что существующая цивилизация была создана человеческой расой — еще одной потерянной ветвью старого человечества, пробывшей в изоляции несколько последних веков. Прибытие флотилии Крестового Похода было встречено с вполне понятным удивлением и радостью, когда обитатели планет осознали, что их долгое одиночество подошло к концу.

Но официальных встреч не происходило еще трое суток, пока к

звездной системе не подошла Двести
третья экспедиция под командованием
Анзрона с его Двенадцатым Легионом
Пожирателей Миров.

Первые выстрелы прогремели спустя
шесть часов.

Шел девятый месяц войны.

Из глубокого бункера полыхнуло
огнем, и болтерные заряды прочертили
огненную дорожку в сторону Локена. Он
нырнул за изрешиченную пулями бетонную
колонну, но и она сотрясалась от
выстрелов, и снарядам не потребуется
много времени, чтобы пробить ее насквозь.

— Гарви! — крикнул Торгаддон и,
перекатившись в укрытие, поднял к плечу
болтер. — Уходи влево, я тебя прикрою!

Локен кивнул и бросился через
открытое пространство, а Торгаддон,
поднявшись во весь рост, открыл огонь.
Могучий Астартес уверенно держал
прицел, несмотря на мощную отдачу
оружия. От взрывов болтерных снарядов из
огневой щели бункера вылетали серые
облачка цементной пыли, и Локен слышал

доносящиеся изнутри крики. Воины
Локасты поднялись следом за ним и
окатили бункер ревущей струей пламени
из огнемета.

Снова раздался крики, воздух
заполнил запах сжигаемой в химическом
огне плоти.

-- Все назад! -- командовал Локен.

Он знал, что произойдет дальше. Как
и следовало ожидать, бункер с
оглушительным грохотом взлетел на
воздух, поскольку внутренние датчики,
зарегистрировав гибель всех защитников,
запустили процесс самоуничтожения
боеприпасов.

Противник непрерывно обстреливал
их позицию, представлявшую собой
полуразрушенное здание на границе
центрального квартала столицы,
сооруженной из стекла и стали. Строгая
элегантность строений восхищала Локена,
а Питер Эгон Молус, впервые увидев
сделанные с высоты снимки, объявил этот
город совершенством. Теперь город трудно
было назвать прекрасным.

Цепочка частых взрывов пересекала

строй Астартес, и Локен прижался к земле. Воин, державший в руках огнемёт, внезапно скрылся за стеной огня. Доспехи несколько секунд выдерживали напор пламени, а затем он превратился в пылающий столб, державшийся на остове оплавленной брони. Перекатившись на спину, Локен увидел в небе пару угасающих кораблей. Они сделали круг и вновь повернули в их сторону для второго залпа.

— Сбейте эти проклятые катера! — закричал Локен, заметив, что дуга орудий изящных и более стройных собратьев «Грозового ястреба» уже направлены на его воинов.

Астартес расстрелялись, а корабли накрыли их позицию очередями ракет, висевших под крыльями. От мощных взрывов рушились бетонные колонны и в воздух поднимались тучи серой пыли. Из-за упавшей стены показались двое Астартес: один наводил реактивный гранатомет, а второй корректировал наводку при помощи целеуказателя.

Снаряд понесся ввысь, оставляя за собой ярко-белую инверсионную струю, и стал быстро приближаться к одному из кораблей. Пилот, заметив угрозу, попытался отвернуть, но ракета оказалась быстрее и ударила точно в воздухозаборное отверстие. Корабль разорвался изнутри, и горящие обломки градом посыпались на землю.

-- Внимание, атака! -- крикнул Винус.

Локен обернулся, чтобы укорить приятеля за констатацию известного факта, но внезапно понял, что Винус имел в виду вовсе не оставшийся корабль. Три машины на гусеничном ходу прорвались через невысокую кирпичную стену позади позиции Астартес. Передние пластины мощной брони каждой машины украшали две скрещенные молнии.

Локен слишком поздно понял, что целью воздушного налета было прижать их к земле, пока бронированные машины шли в обход, чтобы нанести удар с тыла. Впереди сквозь пелену дыма над горящим бункером уже можно было рассмотреть таленькие фигурки воинов. Перебегая от

одного укрытия к другому, они довольно быстро приближались. Воины Локасты оказались в ловушке, и петля затягивалась.

Локен указал на подходившие машины, и команда гранатометчиков развернулась к новым целям. Через несколько секунд ракета, пробив броню, подорвала внутри машины плазменный реактор, и один танк превратился в груды дымящихся обломков.

-- Тарик! -- закричал Локен, стараясь заглушить ожесточенную стрельбу. -- Возьми на себя тех!

Торгаддон кивнул и, взяв с собой пятерых воинов, выдвинулся к бункеру. Убедившись, что приказ понят, Локен развернулся к бронированным машинам. Танки остановились и принялись поливать Астартес градом тяжелых снарядов. Двое воинов упали, их доспехи не выдержали прямых попаданий.

Как только затих обстрел из тяжелых орудий и воины Братства выскочили из машин, готовясь к атаке, Локен поднял своих бойцов. В первых боях с

Братством он испытывал мучительные сомнения, сковывающие его по рукам и ногам, но девять месяцев изматывающего противостояния совершенно излечили его от этого недуга.

Каждый из воинов Братства, словно рыцарь из старых легенд, был с ног до головы облачен в серебристые доспехи, а на плече виднелся красный или черный герб. Сложением и манерой двигаться они были очень похожи на Сынов Хоруса и, хотя ростом были ниже Астартес, казались их слегка искаженным отражением.

Локен повел вперед воинов Локасты, а первые солдаты Братства уже подняли оружие, готовясь отразить атаку. Лезвие ценного меча Локена с размаху перерубило винтовку ближайшего противника и пробило нагрудник. Воины Братства рассредоточились, но Локен не собирался ждать, пока они перегруппируются, и убивал одного за другим быстро и жестоко ударами меча.

Эти солдаты, может, и похожи на Астартес, но в ближнем бою им не сравниться ни с одним из них.

Позади слышались яростная перестрелка и голос Торгаддона, отдававшего приказы своим людям. Несколько осколков попало в Локена, и капитан, не удержавшись, упал на колени и удар меча пришелся по ногам противника. Цепной меч отсек сразу обе конечности, и солдат рухнул, заливая землю алой кровью.

Вражеский танк начал разворачиваться, но Локен успел бросить внутрь пару гранат и побежал вперед. Раздался глухой взрыв, над головой мелькнули тени, а затем земля задрожала от поступи титанов Легио Мортис. Гигантские машины, проходя по городу, сокрушали целые кварталы. Колоссальные ноги одним движением сносили дома, и хотя ракеты и лазерные лучи порой попадали в их корпуса, мощная пустотная броня боевых машин не поддавалась.

Крики и стрельба на поле боя не утихали, и вскоре противник стал отступать под натиском контратакующих Астартес. Воинам Братства нельзя было отказать в

храбрости, но они были безнадежными оптимистами, если считали, что силовых успехов достаточно, чтобы сравняться с Астармес.

— Сектор чист, — пришел по каналу вокс-связи голос Торгаддона. — Куда теперь?

— Никуда, — ответил Локен, убивая последнего противника. — Наша задача выполнена. Теперь подождем, пока сюда доберутся Пожиратели Миров. Передадим им эстафету, а потом двинемся дальше. Передай команду по цепи.

— Понял, — откликнулся Торгаддон.

Локен наслаждался неожиданной тишиной на поле боя, хотя звуки битвы и крики еще доносились издалека, где другие подразделения зачищали свои участки города. Локен поручил Винусу организовать наблюдение за периметром, а сам склонился над воином, которому отрубил обе ноги.

Человек был еще жив, и Локен, встав на колени, снял с его головы шлем, который был так похож на его собственный. Ему даже не пришлось долго искать застежки.

чтобы освободить крепления.

Лицо противника от шока и потери крови было почти белым, глаза полны боли и гнева -- и никаких признаков чужеродности. Враг казался таким же человеком, как любой солдат Шестидесятой третьей экспедиции.

Локен не знал, что сказать, а потому просто снял свой шлем и вытянул из ворота трубку подачи воды. Он набрал немного чистой холодной влаги и сточил лицо раненого.

-- Мне от тебя ничего не надо, -- прошептал утирающий.

-- Не надо разговаривать, -- сказал Локен. -- Все закончится очень быстро.

Но человек уже был мёртв.

-- Но почему мы не должны были начинать эту войну? -- спросила Мерсади Олитон. -- Ты же был там, когда они пытались напасть на Воителя.

-- Да, я там был, -- подтвердил Локен и отложил в сторону вычищенный затвор. -- И думаю, что никогда не забуду тот день.

-- Расскажи мне о нем.

-- Это не самый приятный рассказ, -- предупредил ее Локен. -- Когда ты узнаешь всю правду, ты можешь изменить свое отношение к нам.

-- Ты так думаешь? Хороший летописец должен всегда оставаться объективным.

-- Посмотрим.

Послы планеты, которая, как узнал Локен, носила название Аурей, были встречены с подобающей пышностью и церемониалом, соответствующим потенциально дружественной цивилизации. Когда корабли делегации спланировали на посадочную палубу флагманского корабля, они были встречены удивленными взглядами всех собравшихся воинов, обнаруживших их поразительное сходство с «Грозовыми ястребами».

Воитель надел парадные доспехи -- золотые, рифленые, украшенные имперскими символами -- орлом и скрещенными молниями. В отличие от

прежних подобных мероприятий, на этот раз он был вооружен мечом и болт-пистолетом, и Локен физически ощущал окружающую его ауру власти.

Рядом с Воителем стояли: одетый в белое Малогарст, Регул, чье механическое тело из золота и стали было начищено до нестерпимого блеска, и Первый капитан Абаддон, гордо затерший перед строем громадных Юстаэринских терминаторов.

Для лучшего эффекта три сотни Сынов Хоруса выстроились парадным строем на палубе позади основной группы. Благородные и сильные воины воплощали в себе мощь Великого Крестового Похода, и никогда еще Локен так не гордился своим прославленным наследием.

Двери прибывшего корабля с тихим свистом декомпрессора разошлись, и они впервые увидели воинов Братства.

Появление первых двадцати воинов в сверкающих серебристых доспехах вызвало на посадочной палубе шлеест удивления — так они были похожи на Астартес. Два десятка солдат почетного караула безукоризненным строем спустились по

трану, но и в них Локен заметил некоторую скованность -- они тоже были изумлены. Воины держали в руках оружие, очень похожее на стандартные болтеры, хотя, в отличие от принимающей стороны, магазины пристегнуты не были.

-- Ты видел? -- прошептал Локен.

-- Нет, Гарви, у меня внезапно потемнело в глазах, -- связвил Торгадгон. -- Конечно, я все видел.

-- Они выглядят как Астартес!

-- Это только наружное сходство, можешь мне поверить. Кроме того, они намного ниже нас ростом.

-- На них силовые доспехи... Как это может быть?

-- Если ты немного успокоишься, может, мы и выясним, -- сказал Торгадгон.

Воины Братства построились в две шеренги, образовав коридор для высокого мужчины в глинном красном одеянии, чье лицо было наполовину искусственным, и на этой половине вместо глаза мерцал крупный изумруд. Опираясь на золотой посох с шестерней на верхушке, мужчина ступил на палубу, и на человеческой части

его лица отразились чувства человека, обнаружившего, что его ожидания полностью оправдались.

Аурейская делегация двинулась к Воителю, и Локен ощутил прикосновение истории, отметившей знаменательный момент. В таких встречах проявлялся истинный дух Великого Похода: разлученные братья с разных концов Галактики встречаются в дружественной обстановке.

Одетый в красное мужчина поклонился Воителю и заговорил:

— Имею ли я честь говорить с Воителем Хорусом?

— Да, сэр, но прошу вас, не надо кланяться, — ответил Хорус. — Для меня это слишком большая честь.

Любезность Хоруса вызвала на губах гостя улыбку.

— Тогда, если вы позволите, я представляюсь. Перед вами Эмори Салиньяк, консул-фабрикатор аурейской технократии. От имени моего народа я первым приветствую вас в наших мирах.

Локен заметил, как разволновался

Регул при виде аузматического тела Салиньяка. Едва дослушав полный титул гостя и в нарушение всех правил этикета, механикум не смог сдержаться.

— Консул, — произнес он своим пронзительным и неестественным голосом, — я правильно понял, ваше общество основано на знании технических наук?

Хорус повернулся к механикуму и что-то тихо прошептал. Локен не разобрал слов, но Регул кивнул и отступил на шаг назад.

— Я прошу прощения за нарушение протокола, но, надеюсь, вы простите порыв механикума, учитывая то, что наши воины... имеют много общего.

— Это воины Братства, — пояснил Салиньяк. — Они наши защитники, элита нашей армии. Иметь их в почетном карауле для меня большая честь.

— Но как могло получиться, что они вооружены точно так же, как и мои воины?

Вопрос явно ступил Салиньяка.

— А вы ожидали чего-то другого, Воитель? Сердцем нашего общества

являются машины-конструкторы, которые были привезены нашими предками с Терры. Они обеспечивают нас всеми преимуществами технологии. Хотя они немного усовершенствованы, но все же сохранили тенденцию к определенной унификации.

Тишина, наступившая после слов консула, была хрупкой и напряженной, и Хорус поднял руку, предупреждая поток вопросов со стороны Регула.

-- Машины-конструкторы? --
переспросил он, и голос зазвенел сталью. --
СТК-машины?

-- Думаю, таково было их первоначальное название, -- согласился Салиньяк, наклоня свой посох так, что его верхушка нацелилась на Воителя. -- Вы можете...

Эмори Салиньяк не успел закончить фразу, поскольку Хорус сделал шаг назад и выхватил болт-пистолет. Локен выгел, как дуло полыхнуло огнем, и голова Эмори Салиньяка взорвалась осколками, а болт вылетел через затылочную часть его черепа.

-- Ну да,-- сказала Мерсади Олитон.--
Посох представлял собой особое
энергетическое оружие, способное пробить
броню Воителя. Нам так и сказали.

Локен покачал головой:

-- Нет, у консула не было никакого
оружия.

-- Конечно, было, -- настаивала
Олитон. -- А когда покушение провалилось,
Воителя атаковали воины Братства.

Локен отложил свой болтер.

-- Мерсади, забудь все, что вам
говорили. Не было никакого оружия, и когда
консул был убит, воины Братства
пытались только скрыться. Их оружие не
было заряжено, и у них не было никакой
возможности оказать нам сопротивление.

-- Они были безоружны?

-- Да.

-- И что вы тогда сделали?

-- Мы уничтожили их, -- сказал
Локен. -- Они были безоружны, но наше
оружие было при нас. Юстаэринцы
Абаддона зарубили полдюжины солдат еще
до того, как те поняли, что произошло. Я

бросил вперед отделение Локасты, и мы перестреляли остальных по пути к их кораблю.

-- Но почему? -- спросила она, ужасаясь его обыденному тону при описании страшной резни.

-- По приказу Воителя.

-- Нет, я хотела спросить, почему Воитель застрелил безоружного консула? Я не вижу в этом никакого смысла.

-- Верно, это было бессмысленно, -- согласился Локен. -- Я смотрел на него, когда он стрелял в консула, и видел его лицо после того, как мы перебили всех воинов Братства.

-- И что ты видел?

Локен помедлил, словно сомневаясь, стоит ли отвечать.

-- Я видел, что он улыбался, -- наконец ответил он.

-- Улыбался?

-- Да, -- кивнул Локен. -- Так, словно все эти убийства были частью заранее разработанного плана. Не знаю почему, но Хорусу нужна эта война.

Вслед за воином в накидке с опущенным капюшоном Торгаддон шагал по сумрачным переходам, направляясь к пустому оружейному складу. Сергар Таргост объявил собрание членов ложи, и Торгаддон, к своему большому неудовольствию, испытывал по этому поводу беспокойство. После Давина он присутствовал только на одной встрече; тайная ложа уже не была, как прежде, местом свободного общения. Хотя Воитель вернулся живым и невредимым, в атмосфере собраний остался привкус интриги, и это ощущение Тарик Торгаддону было не по душе.

Идущий впереди воин, незнакомый Торгаддону, явно был молод и испытывал благоговейное почтение к одному из прославленных капитанов-торнивальцев, что вполне устраивало Тарика. Этот парень наверняка лишь недавно получил статус воина Астартес, но Торгаддон знал, что это опытный боец. Для неопытных солдат в рядах Сынов Хоруса не было места, месяцы войны на Ауре превращали новобранцев и добровольцев

резерва в ветеранов. Или мертвецов. Воины Братства хоть и не облагали могуществом Астармес, но технократия могла призвать миллионы солдат, и все они сражались храбро и с честью.

И убивать их становилось все труднее и труднее. Легко было сражаться против мегарахнигов на Убийце, их чужеродность бросалась в глаза, и уничтожать их было гораздо проще.

А вот Братство... При таком сходстве с Сынами Хоруса могло показаться, будто два Легиона сошлись на поле боя в гражданской войне. Ни одному воину не удалось избежать определенного шока при этой ужасающей мысли.

Печаль Торгаддона объяснялась еще и тем, что цивилизации технократии, как и обществу интересов, грозило неминутное уничтожение.

Раздавшийся из темноты голос отвлек его от мрачных размышлений:

– Кто идет?

– Две души, – ответил молодой воин.

– Назовите ваши имена, – продолжал часовой, голос которого тоже показался

Торгаддонү незнакомым.

— Я не могу сказать, — произнес

Торгаддон.

— Проходите, друзья.

Торгаддон и его провожатый
тиновали часового у входа и вошли в зал
запасного оружейного склада. Это
помещение со сводчатым потолком было
гораздо просторнее закутка на корме, где
обычно проходили собрания, и Торгаддон,
едва вступив в освещенное свечами
пространство, сразу понял, почему
Таргост предпочел изменить место
встреч.

Сотни воинов в накидках с
опущенными капюшонами и со свечами в
руках наполняли оружейный зал. В центре
помещения стояли Сергар Таргост,
Эзекиль Абаддон, Хорус Аксиманг и
Малогарст, немного в стороне маячила
фигура Первого капеллана Эреба.

Торгаддон окинул взглядом
собравшихся Астартес и ощутил
необъяснимую уверенность в том, что это
собрание было созвано специально ради
него.

-- А ты неплохо поработал, Сергар, --
сказал он, подойдя к центральной группе. --
Провел кампанию по набору рекрутов?

-- Да, после выздоровления Воителя на
Давине численность членов ложи немного
увеличилась, -- согласился Таргост.

-- Это я уже заметил. Должно быть,
непросто теперь сохранять тайну.

-- В пределах Легиона мы больше не
прибегает к секретности.

-- Тогда зачем это представление у
входа?

-- Понимаешь, Тарик, такова
традиция, -- извиняющимся тоном пояснил
Таргост.

Торгаддон пожал плечами и сделал
несколько шагов по направлению к Эребу.

-- Ты как будто скрываешься после
Давила, -- с нескрываемой враждебностью
заговорил Торгаддон. -- Капитан Локен
хотел бы с тобой поговорить.

-- Я знаю, что он хочет меня о чем-то
расспросить, -- ответил Эреб. -- Но я ему не
подчиняюсь. И не обязан ему отвечать.

-- Тогда ты ответишь мне, ублюдок! --
бросил Торгаддон.

С этими словами он выхватил из-под одежды боевой нож и мгновенно приставил его к горлу Эреба. При виде оружия в зале раздались тревожные крики, а Торгаддон увидел на шее Эреба тонкую линию старого шрама.

-- Похоже, кто-то уже пытался перерезать тебе горло,-- прошипел Торгаддон.-- Ум это не удалось, но не беспокойся, я исправлю ошибку.

-- Тарик! -- закричал Сергар Таргост. -- Ты принес с собой оружие? Ты же знаешь, что это запрещено.

-- Эреб должен нам кое-что объяснить, -- сказал Торгаддон, прижимая лезвие к щеке Эреба. -- Этот змей украл меч кинebraхов из Зала Оружия на Ксенобии. Из-за него провалились переговоры с интерексами. Он виноват в том, что Воитель был ранен.

-- Нет, Тарик, -- вмешался Абаддон, подойдя ближе и положив руку на запястье Торгаддона. -- Переговоры с интерексами провалились потому, что они и не могли быть успешными. Интерексы общались с ксеносами. Они объединились с ними. У нас

не могло быть мира с таким народом.

-- Эзекиль говорит правду, -- вставил Эреб.

-- Закрой рот, -- огрызнулся Торгаддон.

-- Тарик, опусти нож, -- попросил его Хорус Аксиманг. -- Пожалуйста.

Торгаддон нехотя опустил руку. Просительный тон его собрата по Морнивалю заставил осознать, насколько чудовищно он поступил, приставив нож к горлу воина Астартес, даже такого недостойного, как Эреб.

-- Мы еще не закончили, -- проворчал он, повернув кончик лезвия в сторону Первого капеллана.

-- Всегда к твоим услугам, -- пообещал Несущий Слово.

-- Затолчите оба, -- сказал Таргост. -- Нам необходимо обсудить более важные проблемы, и вам обоим полезно будет послушать. Последние месяцы войны были нелегкими для всех нас, и никто не остался равнодушным к тому трагическому факту, что сражаться приходится против братьев, так похожих на нас. Напряжение слишком велико, но все

мы должны полнить, что в межзвездном пространстве у нас существует одна цель: убивать всех, кто не желает к нам присоединяться.

От такого однозначного толкования их миссии Торгаддон нахмурился, но ничего не сказал, и Таргост продолжал свою речь:

— Мы — Астартес, и мы созданы, чтобы убивать и покорять Галактику. Мы делаем все, что от нас требуется, и даже больше, мы сражаемся дольше двух столетий, чтобы на пенелище Долгой Ночи создать новый Империя. Мы уничтожали планеты, разрушали цивилизации и стирали с лица земли целые народы только потому, что нам так приказывали. Мы — убийцы, простые и безупречные, и мы гордимся тем, что в своем деле мы лучшие!

Заявление Таргоста было прервано одобрительными возгласами, сжатые кулаки взлетали вверх или стучали по переборкам, но Торгаддон немало повидал выступлений императоров, чтобы распознать заранее отрепетированную

цену. Эта речь, как он окончательно уверился, предназначалась только ему одному.

— Теперь, когда Великий Крестовый Поход близится к концу, нас критикуют именно за способность убивать. Оппозиционеры и агитаторы своими жалобами возбуждают недовольство, утверждая, что мы слишком грубы, слишком жестоки и слишком безжалостны. Даже лорд-командир армии, Тектор Варварус, требует нашей крови за действия убитых горел братьев, которые привезли умирающего Воителя на борт корабля. Предатель Варварус требует призвать нас к ответу за прискорбный факт гибели людей, за то, что мы стремились спасти жизнь Воителя.

При слове «предатель» Торгаддон вздрогнул. Открытое оскорбление Таргостом такого заслуженного офицера, как Варварус, шокировало его, но, глядя на лица окружающих воинов, он видел только согласие с мнением оратора.

— Даже простые смертные теперь считают, что вправе призывать нас к

ответу, -- продолжил Хорус Аксиманг речь Таргоста, потрясая пачкой листков. -- Среди летописцев нашлись отщепенцы и заговорщики, распространяющие лживые сочинения, в которых нас изображают как обычных варваров.

Аксиманг прошел между рядов собравшихся, раздавая листки.

-- В этом пасквиле нас называют убийцами и дикарями. Этот непокорный поэт осмеивает нас в своих стихах! Лживые листки каждый день распространяются по кораблю.

Торгаддон взял листок из рук Аксиманга и быстро пробежал взглядом, уже зная, кто автор лжатежного произведения. Стихи были резкими, но едва ли могли послужить призывом к бунту.

-- А вот еще! -- крикнул Аксиманг. -- В листовках Божественного Откровения Императора называют богом. Богом! Можете ли вы представить себе что-либо более бессмысленное? И всей этой ложью забивают головы тех, ради кого мы сражаемся. Мы проливаем кровь и

утирает, и вот какова награда: поношение и ненависть. Братья, я говорю вам: если ты не начнет действовать немедленно, корабль Улпериута, сумевший преодолеть множество штормов, утонет под тяжестью этого мятежа!

Гневные выкрики и призывы к действию прогремели в стенах оружейного склада, и жажда отпущения, которую он заметил на лицах своих боевых братьев, не понравилась Торгадгону.

— Прекрасная речь, — сказал он, когда гневные возгласы немного поутихли. — Но почему бы сразу не перейти к делу? Мне еще надо готовить роту к боевому десанту.

— Ты, как всегда, говоришь откровенно, а, Тарик? — сказал Аксиманг. — Вот за это мы тебя уважаем и ценим. Поэтому ты нам очень нужен, брат.

— Нужен? О чем это ты?

— Разве ты не слыхал, о чем здесь говорилось? — спросил Малогарст и, прихрамывая, пошел ему навстречу. — Угроза возникла в рядах самой экспедиции. Враг находится внутри флотилии, Тарик,

и это самый коварный противник из всех, с кем ты сталкивался.

-- Мал, говори яснее, -- вмешался Абаддон. -- Тарикү наго все хорошенько разжевывать.

-- Весьма благодарен, Эзекиль, -- отозвался Торгаддон.

-- Нам стало известно, что летописца, автора этих тяжёлых посланий, зовут Игнаций Каркази, -- сказал Малогарст. -- Его наго заставить замолчать.

-- Заставить замолчать? И как ты собираешься это сделать? -- спросил Торгаддон. -- Отшлепаешь по рүкам? Прикажешь прекратить озорство? Что-то вроде этого?

-- Тарик, ты знаешь, что я умел в виду, -- заметил Малогарст.

-- Знаю, но я бы хотел услышать, как ты это скажешь.

-- Хорошо, если ты настаиваешь, я скажу прямо. Каркази должен умереть.

-- Знаешь, Мал, ты, кажется, сошел с ума. Ты же предлагаешь убийство! -- возмущился Торгаддон.

-- Если должен погибнуть враг, это не убийство, Тарик, -- возразил Абагдон. -- Это война.

-- И ты собираешься воевать с поэтами? -- растеялся Торгаддон. -- Эзекиль, да они потом не одно столетие будут воспевать твои подвиги. Подумай хорошенько. В любом случае этот летописец находится под покровительством Гарви. Стоит тронуть Каркази, как он выдаст тебя Воителю с головой.

При упоминании имени Локена все ступенно затолкли, и стоящие перед Торгаддоном члены ложи обменялись тревожными взглядами.

В конце концов, заговорил Малогарст:

-- Я надеялся, что до этого не дойдет, но ты не оставляешь нам выбора, Тарик.

Торгаддон крепко сжал рукоять ножа. На короткое мгновение ему показалось, что придется пробивать дорогу к выходу сквозь строй братьев.

-- Оставь в покое свой нож, мы не собираемся на тебя нападать, -- бросил

Малозарст, заметив настороженный
взгляд Торгаддона.

— Продолжай, — сказал ему Торгаддон,
не снимая руки с оружия. — До чего ты
надеялся не дойти?

— Гектор Варварус утверждает, что
разговаривал с членами Совета Терры по
поводу событий, сопутствующих ранению
Воителя. Если он еще не успел
проинформировать Малкадора или
Сигиллайта, то наверняка скоро это
сделает. И он каждый день требует,
чтобы Воитель свершил правосудие.

— И что ответил ему Воитель? Я
тоже там был. И Эзекиль. И ты,
Маленький Хорус.

— И Локен тоже там был, — закончил
Эреб, приближаясь к остальным. — Он вел
вас на посадочную палубу, и он прокладывал
путь через толпу.

Торгаддон с угрожающим видом
шагнул к Эребу:

— Я же сказал тебе помолчать!

Он отвернулся от Эреба, но
выражение лиц его братьев привело
Торгаддона в отчаяние. Они приняли

решение бросить Гарвеля Локена на съедение волкам!

— Мал, неужели ты всерьез говоришь об этом? — возмущился Торгаддон. — Эзекиль? Хорус? Неужели вы готовы предать своего брата по Морнивалю?

— Он же предает нас, позволяя этому летописцу распространять лживые слухи, — сказал Аксиманг.

— Нет, я на это не пойду, — решительно сказал Торгаддон.

— Ты должен, — настаивал Аксиманг. — Только если ты, Эзекиль и я поклянется, что именно Локен устроил побоище на палубе, Варварус будет считать его виновником смертей.

— Так вот что вы задумали? — произнес Торгаддон. — Решили убить двух зайцев одним выстрелом? Сделав Гарвеля козлом отпущения, и тогда можно будет свободно избавиться от Каркази. Да как вы могли до такого додуматься? Воитель никогда не одобрит этого.

— Ты высказался весьма откровенно, — сказал Таргост. — Только ты ошибаешься насчет согласия Воителя. Это было его

предложение.

-- Нет! -- закричал Торгаддон. -- Он никогда бы...

-- Тарик, другого пути нет, -- прервал его Малогарст. -- Под угрозой оказался весь Легион.

Поняв, что они уже предали друга, Торгаддон ощутил, как внутри него что-то умерло. Сердце разрывалось в выборе между Локеном и Сынами Хоруса, но едва Торгаддон осознал необходимость выбора, он уже знал, что должен делать.

Он решительно вытащил свой клинок из ножен.

-- Если для спасения Легиона требуется пойти на предательство и убийство, значит, Легион не достоин спасения! Гарвель Локен -- наш брат, неужели вы стожете предать его бесчестию? Я плюю на вас за одну только мысль об этом.

В зале раздался изумленные вздохи, а затем в адрес Торгаддона полетели гневные выкрики.

-- Тарик, подумай хорошенько, -- предупредил его Малогарст. -- Ты или с

нати, или против нас.

Торгаддон сунул руку под накидку и
швырнул к ногам Малогарста небольшую
серебряную вещицу. В свете свечей блеснул
медальон логи.

-- Значит, я против вас, -- сказал
Торгаддон.

В ИЗОЛЯЦИИ СОЮЗНИКИ КРЫЛО ОРЛА

Петронелла, сидя за секретером, заполняла страницу за страницей своим тонким почерком, почти не оставляя пробелов между строчками. Ее волосы рассыпались по плечам свободными локонами. Цвет лица свидетельствовал о том, что она уже многие месяцы не переступала порога своей комнаты и давным-давно не видела дневного света.

Результатом долгих месяцев, проведенных в роскошной каюте, стала стопка исписанной бумаги, но помещение при этом несколько утратило свое былое величие. Постель уже давно не застилалась, а одежда в беспорядке валялась там, где Петронелла раздевалась перед тем, как отправиться спать.

Горничная Бабетта изо всех сил старалась хоть ненадолго отвлечь

воспожы от работы, но Петронелла ее не
слушала. Надо было записать все до
последнего слова, до самой мельчайшей
детали. Даже если откровения не были
предсмертной исповедью Хоруса,
Петронелла знала, что все это должно
быть записано, поскольку рассказ содержал
его самые сокровенные мысли. Она стала
обладательницей информации, о которой
никто раньше даже не подозревал,
секретов, не выходивших на свет со дня
начала Великого Крестового Похода, и
фактов, от которых Империя
содрогнется до самых основ.

Только однажды за все время
путешествия ей пришла в голову мысль,
что все эти факты, возможно, лучше
оставить в тайне, но она была палатиной
Дома Карпинус, и такие вопросы не могли
ее беспокоить. Значение имели только
знание и истина, а правильно ли она
поступила, пусть судят будущие
поколения.

Чногда всплывали смутные
воспоминания о том, что она, будучи
сильно пьяной, в неоправданном баре

рассказала все эти ужасные вещи какому-то поэту, но Петронелла абсолютно не могла припомнить, что между ними произошло. Незнакомец больше не искал с ней встречи, так что она могла предполагать, что он не пытался ее соблазнить или это ему не удалось. Все это несущественно. Сразу после начала войны с технократией Петронелла заперлась в своей каюте и постепенно опустошала все до единой ячейки памяти в своей голове, чтобы не пропустить ни одного оборота, ни одного слова, сказанного Воителем.

Объем уже изложенного материала был слишком велик, и Петронелла сознавала это, но решила не обращать внимания на количество страниц. Ее материал слишком важен, чтобы укладывать в общепринятые размеры одной книги. Петронелла была намерена писать столько, сколько потребуются, вот только... ей чего-то не хватает.

Проходили недели, потом месяцы, и гнетущее ощущение, что повествование не складывается, из ступенчатого подозрения

переросло в уверенность, и лишь недавно она поняла, чего не хватает: описания окружающей обстановки.

У нее имелся только рассказ Боутеля, но не было рамки, куда его вставить, а без этого факты теряли смысл. Поняв, что ей требуется, Петронелла стала при каждой возможности искать общества Астартес и здесь впервые столкнулась с препятствиями.

Никто не хотел с ней разговаривать.

Едва только объекты ее внимания узнавали, что ей нужно и кто она такая, как сразу же затолкали и отказывались продолжать разговор, покидая ее общество под любым, иногда откровенно вымышленным предлогом.

Куда бы она ни обращалась, везде натыкалась на стену молчания, и, несмотря на неоднократные просьбы о встрече с Боутелем для очередного интервью, он ее не принимал. Каждое прошение об аудиенции возвращалось с отказом, и Петронелла стала сомневаться, что найдет способ закончить

свое повествование.

Блестящая идея, как выбраться из этого тупика, посетила ее только накануне, после очередной унижительной неудачи. После боев на Давине Маггард довольно быстро поправился, и Петронелла заметила появившуюся в его манерах уверенность и даже развязность. У еще она заметила, что на корабле к нему относились с большим уважением, чем к ней самой. Безусловно, такое положение вещей было невыносимым, несмотря на тот факт, что его энергичность приписывали влиянию хозяйки, и это даже забавляло Петронеллу.

Как-то раз Петронелла уныло брела по верхней палубе к своей каюте, и встретившийся воин Астартес в знак уважения кивнул, проходя мимо. Она заставила себя ответить на приветствие, но вдруг поняла, что его внимание было обращено не на нее, а на Маггарда. Свиток на плече Астартес был отмечен знаком зеленого полумесяца, что говорило о его заслугах в сражениях на Давине, а, следовательно, ему наверняка были

известны и боевые подвиги ее охранника.

Волна возмущения захлестнула ее, но, прежде чем она дала выход своему гневу, в голове начала формироваться идея, и Петронелла поспешно вернулась в каюту.

— Все совершенно ясно, — заговорила она, остановив Маггарда посреди комнаты. — И как это я не подумала об этом раньше!

На лице Маггарда появилось озадаченное выражение, а она, подойдя ближе, похлопала рукой по его рельефному нагруднику. Петронелла заметила овладевшее им смущение, но не отступила, зная, что охранник ничего не может сделать в страхе перед неизбежным наказанием в случае неподчинения.

— Все из-за того, что я женщина, — сказала она. — Я не принадлежу к их маленькому клубу!

Она зашла сзади и, приподнявшись на цыпочки, положила руки ему на плечи.

— Я не воин. Я никогда никого не убивала, по крайней мере, собственными руками, а они уважают только одно: убийство. Ты ведь убивал людей, Маггард?

Он коротко кивнул.

— Много?

Маггард снова кивнул, и она растаяла.

— Я уверена, ил это уже известно. Ты не можешь говорить, чтобы похвастаться своими подвигами, но Астартес о них известно. Даже те, кто не был на Давине, все равно признают в тебе убийцу.

Маггард беспокойно облизнул губы и отвел свои золотистые глаза.

— Я хочу, чтобы ты вошел в их круг, — сказала она. — Пусть они к тебе привыкнут. Принимай участие в их ежедневных ритуалах. Узнай о них все, что сможешь, и каждый день при помощи шифропера ты будешь расшифровывать то, что станет тебе известно. Ты не мой, значит, они будут считать тебя простаком. Вот и хорошо. В присутствии болвана они будут держаться свободнее.

Она видела, что задание не по душе Маггарду, но его удовольствие не было предметом ее беспокойства, и уже на следующее утро Петронелла послала своего охранника на разведку.

Все утро она провела за письменным столом, проголодавшись, посылала Бабетту за едой и водой и пробовала различные стили для вступления к своей рукописи.

Наконец дверь ее каюты открылась, и Петронелла оторвала взгляд от работы. Хронометр, встроенный в ее секретер, сообщил, что по корабельному времени уже наступил вечер.

Она с улыбкой крутанулась в своем кресле, чтобы посмотреть на вошедшего Маггарга. Протянув назад руку, пододвинула электронный блокнот и вытащила лнемонеро из подставки.

-- Ты провел день в обществе Астартес? -- спросила она.

Маггарг кивнул.

-- Прекрасно, -- устехнулась Петронелла. Она приставила реагирующий наконечник на пластину блокнота и освободила голову от собственных мыслей. -- Расскажи обо всем, -- приказала она, и лнемонеро забежало по пластине, излагая мысли Маггарга.

В личных покоех Воителя царла
тишина, только изредка нарушаемая
гулом механизмов экзоскелета Рэгүла да
шорохом одежды, когда Малогарст
старался устроиться поудобнее. Оба они
стояли за спиной Воителя, сидящего в
торце глинного стола. Хорүс сцепил
пальцы под подбородком и смотрел очень
хмуро.

-- Воины Братства до сих пор не
пошли на корм червям, -- заговорил он. --
Почему Пожиратели Миров до сих пор не
штурмовали Железную Цитадель?

Капитан Кхарн, личный советник
примарха Ангрона, твердо выдержал
суровый взгляд Воителя; его бело-голубые
госпехи неярко поблескивали в
приглушенном свете кабинета.

-- Мой господин, эти стены построены
так, что успешно выдерживают обстрел
из любого имеющегося у нас оружия, но я
вас уверяю, крепость будет нашей уже
через несколько дней.

-- Ты хотел сказать -- моей, --
проворчал Воитель.

-- Конечно, лорд Воитель, --

погтвердил Кхарн.

— И передай моему брату Анзрону, чтобы он пришел сюда. Я не видел его уже несколько месяцев. Нечего прятаться в каком-то грязном окне только потому, что он не может выполнить свое обещание.

— Простите мне мою смелость, но мой притарх говорит, что это сражение потребует времени, — пояснил Кхарн. — Цитадель построена по древней технологии, и для ее взятия требуются усилия таких экспертов, как Железные Воины.

— Если бы мне удалось связаться с Пертуробо, я бы уже вызвал его сюда, — сказал Воитель.

В разговор вступил сидящий рядом с Воителем Рэгүл.

— Машины-конструкторы способны противостоять большей части арсенала механикумов, — заметил он. — Если тексты Темных Веков говорят правду, они будут адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и создавать новые средства защиты.

— Может, Цитадель и способна адаптироваться, — сердито сказал капитан Кхарн, хватаясь за рукоять своего топора, — но она не сможет устоять под натиском Двенадцатого Легиона. Сыны Ангрона вырвут ее живое сердце и преподнесут вам, Воитель. Не сомневайтесь в этом.

— Прекрасные слова, капитан Кхарн, — сказал Хорус. — А теперь возьмите глядя меня крепость штурмом. Можете убить всех, кто окажется внутри.

Пожиратель Миров поклонился, развернулся на месте и строевым шагом вышел из кабинета.

Хорус заговорил, как только двери за Кхарном закрылись:

— Пусть Ангрон получит немного горячих угольков за шиворот. Эта война слишком затянулась. Нам предстоит немало других дел.

Регул и Малогарст обогнули кресло Воителя и вышли вперед. Малогарст тотчас опустился на стул, чтобы немного успокоить боль в искаленном теле.

— Мы должны заполучить эти

машин-конструкторы, -- сказал Резул.

-- Да, спасибо, механикум, а то я чуть не забыл об этом, -- ответил Хорус. -- Я прекрасно знаю, что представляют собой эти машины, даже если те глупцы, которые ими владеют, и не догадываются об их свойствах.

-- Мой орден щедро заплатит вам за них, мой господин, -- продолжал. Резул.

-- Ну вот, наконец, мы и до этого дошли, -- с улыбкой сказал Хорус.

-- Дошли до чего, мой господин?

-- Резул, не считай меня простаком, -- предостерег его Хорус. -- Я знаю, как высоко механикумы ценят древние знания. Машины-конструкторы, да еще в полной исправности, были бы отличной находкой, не так ли?

-- Вне всякого сомнения, -- признал Резул. -- Снова обнаружить гүтающие механизмы, которые помогли человечеству достичь звезд, которые сделали возможным завоевание Галактики, -- это награда, достойная любой цены.

-- Любой цены? -- переспросил Хорус.

-- Эти машины позволят нам достичь невообразимых высот, проникнуть в сердце звезд, а может, и в другие галактики, -- мечтательно произнес Рэгүл. -- Да, я считаю, за них можно заплатить любую цену.

-- Значит, вы их получите, -- заверил его Хорүс.

Такое грандиозное предложение на мгновение ошеломило Рэгүла.

-- Я благодарю вас, Воитель. Вы даже не представляете, какой это колоссальный дар для всех механикумов.

Хорүс поднялся и обошел Рэгүла кругом, беззастенчиво разглядывая ничтожные останки плоти, соединенные с металлическими компонентами. Внутренние органы агента были окружены мерцающими силовыми полями; алатүнная мускулатүра давала ему определенную свободу движений.

-- В тебе осталось не так уж много от человека, правда? -- спросил Хорүс. -- В этом отношении ты не слишком отличаешься от меня или Малогарста.

-- Господин?! -- удивленно воскликнул

Резул. -- Я стараюсь достичь совершенства в том, что касается механизмов, но я никогда не стел сравнивать себя с Астармес.

-- У не стоит, -- сказал Хорус, продолжая расхаживать по кабинету. -- Я предоставляю тебе эти машины-конструкторы, но, как мы договорились, за это придется заплатить.

-- Назовите цену, мой господин. Механикумы готовы заплатить.

-- Резул, Великий Крестовый Поход почти завершен, но наши старания по охране Галактики только начинаются, -- сказал Хорус, наклонившись над столом и опираясь ладонями о черную блестящую поверхность. -- Я готов начать самое грандиозное предприятие, которое только можно себе представить, но мне нужны союзники. Иначе ничего не получится. Могу я рассчитывать на тебя и остальных механикумов?

-- А что это за предприятие? -- спросил Резул.

Хорус сделал неопределенный жест рукой, потом снова обогнул стол, встал

рядом с Резулот и положил руку на его латунную арматуру.

-- Пока еще преждевременно вдаваться в подробности,-- сказал он.-- Просто пообещай, что ты и твои собратья поддержат меня в нужный момент, и машины-конструкторы будут вашими.

Механическая рука, обернутая золотой сеткой, с негромким жужжанием поднялась над столом и осторожно прикоснулась к его поверхности отполированными зубцами.

-- Все механикуты, которыми я командую, в вашем распоряжении, Воитель, -- пообещал Резул, -- и вся помощь, которой я смогу добиться от тех, кто мне не подчиняется.

-- Спасибо,-- улыбнулся Хорус. -- Это все, что я хотел услышать.

На шестой день десятого месяца войны против аурейской технократии Шестьдесят третья экспедиция была повергнута в панику группой кораблей, вторгшихся в звездную систему безупречным боевым строем.

Боас Котненус попытался развернуть
туда, чтобы встретить неожиданное
вторжение лицом к лицу, но еще до начала
маневра он понял, что ничего не успеет
сделать. Только после того, как
таинственная флотилия подошла
вплотную, а затем прошла мимо, не
воспользовавшись выгоднейшим для
стрельбы положением, на борту «Духа
мщения» поняли, что пришельцы не имели
враждебных намерений.

После всеобщего вздоха облегчения
был послан запрос, и вскоре им ответил
довольный голос, в котором звучал акцент
высшего общества Старой Терры.

— Хорус, братец,— произнес голос, —
похоже, я еще могу тебя кое-чему научить.

— Фүлгрим,— выдохнул стоявший на
капитанском мостике Боумель.

Несмотря на все тяготы войны, Локен
испытывал приятное волнение в
предвкушении встречи с Детью
Императора. Все свободное время он
только и занимался что чисткой и
починкой своих доспехов, хотя и признавал,

что от этого мало толку. Вместе с братьями по Морнивалю он занял место за спиной Воителя, ожидавшего появления примарха Третьего Легиона на верхней посадочной палубе «Духа мщения».

Фүлгрим был одним из самых стойких союзников Воителя с первого дня присвоения ему этого титула, и благодаря его усилиям удалось развеять тревоги Ангрона, Пертүрабо и Күрца по поводу чести, оказанной Хорүсү, а не им. Голос Фүлгрима оказался способен утирить самые воинственные сердца и вылечить раненую гордость.

Локен подозревал, что без мудрых советов Фүлгрима Воителю вряд ли удалось бы добиться такой беспредельной преданности всех Легионов.

За вакуумной крышкой люка слышался металлический скрежет.

Локену уже однажды доводилось видеть Фүлгрима. Это произошло во время Великого Триумфа на Улланоре, и хотя он маршировал в составе десятков тысяч других воинов Астартес и Фүлгрим стоял довольно далеко, впечатление,

произведенное этим примархом, навсегда
осталось в памяти.

Присутствовать при встрече двух
богоподобных примархов было большой
честью.

Наконец, отмеченные знаком орла
створки люка скользнули в сторону, и
примарх Демей Императора ступил на
палубу «Духа мщения».

В первое мгновение у Локена
создалось впечатление, что над левым
плечом Фүлгрима распростерлось
гигантское золотое орлиное крыло.
Примарх был в ярко-пурпурных доспехах,
украшенных золотом и самой изысканной
инкрустацией. Двое носильщиков держали
его глинную кольчужную накидку, и к
пластинам наплечников были приколоты
развевающиеся свитки пергаментов.

Высокий пурпурный ворот обрамлял
бледное лицо альбиноса, но глаза были
такими темными, что, казалось, состоят
из одних зрачков. На губах играла слабая
улыбка, глинные волосы сверкали белизной.

Как-то раз Локен назвал Гастура
Сеянуса красивым мужчиной, но сейчас,

когда перед ним вблизи оказался примарх Демей Императора, стало ясно, что никаких слов не хватит, чтобы передать совершенство его облика.

Фүлгрим распротер руки, и два примарха заключили груг груга в братские объятия.

— Сколько прошло времени, Хорүс! — воскликнул Фүлгрим.

— Много, мой брат, очень много, — согласился Хорүс. — Я несказанно рад нашей встрече, но почему ты оказался здесь? Тебе же предстояла кампания в аномалии Нардас. Или этот участок Галактики уже приведен к Согласию?

— Да, все миры, которые были там обнаружены, приведены к Согласию, — кивнул Фүлгрим.

В этот момент из корабля вышли еще четыре воина. Локен сразу с радостью заметил благородное лицо Тарвица, безуспешно старавшегося скрыть свой восторг при виде Сынов Хорүса.

Следующим вышел лорд-командир Эйдолон все с тем же беззливым выражением лица, так красочно

описанным Торгаддоном. А за ним
показался мастер меча Люций, с
сардонической устешкой на высокомерной
физиономии, отмеченной новыми
глубокими шрамами. Позади всех вышел
незнакомый Локену воин в доспехах
апотекария, с землисто-бледной кожей,
свалившимся щеками и глинной гривой
таких же белых, как и у его притарха,
волос.

Обнявшись с Хорусом, Фүлгрим
повернулся к своим спутникам:

— Мне кажется, вы уже знакомы с
некоторыми из моих братьев -- Тарвицем,
Люцием и лордом-командиром Эйдолоном,
но вот главного аптекария Фабия,
вероятно, видите впервые.

— Для меня большая честь
встретиться с вами, лорд Хорус, -- с
низким поклоном произнес Фабий.

Хорус ответил на его приветствие и
снова повернулся к брату:

— Ну ладно, Фүлгрим, у тебя, наверно,
есть дела и поважнее, чем гразнить меня.
Какое из них заставило тебя прибыть без
предупреждения и уложить половину моей

команды с сердечным приступом?

Улыбка моментально исчезла с бледных губ Фүлгрима.

-- Поступили кое-какие донесения, брат Хорүс.

-- Донесения? Что это значит?

-- Донесения о том, что дела идут не так, как следовало бы, -- ответил Фүлгрим. -- О том, что тебя и твоих воинов надо призвать к ответу за слишком жестокое ведение этой кампании. Что, Ангрон снова принялся за свои старые шутки?

-- Он такой же, как и всегда.

-- Так плохо?

-- Нет, я держу его на коротком поводке, и его советник Кхарн, кажется, сдерживает самые чрезмерные порывы нашего брата.

-- Тогда я успел вовремя.

-- Понимаю, -- сказал Хорүс. -- Значит ли это, что ты прибыл, чтобы заменить меня?

Фүлгрим больше не смог сдерживаться и расстелялся, весело сверкая темными глазами.

- Стенить тебя? Нет, брат, я здесь для того, чтобы, вернувшись, заявить этим щеголям и бумаготаракам на Терре, что Хорус ведет войну именно так, как следует: жестко, быстро и беспощадно.

- Война жестока по своей сути, и бесполезно пытаться это изменить. Чем больше жестокости, тем быстрее она заканчивается.

- Верно, брат мой,-- согласился Фүлгрим.-- А теперь пойдём, нам еще о многом надо поговорить, поскольку мы живём в странное время. Знаешь, наш брат Магнус опять чел-то расстроил Императора, и Волкам Фенриса было поручено препроводить его на Терру.

- Магнус? -- неожиданно серьезно переспросил Хорус. -- А что он натворил?

- Давай обсудим это наедине, -- предложил Фүлгрим. -- Кроме того, мне кажется, что твои подчиненные будут рады возобновить знакомство с твоими... как ты их называешь? Морнивальцами?

- Да,-- устехнулся Хорус-- Несомненно, они хорошо помнят Убийцу.

У Локена по спине пробежал холодок --

он узнал улыбку на лице Воителя. Точно так же он улыбался сразу после того, как выстрелом из пистолета выбил мозги из головы ауреусского консула.

Хорус и Фүлгрит угалились, Абадгон, Аксиманг и Эйдолон поспевали за примархами, а Локен и Торгадгон тепло поздоровались с Детьми Императора. Сыны Хоруса приветствовали своих братьев стехом и сокрушительными хлопками по плечам, а Дети Императора отвечали им сдержанно, согласно всеобщим правилам этикета.

Для Торгадгона и Тарвица эта встреча была возобновлением старой дружбы, рожденной в пылу сражений, и в их отношениях не было никаких сомнений.

Апотекарий Фабий, спросив дорогу на медицинскую палубу, принес свои извинения, отвесил низкий поклон и угалился.

Люций остался в компании двух торнивальцев, и Торгадгон не упустил возможности немого его подразнить:

— Ну что, Люций, жаждешь провести

еще раунд с Локеном в тренировочной
камере? Судя по твоим шрамам, у тебя
была неплохая практика.

Мастер меча нашел в себе мужество
улыбнуться, сторщив многочисленные
шрамы на лице.

— Нет, благодарю. Боюсь, я уже
перерос прошлый урок капитана Локена. Не
хотелось бы его унижать.

— Давай всего одну схватку, —
присоединился Локен. — Обещаю, что буду
вести себя осторожно.

— Что ж, хорошо, — устехнулся Люций.

Из этой схватки Локен мало что
запомнил, все закончилось слишком
быстро. Очевидно, Люций действительно
отлично усвоил прошлый урок. Едва
только сферы тренировочной камеры
соткнулись, он бросился в атаку. Локен был
готов к такому повороту, но все равно едва
не пропустил удар на первых же секундах.

Два воина ожесточенно насакивали
друг на друга, а Торгаддон и Саул Тарвиц
зубоскалили по ту сторону сетки.

Бой привлек внимание целой толпы.

и Локен пожалел, что Торгадгон не придержал язык.

Он сражался со всем мастерством, на какое был способен, а Люций, как обычно, играючи парировал все его выпады. Через несколько мгновений меч Локена вонзился в потолок тренировочной камеры, а клинок Люция прижался к его горлу.

Мастер меча даже не вспомнил, и Локен понял, что галеко уступает ему в искусстве фехтования. Сражаться с Люцием на смерть означало бы верную гибель, и вряд ли кто-то из Сынов Хоруса мог ему противостоять.

Локен отвесил поклон победителю.

-- Огин -- огин, Люций.

-- Хочешь решающий бой? --

расстелся Люций, танцующим движением повернулся на носках и со свистом рассек мечом воздух.

-- Не в этот раз, -- ответил Локен. --

В следующий, когда мы встретимся, поставим на кон что-нибудь серьезное.

-- В любое время, Локен, -- согласился

Люций. -- Но я выиграю. Ты ведь и сам это знаешь, не так ли?

-- Люций, ты отличный боец, только помни, что всегда найдется кто-то, владеющий мечом еще лучше.

-- Не в этой жизни, -- отрезал Люций.

Тайная ложа снова собралась в пустом оружейном складе, но на этот раз присутствовало гораздо меньше народу, поскольку магистр ложи, Сергар Таргост, объявил собрание лишь для старших офицеров Легиона.

Окинув взглядом лица собравшихся, Аксиманг ощутил боль потери и сожаление: из всех капитанов здесь не было только Локена, Торгаддона, Цактона Круза и Тибальда Марра.

Свечи, как обычно, освещали просторное помещение, но капитаны сбросили капюшоны своих накидок. Этот сбор был созван для решения конкретных вопросов, а не ради театрального эффекта.

-- Братья, -- заговорил Таргост, -- настало время решений, и решения эти принять нелегко. Мало того что в нашей среде происходит раскол, еще и Фүлгрим с

неба свалился, чтобы за нами шпионить.

-- Шпионить?! -- воскликнул

Аксиманд.- Неужели ты думаешь, что Фүлгрим предаст своего брата? Они с Воителем ближе даже, чем с Сангвинием.

-- А как еще это можно назвать? -- спросил Абaddon. -- Фүлгрим сам так и сказал, едва появился.

-- Фүлгрим так же разочарован положением на Терре, как и все мы, -- сказал Малогарст. -- Ему известно, что те, кто желает получить выгоду от завоеваний, не хотят видеть кровь, проливаемую на войне. Его Легион стремится к совершенству во всех отношениях, особенно в боевых искусствах. Мы все видели, как сражаются Дети Императора: с беспощадным упорством и упрямством. Может, они и отличаются от нас манерой драться, но достигают тех же результатов.

-- Как только воины Фүлгрима увидят, какими методами ведется война на Аурее, они поймут, что в этих сражениях мало чести, -- добавил Люк Седирэ.- Пожиратели Миров шокируют

даже меня. Я не буду отрицать, что живу лишь ради сражений и получаю удовольствие от убийства, но воины Ангрона... они подобны варварам. Это не воины, а мясники.

— Они выполняют свою работу, Люк, — заметил Абагдон. — А это все, что имеет значение. Когда титаны механикумов проломают стены, ты будешь только рад, если они окажутся рядом во время штурма Цитадели.

Седирэ кивнул:

— Это верно. Воитель использует их в качестве оружия, но поймет ли это Фүлгрим?

— Фүлгрима можешь оставить мне, Люк, — раздался из темноты повелительный голос.

Члены тайной ложи изумленно обернулись и на фоне темнеющего входа увидели три силуэта.

Первым шел воин в парадных белых доспехах, ярко сверкавших в лучах свечей, и алое око на груди пылало отраженным светом.

Акситанг и все его гүзья-капитаны

преклонили колени, а Хорус, войдя в круг собравшихся, окинул взглядом лица своих подчиненных.

-- Так вот где вы окопались...

-- Мой господин... -- заговорил Таргост, но Хорус жестом приказал ему замолчать.

-- Тихо, Сергар, -- сказал он. -- Мне не нужны объяснения. Я услышал ваш спор и решил пролить немного света на обсуждаемую проблему. Кроме того, хочу влить в вашу ложу немного свежей крови.

С этими словами онмахнул рукой, и двои остававшиеся в тени спутникам. Аксиманд узнал Тибальда Марра, а вторым был воин в золотых доспехах, который на Давине защищал личного летописца Воителя.

-- Вы все давно знакомы с Тибальдом, -- продолжал Воитель. -- После ужасной гибели Верулама он с трудом нашел в себе силы оправиться от потрясения. Надеюсь, что среди членов ложи он найдет необходимую поддержку. Вторым -- мертвый, и хотя он не Астартес, он храбрый и сильный воин.

Сергар Таргост первым подал голос:

— Смертный в нашей ложе? Но орден принимает только Астармес.

— Так ли это, Сергар? А меня уверяли, что это общество, где любой может встречаться и разговаривать с товарищами, оставив за порогом все правила субординации и воинские ранги.

— Воитель прав, — подтвердил Аксиманг, поднимаясь на ноги. — Есть лишь одно условие, необходимое для вступления в ложе. Он должен быть воином.

Таргост кивнул, хотя явно был недоволен таким решением.

— Что ж, хорошо, пусть они выйдут вперед и покажут свои знаки.

Марр и воин в золотых доспехах одновременно шагнули вперед и вытянули перед собой правые руки. В каждой ладони блеснул серебряный значок ложи.

— Пусть назовут свои имена, — продолжал Таргост.

— Тибальд Марр, — произнес капитан Восемнадцатой роты.

Смертный ничего не сказал и беспомощно оглянулся на Воителя. Члены

ложу ждали его представления, но имя
так и не прозвучало.

-- Почему он не называет себя? --
спросил Аксиманд.

-- Он не может сказать, -- с улыбкой
пояснил Хорус. -- Извини, Сергар, я не мог
сдержаться. Этот воин нем, и его зовут
Маггарг. Я обратил внимание на его
стремление узнать как можно больше о
Легионе и решил, что будет полезно
показать ему наши истинные лица.

-- Мы с радостью примем его, --
заверил командира Аксиманд. -- Но вы ведь
пришли сюда не только ради того, чтобы
представить двух новых членов ложу.

-- Маленький Хорус, как всегда,
рассудителен! -- рассмеялся Хорус. -- Я
всегда говорил, что ты мудрее всех
остальных.

-- Тогда зачем вы здесь? -- спросил
Аксиманд.

-- Аксиманд, -- одернул его Таргост. --
Это же Воитель, он ходит там, где
хочет!

Хорус притирательно поднял руку.

-- Все в порядке, Сергар, Маленький

Хорус имеет право спрашивать. Я и так уже достаточно долго отвлекаю вас от дел, так что пора объяснить причину столь неожиданного визита.

Хорус прошел между ними, улыбаясь, и остановился рядом с Аксимангом. Эффект получился ошеломляющим.

Хорус всегда был величественным созданием, чья харизма покоряла самые стойкие сердца. Аксиманг встретил взгляд Воителя и тотчас ощутил его непреодолимую силу. Ему стало стыдно за свой вопрос. Какое право он имел спрашивать Воителя о чем бы то ни было?

Но Хорус подмигнул, и чары рассеялись.

Воитель шагнул в центр круга.

— Сыны мои, вы вправе собираться и обсуждать все, что происходит, поскольку мы переживаем действительно нелегкие времена. И настало время для принятия нелегких решений. Найдется много таких, кто осудит наши действия, потому что они не стоят здесь, рядом с нами.

Хорус по очереди подходил к каждому

капитану, и Аксиманг видел, как действуют на воинов его слова. Лица всех воинов озарялись, словно освещенные солнцем.

— Передо мной стоят задачи, решение которых затронет каждого воина, кто состоит под моим командованием, и тяжесть этого решения, мои сыны, очень велика.

— Разделите ее с нами! — крикнул Абаддон. — Мы готовы служить!

Хорус улыбнулся:

— Я знаю, что ты готов на все, Эзекиль. Уверенность в том, что за мной идут такие же преданные воины, как ты, придает мне сил.

— Мы готовы выполнить любой ваш приказ, — заверил его Таргост. — Верность вам — наш первейший долг.

— Я горжусь каждым из вас, — взволнованно произнес Хорус. — Но я должен задать один, последний вопрос.

— Спрашивайте! — воскликнул Абаддон.

Хорус благодарно похлопал его по плечу.

— Прежде чем ответить, хорошенько

обдумайте то, что я скажу. Если вы решите последовать за мной в этом грандиозном начинании, пути назад уже не будет. Мы будем идти только вперед, к победе или поражению.

— Вы всегда были и остаетесь превосходным оратором, — заметил Аксиманг. — Может, лучше перейти к самой сути?

Хорус кивнул:

— Конечно, Маленький Хорус. Но, надеюсь, ты простишь мне склонность к драматическим эффектам?

— Иначе я не был бы с вами.

— Договорились, — снова кивнул Хорус. — Но и в самом деле пора перейти к существу дела. Я намерен ступить на невероятно опасный путь, и не все пройдут по нему до конца. В Империи найдется немало таких, кто назовет наши поступки изменой и тяжезом, но вы должны не обращать внимания на их причитания и верить, что я выбрал правильный курс.

— Что вы хотите нам поручить? — спросил Аббагон.

— Все в свое время, Эзекиль, все в свое время, — сказал Хорус. — Я только должен быть уверен, что мои сыны идут со мной. Вы со мной?

— Мы с вами! — хором закричали все воины.

— Благодарю вас, — тепло ответил Хорус на их единодушный порыв. — Но прежде чем мы начнем действовать, надо навести порядок в собственном доме. Тектор Варварус и этот летописец, Каркази... Они оба должны утолкнуть, пока мы собираемся с силами. Они привлекают к нам внимание недоброжелателей, а это недопустимо.

— Варварус не из тех, кто склонен менять свои убеждения, — предостерег его Аксиманд. — А летописец заручился покровительством Гарвеля.

— Я сам позабочусь о Варварусе, — сказал Воитель. — А летописец... Что ж, я уверен, что если хорошенько с ним поговорить, он поступит правильно.

— Что вы собираетесь сделать, мой господин? — спросил Аксиманд.

— Кто-нибудь разъяснит и

неправильность выбранного пути, --
ответил Хорус.

ШТУРМ

ПОЛУДЕННАЯ ЗАЧЕСТКА
ПЛАНЫ

Визит Демей Императора оказался невероятно коротким, и все это время два примарха провели в совещании за закрытыми дверями, а их воины проводили тренировочные схватки, пили и разговаривали о войне. Результаты переговоров между Хорусом и Фүлзритом, по-видимому, вполне убедили примарха Демей Императора в том, что все идет прекрасно, и тремя днями позже почетный караул Сынов Хоруса снова выстроился в транзитном доке, чтобы проводить Демей Императора.

Саул Тарвиц и Торгаддон сердечно обнялись на прощание, а Локен обменялся с Люцием сухим рукопожатием. Каждый из них с нетерпением предвкушал следующую встречу и возможность скрестить мечи. Эйдолон коротко кивнул Торгаддону и

Локену, а апотекарий Фабий отбыл без единого слова.

Фүлgrim и Хорус по-братски обнялись и прошептали друг другу слова, которых, кроме них, никто не расслышал. Невероятно прекрасный примарх Демей Императора картинно развернулся перед герметичным люком, покидая «Духотщениа», и от резкого движения взметнулась его глинная кольчужная накидка.

Что-то блестящее мелькнуло под плащом примарха, и Локен, взглядевшись внимательнее, рассмотрел удивительно знакомый меч, пристегнутый к поясу Фүлgrimа.

Железная Цитадель вполне оправдывала свое название. Ее блестящие стены возвышались над скалой, словно металлические зубы. Лучи утреннего солнца отражались от поверхности стен, воздух дрожал на границах энергетических полей, а с самовосстанавливающихся бастионов дождем сыпались потоки железной стружки. Зато все внешние

подступы к крепости в результате
четырехмесячных усилий воинов Ангрона и
боевых машин механикумов обратились в
сплошные развалины.

«Диес ире» и его собратья-титаны
каждый день бомбардировали стены
бесчисленными снарядами огромной
разрушительной силы и мощными
энергетическими лучами. Результатом
обстрелов стало медленное, но
безвозвратное отступление воинов
Братства к последнему бастиону.

Сама Цитадель представляла собой
колоссальный полумесяц, врезанный в
скальную породу белого горного хребта.
Первоначально подходы к крепости
охранялись множеством редутов и
заграждений, но при подготовке к штурму
Железной Цитадели Легион Мортис
истратил невероятное количество
снарядов, чтобы сровнять их с землей и
превратить в груды дымящихся обломков.

После месяца непрерывного обстрела
стены крепости все же не выдержали, и в
их сияющей ленте образовалась брешь
длиной около полукилометра. До падения

крепости оставалось совсем немного, но Братство было полно решимости сражаться до конца, и Локен понимал, что большинству воинов, которые ринутся в пролом, грозит гибель.

Он с волнением ожидал приказа к атаке, хотя и знал, что это сражение для любого из них может оказаться последним. Едва ли не каждый второй из встретившихся в брешь находил там свою смерть.

— Как ты думаешь, Гарви, уже скоро? — спросил Винус, в сотый раз проверяя готовность ценного меча.

— Думаю, что скоро, — ответил Локен. — Только я считаю, что первыми в пролом пойдут Пожиратели Миров.

— Не хочу оспаривать у них эту честь, — проворчал Торгаддон, чем немало удивил Локена.

Обычно Торгаддон первым вызывался занять место в любой штурмгруппе, а в последнее время Локен замечал, что его товарищ непривычно мрачен и сердит. Он ни разу не обмолвился о причине дурного настроения, но Локену и так было понятно.

что это имеет отношение к Аксиманду и Абэггону.

В течение всей этой войны братья по Морнивалю почти не разговаривали друг с другом, за исключением тех случаев, когда того требовала военная ситуация. И ни разу после ухода с Давина четверка морнивальцев не встречалась с Боутелем, как бывало раньше. Но всем имеющимся признакам Морниваль прекратил свое существование.

Боутель сам выбирал себе советников, и Локену пришлось согласиться с мнением Цактона Круза по поводу того, что Легион уже не тот, что прежде. Но слова капитана Вполуха не имели веса среди Сынов Хоруса, и к советованиям пожилого ветерана никто не прислушивался.

Растущие подозрения Локена подкрепили и слова аптекаря Ваггона, произнесенные сразу после отъезда Демей Императора. Локен ринулся к нему тотчас после отбытия корабля и обнаружил аптекаря в операционном зале, склонившимся над раненым воином

Легиона.

Зная, что апотекария лучше не беспокоить во время операции, Локен терпеливо ждал и заговорил только после того, как Вагдон закончил свою работу.

-- Где меч? -- потребовал он ответа. -- Где анафем?

Вагдон тщательно отмывал окровавленные руки.

-- Капитан Локен, -- произнес он, -- анафема больше нет у меня. Я думал, вы об этом знаете.

-- Нет, -- покачал головой Локен. -- Я не знаю. Что с ним произошло? Я же просил, чтобы вы никому не говорили о том, что меч находится у вас.

-- А я никому и не говорил, -- сердито ответил Вагдон. -- Он и так знал, что меч у меня.

-- Он? -- переспросил Локен. -- О ком вы говорите?

-- Об апотекарии Демей Императора, Фабии, -- сказал Вагдон. -- Он явился на медицинскую палубу несколько часов назад и сказал, что ему поручено забрать оружие.

Локен внезапно ощутил озноб.

-- Кем поручено?

-- Воином, -- ответил Вагдон.

-- И вы отдали ему анафем? --

Возмущился Локен. -- Вот так просто?

-- А что мне оставалось делать? --

огрызнулся Вагдон. -- У этого Фабия была печать Воителя. Я должен был отдать меч.

Локен постарался успокоиться и сделал глубокий вдох. У аптекаря действительно не было другого выхода -- выдать печать Воителя, он не мог не отдать меч. Месяцы исследований, предпринятых Вагдоном, до сих пор не дали никаких результатов, а теперь, когда меч был увезен с «Духа мщения», не осталось никакой надежды раскрыть его секреты.

Резкий голос в воксе оторвал Локена от размышлений о вторичной краже анафема, и он прослушал информацию о распределении сил для штурма крепости. Как и следовало ожидать, первыми в атаку шли Пожиратели Миров в полном составе и во главе с примархом Ангроном.

а еще и в поддержку назначались две роты Сынов Хоруса — Десятая и Вторая, то есть роты Локена и Торгаддона.

Торгаддон и Локен тревожно переглянулись. Высокая честь быть в числе первых при штурме крепости как-то не соответствовала их нынешнему положению в Легионе, но приказ отдан, и изменить его уже невозможно. Охранять занятые войсками Астартес участки должны были подразделения армии, и эти отряды вел в бой сам Гектор Варварус.

Перед боем Локен и Торгаддон обменялись рукопожатием.

— Увидимся внутри, Тарик, — сказал Локен.

— Постарайся, чтобы тебя не убили, Гарви, — ответил Торгаддон.

— Спасибо, что напомнил, — устехнулся Локен. — Я как раз об этом думал.

— Не шути, Гарви, — сказал Торгаддон. — Я говорю вполне серьезно. Кажется, нам потребуются взаимная поддержка, пока не закончится эта кампания.

-- О чем это ты?

-- Не обращай внимания. Поговорим в другой раз, когда крепость будет нашей, хорошо?

-- Отлично. И разольем победную бутылку вина на развалинах Цитадели Братства.

-- Ладно, если ты заплатишь, -- кивнул Торгадгон.

Они снова пожали друг другу руки, и Торгадгон ушел готовить свою роту к кровавой атаке. Локен, глядя ему вслед, размышлял, увидит ли он еще своего друга живым, чтобы разделить выпивку. Но он быстро загавил пораженческие мысли и направился к своим воинам, чтобы распределить людей и сказать им слова ободрения.

Он обернулся, услышав оглушительные крики; из-за гор появилась колонна воинов в сине-белых доспехах Пожирателей Миров, направляющаяся к крепости. Первыми маршировали самые рослые и массивные бойцы с тяжелыми прыжковыми ранцами, вооруженные мощными цепными топорами. Их

сконцентрированная и целеустремленная жестокость делала Пожирателей Миров самыми опасными противниками в ближнем бою.

Вел Легион примарх Ангрон.

Ангрон Кровавый, Ангрон Красный Ангел...

Локену были известны и эти прозвища, и некоторые другие, но ни одно из них не могло в полной мере передать безудержной кровожадности примарха Пожирателей Миров. Ангрон в древних гладиаторских доспехах казался воином из легенд. С высокого ворота и наплечников примарха ниспадала сияющая пелерина из кольчужной сетки, украшенная черепами, словно боевыми трофеями.

Он со зубов был вооружен разнообразным колюще-режущим оружием, а на каждом бедре висели богато украшенные пистолеты старинного образца. В руках Ангрон нес цепной палаш такого невообразимого размера, что Локен едва поверил своим глазам.

-- Живая Терра! -- выдохнул Вунус.

завидев приближающегося Ангрона. -- Если бы не видел собственными глазами, никогда бы не поверил.

-- Я тебя понимаю, -- отозвался Локен.

Первобытная свирепость, сквозившая в наружности Ангрона, напомнила ему кровавые истории из «Хроник Урша».

Лицо Ангрона, налитое кровью и отмеченное шрамами, было лицом настоящего убийцы. На черепе Ангрона, там, где в кору головного мозга были вживлены имплантаты, усиливающие врожденную агрессивность, блестящие заклепки из темного металла. Искусственные элементы были вживлены в его мозг еще несколько столетий назад, когда он был рабом, и хотя технология Земли позволяла их удалить, он не дал разрешения на это.

Кровавый примарх, глядя поверх голов воинов Десятой роты, промаршировал мимо, вводя своих солдат навстречу желанному кровопролитию. Провожая его взглядом, Локен невольно согрознулся. В этих глазах, прикрытых тяжелыми веками, можно было увидеть только

смерть, и лучше не знать, какие мысли рождаются в этом ожесточенном мозгу.

Как только Пожиратели Миров промаршировали мимо Локена, начался обстрел. Орудия Легио Мортис один за другим посылали в пролом залпы ракет и снарядов.

Локен увидел, как Ангрон короткими взмахами своего палаша распределил атакующие отряды, и на мгновение ощутил жалость к воинам Братства, укрывшимся в Цитадели. Хотя они и считались его заклятыми врагами, он не желал им участи сражаться с этим воплощением самой смерти.

Над строем Пожирателей Миров пронесся дикий крик — это Ангрон поддал знак к началу ритуала кровавой клятвы. Воины сняли латные перчатки с левой руки и лезвиями топоров рассекли себе ладони, а затем размазали кровь по лицевой стороне шлемов.

При этом они хором пели протяжные гимны смерти и кровопролитию.

— Мне почти жаль несчастных чужаков в крепости, — сказал Вунус, вторя

недавним тыссям Локена. --
Приготовиться! -- скотандовал он. -- Как
только Пожиратели Миров поднимутся до
бреши в стене, мы выступаем.

Локен протянул руку Неро Вунусу.
-- Убивай ради живых, Неро, -- произнес
он.

-- И в отпущение за мертвых, --
ответил Вунус.

С началом шторма весь пролом
затянуло густой пеленой дыма -- это
Пожиратели Миров устремились на
подступы к пролomu при помощи своих
реактивных прыжковых ранцев. Вдоль
самой стены и на всем протяжении
пролома еще взрывались снаряды,
выпущенные из орудий титанов, и Локену
казалось, что под таким шквалом не
целееет ни один воин.

Но вот Пожиратели Миров одолели
вал из обломков стены, и Локен со своими
воинами стал взбираться по грудам
мусора, образовавшимся при обстреле. Они
карабкались вверх и вперед, стреляя на
ходу, и рев болтеров сливался с грохотом

артиллерии, которая продолжала бить до тех пор, пока штурмовая группа не вошла в пролом.

Склон перед ними оказался крутым, но преодолимым, и Астартес постепенно продвигались вперед. Огонь противника изредка доставал до них, но на излете и на таком расстоянии не представлял пока никакой опасности.

В полукилометре слева Локен видел, как Торгадгон ведет вверх по склону Вторую роту, двигаясь следом за Пожирателями Миров. Два отделения Сынов Хоруса защищали уязвимые фланги передовой группы и были готовы применить тяжелое вооружение.

Позади Астартес стройными рядами шли солдаты Гектора Варваруса — Византийские Янычары в глиняных шинелях кремового цвета с золотыми аксельбантами. Штурм крепости в парадной форме мог показаться смешным, но Варварус заявил, что он и его люди войдут в Цитадель во всем блеске имперской армии.

Глухой низкий гул, казалось, шедший

из-под земли, отвлек Локена от разглядывания стройных колонн солдат. Гул нарастал, мелкие обломки стены стали подпрыгивать, и Локен понял, что нависает что-то ужасное. Ангрон и Пожиратели Миров уже вошли в пролом, затаенный пеленой дыма, и Локен услышал торжествующий крик могучего примарха, едва не заглушивший грохот канонады.

Но подземный гул становился все громче и сильнее, и вскоре Локену, чтобы удержаться на ногах, пришлось ухватиться за кусок ржавой арматуры. Почва под ногами дрожала как при землетрясении. По поверхности пробежали длинные трещины, и из них вырвались языки пламени.

-- Что происходит?! -- крикнул Локен, стараясь перекрыть грохот.

Ему никто не ответил, и от сильного толчка Локен упал, а в это мгновение весь пролом внезапно закрыла стена огня, взметнувшегося вверх на сотни метров.

Как и многие другие осажденные, воины Братства уничтожали все, что не

могли удержать. От оглушительного грохота и непереносимо яркой вспышки сенсоры шлема на несколько мгновений отключились, зарегистрировав перегрузку для органов чувств. Затем сверху обрушилась лавина поднятых взрывом обломков, и Локен с ужасом услышал крики боли и треск ломающихся доспехов. Несколько его воинов погибли, погребенные под обломками скал.

Воздух наполнился мелкой пылью и дымом, а когда Локен счел возможным пошевелиться, он увидел, что вся стена над проломом разрушена.

Ангрон и его Пожиратели Миров исчезли под горой камней и железа.

Торгаддон увидел ту же картину, когда поднялся с земли. Он собрал своих воинов и повел их в пролом. Грязные, в помятых доспехах, воины выбрались из-под обломков и устремились за своим капитаном, а он рвался вперед и вверх, туда, где их поджидала смерть. Торгаддон знал, что выбранный им путь самоубийствен, но он видел Ангрона.

погребенного под тоннами камня, и
отступить было не в его правилах.

Он активировал лезвие цепного меча
и рванул вверх по склону, а с губ срывался
яростный боевой клич Сынов Хоруса.

-- Лүперкаль! Лүперкаль! -- кричал на
бегу Торгаддон.

Локен видел, как его брат, словно
настоящий герой, поднялся после
сокрушительного взрыва и предпринял
новую атаку собственными силами. В
проломе, возможно, была заложена и
вторая сейстическая мина, но мысль о
сраженном примархе развеяла все
тактические расчеты, оставив лишь одно
стремление -- атаковать врага.

-- Воины Десятой! -- закричал Локен. --
За мной! Лүперкаль!

Выжившие после взрыва воины
устретились за Локеном с именем
Воителя на устах, и их яростные крики
эхом разнеслись по горам. Локен
перепрыгивал с одного валуна на другой и с
немыслимой скоростью взбирался все выше,
подгоняемый ослепительно горячей волной

гнева. Он был готов обрушить всю тяжесть мщения на головы Братства за поражение Пожирателей Миров, и ничто не могло его остановить.

Локен понимал, что должен добраться до пролома раньше, чем защитники крепости поймут, что их прием уничтожил не всех атакующих, и двигался вперед со всей скоростью, на которую были способны его мускулы.

На них обрушился шквал огня: лазерные лучи и тяжелые снаряды сыпались дождем. Один из зарядов угодил в плечо и развернул Локена на месте, но он не стал обращать внимания на удар и продолжал двигаться вперед.

Ревущая волна воинов Астартес хлынула в пролом, и лучи уже высоко поднявшегося солнца блеснули на их зеленых доспехах. Такое множество рвущихся в бой воинов представляло собой величественное зрелище: неукротимая лавина смерти, готовая огнем болтеров и цепными мечами снести любое препятствие.

Никакие законы тактики уже не

действовали; поражение Ангрона лишило Астартес всякой сдержанности. Перед Локеном блеснули серебряные доспехи -- воины Братства взбирались к пробое с другой стороны и тащили за собой тяжелые орудия на двухколесных лафетах.

-- Болтеры к бою! -- закричал Локен. -- Огонь!

От гужного залпа горловину пролома снова заволокло дымом. В воздухе полетели искры и части тел, разорванных прямыми попаданиями. Несмотря на то, что большинство Астартес стреляли с бедра, почти все выстрелы были убийственно точными.

Сотни болтов рвали противников в клочья, и, едва Астартес перевалили на противоположную сторону стены, в ушах Локена зазвенел пронзительный волчий вой -- в пылу сражения его воины снова превратились в Лунных Волков. Опустошив обойму, Локен отбросил свой болтер и выхватил цепной меч. Он нажал кнопку активации, сделал еще несколько шагов и оказался на дымящихся обломках скалы, под которой был погребен Ангрон.

вместе с Пожирателями Миров.

За стенами Железной Цитадели открылась широкая эспланада, изрытая окопами и затянутая кольцами колючей проволоки. Из горной стены выступала изрытая снарядами башня, но ее ворота уже были разбиты вдребезги, а из бойниц вырывались клубы черного дыма. Воины Братства спешно отступали от стен к заготовленным позициям, но они допустили губительную ошибку — слишком задержались.

Сыны Хоруса уже были в их рядах и размахивали ударами ценных мечей, рассекали тела нагвое. Отряд воинов Братства развернулся, чтобы дать отпор завоевателям, и Локен вынужден был остановиться. Тремя ударами ценного меча он уничтожил троих противников, а ударом локтя разнес череп четвертому.

На открытом пространстве началось настоящее столпотворение; разъяренные Астартес гоняли защитников крепости и в припадке нелогичного бешенства уничтожали всех подраг. Локен убивал и убивал, наслаждаясь зрелищем пролитой

крови и понимая, что после этой победы война будет закончена.

Вместе с этой мыслью через кровавый туман ярости пробилось и осознание творящегося безумия. Астартес уже одержали победу, и теперь сражение превратилось в резню.

— Гарвель! — раздался взволнованный голос на канале вокс-связи. — Гарвель, ты меня слышишь?

— Ясно и отчетливо, Тарик, — ответил Локен.

— Мы должны остановиться! — закричал Торгаддон. — Мы победили, все кончено. Придержи свою роту.

— Понял, — отозвался Локен, радуясь, что Торгаддон почувствовал то же самое, что и он сам.

Вскоре ожил общий канал вокс-связи, и прозвучал приказ прекратить наступление, быстро переданный по цепочке каждому воину.

К тому моменту, когда грохот битвы стал понемногу стихать, Локен уже понимал, что Астартес едва удержались, чтобы не скатиться в бездну.

варварства, из которой могли никогда не выбраться. День наполнился кровью, мертвыми телами и запахом гари. Взглянув в удивительно чистое небо, Локен заметил, что солнце уже почти в зените.

Решительный штурм Железной Цитадели длился всего около часа, но за победу было заплачено жизнью притарха, сотен Пожирателей Миров, тысяч воинов Братства и одному Императору известно скольких Сынов Хоруса.

Кровавое побоище теперь казалось ужасным расточительством ради сомнительного выигрыша: разрушенных городов, ожесточенного и страдающего населения, мира, который взбунтуется при первом же удобном случае.

Неужели приведение к Согласию этого мира стоило рек пролитой крови?

Большинство воинов Братства погибли в течение последних ожесточенных минут сражения, но немало оказалось и в плену у Сынов Хоруса.

Локен снял шлем и вдохнул полной грудью. Он прошел по полю недавнего боя и

увидел, что останки разорванных взрывать тел плотным ковром устилали всю поверхность эспланады.

Торгаддон, тоже без шлема, стоял на коленях и тяжело дышал. Подняв голову навстречу подошедшему Локену, он устало улыбнулся:

-- Ну что, мы сделали это...

-- Да, -- согласился Локен, печально глядя на кровавые свидетельства победы. -- Мы сумели.

Локену приходилось убивать тысячи раз, и еще тысячи врагов будут убиты в грядущих войнах, но почему-то жестокость этого боя отравляла радость триумфа.

Оба капитана обернулись, услышав позади топот множества ног. Батальон Византийских Янычар наконец-то начал подъем по склону в крепость. Локен заметил ужас на лицах солдат и понял, что в глазах каждого, кто войдет на эспланаду, слава Астартес неминуче потеркнет.

-- А вот и Варварус, -- заметил Локен.

-- Очень вовремя, правда? -- устехнулся

Торгаддон. -- Вряд ли это улучшит его отношение к нам.

Локен кивнул и стал молча наблюдать, как отряды Византийских Янычар входят в крепость. Голубые знамена хлопали на ветру, а сверкающие позументами офицеры ступили на эспланаду.

Гектор Варварус остановился на валу обломков и с высоты осматривал поле недавней резни; его лицо выражало неприкрытый ужас и отвращение, и это было заметно даже издалека. Локен ощутил, как в его груди родилось чувство горькой обиды. «Но ведь ради этого мы и созданы, -- подумал он. -- Разве можно было ожидать чего-то другого?»

-- Похоже, их предводители готовы сдаться Варварусу, -- заметил Торгаддон, указывая на глинную колонну измученных мужчин и женщин, выходящих из дымящихся руин башни.

Знаменосцы несли склоненные красные и серебристые знамена, замыкали колонну около сотни воинов в помятых доспехах. Они несли оружие, но не снимали его с

плеч, и гула были опущены к земле. Во главе колонны шли жрецы в накидках с откиннутыми капюшонами и офицеры в шлемах. В ожидании церемонии капитуляции их головы были смиренно опущены. Цитадель пала, и лидеры Братства лишились последней надежды.

— Пошли, — сказал Локен. — Это исторический момент. Поскольку здесь нет летописцев, нам предстоит самим запечатлеть его.

— Ладно, — согласился Торгаддон и поднялся на ноги.

Два капитана пошли параллельно колонне побежденных воинов, и вскоре все сыны Хоруса, уцелевшие в сражении, присоединились к ним.

Локен увидел, как Гектор Варварус спустился с гряды обломков в проломе и направился навстречу остаткам аурейской технократии. Остановившись в нескольких шагах от них, он отвесил официальный поклон.

— Мое имя Гектор Варварус, лорд-командир армии Шестьдесят третьей экспедиции. С кем имею честь говорить?

Из колонны выступил самый старший воин в золотых доспехах. Его черный с серебром герб красовался на личном знамени, которое нес совсем молодой, не старше шестнадцати лет, знаменосец.

— Я Эфраим Гүаргия, — сказал он, — старший настоятель ордена Братства и кастелян Железной Цитадели.

Локен видел напряженное лицо Гүаргии и понимал, как трудно тому оставаться спокойным при виде результатов жесточайшей резни.

— Скажите, — продолжил Гүаргия, — в вашем Империи все войны ведутся таким образом?

— Война сама по себе жестока, — ответил старший настоятель, — ответил Варварус. — В боях всегда льется кровь и гибнут люди. Я сочувствую вашим потерям, но чрезмерная скорбь по павшим лишена смысла. Это было бы оскорблением живым, и мертвые это знают.

— Слова тирана и убийцы, — бросил Гүаргия, и Варварус при таком вопиющем несоблюдении этикета побежденным противником вспыхнул от гнева.

-- Со временем вы поймете, что Империя означает не только войну, -- пообещал Варварус. -- Великий Крестовый Поход Императора несет затерянным ветвям человечества просвещение и знания. Заверяю вас, что эта... неприятность скоро забудется, и мы вместе шагнем в новую эру мира.

Гуардия покачал головой и сунул руку в карман.

-- Мне кажется, что вы неправы, но вы нас победили, и мое мнение больше ничего не значит.

Он развернул вынутый из кармана лист пергамента.

-- Варварус, я намерен зачитать нашу капитуляцию. Все мои офицеры подписали этот документ, и он послужит гарантией от попыток оказать вам дальнейшее сопротивление.

Гуардия откашлялся, чтобы прочистить горло, и начал читать:

-- «Мы сражались против вашего вероломного Воителя ради того, чтобы сохранить наш образ жизни и избежать ига имперского правления. Поистине это

была война не ради богатств, славы или почестей, а борьба за свободу, от которой не в силах отказаться ни один честный человек. Но никто из наших величайших воинов не в силах противостоять жестокости вашей войны, и для того чтобы предотвратить уничтожение нашей цивилизации, мы предоставляем вам эту крепость и наши миры. Да будет ваше правление более милосердным, чем ваша война».

Барбарус не успел отреагировать на декларацию старшего настоятеля, как вдруг почва под его ногами содрогнулась и загудела, гряда камней и железа покрылась трещинами, словно кто-то огромный и могучий стремился выбраться на поверхность.

В первый момент Локен решил, что это второй сейстический заряд, но возникшие колебания ограничивались лишь небольшим участком. С остатков стен полетели камни, и Янычары мгновенно рассредоточились, а люди в испуге закричали. Локен, видя, что воины Братства схватились за оружие, тоже

взялся за рукоять меча.

А потом раздался скрежет
рассыпающихся камней, и гора обломков в
проломе взорвалась. Из глубины с
кровожадным и яростным криком
появилось нечто огромное и багровое.
Ошеломленные солдаты бросились
врассыпную от красного гиганта.

Ангрон, окровавленный и разъяренный,
возвышался над всеми, и Локен успел лишь
удивиться тому, что он остался жив под
тысячами тонн камня и железа. Но Ангрон
был примархом, и что — кроме анафета —
могло его уничтожить?

— Кровь во имя Хоруса! — закричал
Ангрон и прыгнул.

Примарх приземлился с
оглушительным грохотом, от которого
треснули камни под его ногами, цепной
палаш описал широкий полукруг, и первый
ряд делегации Братства обратился в
кровавый фарш. Эфраим Гвардия погиб в
первую же секунду атаки Ангрона,
рассеченный пополам ужасным ударом.

Примарх издал утробный рык и
бросился на остальных воинов Братства.

размахивая своим огромным палашиом. Ярость его атаки была ошеломительна, но воины Братства не собирались погибать без борьбы.

— Нет! Остановитесь! — закричал Локен, но было уже поздно.

Оставшиеся в живых защитники крепости сдернули оружие с плеч и открыли огонь по Сынам Хоруса и обезумевшему от гнева притарху.

— Огонь! — скотанговал Локен, поскольку выбора у него не было.

Огненный шквал обрушился на ряды Братства. Выстрелы разрывными болтами, произведенные почти в упор, превращали тела в облака кровавого тумана. Но последний бой оказался ужасающе коротким — все воины Братства были перебиты за несколько секунд.

Все было кончено, Братство прекратило свое существование.

Вдруг раздалась отчаянные крики, призывающие медиков. Обернувшись, Локен увидел нескольких солдат из Византийских Янычар, стоящих на

коленях рядом с лежащим офицером, чья
кремовая шинель уже пропиталась кровью.
Золото медалей блеснуло в лучах
полуденного солнца, и Локен узнал павшего
воина.

В растекающейся луже крови лежал
Тектор Варварус, и даже с такого
расстояния Локен мог видеть, что его не
спасли. Тело лорда-командира словно
взорвалось изнутри, и из грудной клетки,
где разорвался болтерный снаряд, торчали
расщепленные осколки ребер.

Локену было до слез обидно, что
хрупкий мир был так быстро разрушен. В
госаге на то, что ему пришлось сделать,
он бросил на землю свой ценный меч. Из-за
безумной атаки Ангрона его воины
оказались в опасности, и ему не оставалось
ничего другого, как отдать приказ
открыть огонь.

И все же он сожалел об этом.

Воины Братства были достойными
противниками, а Астартес вырезали их,
словно скот. Ангрон стоял в центре
побоища, и ревущее лезвие его палаша
осыпало каплями крови ближайших воинов.

Сыны Хоруса шутно приветствовали
возвращение притарха Пожирателей
Миров, но у Локена от этого зрелища н
горлу подступила тошнота.

-- Эти воины не заслужили такой
участи, -- сказал подошедший Торгаддон. --
Их смерть -- позор для всех нас.

Локен ничего не ответил. Не мог
ответить.

ОСВЕЩЕНИЕ ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИЙ

С падением Железной Цитадели война на Ауре была завершена. Братство как военная организация было уничтожено, и хотя еще оставались очаги сопротивления, которые требовали применения силы, в общем и целом мир был покорен. Обе стороны понесли жестокие потери, но самая тяжелая утрата постигла армию. Гектора Варваруса с должными почестями доставили на корабль, и его тело было возвращено костосу в присутствии всех высших офицеров экспедиции.

Сам Воитель произнес прощальную речь, и каждый мог видеть, насколько глубоко он переживает гибель лорда-командира.

— Героизм заключен не только в самом человеке, но и в обстоятельствах, — говорил Воитель. — Теперь, оглядываясь

назад и вспоминая его успехи, мы могли бы сказать, что ему сопутствовала удача. Но это не так. В тот день мы потеряли тысячи лучших воинов, и я скорблю по каждому из них. Гектор Варварус был лидером, который мог маршировать в ногу с богатыми, он был из тех, кто прислушивается к их поступку в каждом происходящем событии, а затем хватается за край их одежд. Варварус покинул нас, но он не хотел бы, чтобы мы останавливались в скорби, поскольку история не терпит промедления. В истории нет настоящего, только прошлое, рвущееся в будущее. Если попытаться замедлить ее ход, можно оказаться выброшенным на обочину, а этого, друзья мои, никогда не случится с нами. На крайней мере, пока я остаюсь Воителем. Те люди, которые сражались и проливали кровь рядом с Варварусом, останутся охранять этот мир, и его жертва никогда не будет забыта.

Еще несколько офицеров сказали слова прощания лорду-командиру, но ни один из них не мог сравниться с Воителем

в ораторском искусстве. Верный своему слову, Воитель назначил самых преданных Барбарусу солдат наблюдать за миратими, раги Согласия которых погибли их командиры.

Вскоре был назначен новый командующий имперской армией, и флотилия Шестьдесят третьей экспедиции начала нелегкий процесс перегруппировки и подготовки к следующей стадии Великого Крестового Похода.

Комната Каркази пропахла чернилами и типографской краской, примитивный громоздкий принтер работал без перерыва, печатая копии последнего варианта поэмы «Правда -- это все, что у нас есть». Производительность творческого труда Угнация в последние дни несколько снизилась, но коробка с блокнотами «Бондстан № 7» и так уже почти опустела. Давным-давно, кажется, целую вечность назад, Угнаций Каркази задал, не связан ли срок его творчества с количеством бумаги, оставшейся в запасе. Сейчас, когда им владело непреодолимое

желание писать, такие мысли потеряли всякий смысл.

Он сидел на краешке кровати — единственном свободном клочке пространства, дописывал последние извительные строки стихотворного памфлета и тихонько напевал себе понос. Комнатка была битком набита бумагами; они валялись на полу, висели на стенах, и целые стопки лежали на любой поверхности, достаточно плоской, чтобы их удержать. Небрежно нацарапанные заметки, отвергнутые оды и незаконченные поэмы заполняли помещение, но его муза была настолько плодотворна, что Угнаций не боялся истощить поток идей.

До него дошли слухи, что война на Аурее закончилась, когда пару дней назад Сыны Хоруса взяли штурмом последнюю крепость, и корабельные сплетники уже окрестили этот штурм Бойней в Белых Горах. Каркази еще не знал всей истории, но несколько источников, питавших его последние десять месяцев, наверняка скоро предоставят необходимое количество

пикантной информации.

Каркази услышал, как кто-то постучал в дверь.

-- Входите! -- крикнул он.

Дверь распахнулась, но Каркази продолжал писать, он слишком увлекся собственными стихами, чтобы отвлечься хоть на секунду.

-- Да? -- пробурчал он. -- Чем могу быть полезен?

Ответа не последовало, тогда он поднял голову и увидел перед собой безмолвно стоящего воина в золотых доспехах. При виде его глиняного меча и тяжелого блестящего пистолета на поясе Каркази охватила паника, но он быстро оправился, узнав в госте телохранителя Петронеллы Вивар. Кажется, его зовут Маггард или как-то вроде этого.

-- Ну? -- снова спросил он. -- Что ты хотел?

Маггард снова протолчал, и Каркази вспомнил, что воин немой, и тут же решил, что глупо посылать с поручением человека, не способного говорить.

-- Я не смогу ничем помочь, пока ты

не скажешь, что тебе нужно, — медленно произнес Каркази, чтобы посланец наверняка его понял.

В ответ воин левой рукой вытащил из-за пояса сложенный лист бұтаги и протянул его поэту. Он явно не собирался подходить ближе, так что Каркази угрюженно вздохнул, отложил «Бонгстан» и поднял с кровати свое грузное тело.

Не без труда пробравшись между столбами бұтаг, Угнаций взял протянутый листок. Это оказался окрашенный сепией папирус из тех, что изготавливались в башнях Гиптии, с сетчатым тиснением по всей поверхности. На взгляд Каркази, материал был излишне изукрашенным, но, несомненно, дорогим.

— И кто же мне это прислал? — спросил Каркази, успев забыть, что его гость не может ответить.

Опомнившись, он ступенно улыбнулся, а затем развернул пергамент и сосредоточился на тексте послания.

Каркази нахмурился, узнав строки из собственных стихов, полные трачного

символизма и красочных образов, но все они были заимствованы из полудюжины разных произведений и составлены в определенном порядке.

Каркази дочитал до конца, и от ужаса его мочевого пузыря непроизвольно опорожнился: он, наконец, понял смысл послания и цель прихода немого посланника.

Петронелла расхаживала по комнате, нетерпеливо поджигая своего телохранителя, чтобы расшифровать его последние мысли. Время, проведенное Маггардом среди Астартес, оказалось удивительно плодотворным, и ей удалось узнать многое из того, что от нее скрывали.

Теперь план повествования выстраивался сам собой. Это будет трагический рассказ, изложенный в обратном порядке, и началом послужит описание смертного ложа притарха, но с триумфальной ноткой, предсказывающей его избавление от смерти и грядущую славу. В конце концов, она не собиралась

ограничиваться единственной книгой.

У Петронеллы уже имелось название, которое, как она считала, не только передавало значимость раскрываемой темы, но и придавало определенный вес ей как автору.

Она решила назвать свой шедевр «Поступь богов» и нашла первую строчку — эту самую важную часть повествования, которая либо привлечет внимание читателя, либо оставит его равнодушным, — в своих беспорядочных записях, сделанных на спутнике Давина.

Я была там, когда Воитель пал.

Общая тональность первой строки не оставляла у читателя сомнений в том, что перед ним основательный труд, и все же конец истории оставался тщательно скрываемым секретом.

Все складывалось отлично, но Маггард запаздывал с возвращением из своей последней вылазки в мир Астартес, и терпение Петронеллы почти истощилось. Она уже довела до слез горничную, а потом

отослала ее в крошечный закуток, служивший Бабетте спальней.

Наконец, из своего кабинета она услышала, как дверь каюты открывается, и выбежала в приемную, чтобы сделать Маггарду выговор за нерасторопность.

— В котором часу я велела тебе... — начала она, но слова затерли на губах.

Вошедший не был Маггардом.

Бомтель.

Он был в своей повседневной одежде и выглядел величественнее, чем когда бы то ни было. Агрессивная сущность как никогда раньше бросалась в глаза, и Петронелла, подавленная силой его личности, в первый момент лишилась дара речи.

Позади Бомтеля в дверном проеме громоздилась высокая фигура Первого капитана Абаддона. Когда Петронелла выбежала из кабинета, Хорус кивнул своему спутнику, и Абаддон закрыл дверь за его спиной.

— Леги Вивар, — произнес Бомтель, и Петронелле пришлось напрячь все душевные силы, чтобы снова обрести голос.

— Да... мой господин, — пролепетала

она.

В комнате царил беспорядок, и Воитель наверняка заметит это. Петронелла сделала себе мысленную заметку наказать горничную за пренебрежение своими обязанностями.

— Я... я не ожидала...

Хорус поднял руку, прерывая поток ее извинений, и Петронелла умолкла.

— Я признаю, что долгое время был к вам невнимателен, — сказал Воитель. — Вы были посвящены в мои самые сокровенные мысли, а я позволил войне против технократии завладеть моим вниманием.

— Мой господин, я никогда не мечтала соперничать с военными проблемами.

— Значит, это сюрприз, — усмехнулся Хорус. — Как продвигается ваша работа?

— Прекрасно, мой господин, — ответила Петронелла. — С момента нашей последней встречи я многое успела записать.

— Могу я посмотреть? — спросил Хорус.

— Конечно! — обрадовалась она.

проявленному интересу.

Она с трудом заставила себя пройти, а не побежать в кабинет, чтобы показать стопку исписанной бумаги, сложенную на секретере.

— Здесь не мешало бы навести порядок, но все, что я написала, сложено в этой стопке, — сказала Петронелла, сияя от радости. — Для меня было бы огромной честью услышать ваши замечания. В конце концов, вы ведь более компетентны, не так ли?

— Верно, — согласился Хорус.

Он прошел вслед за ней в кабинет и взял рукопись. Он быстро пробежал взглядом страницы, улавливая смысл быстрее, чем был способен любой из мертвых.

Петронелла взглядывалась в лицо примарха в ожидании любой реакции на свои труды, но оно оставалось непроницаемым. Петронелла начала опасаться, что Воитель разочарован.

Наконец он положил бумаги обратно на секретер.

— Все это очень хорошо. У вас

настоящий талант летописца.

-- Благодарю вас, мой господин, -- выдохнула Петронелла, и от его похвалы кровь прилила к лицу.

-- Да, -- сдержанно добавил Хорус, -- почти жаль, что никто этого не прочитает.

Маггард протянул руку, крепко схватил Каркази за ворот одежды и развернул, зажав локтем горло. Изначенный забился в сильных руках, но все его усилия были напрасны. Хватка тренированного воина была железной.

-- Пожалуйста! -- задыхаясь, молил он пронзительным от страха голосом. -- Пожалуйста, не надо!

Маггард ничего не ответил, но Каркази услышал шуршание кожи, когда воин свободной рукой растянул кобурку. Поэт отчаянно забился, но крепкая рука Маггарда так сдавила шею, что в глазах потемнело и он стал задыхаться.

От ужаса у него потекли слезы, а время как будто замедлилось. Он услышал шорох вынимаемого из кобуры пистолета.

потом вздрогнул от щелчка, когда
Маггард взвел курок.

Каркази прокусил язык, в уголках губ
появилась кровавая пена. Лицо стало
покрыто от слез и соплей. Он забил ногами
по полу, и брызги разлетелись в разные
стороны.

Холодная сталь прикоснулась к шее, в
подбородок уперся ствол пистолета
Маггарда.

Каркази ощутил запах оружейного
масла.

Он хотел...

Резкий звук пистолетного выстрела
оглушительным эхом прокатился по
тесной комнате.

В первый момент Петронелла не
поняла, что имеет в виду Воитель.
Почему люди не смогут прочитать ее
работу? Но затем она заметила в его
глазах холодный безжалостный блеск.

— Милорд, кажется, я вас
неправильно поняла, — с запинкой
произнесла она.

— Вы все поняли правильно.

— Нет, — прошептала Петронелла и понялась. Воитель направился к ней неторопливыми, размеренными шагами.

— Когда мы беседовали в библиотекарне, я позволил вам, леди Вивар, заглянуть в шкатулку Пандоры, о чем теперь искренне сожалею. Только одно существо может знать все, что творится в моей голове, и это существо — я сам. То, что я видел, что я сделал и что намерен сделать...

— Пожалуйста, мой господин, — умолила Петронелла, отступая из кабинета в приемную. — Если вам не понравилось то, что я написала, так все можно переработать, отредактировать. Я во всем буду придерживаться вашего мнения.

Хорус покачал головой. С каждым шагом он подходил к ней все ближе.

Петронелла почувствовала, что ее глаза наполнились слезами. Она все еще не верила в происходящее. Воитель не стал бы ее запугивать. Наверно, это какая-то злая шутка. Мысль о том, что Астартес постел ее разыгрывать, ужалила раненую

гордость Петронеллы, и та часть ее натуры, которая заставила огрызнуться на Воителя при первой их встрече, дала о себе знать.

— Я палатина тажорна из Дома Карпинус и требую к себе должного уважения! — воскликнула она и гордо выпрямилась перед Воителем. — Я не позволю себя запугивать подобным образом.

— Я и не пытаюсь вас запугать, — сказал Воитель, протянул руки и положил ей на плечи.

— Не пытаетесь? — со вздохом облегчения переспросила Петронелла.

Ну, конечно, все нормально, произошла какая-то нелепая ошибка...

— Нет, — сказал Хорус, и его руки подвинулись ближе к ее горлу. — Я просто разъясняю.

Ее шея сломалась от легкого движения его пальцев.

Медицинская катера была тесноватой, но чистой и хорошо оборудованной. Мерсади Олитон сидела подле кровати, и беззвучные слезы тихо

катились по ее угольно-черным щекам. Напротив нее сидел Кирилл Зингерманн и тоже время от времени смахивал слезинки одной рукой, а другой держал за руку больную.

Эуфратия Киулер неподвижно лежала на кровати, и ее бледная кожа матово поблескивала, словно глазурованная керамика. С тех пор как она встретилась с чужовищем в третьем зале Архива, она все время лежала в медицинском отделении, не шевелилась и ни на что не реагировала.

Зингерманн рассказывал Мерсади о том, что произошло, но она никак не могла решить: поверить ему или считать его слова бредом. Рассказ о демоне и Эуфратии, стоящей перед ним, о свете Императора, изливающегося через нее, был слишком фантастическим, чтобы показаться правдой... Или нет? Она не знала, рассказывал ли он об этом кому-нибудь еще.

Апотекарии и медики не могли обнаружить у Эуфратии никаких физических повреждений, кроме

выжженного на лагони силүэта орла. Ожог никак не хотел заживать. Жизненные показатели были стабильны, а приборы регистрировали нормальную деятельность мозга, чего никто не мог объяснить, как не мог и подсказать способ вывести ее из коматозного состояния.

Мерсаги приходила проведать Эүфратию каждый раз, когда выдавалось свободное время, и знала, что Зингерманн ежедневно проводит возле нее по несколько часов. Иногда они сидели вместе, говорили с Эүфратией, рассказывали о происходящих на планетах событиях или просто передавали корабельные сплетни.

Эүфратию ничто не трогало, и временами Мерсаги казалось, что милосерднее было бы позволить ей умереть. Что может быть хуже для такой личности, как Киилер, чем оказаться наглухо запертой в собственном теле, не имея возможности размышлять, общаться и работать?

В этот день они с Зингерманном пришли одновременно, и оба заплаканные. Известие о самоубийстве Каркази

ошеломило обоих, и Мерсаги до сих пор не могла поверить, что поэт решился на такой поступок.

В его комнате была обнаружена предсмертная записка, написанная в стихах. Только непомерное самомнение Угнация могло побудить его выразить последнюю волю своими же стихами.

Они оплакали еще одну потерянную душу, сели по обе стороны от кровати и, держа Киллер за руки, стали вспоминать о лучших временах.

Оба обернулись, когда раздался негромкий стук в дверь.

В проеме показался худощавый человек в форме Легио Мортис и с честнейшим выражением на тонком лице. За его спиной, заметила Мерсаги, весь коридор был заполнен людьми.

– Можно мне войти? – спросил он.

– Кто ты? – спросила Мерсаги.

– Меня зовут Тимус Кассар, я модератор с титана «Диес ире», и я пришел посмотреть на святую.

Они встретились на обзорной палубе;

освещение было отключено, и темнота
костоса рассеивалась лишь отраженным
светом только что покоренных планет.
Локен стоял, прижимая ладонь к
артированному стеклу. Он был уверен, что
на Ауре с Сынами Хоруса произошло
что-то значительное, но не мог сказать,
что именно.

Торгаддон подошел попозже, и Локен,
радуюсь верному другу, по-братски обнял
его.

Некоторое время они стояли молча,
погруженные в свои мысли, глядя, как
проплывают во тьме завоеванные миры.
Подготовка к отлету уже почти
закончилась, и флотилия вот-вот должна
была отправиться дальше, хотя ни один
воин не знал маршрута.

Наконец Торгаддон нарушил
молчание:

-- И что мы будем делать?

-- Не знаю, Тарик, -- ответил Локен.

-- В самом деле, не знаю.

-- Я так и думал, -- сказал Торгаддон.

Он поднял руку и показал приятелю
стеклянную лабораторную пробирку, в

которой что-то поблескивало. -- Значит, и это не поможет.

-- А что это? -- спросил Локен.

-- Это фрагменты болтерного снаряда, извлеченные из тела Гектора Варваруса, -- объяснил Торгаддон.

-- Фрагменты снаряда? И почему ты их взял?

-- Потому что они наши.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Я говорю, что они наши, -- повторил Торгаддон. -- Болт, убивший лорда-командира, вылетел из болтера Астартеса, а не Братства.

Локен тряхнул головой.

-- Нет, это какая-то ошибка.

-- Никакой ошибки нет. Апотекарий Вагдон лично исследовал осколки. Они наши, можно не сомневаться.

-- Ты думаешь, Варварус был убит шальной пулей?

Торгаддон отрицательно качнул головой.

-- Рана была точно в центре груди, Гарвель. Это был прицельный выстрел.

Оба они понимали последствия

сделанного вывода, и при мысли, что
Тектор Варварус был убит кем-то из их
собратьев, Локена охватила глубокая
грусть. Некоторое время они стояли
молча. Затем Локен прервал молчание:

-- «Впадём ли мы в отчаяние перед
лицом такой лжи и упадка, или же честь
и вера заставят нас действовать?»

-- Что это? -- спросил Торгадгон.

-- Фраза из книги, данной мне
Кириллом, -- ответил Локен. -- Мне
кажется, она очень подходит к ситуации,
в которой мы оказались.

-- Да, ты прав, -- согласился
Торгадгон.

-- Тарик, во что мы превратились?! --
воскликнул Локен. -- Я не узнаю прежнего
Легиона. Когда он успел так сильно
измениться?

-- В тот момент, когда прозвучали
выстрелы по посольству технократии.

-- Нет, -- возразил Локен. -- Я думаю,
это произошло на Давине. С тех пор все
изменилось. Именно там что-то случилось
с Сынами Хоруса, что-то
отвратительное, темное и злое.

-- Ты понимаешь, что говоришь?

-- Понимаю, -- ответил Локен. -- И я подтверждаю, что мы должны защищать истины Империи независимо от того, какие злобные силы на них покушаются.

-- Клятва Морнивала, -- кивнул Торгаддон.

-- Тарик, зло проникло в наш Легион, и нам предстоит его искоренить. Ты согласен? -- спросил Локен.

-- Всегда, -- ответил Торгаддон, и грузы обменялись рукопожатием, по древнему обычаю Терры.

Личные покои Воителя были погружены во мрак, единственным источником света было слабое мерцание приборов. Комната не была пуста -- вокруг длинного стола собрались все преданные Воителю офицеры и командиры. Хорус, как обычно, сидел во главе стола, а за его спиной стояли Аксиманг и Абаддон, словно стражи его величия. На этом собрании присутствовали также Малогарст, Регул, Эреб, принцес Түрнет из Легиона Мортис и прочие тщательно отобранные

командиры армейских подразделений.

Убедившись, что собрались все, кого он хотел видеть, Хорус наклонился над столом и начал свою речь:

— Друзья, очень скоро нам предстоит перейти к очередному этапу нашей кампании в межзвездном пространстве, и я понимаю, как вам хотелось бы узнать, куда мы двинемся дальше. Скоро вы это узнаете, но сначала я хочу, чтобы каждый из вас осознал грандиозность стоящей перед нами задачи. — Хорус убедился, что внимание всех собравшихся приковано к нему, и продолжил: — Я намерен сбросить Императора с трона Терры и занять его место в качестве Повелителя Человечества.

Чувовищное заявление произвело впечатление на собравшихся воинов, и Хорус предоставил им несколько минут, чтобы каждый мог ощутить тяжесть прозвучавших слов. Он с удовольствием наблюдал за признаками тревоги, появившимися на каждом лице.

— Не пугайтесь, здесь вы среди друзей, — устехнулся Хорус. — За время

войны с технократией я успел
переговорить с каждым из вас в
отдельности, а сегодня мы впервые
собрались вместе, чтобы обсудить наше
будущее. Вы будете моим Военным
Советом, и вам первым предстоит узнать
мои дальнейшие планы. -- Хорус поднялся со
своего места и, продолжая говорить, пошел
вокруг стола. -- Воспользуйтесь моментом
и посмотрите в лица сидящих рядом с
вами. В грядущих битвах они станут
вашими братьями, поскольку все
остальные отвернутся, едва наши
намерения станут известны. Брат пойдет
против брата, и главным призом
окажется судьба всей Галактики. Нам
придется вынести обвинения в ереси и
предательстве, но все обвинения падут,
поскольку правда на нашей стороне. Мы
правы, а Император заблуждается. Он
жестоко заблуждается, если полагает,
что я буду спокойно стоять в стороне, в то
время как он предаст человечество в
стремлении к божественности и
оставляет нас на развалинах ради своих
необузданных амбиций! Императору

подвластны миллионы верных солдат армии и сотни тысяч воинов Астартес. Его боевые флотилии бороздят Галактику от одного края до другого. Шестидесятитретья экспедиция не может надеяться одолеть такую силу. Вы все это знаете, но даже в таком раскладе у нас есть преимущество.

— И какое же это преимущество? — прервал его вопросом Малогарст.

— Преимущество внезапности. Никто пока еще не подозревает, что мы узнали истинные намерения Императора, и в этом состоит наше главное оружие.

— А как насчет Магнуса? — нетерпеливо спросил Малогарст. — Что произойдет, когда Леман Русс доставит его на Терру?

— Успокойся, Мал, — улыбнулся Хорус. — Я уже связался со своим братом Руссом и прояснил его насчет вероломного применения Магнусом демонических заклинаний и заговоров. Он... здорово разозлился, и мне кажется, что я убедил его не тратить попусту силы и время на возвращение Магнуса на Терру.

Малогарст вернул Хорусу улыбку.

— И Магнус вряд ли покинет Просперо живым.

— Верно, — согласился Хорус.

— А как насчет остальных Легионов?

— спросил Регул. — Они не останутся в стороне, когда мы объявим войну Императору. Как вы намерены их нейтрализовать?

— Хороший вопрос, механик, — сказал Хорус, останавливаясь рядом с ним.

— Но у нас уже имеются союзники. Фулгрим с нами, и теперь он направляется в Легион Железных Руки к Феррусу Маннусу, чтобы привлечь его на нашу сторону. Лоргар тоже понимает необходимость предстоящих перемен, и эти Легионы всей своей мощью готовы встать под мою знамена.

— Но остается еще множество других, — заметил Эреб.

— Ты прав, капеллан, но и остальные могут перейти к нам с твоей помощью. Под прикрытием Эдикта Капелланов мы разошлем эмиссаров во все Легионы, чтобы организовать в них воинские логи. Начав с

малого, мы сможем привлечь на свою сторону очень многих.

-- На это потребуется время, -- сказал Эреб.

-- Да, -- кивнул Хорус, -- но это время не будет потрачено напрасно. А пока я разослал приказы о мобилизации тем Легионам, которые не надеюсь привлечь на свою сторону. Ультратарины отправятся к Калту, где их атакует Кор Фазрон со своими Несущими Слово, а Кровавые Ангелы посланы к звездному скоплению Сигнус, и Сангвиний увязнет в крови. А мы тем временем нанесем стремительный удар по Терре.

-- И все же останутся еще Легионы, -- заметил Регул.

-- Я знаю, -- ответил Хорус. -- Но у меня имеется план, при помощи которого я раз и навсегда устраню эту угрозу. Я заманю их в ловушку, из которой никому не удастся выбраться. Я ввергну Имперium в панику, а из паники поднимется новый Повелитель Человечества.

-- А где будет поставлена ловушка? -- поинтересовался Малогарст.

-- Совсем недалеко отсюда, -- ответил
Хорус. -- В системе Устваан.